

НА СЛУЖБЕ

Роберт Гэлбрейт
заявил о себе как новый,
свежий голос
в жанре детектива.

Wall Street Journal

ЗЛА

РОБЕРТ ГЭЛБРЕЙТ

ОТ АВТОРА МЕЖДУНАРОДНЫХ БЕСТСЕЛЛЕРОВ
«ЗОВ КУКУШКИ» и «ШЕЛКОПРЯД»

Annotation

Робин Эллакотт получает с курьером таинственный пакет – в котором обнаруживается отрезанная женская нога. Ее начальник, частный детектив Корморан Страйк, не так удивлен, но встревожен не меньше. В его прошлом есть четыре возможных кандидатуры на личность отправителя – и каждый из четверых способен на немыслимую жестокость. Полиция сосредоточивает усилия на поиске одного из этих четверых, но Страйк чем дальше, тем больше уверен, что именно этот подозреваемый ни при чем. Вдвоем с Робин они вынуждены взять дело в свои руки и погрузиться в пучины исковерканной психики остальных троих подозреваемых. Но таинственный убийца наносит новые удары, и Страйк с Робин понимают, что их время на исходе... «На службе зла» – дьявольски увлекательный роман-загадка со множеством неожиданных сюжетных поворотов, а также – история мужчины и женщины, пребывающих на перепутье как в профессиональном плане, так и в том, что касается личных отношений.

- [Роберт Гэлбрейт](#)

-
-
-
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)

- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)

- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)

- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

Роберт Гэлбрейт

На службе зла

First published in Great Britain in 2015 by Sphere

CAREER OF EVIL

Copyright © 2015 J. K. Rowling

© Е. Петрова, перевод, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016

Издательство ИНОСТРАНКА®

* * *

Гэлбрейт пишет с необычными для детективного жанра юмором и теплотой; он столь умело проводит нас через все хитросплетения сюжета, что мы теряем счет времени.

The Seattle Times

Корморан Страйк одним своим появлением полностью захватывает воображение читателей... Талант Гэлбрейта проявляется в том, как он описывает жизнь Лондона и как создает нового героя.

Daily Mail

За спиной у Страйка – героическое прошлое. Он и сейчас то и дело проявляет героизм, хотя совершенно к этому не стремится. Внебрачный сын стареющего рок-идола, он никогда не пользовался теми благами, какие достаются его сводным братьям и сестрам... Он много размышляет, но это получается у него совершенно органично. У Страйка огромный потенциал. Было бы преступлением не обратить на него внимания.

Daily News

Страйк и его ассистентка Робин (играющая ту же роль, которую Саландер играла для Блумквиста в книгах Стига Ларссона) становятся настоящей командой, чьих дальнейших приключений читатель будет каждый раз ждать с нетерпением.

New York Times

Невероятно увлекательный сюжет, основанный на трогательных взаимоотношениях. Книга проглатывается залпом.

The Telegraph

Чрезвычайно сильная история... «Зов Кукушки» оказался визитной карточкой для целой серии романов и напомнил мне, почему я в свое время без памяти влюбилась в детективный жанр.

Вэл Макдермид

(Guardian)

Откладывать эту книгу было сущей мукой – так мне хотелось знать, что будет дальше. Гэлбрейт – мастер психологического портрета, герои романа вставали передо мной как живые. «Зов Кукушки» – моя новая любовь, а Гэлбрейт – выдающийся новый талант.

Питер Джеймс

(Sunday Express)

Детектив, от которого невозможно оторваться.

Financial Times

А вот и лучший переводной детектив сезона, и не только из-за сногшибательной интриги – уровень рассказчицкой культуры очень высок: трехмерные, врезающиеся в память персонажи, отличные диалоги, остроумные авторские комментарии.

Афиша Daily

*Посвящается Шону и Мэтью Харрисам:
это посвящение можете использовать по своему
усмотрению, но только – только – не для окраски
бровей*

*I choose to steal what you choose to show
And you know I will not apologize –
You're mine for the taking.*

I'm making a career of evil...

Blue Öyster Cult. «Career of Evil»

Lyrics by Patti Smith [\[1\]](#)

Полностью отмыться от крови так и не удалось. Под ногтем среднего пальца левой руки круглой скобкой темнела тонкая линия. Он принялся ее вычищать, хотя одним своим видом она напоминала про вчерашний кайф. С минуту он безуспешно пытался ее отскрести, а потом, сунув палец в рот, попробовал высосать. Твердый как железо коготь еще отдавал запахом струи, которая неудержимо хлынула на кафельный пол, обрызгала стены, пропитала его джинсы и превратила персикового цвета махровые полотенца – пушистые, сухие, аккуратно сложенные – в кипу окровавленной ветоши.

Сегодня утром все цвета сделались как-то ярче, мир стал прекраснее. Пришло спокойствие, настроение поднялось, как будто он вобрал ее в себя целиком, как будто перелил в себя ее жизнь. Когда убиваешь, все они переходят в твою собственность: даже секс не приносит такой полноты обладания. Чего стоит один их вид в момент смерти – получаешь такие ощущения, каких не способна дать близость двух живых тел.

С приятным волнением он размышлял, что ни единой душе не известно о его делах и планах. В покое и довольстве, посасывая средний палец, он прислонился спиной к стене, нагретой неярким апрельским солнцем, и не сводил глаз с дома напротив.

Дом отнюдь не шикарный. Обыкновенный. Спору нет, он комфортней, чем та конура, где засыхало в черных мешках для мусора вчерашнее окровавленное тряпье, ожидавшее сожжения, а за трубой под кухонной раковиной поблескивали принесенные им ножи, отдраенные с отбеливателем.

У дома напротив был обнесенный черной оградой садик с довольно запущенной лужайкой. Две белые входные двери, едва ли не вплотную одна к другой, указывали на то, что в этой трехэтажной постройке после ремонта разместились нижняя и верхняя квартиры. На первом этаже обитала некая Робин Эллакотт. Приложив определенные усилия к тому,

чтобы разузнать имя этой девушки, про себя он звал ее не иначе как Секретутка. А вот и она: мелькнула в окне эркера, легко узнаваемая благодаря необычному цвету волос.

Слежка за Секретуткой была приятным бонусом, таким бесплатным приложением. У него образовалась пара часов свободного времени, и он приехал на нее поглазеть. Сегодня – день отдыха между вчерашними победами и завтрашним днем, между удовлетворением от содеянного и предвкушением дальнейшего.

Дверь справа неожиданно распахнулась; из дома вышла Секретутка, да не одна.

Не отрываясь от теплой стены, он повернулся в профиль к этой парочке и стал смотреть в дальний конец улицы, словно кого-то ждал. На него не обратили ни малейшего внимания. Эти двое бок о бок шли своей дорогой. Дав им фору, через минуту он решил двинуться следом.

Она была в джинсах, светлой куртке и сапожках на низком каблуке. Под лучами солнца ее длинные вьющиеся волосы приобрели слегка имбирный оттенок. В отношениях этой молча шагавшей пары ему виделась некоторая натянутость.

Людей он читал как открытую книгу. Вот и вчерашнюю девицу, которая испустила дух среди кипы окровавленных полотенец, он сперва прочел и очаровал.

Засунув руки в карманы, он лениво брел по следу этих двоих – будто бы в направлении магазинов; прекрасным солнечным утром его темные очки смотрелись совершенно естественно. Легкий апрельский ветерок перебирал ветви деревьев. В конце улицы парочка свернула влево, на широкий, оживленный проспект, застроенный офисными комплексами. В солнечном свете здание районной администрации Илинга сверкало листовым стеклом.

Теперь Секретуткин сосед, а может, сожитель или кто еще, чисто выбритый, с квадратным подбородком, обратился к ней с разговором. Отвечала она коротко, без улыбки.

До чего же мелочные, низкие, грязные твари – женщины. С жиру бесятся – хотят, чтобы их ублажали. Такая очистится лишь тогда, когда раскинется перед тобой, мертвая и пустая; лишь тогда она станет таинственной, незапятнанной, даже прекрасной. Будет принадлежать одному тебе, не сможет ни заспорить, ни вырваться, ни убежать – делай с ней что хочешь. Вчерашний обескровленный труп оказался тяжелым и податливым: его игрушка, его кукла в человеческий рост.

Теперь он двигался за Секретуткой и ее дружкой через торговый центр

«Аркадия», маяча сзади, как привидение или божество. Могла ли видеть его субботняя толпа, или же он чудом преобразился, обрел двойную жизнь, получил дар скрываться от посторонних глаз?

У автобусной остановки они встали в очередь, а он топтался поблизости, будто разглядывая индийский ресторан, горку фруктов в продуктовом магазине, картонные маски принца Уильяма и Кейт Миддлтон в витрине газетного киоска, а сам следил за отражением в стекле.

Они приготовились уехать на восемьдесят третьем. Денег у него на кармане было в обрез, но хотелось еще за ней понаблюдать – не лишать же себя удовольствия. Поднимаясь по ступенькам, он услышал, как ее дружок назвал водителю «Уэмбли-Сентрал». Теперь оставалось только купить билет и последовать за ними наверх.

В передней части салона парочка нашла два места рядом. Он устроился поблизости, возле угрюмой тетки, которой пришлось убрать с сиденья магазинные пакеты. Сквозь гул пассажирских голосов до него изредка долетали обрывки разговора. Если Секретутка молчала, то безрадостно смотрела в окно. Когда она поправляла волосы, он заметил у нее на пальце колечко невесты. Стало быть, замуж собралась... ну-ну. Он спрятал в поднятом воротнике подобие улыбки.

Сквозь штрихи оконной грязи в автобус приникало теплое послеполуденное солнце. Все свободные места заняли ввалившиеся гурьбой парни, некоторые – в красно-черной форме регбистов.

Ему вдруг показалось, будто сияние дня померкло. Эти куртки с изображением полумесяца и звезды наводили на неприятные мысли. Возвращали его к тем временам, когда он отнюдь не ощущал себя богом. У него не было ни малейшего намерения пятнать и марать этот счастливый день воспоминаниями, причем гнусными, но приподнятость вмиг начала улетучиваться. Он разозлился (тем более что его вниманием завладел мальчишка-подросток из той же компании), но успел отвести взгляд, поднялся с места и в тревоге стал продвигаться назад, к лестнице. У дверей автобуса крепко держались за стойку отец с маленьким сынишкой. В груди взрывом полыхнул гнев: почему же у него самого нет сына? Точнее, почему теперь у него нет сына? Он представил себе, как мальчонка стоит рядом и, запрокинув голову, с обожанием смотрит на него; но сына у него давно не было, и все из-за негодя по имени Корморан Страйк.

Корморана Страйка требовалось наказать. Ударить в самое больное место.

На тротуаре он поднял взгляд и напоследок успел заметить в переднем

окне автобуса золотистую голову. Не пройдет и суток, как он увидит ее снова. Эта картинка помогла усмирить внезапное бешенство, вызванное зрелищем тех «сарацинских» курток. Автобус покати́л дальше, а он побрел в обратном направлении, успокаиваясь с каждым шагом.

План у него созрел – что надо. Все шито-крыто. Комар носу не подточит. А дома, в холодильнике, ждал своего часа заветный сверток.

A rock through a window never comes with a kiss.

Blue Öyster Cult. «Madness to the Method»^[3]

Робин Эллакотт, двадцати шести лет, ходила в невестах уже более года. Свадьба должна была состояться три месяца назад, но сорвалась из-за внезапной кончины будущей свекрови. С тех пор много чего произошло. Не факт, что они с Мэтью стали бы ближе друг другу, будь у них свидетельство о браке. Неужели они бы меньше ссорились, если бы под сапфировым перстеньком, который стал ей чуть свободен, заблестело обручальное кольцо?

В понедельник утром, лавируя между кучами строительного мусора на углу Тотнэм-Корт-роуд, она прокручивала в голове вчерашний конфликт. Первые его ростки пробились еще до похода на матч по регби. Конфликты возникали у них, считай, после каждой встречи с Сарой Шедлок и ее дружкой Томом: на это и указала Робин после матча; склока не утихала за полночь. «Сара просто гов... говорила гадости... неужели до тебя не доходит? Она постоянно навела разговор на него, не умолкала ни на минуту, но я-то тут при чем?..»

С того самого дня, когда Робин устроилась на работу в частное детективное агентство на Денмарк-стрит, путь ей преграждали эти завалы. Настроение вконец испортилось, когда она споткнулась о какой-то обломок и едва удержалась на ногах. Из глубокой канавы раздался свист и похотливый гогот работаг в касках и неоновых жилетах. Покраснев, Робин отвернулась и убрала назад облепившие лицо длинные золотисто-земляничные пряди, а потом невольно возвратилась мыслями к Саре Шедлок и ее коварным, назойливым расспросам про владельца агентства.

— Есть в нем какая-то необъяснимая притягательность, правильно я понимаю? Битый жизнью, но меня лично это никогда не останавливало. А какой он из себя, эротичный? И такой большой, да?

Робин видела, как Мэтью стиснул зубы, выслушивая ее холодные, равнодушные ответы.

— И, кроме вас двоих, в конторе никого нет? Неужели? Совсем никого?

Вот стерва, думала Робин, чья неизменная доброжелательность никогда не распространялась на Сару Шедлок. И ведь прекрасно знает,

что делает.

– А правда, что он награжден медалью за Афганистан? В самом деле? Надо же, значит, он ко всему еще и герой войны?

Робин изо всех сил старалась заткнуть этот фонтан восхвалений, но все напрасно: Мэтью оставался холоден со своей невестой до конца матча. Однако на обратном пути с Викаридж-роуд его раздражение ничуть не мешало ему болтать и смеяться с Сарой, а Том, которого Робин считала тупым занудой, только подхихикивал, не видя ничего дальше своего носа.

Ее толкали прохожие, точно так же огибавшие дорожные раскопы, но потом ей все-таки удалось перейти на другую сторону, в тень громады бетонного, будто решетчатого, Сентр-Пойнта. Здесь на Робин опять нахлынула злость: ей вспомнилось, что сказал в полночь Мэтью, когда скандал разгорелся с новой силой.

– Черт побери, да он у тебя с языка не сходит! Я же слышал, как ты говорила Саре...

– Не я раз за разом поднимала эту тему, а она, ты просто не слушал...

Но Мэтью уже стал ерничать, заговорив писклявым, дурашливым голосом, каким передразнивал всех представительниц другого пола:

– «Ах, какая у него шевелюра, прелесть...»

– Уймись, это уже паранойя! – вскричала Робин. – Сара нахваливала шевелюру Жака Бургера^[4], а не Корморана. Я только сказала...

– «А не Корморана», – как debil, пропищал Мэтью.

При повороте на Денмарк-стрит Робин кипела той же злостью, что и восемь часов назад, когда пулей вылетела из спальни, чтобы улечься спать на софе.

Сара Шедлок, эта гадина Сара Шедлок, знавшая Мэтью с университетской скамьи, из кожи вон лезла, чтобы отбить его у Робин, оставшейся тогда в Йоркшире... Ладно бы Робин не ждала новых встреч с Сарой, так ведь нет: Сара получила приглашение к ним на свадьбу, перенесенную на июль, и, судя по всему, будет вечно соваться в их жизнь, а в один прекрасный день – с нее станется – проникнет и в агентство, чтобы познакомиться со Страйком, если, конечно, любопытствовала она искренне, а не из желания вбить клин между Робин и Мэтью.

Ни за что не буду знакомить ее с Кормораном, мстительно думала Робин, подходя к почтовому курьеру, топтавшемуся у входной двери. Одной рукой в перчатке он сжимал канцелярскую доску, а в другой держал прямоугольный пакет.

– На имя Эллакотт? – уточнила Робин.

У нее были заказаны одноразовые фотоаппараты в картонном корпусе

под слоновую кость – сувениры для приглашенных на свадьбу. В последнее время ей все чаще приходилось задерживаться на работе, а потому оформлять заказы проще было на адрес агентства.

Курьер кивнул и, не снимая мотоциклетного шлема, протянул ей доску. Робин поставила свою подпись и взяла продолговатый пакет; он оказался тяжелее, чем она предполагала, а внутри вроде как перекачивался один объемный предмет.

– Спасибо, – сказала она, сжимая пакет под мышкой, но курьер уже заносил ногу над мотоциклом.

Под рев двигателя Робин отперла подъезд.

Стуча каблуками, она поднялась по гулкой железной лестнице, оббивавшей клеть неисправного лифта. По стеклянной двери с гравировкой «К. Б. Страйк, частный детектив» пробежал блик света, отчего надпись сделалась еще темнее.

Робин специально пришла в контору пораньше. У них сейчас была прорва заказов, и прежде чем отправляться на слежку за молоденькой русской стриптизершей, требовалось завершить необходимые отчеты.

По звуку тяжелых шагов над головой она поняла, что Страйк все еще находится у себя в квартире.

Опустив удлиненный сверток на стол, Робин сняла пальто и повесила его вместе с сумкой на крючок за дверью, зажгла свет, наполнила и включила чайник и только после этого взялась за острый нож для бумаг. Вспоминая, как Мэтью отказывался верить, что она хвалила шевелюру фланкера Жака Бургера, а не курчавые и короткие, совсем как на лобке, волосы Страйка, Робин одним движением вспорола пакет.

В коробку была втиснута отсеченная женская нога с загнутыми кверху – для компактности – пальцами.

Half-a-hero in a hard-hearted game.

Blue Öyster Cult. «The Marshall Plan»^[5]

Оконные стекла задрожали от крика Робин. Она шарахнулась, не отрывая взгляда от этого чудовищного зрелища. Нога была стройная, бледная, гладкая. Врезая картон, Робин скользнула по ней пальцем и теперь не могла избавиться от ощущения холодной, будто резиновой, кожи. Чтобы заглушить собственный крик, девушка зажала рот ладонями; сбоку тотчас же распахнулась стеклянная дверь. Ростом под два метра, Страйк ворвался в приемную с перекошенным лицом, даже не успев застегнуть рубашку, под которой виднелась по-обезьяньи волосатая грудь.

– Какого хе...

Он проследил за полным ужаса взглядом своей помощницы – и увидел ногу. Робин почувствовала на локте его железную хватку и без сопротивления позволила вывести себя на лестницу.

– Как это сюда попало?

– С курьером, – выдавила она, пока Страйк подталкивал ее вверх по ступеням. – На мотоцикле.

– Жди здесь. Я вызову полицию.

Он захлопнул дверь своей мансарды; Робин, с бешено колотящимся сердцем, приросла к полу и слушала, как Страйк спускается обратно в офис. К горлу подступила кислятина. Нога. Только что она, Робин Эллакотт, получила по почте ногу. И преспокойно занесла коробку с женской ногой в приемную агентства. Чья это нога? Где остальные части тела?

Робин отошла от двери, доплелась до ближайшего стула, дешевого, пластмассового, на металлических ножках, и опустилась на его мягкое сиденье, по-прежнему зажимая ладонями онемевшие губы. Посылка, припомнила она, была адресована ей лично.

В это время Страйк стоял у окна своего кабинета, выходящего на Денмарк-стрит, и, прижимая к уху мобильник, высматривал на улице хоть какие-нибудь следы курьера. В ожидании ответа блюстителей закона он перешел в приемную, чтобы изучить раскрытую коробку.

– Нога? – переспросил инспектор уголовной полиции Эрик Уордл. –

Какая, к черту, нога?

– Даже не моего размера, – сострил частный сыщик, чего не решился бы сделать в присутствии Робин.

Из-под заколотой штанины его брюк виднелся металлический стержень, заменявший ему лодыжку. Из-за воплей своей помощницы Страйк не успел полностью одеться.

Только во время разговора с Уордлом он определил, что в коробке лежит именно правая нога, причем отрезанная, как его собственная, ниже колена. Не выпуская из руки телефона, Страйк склонился над столом, чтобы повнимательнее изучить эту конечность, и ему в нос ударил тошнотворный запах, как от размороженной курятины. Жертва принадлежала к белой расе; на гладкой, бледной коже не обнаружилось никаких изъязвлений, если не считать застарелой, зеленоватой гематомы на небрежно выбритой голени. Светлые волоски, чуть неопрятные ногти без лака. Из плоти белой ледышкой торчит кость. Отрублена чисто, заметил Страйк: вероятно, топором или мясницким секачом.

– Женская, говоришь?

– Похоже на то...

Заметил Страйк и кое-что другое: на задней части голени, возле места ампутации, виднелся старый шрам, никак не связанный с отсечением ноги от тела.

Сколько раз в детстве, на корнуэльском берегу, он останавливался спиной к предательской воде, которая застигала его врасплох? Кто не знаком с повадками моря, тот забывает о его тяжести и беспощадности. Когда оно холодным металлом обрушивалось на ребятишек, они цепенели. В силу своей профессии Страйк постоянно сталкивался, работал и боролся со страхом, но при виде этого застарелого шрама его на мгновение обожгла настоящая жуть, усиленная неожиданностью.

– Ты там не заснул? – спросил Уордл на другом конце.

– В смысле?

Дважды переломанный нос Страйка находился в каком-то дюйме от места отсечения женской ноги. В памяти всплыла детская ножка со шрамом – забыть это зрелище так и не получилось... Сколько же лет назад он видел ту девочку? Сколько было бы ей сейчас?

– Ты позвонил мне первому, потому что?... – подсказал Уордл.

– Да-да, – спохватился Страйк, пытаясь собраться с мыслями. – Я хотел, чтобы этим делом занялся именно ты, но если тебе влом...

– Выезжаю, – сказал Уордл. – Скоро буду. Не суетись.

Страйк дал отбой и опустил мобильник на стол, не сводя глаз с ноги. Только теперь он заметил, что под ней лежит какая-то бумажка – отпечатанная записка. Прошедший хорошую армейскую школу, Страйк поборол в себе желание тут же вытащить ее и прочесть: к вещдокам прикасаться без нужды не положено. Вместо этого он неловко присел, чтобы разобрать перевернутый адрес на откинутой крышке.

Посылку отправили не кому-нибудь, а Робин; это плохо. Ее фамилия, напечатанная без ошибок на белом листке с клейким слоем, соседствовала с адресом агентства. Под этим стикером виднелся другой. Твердо решив не трогать коробку, даже чтобы прочитать надписи, Страйк прищурился и понял, что вначале имя адресата было указано как «Камерон Страйк» и лишь потом отправитель наклеил сверху новую распечатку с именем Робин Эллакотт. С какой целью?

– Бляха-муха! – выругался Страйк себе под нос.

Не без труда распрямившись, он снял с крючка у входа сумку Робин, запер стеклянную дверь и пошел наверх.

– Полиция уже едет, – сообщил он, ставя перед ней сумку. – Чаю выпьешь?

Она кивнула.

– Бренди плеснуть?

– Бренди у тебя нет, – хрипловато заметила Робин.

– Уже пошарила?

– Еще не хватало! – возмутилась она, и Страйк даже улыбнулся: как можно было подумать, что Робин у него в квартире пойдет шарить по полкам? – Не такой ты человек... не такой ты человек, чтобы держать дома бренди для лечебных целей.

– Может, пивка?

Робин помотала головой, не в силах улыбнуться. Когда заварился чай, Страйк устроился напротив со своей кружкой. По его внешности было отчетливо видно, что это бывший боксер-тяжеловес, давно подсевший на табак и фастфуд. Грозные брови, нос расплющенный, асимметричный, в отсутствие улыбки – вечная мина сумрачного недовольства. Его плотные, черные, вьющиеся мелким бесом волосы напомнили Робин про Жака Бургера и Сару Шедлок. Тот скандал остался где-то в прошлом. О Мэтью она вспомнила сегодня разве что походя. Робин не представляла, как расскажет ему об этом происшествии. Он разозлится. Его и раньше бесило, что Робин работает у Страйка.

– Ты... рассмотрел? – прошептала она, взяла свою кружку, но тут же опустила – чай не пошел.

– Угу, – ответил Страйк.

Что бы еще такое спросить, она не знала. В посылке была отсеченная нога. Такая жуть, такой бред... любой вопрос прозвучал бы пошло, издевательски. *Это, случаем, не от твоей знакомой? Как по-твоему, кто мог это прислать?* И самое главное: *а я-то при чем?*

– Полицейские будут спрашивать про курьера, – сказал Страйк.

– Естественно. Постараюсь припомнить все до мелочей.

Снизу позвонили.

– Это, наверно, Уордл.

– Уордл? – Робин даже вздрогнула.

– Самый доброжелательный коп из всех, кого мы знаем, – напомнил ей Страйк. – Жди, я приведу его сюда.

В прошлом году Страйк умудрился восстановить против себя всю полицию Большого Лондона, причем даже не по своей вине. Раздутые прессой, два самых громких его расследования уязвили офицеров, которых он обошел. При этом Уордл, помогавший распутать первое из тех двух дел, слегка погрелся в лучах его славы, и за счет этого у них сохранились более или менее сносные отношения. Робин знала Уордла только по газетным фотографиям. В зале суда она его не видела.

Внешне он оказался довольно привлекательным: густая каштановая шевелюра, шоколадно-карие глаза, одет в кожаную куртку и джинсы. Перехватив его быстрый, испытующий взгляд, обшаривший Робин – ее волосы, фигуру и особенно левую руку, на которой блестело наглядное свидетельство помолвки, колечко с бриллиантом и сапфиром, – Страйк не знал, смеяться или досадовать.

– Эрик Уордл, – представился инспектор вкрадчиво и, как подумал Страйк, с совершенно лишней обольстительной улыбочкой. – А это сержант уголовной полиции Эквензи.

С ним прибыла чернокожая коллега: тощая, с кичкой выпрямленных африканских волос на затылке. Она приветствовала Робин краткой улыбкой, и Робин почему-то успокоилась от присутствия другой женщины. Сержант уголовной полиции Эквензи окинула взглядом тесное жилище Страйка, на все лады расписанное газетчиками.

– А где же посылка? – спросила она.

– Внизу. – Страйк вытащил из кармана ключи от офиса. – Я вас провожу. Как поживает твоя жена, Уордл? – не удержался он, выходя из квартиры с сержантом Эквензи.

– А тебе-то что? – огрызнулся офицер, но, к немалому облегчению Робин, перестал изображать из себя психотерапевта, сел напротив и открыл

блокнот.

– Он дожидался у подъезда, – начала Робин, когда Уордл спросил, как у нее оказалась коробка с отрезанной ногой. – Я подумала, это курьер. Затянут в черную кожу, весь в черном, и только на плечах куртки – синие полосы. Гладкий черный шлем, зеркальный щиток опущен. Рост – где-то под два метра. Если не учитывать шлем – сантиметров на тридцать выше меня.

– Телосложение? – спросил Уордл, строча в блокноте.

– Я бы сказала, довольно плотное, но у него, вероятно, куртка была на теплой подкладке. – Робин невольно покосилась на Страйка – тот как раз входил в дверь. – Ну то есть, конечно, не...

– Конечно, не такой жирный кабан, как босс? – подсказал Страйк, и Уордл, никогда не упускавший случая пнуть частного сыщика или поржать над чужой подколкой, негромко хохотнул.

– Он был в перчатках, – без улыбки добавила Робин. – В черных кожаных байкерских перчатках.

– Куда же без перчаток, – отозвался Уордл, делая очередную пометку. – Мотоцикл, вероятно, вы не разглядели?

– «Хонда», красная с черным, – сказала Робин. – Я логотип запомнила – изображение крыла. По моим прикидкам, рабочий объем семьсот пятьдесят кубиков. Здоровенный.

Уордл не поверил своим ушам.

– Робин у нас – гонщица. Рассекает, как Фернандо Алонсо, – вставил Страйк.

Робин стало раздражать его панибратство и ерничество. У них в конторе, этажом ниже, лежала отсеченная женская нога. А где искать саму жертву? Сдерживать слезы было нелегко, особенно после бессонной ночи. Проклятуций диван... В последнее время она нередко стелила себе в гостиной...

– И он заставил вас расписаться в получении? – спросил Уордл.

– Не то чтобы заставил, – уточнила Робин. – Он протянул мне папку-планшет с зажимом, и я машинально черкнула свою подпись.

– А что было под зажимом?

– То ли накладная, то ли...

Пытаясь восстановить это в памяти, Робин закрыла глаза. Теперь ей вспомнилось: бланк действительно выглядел каким-то кустарным, будто сляпанным на компьютере. Так она и сказала.

– А вы, вообще-то, ожидали какую-нибудь посылку? – спросил Уордл.

Робин объяснила, что к собственной свадьбе заказала для гостей

одноразовые фотоаппараты.

– И что он сделал, когда коробка оказалась у вас в руках?

– Сел на мотоцикл и умчался. В направлении Черинг-Кросс-роуд.

В дверь мансарды постучали; сержант Эквензи принесла в пакетике для вещдоков отпечатанную на принтере записку, которую Страйк в самом начале заметил под ногой.

– Прибыли судмедэксперты, – доложила она Уордлу. – Вот это лежало в посылке. Хотелось бы услышать мнение мисс Эллакотт.

Сквозь прозрачный полиэтилен Уордл пробежал глазами записку и нахмурился.

– Белиберда какая-то, – сказал он и начал читать вслух: – «A harvest of limbs, of arms and of legs...»

– «...of necks that turn like swans...» – подхватил Страйк, который стоял прислонившись к плите, откуда уж никак не мог разобрать написанное, – «...as if inclined to gasp or pray»^[6].

Трое слушателей вытаращили глаза.

– Это текст песни, – сказал Страйк.

От Робин не укрылось выражение его лица. Она поняла, что эти слова наполнены для него особым, гнетущим смыслом. Страйк с видимым усилием объяснил:

– Из последнего куплета «Mistress of the Salmon Salt»^[7]. Группы *Blue Öyster Cult*^[8].

Сержант уголовной полиции Эквензи вздернула тонко подведенные бровки:

– Это кто такие?

– Культовые рокеры семидесятых.

– Ты, надо думать, хорошо знаешь их музыку? – предположил Уордл.

– Я хорошо знаю эту песню, – ответил Страйк.

– А отправителя ты, случайно, не знаешь?

Страйк медлил. Троица слушателей выжидала, а в голове у сыщика мелькали образы и воспоминания. Чей-то приглушенный голос: «Она звала смерть... Quicklime Girl»^[9]. Тонкая ножка двенадцатилетней девочки, исполосованная серебристыми шрамами от порезов. Темные, как у хорька, мужские глаза, сузившиеся от ненависти. Наколка – желтая роза.

А потом, в конце прочих воспоминаний (у кого-нибудь другого эта мысль возникла бы в начале), ему в голову пришел протокол допроса, в котором упоминался отрезанный от трупа пенис, отправленный по почте полицейскому осведомителю.

– Ты знаешь отправителя? – повторил Уордл.

– Возможно. – Страйк покосился на Робин и сержанта Эквензи. – Нам с тобой лучше потолковать с глазу на глаз. Ты узнал у Робин все, что хотел?

– Нам понадобится ваше полное имя, домашний адрес и прочее, – сказал Уордл. – Запиши, Ванесса.

Сержант Эквензи вышла вперед с блокнотом. Железные ступеньки лязгом отозвались под шагами мужчин и затихли. Робин отнюдь не горела желанием еще раз увидеть содержимое посылки, но расстроилась, что ее не позвали в офис. Как-никак на коробке была наклейка с ее именем.

Зловещее почтовое отправление все еще лежало этажом ниже, на конторском столе. Сержант Эквензи впустила еще двоих подчиненных Уордла: один фотографировал, второй вел переговоры по мобильному, когда мимо прошел их начальник с частным детективом. Полицейские проводили Страйка любопытными взглядами: он добился относительной известности, но вместе с тем успел насолить многим коллегам Уордла.

Закрыв за собой дверь кабинета, Страйк с Уордлом сели за стол друг против друга. Уордл открыл чистую страницу блокнота:

– Итак, известен ли тебе любитель расчленять трупы и по кускам рассылать частным лицам?

– Теренс Мэлли, – после небольшой заминки ответил Страйк. – Для начала.

Уордл не стал ничего записывать и только воззрился на Страйка, занеся ручку:

– Теренс Мэлли по кличке Диггер?

Страйк кивнул.

– Из харрингейской банды?

– А ты знаешь других Теренсов Мэлли? – Страйк начал раздражаться. – И сколько среди них любителей отправлять по почте расчлененку?

– Черт возьми, неужели ты пересекался с Диггером? Какими судьбами?

– Во время совместных рейдов с полицией нравов, в две тысячи восьмом. Он наркоту толкал.

– После той облавы его и закрыли?

– Точно.

– Ё-моё! – вырвалось у Уордла. – Вот же и ответ, да? Этот перец – больной на всю голову, только что освобовился и пасет половину лондонских проституток. Впору пройтись землечерпалкой по Темзе –

поискать остальные части тела.

– Загвоздка в том, что я давал показания анонимно. Он не мог знать, что закрыл его именно я.

– У них повсюду глаза и уши, – возразил Уордл. – Харрингейская группировка – это же чистой воды мафия. Ты слышал, как он послал Иэну Бевину отрезанный член Хэтфорда Али?

– Да, я в курсе, – ответил Страйк.

– Так про что там в песне поется? Про урожай какой-то долбаный...

– Вот это меня и настораживает, – с расстановкой произнес Страйк. – Для такого баклана, как Диггер, слишком тонко... наводит на мысль, что это мог быть один из троих других.

*Four winds at the Four Winds Bar,
Two doors locked and windows barred,
One door left to take you in,
The other one just mirrors it...*

Blue Öyster Cult. «Astronomy»^[10]

– То есть ты знаешь четверых, которые могли прислать тебе отрезанную ногу? Четверых?

В круглом зеркальце у раковины, над которой сейчас брился Страйк, отражалось перекошенное от ужаса лицо Робин. Полицейские наконец-то увезли ногу, Страйк объявил, что на сегодня дела окончены, и Робин сидела со второй кружкой чая за кухонным столом у него в мансарде.

– Если совсем честно, – сказал он, соскребая щетину с подбородка, – то всего лишь троих. Думаю, напрасно я приплел сюда Мэлли.

– Почему же напрасно?

Робин услышала историю его краткого знакомства с этим рецидивистом, которого в последний раз упекли за решетку не без участия Страйка.

– ...поэтому Уордл теперь считает, что меня вычислила харрингейская группировка. Но я вскоре после дачи показаний отбыл в Ирак, и мне неизвестны случаи, чтобы офицер специальной разведки засветился из-за участия в судебном процессе. А кроме того, текст песни – это Диггеру не по уму. Такие изыски – не его уровень.

– Но на его счету есть расчлененные трупы? – спросила Робин.

– Насколько мне известно, один... но имей в виду: тот, кто расчленил труп, – не обязательно убийца, – рассуждал Страйк. – Нога могла быть отсечена от уже имевшегося трупа. Могла быть ампутирована в больнице. Уордл прояснит эти вопросы. Пока нет результатов экспертизы, нам остается только гадать.

О леденящей кровь возможности отсечения ноги от живого человека он умолчал.

Во время паузы Страйк ополаскивал под краном бритвенный станок, а Робин, погруженная в свои мысли, смотрела в окно.

– Пожалуй, ты был просто обязан упомянуть Мэлли, – заключила она, поворачиваясь к Страйку, который встретил ее взгляд в зеркале, – коль скоро тот один раз уже отправил по почте... что там он отправил? – нервно поинтересовалась Робин.

– Да пенис, – ответил Страйк, дочиста вымыл лицо и вытерся полотенцем. – Ага, возможно, ты права. Хотя по зрелом размышлении я все больше убеждаюсь, что Мэлли тут ни при чем. Я сейчас... хочу рубашку сменить, а то две пуговицы оторвал из-за твоих воплей.

– Это плохо, – туманно сказала Робин, когда Страйк исчез в спальне.

Попивая чай, она огляделась. Прежде ей не доводилось бывать у Страйка в квартире. Самое большее, что она себе позволяла, – это постучаться к нему в дверь, чтобы сообщить нечто безотлагательное, а в периоды его напряженной работы и постоянного недосыпа – разбудить.

В тесной кухоньке-гостиной царили чистота и порядок. Там не наблюдалось почти никаких примет личности: разрозненные кружки, стопка дешевых посудных полотенец возле газовой плиты, никаких изображений и безделушек, разве что прикрепленный к дверце посудного шкафа детский рисунок солдата.

– Кто это нарисовал? – любопытствовала она, когда Страйк вернулся в свежей рубашке.

– Мой племянник Джек. Он ко мне хорошо относится, по непонятной причине.

– Не набивайся на комплименты.

– Даже и не думаю. Просто я никогда не знаю, о чем говорить с детьми.

– Значит, тебе известны трое, которые могли... – снова начала Робин.

– Выпить охота, – признался Страйк. – Давай-ка заглянем в «Тотнэм».

Из-за грохота отбойных молотков разговаривать на улице не было никакой возможности, но, по крайней мере, дорожные рабочие во флуоресцирующих жилетах не свистели и не улюлюкали ей вслед, когда рядом шагал Страйк. В конце концов детектив со своей помощницей вошли в излюбленный бар Страйка, где сверкали зеркала в золоченых рамах, темнели деревянные панели, поблескивали надраенные пивные краны, пестрели стеклянные мозаики купола и картины Феликса де Йонга с изображениями озорных красоток.

Страйк взял себе пинту «Дум-бара»; Робин, которую мучило при мысли об алкоголе, попросила кофе.

– Итак? – начала Робин, как только ее босс вернулся к высокому

столику прямо под куполом. – Кто эти трое?

– Не забывай: это всего лишь мои домыслы, – предупредил Страйк, снимая пробу.

– Я понимаю, – сказала Робин. – Кто они такие?

– Извращенцы, у которых есть причины ненавидеть меня лютой ненавистью. – В голове у Страйка возникло видение перепуганной худенькой двенадцатилетней девочки в съехавших набок очочках – и со шрамом вокруг голени. Неужели на правой ноге? Он уже не помнил. Господи, только бы не она...

– Так кто же? – Робин начала терять терпение.

– Двое служили со мной в армии. – Страйк поскреб недобритый подбородок. – Оба – с придурью и с достаточно садистскими наклонностями, чтобы... чтобы...

Его объяснения прервал произвольный широкий зев. В ожидании связанных ответов Робин заподозрила, что накануне он переутомился со своей новой подругой. Элин, в прошлом концертирующая скрипачка, работала ведущей на «Радио-3». Скандинавского типа блондинка, она напоминала Робин все ту же Сару Шедлок, только изящнее. Видимо, по этой причине Робин с самого начала ее невзлюбила. Была и другая причина: в присутствии Робин эта дама как-то назвала ее секретаршей Страйка.

– Извиняюсь, – сказал Страйк. – Вчера допоздна готовил материалы по Хану. Не выспался. – Он взглянул на часы. – Может, спустимся в нижний зал, перекусим? У меня в животе урчит.

– Подожди минуту. Еще двенадцати нет. Я хочу услышать про тех троих.

– Ладно, – сказал Страйк и тут же понизил голос, потому что мимо их столика проходил какой-то мужчина. – Дональд Лэйнг, Королевский собственный пограничный полк. – Ему снова вспомнились глазки как у хорька, сам – сгусток ненависти, татуировка-роза. – Этого я отправил на пожизненное.

– Но как тогда...

– Отмотал десятку и вышел в две тысячи седьмом. С той поры разгуливает на свободе. Лэйнг – это тебе не просто псих, это зверь, умный и хитрый зверь. Социопат, я так считаю, самый настоящий. Я его отправил на пожизненное за одно дело, к которому вообще не должен был иметь никакого касательства. Еще немного – и его бы оправдали по первоначальному обвинению. У Лэйнга чертовски веские причины меня ненавидеть.

Но он не стал уточнять, какое преступление совершил Лэйнг и почему его дело вел не кто-нибудь, а сам Страйк. Иногда, обычно в рассказах о службе в Отделе специальных расследований, Страйк своим тоном давал понять, что дошел до определенной черты, переступить которую не намерен. И Робин не допытывалась. Вот и сейчас она нехотя оставила тему Дональда Лэйнга.

- А другой твой сослуживец?
- Ноэл Брокбэнк. «Пустынные Крысы».
- Пустынные... кто?
- Седьмая бронетанковая.

Погружаясь в свои мысли, Страйк все более замыкался. Робин не знала, почему это происходит: то ли оттого, что он голоден (ее босс был из тех, кому для поддержания душевного равновесия требуется регулярное питание), то ли по какой-то другой, мутной причине.

- Действительно, давай перекусим, – поддержала его Робин.
- Давай. – Страйк прикончил свою пинту и встал из-за стола.

Уютный подвальный рестораник с красным ковром, деревянными стульями и второй барной стойкой украшали гравюры в рамках. В это время дня там было безлюдно. Страйк и Робин сделали заказ первыми.

– Ты начал что-то говорить про Ноэла Брокбэнка, – напомнила Робин после того, как заказала салат, а Страйк – жареную рыбу с картошкой.

– Ага, у этого тоже есть причина вынашивать злобу, – скупой ответил Страйк.

Если он не хотел обсуждать Дональда Лэйнга, то о Брокбэнке заговорил с еще большей неохотой. После затяжной паузы, во время которой Страйк гневно смотрел в никуда через плечо Робин, он выговорил:

- У Брокбэнка не все дома. Во всяком случае, он сам так говорит.
- Ты его тоже упек в тюрьму?
- Нет, – отрезал Страйк.

Его лицо приняло неприступное выражение. Робин решила подождать, хотя уже знала, что ей не светит услышать рассказ о Брокбэнке. Поэтому она только спросила:

- А третий кто?

На этот раз ответа вообще не последовало. Ей даже показалось, что Страйк не расслышал.

- А третий?..

– Проехали, – буркнул он и хмуро уставился на свежую пинту, но Робин не отступилась.

- Тот, кто прислал эту посылку, – подчеркнула она, – адресовал ее мне

лично.

– Ладно, – после некоторого раздумья сдался Страйк. – Его зовут Джефф Уиттекер.

Робин словно ударило током. Ей не было нужды спрашивать, откуда босс знает Джеффа Уиттекера. Она и так была в курсе, хотя они никогда не касались этой темы.

О юности Корморана Страйка имелось множество сообщений в интернете, да и газеты нередко ворошили прошлое, расписывая его успехи на детективном поприще. Он был нечаянным внебрачным отпрыском одного рок-идола и женщины (которую описывали не иначе как «супергруппи»), впоследствии умершей от передоза – Страйку тогда исполнилось двадцать лет. Джефф Уиттекер, намного моложе матери Страйка, был ее вторым мужем: его обвиняли в убийстве жены, но в конечном счете оправдали.

Пока не принесли заказ, Робин и Страйк сидели в молчании.

– Почему ты ограничилась салатом? – поинтересовался Страйк, уминая жареную картошку.

Как и рассчитывала Робин, поглощение углеводов благотворно подействовало на босса.

– Из-за свадьбы, – коротко ответила Робин.

Страйк ничего не сказал. Комментарии в адрес ее фигуры были для него под негласным, им же установленным запретом: его отношения с помощницей всегда очерчивались жесткими рамками.

Тем не менее про себя он отметил, что она исхудала. На его вкус, с более пышными формами (притом что даже мысли на эту тему были под запретом) она выглядела куда привлекательней.

– Ты можешь хотя бы ответить, – начала Робин после очередной паузы, – какие у тебя ассоциации с той песней?

Он пожевал, отхлебнул еще пива, заказал следующую порцию «Дум-бара» и только после этого сказал:

– У моей матери была татуировка с этим названием.

Он счел за лучшее не уточнять и даже не вспоминать, на каком именно месте была татуировка. Впрочем, от еды и пива он смягчился: Робин никогда не совала нос в его прошлое, и сейчас он решил сделать для нее послабление.

– Это была ее любимая песня. *A Blue Öyster Cult* – любимая группа. Нет, «любимая» – это мягко сказано. Обожаемая.

– А разве не *Deadbeats*? – само собой слетело с языка у Робин.

Отец Страйка был солистом группы *Deadbeats*. О нем тоже никогда

не говорилось вслух.

– Нет. – Страйк скривился в полуулыбке. – Старина Джонни был у Леды на скромном втором месте. А на первом – Эрик Блум, солист *Blue Öyster Cult*, но там ей ничего не обломилось. Редчайший случай.

Робин не знала, что и думать. Прежде она могла только гадать, каково это – видеть, как вся история любовных похождения твоей матери выкладывается в Сеть на всеобщее обозрение.

Страйку принесли очередную пинту; он сделал большой глоток, а потом продолжил:

– Меня чуть было не окрестили «Эрик Блум Страйк».

Робин поперхнулась водой и закашлялась в салфетку, а босс только посмеялся.

– Надо признать, Корморан не намного лучше – один черт. Корморан Блю...

– Блю?

– *Blue Öyster Cult*... ты меня слушаешь?

– Ничего себе! – поразилась Робин. – Ты не рассказывал.

– А ты бы рассказала?

– И что это значит: «Mistress of the Salmon Salt»?

– Хоть убей, не знаю. Тексты у них просто безумные. Фантастика, фэнтези. Бред какой-то.

А в голове звучало: «Она звала смерть... Quicklime Girl». Страйк отпил еще пива.

– По-моему, я не слышала ни одной песни *Blue Öyster Cult*, – призналась Робин.

– Ну как же, слышала, – возразил Страйк. – «Don't Fear the Reaper». Не бойся, стало быть, темного жнеца.

– Кого-кого я не должна бояться?

– Это был их мегахит: «Don't Fear the Reaper».

– А... понятно.

От неожиданности Робин на миг почудилось, будто Страйк дает ей совет.

В молчании они вернулись к еде, но Робин не смогла долго изображать безразличие и, собравшись с духом, спросила:

– Как ты считаешь, почему посылку отправили на мое имя?

Страйк успел подготовиться к этому вопросу.

– Понятия не имею, – ответил он, – но думаю, нельзя исключать тайную угрозу, а потому до выяснения...

– Я не намерена прекращать работу, – с жаром заявила Робин. – И дома

сидеть не собираюсь. Хотя Мэтью только этого и ждет.

– Ты поставила его в известность?

Пока Страйк у себя в кабинете беседовал с Уордлом, Робин успела сделать телефонный звонок.

– Да. Он злится, что я расписалась в получении.

– Думаю, он за тебя боится, – покривил душой Страйк.

Несколько раз они с Мэтью виделись, и с каждой встречей неприязнь Страйка только крепла.

– Нисколько он не боится! – вспыхнула Робин. – Просто он считает, что момент настал: что я запугана и теперь-то уж точно уволюсь. Не дождется.

Последние события повергли Мэтью в шок, и тем не менее она расслышала в его тоне нотки самодовольства, невысказанную уверенность в том, что после всего случившегося она сама поймет дикость своего выбора: связаться с беспутным частным сыщиком, который даже не в состоянии платить ей достойные деньги. Кроме того, Страйк заставлял ее работать сверхурочно, и по этой причине она получала почтовые отправления не на домашний, а на служебный адрес. («Можно подумать, если бы я сидела дома, „Амазон“ не смог бы доставить мне ногу!» – в запальчивости воскликнула Робин.) Ко всему прочему Страйк теперь набирал известность, и все знакомые проявляли к нему интерес. А Мэтью со своей бухгалтерией довольно бледно выглядел на этом фоне. Его загнанная вглубь досада, смешанная с ревностью, все чаще вырывалась наружу. Страйку хватало мозгов не подталкивать Робин к таким поступкам, о которых она могла бы пожалеть, когда успокоится.

– Отправитель адресовал посылку тебе, потому что передумал, – сказал Страйк. – Вначале на ней стояло мое имя. Могу предположить, что кто-то хочет выбить меня из колеи, показав, что знает твоё имя, или же пытается запугать тебя, чтобы положить конец нашей совместной работе.

– Ну, знаешь, я не из пугливых! – возмутилась она.

– Робин, сейчас не время геройствовать. Мы еще не знаем, кто он такой, но этот хрен решил показать, что осведомлен о моих делах, знает твоё имя и по состоянию на сегодняшний день четко представляет, как ты выглядишь. Он приблизился к тебе вплотную. И мне это не нравится.

– Как видно, ты не слишком высокого мнения о моих способностях в деле контрнаблюдения.

– Перед тобой, между прочим, тот, кто запихнул тебя на самые престижные курсы следственных работников, – начал Страйк, – и досконально изучил выданную тебе характеристику, которую ты сунула

мне под нос...

– Значит, ты считаешь, что я не владею приемами самообороны.

– Не имел счастья видеть тебя в деле – могу только верить на слово.

– Я хоть раз тебя обманула, когда описывала свои сильные и слабые стороны? – продолжала наступать оскорбленная Робин, и Страйку ничего не оставалось, как отрицательно помотать головой.

– Ну так вот! Я не собираюсь попусту рисковать. Ты меня приучил замечать любую подозрительную личность. Да и вообще тебе не с руки отсылать меня домой. Мы и так еле справляемся с наплывом заказов.

Страйк со вздохом потер лицо могучими, волосатыми с тыльной стороны ладонями.

– После наступления темноты на улицу ни шагу, – распорядился он. – И всегда держи при себе брелок с тревожной кнопкой, самый надежный.

– Хорошо. – Робин не стала спорить.

– А с понедельника будешь пахать на Рэдфорда, – приказал Страйк, успокаиваясь от этой мысли.

Рэдфорд, состоятельный предприниматель, хотел вывести на чистую воду одного из старших менеджеров, подозреваемого в преступных махинациях, и с этой целью собирался внедрить к себе в офис следователя под видом нового сотрудника, взятого на полставки. Направить туда Робин было вполне естественно, так как Страйк после раскрытия второго на шумевшего убийства сделался слишком заметной фигурой. Осушая третью пинту, он размышлял, как бы уболтать Рэдфорда загрузить Робин на полный рабочий день. Пусть бы спокойно сидела с девяти до пяти в шикарном бизнес-центре вплоть до поимки маньяка, приславшего ей ногу.

Тем временем Робин боролась с изнеможением и легкой тошнотой. Вчерашний скандал, бессонная ночь, жуткое потрясение от вида отсеченной ноги – и после этого нужно тащиться домой, чтобы в который раз оправдываться и объяснять, почему она соглашается выполнять опасную работу за сущие гроши. Мэтью, у которого она раньше находила утешение и поддержку, сделался дополнительным камнем преткновения.

К ней вернулось невыносимое, непрошеное видение холодной отрезанной ноги в картонной коробке. Скорей бы это забылось. Кончики пальцев, которые невольно коснулись восковой кожи, противно саднило. Рука, лежавшая на колене, сама собой сжалась в кулак.

Hell's built on regret.

Blue Öyster Cult. «The Revenge of Vera Gemini»

Lyrics by Patti Smith^[11]

Позже, благополучно проводив Робин до метро, Страйк вернулся в контору и сел за стол в приемной, чтобы в тишине, без помех обмозговать происходящее.

На своем веку он повидал немало расчлененных трупов, которые гнили в общих могилах или валялись вдоль дорог после взрыва. Оторванные руки и ноги, кровавая плоть, раздробленные кости. Отдел специальных расследований – подразделение Королевской военной полиции, действующее под прикрытием, – занимался случаями насильственной смерти; у Страйка и его сослуживцев иногда проявлялась защитная реакция: юмор. Иначе никто бы не выдержал постоянного зрелища растерзанных, изувеченных мертвецов. Сотрудникам ОСП была неведома роскошь видеть чистых, подгримированных покойников в гробах-коробках с атласным покрывалом.

Коробка. Снаружи совершенно заурядная. Картонная коробка с лежащей внутри ногой. Никаких следов происхождения, ни намек на вторичное использование – ничего. Все тщательно продумано, безукоризненно исполнено, и это тревожило Страйка не меньше, чем зловещее содержимое посылки. Ему не давал покоя этот аккуратный, педантичный, почти клинический *modus operandi*^[12].

Он проверил время. На этот вечер у него было назначено свидание с Элин. Встречались они уже два месяца; его подруга находилась в затяжном состоянии развода, который протекал сухо и с переменным успехом, как гроссмейстерский шахматный турнир. Ее отлученный муж был необыкновенно богат, о чем Страйк узнал только тогда, когда впервые увидел семейное жилище – необъятные апартаменты с паркетными полами, выходящие окнами на Риджентс-парк. Из-за решения органов опеки выходило так, что Элин могла приглашать к себе Страйка лишь в отсутствие своей пятилетней дочери, а планируя куда-нибудь сходить, они выбирали тихие и неприметные лондонские рестораны, дабы

отлученный муж не прознал, что у Элин кто-то есть. Страйка вполне устраивало такое положение дел. С прежними подругами вечно возникала одна и та же проблема: именно те вечера, которые принято посвящать отдыху, были у него заняты слежкой за чужими неверными супругами. Да и привязываться к дочке Элин он совершенно не собирался. Страйк не покривил душой, говоря Робин, что не знает, как разговаривать с детьми.

Он потянулся за мобильником. До ужина можно было еще кое-что успеть.

Первый звонок был перенаправлен в голосовую почту. Страйк наговорил сообщение для Грэма Хардэйкра, бывшего сослуживца из Отдела специальных расследований, с просьбой перезвонить. Где сейчас базируется Хардэйкр, он точно не знал. Во время их последнего разговора Хардэйкр служил в Германии, но ожидал перевода. К огорчению Страйка, второй звонок – старинному приятелю, чья дорожка вела, так сказать, в противоположную сторону от жизненного пути Страйка, – тоже остался без ответа. Оставив примерно то же самое голосовое сообщение, Страйк дал отбой.

Подвинувшись на стуле Робин ближе к столу, он включил компьютер и невидящими глазами стал смотреть на экран. Ум заполонила совершенно непрошенная картинка – образ матери без одежды. Кто мог знать, на каком месте у нее татуировка? Естественно, муж и многочисленные дружки, которые появлялись и исчезали; видеть ее раздетой могли также соседи по сквотам и грязным коммунам, где их семья никогда не задерживалась надолго. В баре «Тотнэм» мелькнула у него еще одна мысль, которой он не готов был делиться с Робин: возможно, Леда в какой-то период своей жизни фотографировалась обнаженной. Это было бы вполне в ее характере.

Его пальцы забегали по клавиатуре. Он набрал «Леда Страйк», но тут же стер букву за буквой, злобно стуча указательным пальцем. Есть пределы, за которые нормальный человек по собственной воле не выходит, есть сочетания слов, которые не хочется оставлять в своей истории интернет-поисков, но, к сожалению, есть и дела, которые нельзя перепоручить другому.

Он устался на пустую поисковую строку, откуда ему равнодушно подмигивал курсор, и быстро набрал – как всегда, двумя пальцами: «Дональд Лэйнг».

Людей с таким именем оказалось полно, особенно в Шотландии, но можно было смело исключить тех, кто вносил квартплату или участвовал в выборах, пока Лэйнг отбывал срок. В результате тщательного отбора, ориентируясь на приблизительный возраст Лэйнга,

Страйк вычислил человека, который в две тысячи восьмом году вроде бы жил в городке Корби с некой Лоррейн Макнотон. По нынешним сведениям, Лоррейн Макнотон числилась одинокой.

Он стер имя Лэйнга и набрал «Ноэл Брокбэнк». Таких в Соединенном Королевстве оказалось на порядок меньше, чем тезок Лэйнга, но поиски опять же зашли в тупик. Какой-то Н. К. Брокбэнк в две тысячи шестом проживал один в Манчестере; если это тот, кого искал Страйк, значит он разошелся с женой. А плюс это или минус, Страйк пока не решил...

Откинувшись на спинку офисного стула Робин, Страйк принялся анализировать возможные последствия получения неизвестно чьей отсеченной ноги. Очень скоро полиция обратится за помощью к населению, но Уордл пообещал известить Страйка, когда станет известна дата пресс-конференции.

Такая из ряда вон выходящая, уродливая история в любом случае стала бы сенсацией, но здесь шумиха грозила перейти все мыслимые пределы (даже думать об этом не хотелось) из-за того, что ногу прислали не куда-нибудь, а к нему в агентство. В последнее время Корморан Страйк и без того находился в поле зрения прессы. Под носом у полиции Большого Лондона он раскрыл два громких убийства, и эти расследования неизбежно вызвали бы общественный резонанс, вне зависимости от заслуг частного детектива: в первом случае жертвой стала юная красавица, а во втором было совершено бессмысленное ритуальное убийство.

Как скажется доставка этой посылки, спрашивал себя Страйк, на его бизнесе, выстроить который стоило ему невероятных трудов? Последствия грозили быть серьезными. Непреклонным барометром деловой репутации служил интернет. В скором времени пользователь, решивший погуглить «Корморан Страйк», уже не увидит в верхней части страницы восторженных похвал в адрес двух его самых успешных, знаменитых расследований: их сменят беспощадные ссылки на то, что этому сыщику прислали отрезанную конечность, а значит, у него есть по крайней мере один заклятый враг. Страйк не сомневался, что хорошо знает нравы общественности, особенно того сегмента, который составляют неуверенные, запуганные и озлобленные – хлеб любого частного детектива. Такие на пушечный выстрел не подойдут к агентству, которое получает посылки с отрезанными ногами. В лучшем случае новые клиенты решат, что у Страйка и Робин хватает собственных проблем, а в худшем – что эта парочка, неумелая и недалекая, вляпалась по самое некуда.

Он собрался выключить компьютер, но передумал и, сделав над собой еще большее усилие, чем потребовалось бы для поиска фотографий

обнаженной матери, набрал «Бриттани Брокбэнк». В «Фейсбуке», в «Инстаграме» таких нашлось немало. На селфи сверкали улыбками сотрудницы каких-то неизвестных ему компаний. Он внимательно изучил изображения. Все девушки выглядели на двадцать с небольшим – как раз ее возраст. Темнокожих он отмел сразу, а какая именно была объектом его поиска, не знал: брюнетка, блондинка или рыжая, симпатичная или простушка, улыбчивая, или грустная, или пугливая. В очках не сфотографировалась ни одна. Это что, тщеславие? Или она сделала лазерную коррекцию зрения? Или просто не любила мелькать в социальных сетях? Страйк помнил: она собиралась сменить имя. А помимо всего прочего, допускал и кардинальную причину ее отсутствия: смерть.

Он вновь посмотрел на часы. Пора собираться.

«Нет, это не она», – подумал Страйк.

А потом: «Хоть бы не она». Ведь если она – это целиком на его совести.

Is it any wonder that my mind's on fire?

Blue Öyster Cult. «Flaming Telepaths»^[13]

В тот вечер по дороге домой Робин проявляла необычную бдительность: тайком сравнивала каждого пассажира в вагоне с запомнившейся высокой фигурой, затянутой в черную кожу. Одетый в дешевый костюм худощавый парень азиатской наружности с надеждой улыбнулся, в третий раз поймав на себе взгляд Робин; после этого она сделала вид, что поглощена своим телефоном, и, когда позволяли условия приема, просматривала сайт Би-би-си, поскольку, как и Страйк, ожидала, что посылка вскоре произведет эффект разорвавшейся бомбы. Через сорок минут после ухода с работы она уже входила в супермаркет «Вейтроуз», в двух шагах от своей станции метро. В холодильнике у нее было хоть шаром покати. Мэтью отказывался покупать продукты (хотя в позапрошлый раз, когда у них вышла ссора, всячески отпирался) – видимо, считал, что ненавистные для него обязанности должен выполнять тот, кто вносит в хозяйство меньше трети семейного бюджета.

Одинокие мужчины в костюмах наполняли корзины и тележки готовыми к употреблению продуктами. Деловые женщины на бегу хватали со стеллажей спасительные полуфабрикаты. Изнуренная молодая мать с горластым младенцем в коляске вилась по проходам, как обезумевшая моль, и не могла сосредоточиться: у нее в корзине лежал только пакетик моркови.

В состоянии безотчетной нервозности Робин медленно прохаживалась туда-сюда. Никто из покупателей не напоминал ей байкера в черном, никто не разглядывал ее исподтишка, примериваясь, как бы отрезать ей ноги. («... отрезать мне ноги...»)

– Позвольте! – Сердитая пожилая дама пыталась дотянуться до сосисок.

Робин с извинениями отошла в сторону, не понимая, откуда у нее в руке взялась упаковка куриных бедрышек. Бросив ее в тележку, она заторопилась в другой конец торгового зала, нашла относительный покой в винном отделе и позвонила Страйку. Он ответил после второго сигнала:

- Все в порядке?
- Да, конечно...
- Ты где?
- В «Вейтроузе».

Какой-то лысоватый коротышка изучал полки с хересом за спиной у Робин. Его глаза оказались на уровне ее груди. Робин сделала шаг в сторону; он двинулся вместе с ней. Под ее гневным взглядом этот наглец ретировался.

– Вот и хорошо, там ты в безопасности.

– Мм... – протянула Робин, провожая взглядом удаляющуюся спину коротышки. – Слушай, может, конечно, это пустое, но я вспомнила, что за последние месяцы мы получили пару непонятных писем.

– От шизиков?

– Не начинай.

Робин терпеть не могла эти пренебрежительные слова. После того как Страйк раскрыл второе громкое убийство, к ним в агентство лавиной хлынули письма. В одном, самом осмысленном, содержалась просьба дать денег – как видно, Страйка теперь считали богачом. В других высказывались невнятные жалобы и требования наказать обидчиков. Некоторые авторы излагали выстраданные, самые невероятные теории. Поступали и бессвязные, сбивчивые записки с такими вымогательствами и желаниями, которые указывали только на безумие авторов. Наконец, малая часть корреспонденции приходила в контору от лиц обоего пола («Вот где настоящие шизики», – отметила Робин) с объяснениями в любви.

– К тебе? – Страйк вдруг посерьезнел.

– Боже упаси – к тебе.

Робин слышала, как во время телефонного разговора Страйк мерил шагами мансарду. Наверное, готовился к свиданию с Элин. Он никогда не рассказывал об их романе. Если бы Элин как-то днем не забежала в агентство, Робин, вероятно, даже не узнала бы о ее существовании, по крайней мере до той поры, когда Страйк явился бы в контору с обручальным кольцом на пальце.

– И что в них говорилось? – спросил Страйк.

– Да как тебе сказать... одно было от девушки, которая просила совета, как ей отрезать собственную ногу.

– Я не ослышался?

– Она хотела отрезать себе ногу, – четко выговорила Робин, и покупательница, выбиравшая розовое вино, бросила на нее испуганный взгляд.

– Матерь божья, – пробормотал Страйк, – и мне еще запрещают называть их шишиками. Как думаешь, она провернула это дельце и решила меня обрадовать?

– Я думаю, – Робин своим тоном пресекла всякое ерничество, – что такого рода письмо заслуживает внимания. У некоторых людей действительно есть потребность отрезать кусочки своей плоти, это известное науке явление, называется... нет, не «шиза», – добавила она, точно предугадав реакцию босса, и он рассмеялся. – А другое письмо, очень длинное, было подписано инициалами. Там бесконечно смаковалась тема твоей ноги и желание загладить вину.

– Кто хотел загладить вину, тот прислал бы мужскую ногу, а не женскую. Могу себе представить, какой идиотский видок был бы у меня на...

– Прекрати! – сказала Робин. – Это не тема для шуток. Не верю, что у тебя язык повернулся.

– А я не верю, что у тебя не повернулся, – беззлобно парировал Страйк.

Из трубки до слуха Робин донесся знакомый скрежет, а потом звучный лязг.

– Ты полез в коробку для шиши!

– Я считаю некорректным говорить «коробка для шиши», Робин. Это неуважительно по отношению к нашим согражданам с психическими расстройствами...

– До завтра, – невольно улыбнулась Робин и отсоединилась, не дослушав хохота босса.

Когда она побрела дальше по проходу, на нее с новой силой нахлынула усталость, не отступавшая весь день. Принять решение о покупке съестного оказалось непосильной задачей. Насколько легче было бы закупаться по списку, составленному кем-то другим! Как работающая мать семейства, которая высматривает, что можно приготовить на скорую руку, она сдалась и купила побольше пасты. В очереди к кассе перед ней оказалась молодая мать с горластым младенцем, который исчерпал свои возможности и уснул мертвецким сном, выставив вперед кулачки и крепко зажмурившись.

– Какой зайчик, – сказала Робин: ей показалось, что молодая мать ждет похвалы.

– Когда спит, – ответила та с вялой улыбкой.

Отперев дверь в квартиру, Робин лишилась последних сил. Как ни удивительно, Мэтью встречал ее в тесной прихожей.

– Продуктов закупил! – похвалился он, но, заметив у нее в руках четыре набитых пакета, не смог сдержать разочарования: его широкий жест подпортили ложкой дегтя. – Я же послал тебе эсэмэску, что иду в «Вейтроуз»!

– Наверно, я пропустила, – сказала Робин. – Извини.

Не иначе как она тогда говорила по телефону со Страйком. Вполне возможно, что Мэтью оказался в супермаркете одновременно с ней, но она половину времени провела в винном отделе.

Мэтью шагнул вперед, вытянул руки и заключил свою невесту в объятия, показавшиеся ей нарочито великодушными. И все же Робин, как всегда, не могла не отметить, что выглядит он потрясающе: темный костюм, зачесанные назад густые каштановые волосы.

– Натерпелась ты, – прошептал он, обдавая теплом своего дыхания ее волосы.

– Да уж, – сказала она, обнимая его за талию.

Они мирно поужинали пастой и ни разу не упомянули Сару Шедлок, Страйка и Жака Бургера. Если утром Робин захлестывали амбиции – она хотела во что бы то ни стало заставить Мэтью признать, что курчавой шевелюрой восхищалась не она, а Сара Шедлок, – то теперь ее вознаграждали за зрелость и стойкость, но тут Мэтью виновато объявил:

– После ужина мне придется немного поработать.

– Без проблем, – ответила Робин. – Я все равно хотела лечь пораньше.

Она выпила чашку диетического горячего шоколада и взяла с собой в постель журнал «Грация», но так и не смогла сосредоточиться. Минут через десять она встала, сходила за ноутбуком, вернулась с ним в постель и погуглила «Джефф Уиттекер».

Статью из Википедии она пролистала давно, когда украдкой копалась в прошлом Страйка, но теперь стала читать внимательно. Материал начинался со стандартных отказов от ответственности.

В Википедии есть статьи о других людях с фамилией Уиттекер.

Эта статья нуждается в дополнительных источниках для улучшения проверяемости.

Возможно, этот раздел содержит оригинальное исследование.

Джефф Уиттекер (р. 1969) – музыкант, известный главным образом женитьбой на «супергруппе» 1970-х гг. Леде Страйк. Обвинялся в ее убийстве в 1994.^[1]

Внук дипломата сэра Рэндолфа Уиттекера, кавалера ордена Подвязки и ордена «За безупречную службу».

Детство и юность

Уиттекер воспитывался дедом и бабушкой. Его несовершеннолетняя мать Патриция Уиттекер страдала шизофренией. [добавить цитату] Отца Уиттекер не знал [добавить цитату]. Был исключен из школы «Гордонстаун» за то, что угрожал ножом учителю. [добавить цитату] Утверждает, что после этого дед на трое суток запер его в сарае; дед отрицает этот факт. [2] В подростковом возрасте сбежал из дома, бродяжничал.

По собственному признанию, работал могильщиком [добавить цитату].

Музыкальная карьера

В конце 1980-х – начале 1990-х Уиттекер был гитаристом и автором текстов ряда трэш-метал-групп, в т. ч. *Restorative Art*, *Devilheart* и *Necromantic*. [3][4]

Личная жизнь

В 1991, пытаясь подписать контракт от имени группы *Necromantic*, [добавить цитату] Уиттекер познакомился с сотрудницей студии звукозаписи Ледой Страйк, бывшей возлюбленной Джонни Рокби и Рика Фантони. Уиттекер и Страйк поженились в 1992. В декабре того же года у них родился сын, Свитч Ла-Вей Блум Уиттекер. [5]

В 1993 Уиттекера выгнали из группы *Necromantic* за злоупотребление наркотиками. [добавить цитату] В 1994, когда Леда Уиттекер умерла от передозировки героина, Уиттекеру предъявили обвинение в убийстве. Суд его оправдал. [6][7][8][9]

В 1995 подвергся повторному аресту за умышленное нанесение телесных повреждений и попытку похищения сына, находившегося под опекой деда и бабушки Уиттекера. Был осужден условно за причинение вреда здоровью деда. [добавить цитату]

В 1998 Уиттекер угрожал ножом коллеге и был приговорен к трем месяцам тюремного заключения. [10][11]

В 2002 был осужден за препятствие законной процедуре похорон. Его сожительница Карен Эйбрахам умерла, как было установлено, от сердечной недостаточности; Уиттекер в течение месяца хранил ее тело в их общей квартире. [12][13][14]

В 2005 Уиттекер был осужден за распространение крэка.

Робин перечитала эту страницу дважды. Определенно, сегодня ей было трудно сосредоточиться. Информация будто бы скользила по поверхности сознания и не усваивалась. Запомнились лишь отдельные фрагменты биографии Уиттекера, поразившие Робин своей странностью. Зачем целый месяц прятать в квартире труп? Быть может, Уиттекер опасался нового обвинения в убийстве? Или у него была другая причина? Тела, конечности, куски мертвой плоти... Отпив горячего шоколада, Робин поморщилась от вкуса ароматизированной пыли. Вознамерившись похудеть, чтобы хорошо смотреться в подвенечном платье, она уже месяц не прикасалась к настоящему шоколаду.

Поставив кружку на ночной столик, она забегала пальцами

по клавиатуре и поискала изображения на тему «Джефф Уиттекер суд».

Экран заполнили разделенные восемью годами картинки с изображениями двух разных Уиттекеров у двух разных залов суда.

Молодой Уиттекер, обвиняемый в убийстве жены, носил стянутые в конский хвост косички-дреды. Черный костюм и галстук придавали ему кобелиный шик, а высокий рост позволял смотреть поверх голов фоторепортеров. Скулы четко очерченные, кожа с желтизной, необычные, широко посаженные глаза, как у поэта – курильщика опиума или у еретика-священника.

Уиттекер, обвиняемый в препятствии похоронам другой женщины, утратил свою порочную привлекательность. Он слегка обрюзг, отпустил бороду и сделал брутальную армейскую стрижку. Не изменились только широко посаженные глаза и беспардонное высокомерие.

Робин медленно проскролила изображения вниз. Вскоре снимки «Страйкова Уиттекера», как она говорила про себя, сменились фотографиями его тезок, когда-либо имевших дело с правосудием. Так, чернокожий херувимчик по имени Джефф Уиттекер засудил своих соседей, чья собака регулярно гадила у него на лужайке.

Почему Страйк решил, что ногу мог прислать бывший отчим (всего на пять лет старше пасынка, с изумлением отметила Робин)? Когда он в последний раз виделся с человеком, которого подозревал в убийстве Леды? Робин поймала себя на том, что еще многого не знает о своем боссе. Теперь она набрала «Эрик Блум».

Первое, что пришло ей на ум при виде рокера семидесятых, одетого в кожу: волосы у него точь-в-точь как у Страйка – темные, густые, курчавые. Невольно вспомнились Жак Бургер и Сара Шедлок, отчего настроение совсем упало. Она решила пробить двух других подозреваемых, но забыла, как их зовут. Дональд... а дальше? И какая-то нелепая фамилия на букву «Б»... В принципе, память никогда ее не подводила. Даже Страйк хвалил. Почему же сейчас не удавалось вспомнить?

Но с другой-то стороны, что изменится, если она вспомнит? Ноутбука явно недостаточно, чтобы разыскать двух человек неизвестно где. Опыт, накопленный Робин за время работы в сыскном агентстве, подсказывал, что люди, которые живут под чужим именем, бродяжничают, селятся в сквотах или съемных квартирах и не регистрируются на избирательных участках, с легкостью могут проскользнуть сквозь ячейки любой базы данных. После нескольких минут раздумий, ругая себя за едва ли не предательство по отношению к боссу, Робин вбила в поисковую строку

«Леда Страйк», а потом, сгорая со стыда, приписала «голая».

Снимок оказался черно-белым. Юная Леда позировала, заложив руки за голову, в темном облаке волос, ниспадающих на грудь. По дуге величиной с ноготь большого пальца над клинышком лобковых волос тянулась выколота витиеватым шрифтом надпись. Слегка прищурившись, как будто для того, чтобы сделать очертания чуть размытыми и тем самым хоть немного сгладить свою наглость, Робин развернула фотографию во весь экран. Сильнее увеличивать не хотелось, да в этом и не было необходимости. Слова «Mistress of» читались безошибочно.

За стенкой спальни в ванной заработала вентиляция. Виновато вздрогнув, Робин закрыла страницу, которую просматривала. В последнее время Мэтью взял привычку совать нос в ее ноутбук, и с месяц назад Робин застучала его за чтением ее переписки со Страйком. Памятуя об этом, она открыла ту же страницу, очистила всю историю посещения сайтов, вернулась к своим настройкам и после секундного колебания сменила пароль на *Don'tFearTheReaper*. Вот так ему.

Она выскользнула из кровати, чтобы отнести кружку на кухню и выплеснуть горячий шоколад в раковину, но тут же сообразила, что совершенно упустила из виду Теренса Мэлли по кличке Диггер. Ну да ладно: у полицейских куда больше возможностей для поиска лондонского гангстера, чем у них со Страйком.

Да и не важно, сонливо подумала она, возвращаясь в спальню. Мэлли тут ни при чем.

Кабы не вытекли у него последние мозги – любимая присказка его мамы, злобной стервы («Последние мозги вытекли, что ли, паскудник мелкий?»), кабы не вытекли у него мозги, нипочем не увязался бы за Секретуткой сразу, как ногу ей всучил, прямо наутро. Да только трудно бороться с соблазном, если не знаешь, когда еще такая возможность подвернется.

Зуд снова пойти за ней следом подступил в ночи: так и тянуло поглядеть, какая у нее физиономия стала от такого подарочка. С завтрашнего дня такой вольницы уже не будет, поскольку Чудо вернется домой и потребует к себе безраздельного внимания. Чуду надо угождать, оно как-никак деньгу зашибает. Мудилище тупое, но ласку любит и даже не замечает, что взяло его на содержание.

Отправил он это Чудо с утраца на заработки – и бегом Секретутку высматривать у станции метро. Решение-то было правильное: она теперь в контору не ходила. Он так и задумал – сломать ее распорядок доставкой ноги, и все получилось. У него, считай, задумки всегда срабатывали. В слежке он поднаторел. Сегодня то шапку вязаную натягивал, то с непокрытой головой ходил. Разделся до футболки – затем куртку накинул, а дальше куртку наизнанку вывернул, очки темные надел – снял.

Для него Секретутка почему так важна, важней любой другой бабенки: через нее можно Страйка наказать, только надо подкараулить в тихом месте. Задумка отомстить Страйку – да так, чтоб жестко, раз и навсегда, – созрела у него давно и мало-помалу стала целью всей жизни. Он всегда таким был. Кто его разозлил, тот, считай, уже меченый, нужно только дожидаться удобного случая, а терпения у него предостаточно. Корморан Страйк причинил ему больше зла, чем кто бы то ни было, и должен заплатить по всей строгости. На несколько лет он упустил Страйка из виду, а потом на этого ублюдка слава обрушилась: герой, знаменитость. На самом-то деле такая слава не Страйку, а ему причиталась. Читал он льстивые статейки про эту его хлызду – и будто уксус глотал, но ни одной строчки не пропустил: свою мишень нужно изучить от и до, чтобы отомстить по полной программе.

Он намеревался причинить Страйку нечеловеческую боль, и это правильно, ведь сам-то он повыше человека будет, на сверхчеловека потянет. Поставить Страйка на перо в темном переулке – это было бы тому как счастье. Нет, наказание будет медленным и неизведанным, чтобы напугать до полусмерти, истерзать и под конец сгноить. И ведь никто не заподозрит – с чего бы? Три раза он выходил сухим из воды: трех девок порешил, и ни одна собака не пронюхала, кто это сделал. Такая удача вселяла в него уверенность: свежий номер «Метро» он прочел без тени паники, переполняясь только гордостью и удовлетворением от истерических воплей об отрезанной ноге, смакуя запахи страха и смятения, исходящие от каждого репортажа, и жалкое блеянье широкой публики – овец, почуявших волка.

Сейчас ему требовалось только одно: чтобы Секретутка срезала путь и прошлась по безлюдной улочке... но Лондон круглые сутки пульсировал и кишел народом, вот и приходилось в расстройстве и досаде опасно топтаться неподалеку, когда она зависала у Лондонской школы экономики.

А ведь Секретутка сама кого-то выслеживала, и нетрудно было вычислить, кого именно. Ее мишень, выделявшаяся в любой толпе платиновыми волосами, к концу дня приводила Секретутку обратно на Тотнэм-Корт-роуд.

Теперь мишень исчезла в стрип-клубе, а Секретутка зашла в паб напротив. Он прикинул, стоит ли ему соваться внутрь, но сегодня она была как-то по-особому бдительна, поэтому он направился в японский ресторанчик с большими окнами, занял место у окна и приготовился ждать.

Осечки не будет, сказал он себе, глядя сквозь темные очки на многолюдный тротуар. Он до нее доберется. И за эту мысль нужно держаться, потому что сегодня вечером его ожидало возвращение к Чуду и к полужизни – к лживой жизни, которая позволяла Ему настоящему ходить и дышать тайно.

В заляпанном, пыльном окне отражалась его неприкрытая мина без той светской глазури, что помогала ему втираться в доверие к женщинам – будущим жертвам его чар и ножей. На поверхность выбиралось существо, жившее у него внутри и не искавшее ничего, кроме утверждения своей власти.

*I seem to see a rose,
I reach out, then it goes.*

Blue Öyster Cult. «Lonely Teardrops»^[15]

Как и ожидал Страйк с того самого момента, когда весть об отрезанной ноге разорвалась бомбой, ему тут же позвонил старый знакомый из «Ньюс оф зе уорлд». Доминик Калпеппер вышел на связь во вторник, с самого утра; он рвал и метал. Репортер даже слушать не хотел, что у Страйка были особые причины не звонить ему при виде отсеченной конечности; вдобавок Страйк еще больше усугубил положение тем, что отказался информировать Калпеппера (и, естественно, отверг приличный задаток) обо всех подробностях дела по мере их поступления.

Калпеппер не раз давал Страйку подзаработать, но с окончанием телефонного разговора детектив понял, что этот источник дохода отныне будет перекрыт. Калпеппер был вне себя.

Страйк и Робин смогли переговорить только во второй половине дня. С рюкзаком за спиной, Страйк позвонил ей из переполненного «Хитроу-экспресса».

– Ты где? – спросил он.

– В пабе напротив «Мятного носорога»^[16], называется «Корт», – ответила она. – А ты где?

– Еду из аэропорта. К счастью, Папа-Злодей сел на самолет.

Страйк следил на Папой-Злодеем, крупным банкиром, по поручению его жены. Эта пара вела ожесточенную борьбу за опеку над детьми. Отъезд мужа в Чикаго означал, что у Страйка выдастся несколько ночей отдыха: ему временно не придется наблюдать за банкиром, который в четыре часа утра парковался перед домом жены, надевал очки ночного видения и устремлял свой взор на окна спальни двоих несовершеннолетних сыновей.

– Я подъеду, – сказал Страйк. – Никуда не срывайся... если, конечно, Платина с кем-нибудь не умотает.

Платиной они прозвали русскую студентку Лондонской школы экономики, а по совместительству – стриптизершу. Их нанял для слежки ее

бойфренд, которого Страйк и Робин нарекли «мистер Повторный»: во-первых, он обратился к ним повторно с аналогичным поручением: следить за его подругой-блондинкой, а во-вторых, он, судя по всему, раз за разом ловил кайф, когда узнавал об изменах любовниц.

Робин считала мистера Повторного зловещей и вместе с тем жалкой личностью. Платину он подцепил в том самом клубе, за которым сейчас наблюдала Робин. Им со Страйком предстояло выяснить, не пользуются ли другие мужчины теми же привилегиями, какие в последнее время предоставлялись Повторному. Как ни странно (сам Повторный этому бы не поверил и не обрадовался), его нынешняя пассия оказалась нехарактерно моногамной особой. С месяц понаблюдав за ее передвижениями, Робин убедилась, что девушка ведет замкнутый образ жизни, обедает в одиночку, обложившись учебниками, и почти не общается с подругами.

– Мне кажется, она подрабатывает в клубе, чтобы оплачивать свое образование, – поделилась Робин со Страйком по истечении первой недели. – Если мистер Повторный не хочет, чтобы на нее глазели другие, почему он ее не спонсирует?

– Главная прелесть этой девушки в том, что она елозит на коленях у чужих мужиков, – терпеливо объяснил Страйк. – Удивительно, что он только сейчас нашел себе такое сокровище. Подходит ему по всем статьям.

Страйк заходил в клуб вскоре после получения этого заказа и заручился поддержкой волоокой брюнетки с неожиданным прозвищем Вороненок, – та обещала последить за подругой его клиента. Вороненок должна была выходить на связь раз в день, сообщать, чем занята Платина, и немедленно ставить их в известность, если русская девушка вздумает записать кому-нибудь телефончик или пофлиртовать.

Правила клуба запрещали девушкам обниматься и заигрывать с посетителями, но мистер Повторный был убежден («Страдалец хренов», – говорил Страйк), что он – лишь один из многих, кто водит его подругу в рестораны и ложится с ней в постель.

– Все-таки я не понимаю, – со вздохом и уже не в первый раз говорила по телефону Робин, – зачем так уж необходимо здесь околачиваться, если звонок от Вороненка можно принять где угодно.

– Все ты понимаешь, – отрезал Страйк, готовясь к выходу. – Ему нравится, чтобы были фотографии.

– Но на этих фотографиях она просто идет на работу и с работы.

– Ну и что? Его это заводит. А кроме того, он убежден, что она вот-вот выйдет из клуба с каким-нибудь русским олигархом.

– Тебе не кажется, что после такой работы не отмоешься?

– Профессиональный риск, – как ни в чем не бывало ответил Страйк. – До скорого.

Робин томила в окружении обоев с цветочками и позолотой. Обитые парчой кресла и разрозненные абажуры составляли разительный контраст с огромным плазменным экраном, который показывал футбол и рекламу кока-колы. Деревянные детали были выкрашены в модный нынче цвет небеленого полотна – сестра Мэтью выбрала такой для гостиной. На Робин он нагонял тоску. Вход в клуб слегка загораживали деревянные балясины лестницы, ведущей наверх. На улице в обе стороны несли сплошной поток транспорта; время от времени обзор закрывали двухэтажные автобусы.

Страйк явился в раздражении.

– Рэдфорд отвалился, – сообщил он, бросая рюкзак на пол у стола. – Только что звонил.

– Не может быть!

– И тем не менее. Он считает, что ты теперь стала слишком узнаваемой персоной и не сможешь внедриться к нему в офис.

В сводках новостей посылка с отсеченной конечностью фигурировала с шести утра. Уордл сдержал слово и заблаговременно предупредил Страйка. Детектив успел покинуть свою мансарду на рассвете, прихватив с собой смену одежды на несколько дней. По опыту он знал, что к входу вот-вот слетятся репортеры.

– И еще... – продолжил Страйк, возвращаясь к Робин с пинтой пива и присаживаясь на барный стул. – Хан тоже сдрейфил. Собирается обратиться в такое агентство, куда не стекаются части тел.

– Холера ему в бок! – выпалила Робин и тут же осеклась. – Что ты ухмыляешься?

– Да просто так. – Страйк не хотел признаваться, что ему нравится, как она произносит «холера ему в бок». На этих словах у нее всегда прорезался йоркширский акцент.

– Такие были классные заказы, – огорчилась Робин.

Страйк выразил согласие, не сводя глаз со входа в «Мятный носорог».

– Как там Платина? Вороненок выходила на связь?

Поскольку Вороненок только что звонила, Робин смогла доложить Страйку, что новостей, как всегда, нет. Платина пользовалась большим успехом у посетителей и в тот день исполнила три танца на коленях у желающих, причем, согласно правилам заведения, вполне пристойно.

– Читала? – Он ткнул пальцем в оставленный кем-то на соседнем столе номер «Миррор».

– Только интернет-версию, – ответила Робин.

– Надеюсь, какая-никакая информация теперь поступит, – сказал Страйк. – Кто-нибудь наконец заметит, что потерял ногу.

– Ха-ха, – сказала Робин.

– По-твоему, еще рано?

– Да, – холодно ответила она.

– Я вчера вечером в Сети покопался, – сообщил Страйк. – Не исключено, что Брокбэнк в две тысячи шестом проживал в Манчестере.

– А ты уверен, что это тот самый?

– Не-а, но возраст подходящий, средний инициал совпадает...

– Неужели ты помнишь его инициалы?

– Угу. Но похоже, из Манчестера он сдернул. Та же история, что с Лэйнгом. Я почти уверен, что в две тысячи восьмом этот кантовался в Корби, но потом переехал. Скажи-ка, – добавил Страйк, вглядываясь в окно, – вон тот мужик в камуфляжной куртке и темных очках давно сидит в японской кафешке?

– С полчасца.

Страйк мог поручиться, что человек в темных очках наблюдает за ним через улицу сквозь двойное оконное стекло. Плечистый, долговязый, он выглядел слишком крупным на серебристом стульчике. Страйку мешали отражения машин и прохожих. Уверенности не было, но ему померещилась густая щетина.

– А что там происходит? – любопытствовала Робин, указывая в направлении входных дверей «Мятного носорога» под тяжелым металлическим козырьком.

– В стрип-клубе? – Страйк даже растерялся.

– Нет, в японской кафешке, – саркастически бросила Робин. – Естественно, в стрип-клубе!

– Ничего особенного. – Страйк не вполне понимал, о чем она спрашивает.

– Как он выглядит?

– Весь в позолоте, в зеркалах. Приглушенный свет. – Поймав выжидательный взгляд Робин, он продолжил: – В центре – шест, возле него танцуют.

– Разве не на коленях у клиентов?

– Для этого есть отдельные кабинеты.

– А что на девушках надето?

– Затрудняюсь сказать. По минимуму.

У него зазвонил мобильный: Элин.

Робин отвернулась и стала вертеть лежащие перед ней очки для чтения, в которые была вмонтирована камера для съемки перемещений Платины. Впервые увидев этот гаджет, она пришла в восторг, но с тех пор он ей изрядно надоел. Попивая томатный сок, она смотрела в окно и старалась не прислушиваться к беседе Страйка и Элин. По телефону он всегда говорил со своей подругой обыденным тоном, но, вообще-то, Робин не могла даже вообразить, чтобы ее босс нашептывал кому-нибудь нежности. Мэтью, к примеру, когда бывал в настроении, называл ее Робси или Розы-Пози, но в последнее время такое случалось все реже.

– ...у Ника с Илсой, – говорил Страйк. – Ага. Нет. Согласен... ага... ладно... и тебе...

Разговор закончился.

– Ты к ним собираешься перебраться? – спросила Робин. – К Нику с Илсой?

Это были его самые надежные друзья юности. Пару раз Робин видела их в агентстве и прониклась теплым чувством к обоим.

– Да, они говорят, что я могу оставаться у них сколько угодно.

– А почему не у Элин? – спросила Робин, рискуя получить отпор: она знала, что Страйк никогда не смешивает профессиональные дела с личными.

– Не получится, – ответил он без малейшего раздражения, но уточнять не стал. – Совсем забыл, – продолжал он, вглядываясь в японское кафе; столик, за которым сидел человек в камуфляже, пустовал. – Смотри, что я тебе принес.

Это был брелок с тревожной кнопкой.

– У меня уже есть. – Робин вытащила из кармана пальто похожий.

– Нет, этот лучше. – Страйк продемонстрировал ей принцип действия. – Нужно, чтобы была сирена по меньшей мере на сто двадцать децибел и разбрызгиватель несмываемой краски.

– Мой выдает сто сорок децибел, – не сдавалась Робин.

– И все равно этот лучше.

– Мужчина всегда считает, что его гаджет – самый лучший, – сказала Робин.

Страйк посмеялся и допил пиво.

– До встречи.

– Ты сейчас куда?

– Со Штырем хочу потолковать.

Этого имени Робин еще не слышала.

– Он мне дает кое-какие наводки, за которые можно поторговаться

с полицией, – объяснил Страйк. – Осведомитель, помнишь? Рекомендовал меня одному гангстеру как своего.

– Ах, этот, – вспомнила Робин. – Ты не говорил, как его зовут.

– Штырь – мой козырь в поисках Уиттекера, – добавил Страйк. – Вполне может быть, что он к тому же располагает информацией о Диггере Мэлли. Это одна компашка. – Страйк прищурился. – Поосторожней там с этим типом в камуфляже.

– Ты нервничаешь.

– Да, черт возьми, Робин, я нервничаю. – Он достал из кармана пачку сигарет, хотя до метро было два шага. – Нам, видишь ли, прислали отрезанную ногу.

Какая приятная неожиданность: увидеть на другой стороне улицы калеку Страйка – вон еле-еле ковыляет по тротуару к пабу «Корт». Ну и разнесло же этого болвана с момента их последней встречи, тащится со своим рюкзаком, один в один – тупой солдафон, каким и запомнился, и ведь понятия не имеет, что отправитель отрезанной ноги находится в каких-то пятидесяти метрах от него. Великий сыщик, мать его! В паб претя на встречу со своей Секретуткой. Как пить дать, трахает ее. По крайней мере, на это можно надеяться. Если так, осуществить задуманное будет еще приятнее. Сквозь солнцезащитные очки он наблюдал за Страйком, который сел прямо у окна и, как ему показалось, вдруг оглянулся. Конечно, разглядеть черты лица через дорогу, двойное оконное стекло и темные очки невозможно, но было что-то особенное в далекой фигуре сыщика, в его физиономии, обращенной прямо к наблюдателю, отчего тот сильно напрягся. Они смотрели друг на друга через улицу, по которой грохотал транспорт, время от времени загораживая им вид.

Дождавшись, чтобы обзор перекрыли три идущих вплотную, один за другим, двухэтажных автобуса, он резко вскочил со своего места, выскользнул из стеклянных дверей кафешки и шмыгнул в переулок.

Его трясло; он сорвал с себя камуфляжную куртку и вывернул наизнанку. Выбрасывать ее в мусорный бак никак нельзя: за подкладкой спрятаны ножи. В очередной раз юркнув за угол, он бросился бежать.

With no love, from the past.

Blue Öyster Cult. «Shadow of California»^[18]

Из-за непрерывного потока транспорта Страйк не смог сразу перейти Тотнэм-Корт-роуд; оставалось только ждать, всматриваясь в толпу прохожих на противоположном тротуаре. Наконец он пересек проезжую часть и заглянул в окно японского кафе, но не увидел камуфляжной куртки. Ни один из посетителей, одетых в рубашки и футболки, ни ростом, ни телосложением не напоминал того типа в солнцезащитных очках. У Страйка в кармане куртки дрогнул мобильник. Пришло сообщение от Робин:

Спокойно.

Ухмыльнувшись, Страйк помахал на прощание окнам «Корта» и направился в сторону метро.

Возможно, Робин права: зря он так дергается. Какова вероятность того, что псих, приславший эту ногу, будет в открытую следить за Робин? И все же пристальный взгляд того громилы в камуфляжной куртке вызывал определенные подозрения, как и его темные очки: на улице не так уж и солнечно. Случайно ли он исчез как раз в тот миг, когда оказался вне поля зрения Страйка? Беда в том, что воспоминания сыщика о внешности троих интересовавших его сейчас людей были, по сути, бесполезны: ведь он не видел Брокбэнка уже восемь лет, Лэйнга – девять, а Уиттекера – целых шестнадцать. Любой из них мог за это время набрать или сбросить вес, полысеть, отрастить бороду или усы, стать инвалидом или накачать мышцы. Сам Страйк со времени знакомства с ними успел лишиться ноги. Единственное, чего не замаскируешь, – это рост. Все трое субъектов, не дававших покоя Страйку, были ростом как минимум выше среднего, и Камуфляж вполне отвечал такому описанию.

Вблизи станции метро «Тотнэм-Корт-роуд» у Страйка в кармане завибрировал телефон; звонил, к счастью, Грэм Хардэйкр. Отойдя в сторону, чтобы не мешать прохожим, Страйк ответил на звонок.

– Здорово, – послышался голос его бывшего сослуживца, – как дела, старина? Слышал, тебе присылают отрезанные конечности?

– Я так понимаю, ты сейчас не в Германии? – отозвался Страйк.

– В Эдинбурге, уж полтора месяца. Недавно вот прочитал о тебе в «Скотсмене».

У Отдела специальных расследований Королевской военной полиции был филиал в Эдинбургском замке: тридцать пятый отдел. Назначение туда считалось престижным.

– Харди, дело есть, – сказал Страйк. – Требуется кое-какая инфа. Ноэла Брокбэнк помнишь?

– Забудешь такого, как же. Седьмая бронетанковая, если память мне не изменяет?

– Ага, он самый. Второй – Дональд Лэйнг. Я его знал еще до знакомства с тобой. Он из Королевского собственного пограничного полка. Мы с ним на Кипре служили.

– Вернусь в контору – сделаю все, что смогу, дружище. Я сейчас в чистом поле стою.

Беседу об общих знакомых прервал усилившийся в час пик шум транспорта. Хардэйкр пообещал перезвонить, когда наведет справки в военном архиве, и Страйк спустился в метро. Через полчаса он вышел на станции «Уайтчепел» и обнаружил эсэмэску от человека, с которым у него была назначена встреча:

Приболел отбой перезвоню.

Очень досадно и не вовремя, но совершенно не удивительно.

Учитывая, что у Страйка не было ни партии наркотиков, ни толстой пачки немеченых банкнот, ни намерения кого-то припугнуть или избить, Штырь и так оказал ему большое уважение, когда соизволил назначить дату и место встречи.

Страйк провел целый день на ногах, культия нещадно ныла, но у метро присесть было негде. Он прислонился к желтой кирпичной стене у входа и набрал номер Штыря.

– Ну чё тебе, Бунзен?

Как возникло прозвище Штырь, Страйк уже забыл и понятия не имел, почему Штырь называет его самого Бунзеном. Они познакомились, когда им было по семнадцать, но их отношения, хотя и довольно тесные, мало походили на обычную подростковую дружбу. По сути, это была не дружба в привычном понимании, а скорее вынужденное братство. Страйк был уверен, что Штырь в случае чего станет оплакивать его смерть, но не сомневался также, что, останься Штырь один на один с его трупом,

он приберет к рукам все, что найдет ценного. И при этом будет считать, что где-то на небесах Страйк только радуется, видя, как его бумажник переключивается к нему, Штырю, а не к какому-нибудь проходимцу.

– Занят, Штырь? – Страйк закурил.

– Да, Бунзен. Сегодня никак. А чё те приспичило?

– Я Уиттекера ищу.

– Разобраться с ним хочешь?

Перемена в голосе Штыря встревожила бы любого, забудь он, кто такой Штырь и чем занимается. Для него и его братвы единственным верным способом прекратить вражду было убийство, и, как следствие, половину сознательной жизни он провел за решеткой. Штырю было за тридцать, и Страйка удивляло, что тот вообще дожил до такого возраста.

– Просто хочу знать, где он кантуется, – с нажимом ответил Страйк.

Вряд ли Штырь слышал об отрезанной ноге, ведь в его мире новости ограничивались сугубо личными интересами и передавались через знакомых.

– Могу поспросить.

– Бабло – по таксе, – сказал Страйк, у которого со Штырем была постоянная договоренность о вознаграждении за полезную информацию. – И еще... Штырь? – Этот перец имел обыкновение вешать трубку, когда его что-то отвлекало.

– Еще чего-то? – переспросил Штырь.

Голос его будто удалился, а затем приблизился. Насколько понял Страйк, тот убрал телефон от уха, считая, что разговор окончен.

– Да, – сказал Страйк. – Диггер Мэлли.

Молчание в трубке красноречиво свидетельствовало, что не только Страйк помнит, кто такой Штырь, но и Штырь не забывает, кто есть Страйк.

– Строго между нами, Штырь. Ты ведь не трепался обо мне с Мэлли?

Помолчав еще немного, Штырь мрачно ответил:

– На кой хрен мне с ним трепаться?

– Должен был спросить. При встрече объясню.

Опять тревожная тишина.

– Штырь, я тебя когда-нибудь сдавал? – спросил Страйк.

После непродолжительной паузы Штырь заговорил, как показалось Страйку, своим обычным тоном:

– Короче. Уиттекер, ага? Попробуем, Бунзен.

Раздались отрывистые гудки. Штырь не имел привычки прощаться.

Страйк со вздохом закурил новую сигарету. Поездка оказалась

напрасной. Только докурить пачку «Бенсон энд Хеджес» – и можно садиться в обратный поезд.

Вестибюль станции метро, стоявший посреди забетонированного двора, обступали задние фасады жилых домов. Вдали, на фоне горизонта, поблескивал «Корнишон»^[19], огромный черный небоскреб в форме пули. Лет двадцать назад, когда семья Страйка какое-то время жила в Уайтчепеле, этого здания еще не было.

Оглядываясь по сторонам, Страйк не испытывал ни ностальгии, ни радости возвращения. Ему были внове и эта забетонированная площадка, и серые спины домов. Даже станция метро казалась лишь смутно знакомой. Сплошная череда переездов и передраг, без которых не обходилась его жизнь с матерью, затуманила воспоминания о конкретных местах; он успел забыть, чья обветшалая квартирка располагалась над угловым магазином и что за паб примыкал к их сквоту.

Вместо того чтобы вернуться в метро, он машинально приближался к той точке, которую обходил стороной вот уже семнадцать лет, – к дому, где умерла его мать. Это был последний сквот, в котором она ютилась, – ветхое двухэтажное строение в минуте ходьбы от метро. По пути он начал мало-помалу вспоминать. Еще бы: по этому металлическому мосту над рельсами Страйк ходил учеником выпускного класса. Всплыло в памяти и название улицы: Каслмэйн-стрит. Определенно, здесь жила одна шепелявая девчонка, его одноклассница...

Дойдя до конца Фулборн-стрит, Страйк замедлил шаг, поймав себя на какой-то двойственности восприятия. Смутные воспоминания об этом месте, полустертые сознательными попытками забыть, вставали у него на пути, как выцветшие слайды. Здания с облупленной штукатуркой остались такими же ветхими, какими запомнились, а вот офисы и магазины были совершенно незнакомы. Страйк будто вернулся в какую-то местность, виденную во сне, но потом сдвинутую и покалеченную. Естественно, ничто не вечно в этих бедных кварталах Лондона, где сменяют друг друга хлипкие предприятия-однодневки; убогие вывески крепятся кнопками, чтобы сподручнее было вешать новые; владельцы уходят: кто в другие пределы, кто в мир иной.

Страйк не помнил номера дома и решил отыскать знакомую дверь, которая вела в бывший сквот; через пару минут она обнаружилась рядом с магазинчиком азиатской и европейской одежды, в котором, по расчетам Страйка, прежде находилась ямайская продуктовая лавка. Указателем послужил латунный почтовый ящик. Каждый приход и уход он отмечал пронзительным лязгом.

Черт, черт, черт...

Прикурив вторую сигарету от первой, Страйк быстро вышел на заставленную рыночными палатками Уайтчепел-роуд. Все те же дешевые шмотки и яркая пластмассовая утварь. Страйк прибавил шаг. Он сам точно не знал, куда идет, но узнавал некоторые приметы: эта бильярдная находилась здесь и семнадцать лет назад... эта старинная литейня^[20] тоже... воспоминания, пробуждаясь, жалили так, будто он разворошил гнездо спящих змей...

На пороге своего сорокалетия мать стала заглядываться на мужчин помоложе, и Уиттекер был из них самый молодой: ему исполнился всего двадцать один год. Страйку было шестнадцать, когда Уиттекер появился у них в доме. Музыкант со впалыми, болезненно яркими, золотисто-карими глазами, он уже тогда выглядел разбитым и опустошенным. На плечи спадали темные косички-дреды; ходил он в одних и тех же джинсах и футболке; от него всегда воняло. В голове Страйка, устало бредущего по Уайтчепел-роуд, в такт шагам звучала расхожая истина.

Что на виду, того не видать. Что на виду, того не видать.

Многие, вероятно, решили бы, что Страйк одержим, несправедлив, не способен отпустить то, что берedit душу. Они сказали бы, что при виде посылки с ногой Страйк тут же заподозрил Уиттекера, поскольку до сих пор не мог смириться, что тот разгуливает на свободе, избежав наказания за убийство Леды. И даже разъясни Страйк причины, по которым подозревал Уиттекера, люди, скорее всего, только высмеяли бы предположение о том, что записной любитель извращений и садизма мог отрезать женщине ногу. Страйк знал, как сильно укоренилось в людских головах убеждение, что злодей всегда скрывает свою опасную склонность к насилию и подавлению. Если же склонность эта выставляется напоказ, доверчивый люд только хохочет, объявляет ее позерством и находит в ней определенную изюминку.

С Уиттекером Леда познакомилась в студии звукозаписи, где была секретаршей, мелкой сошкой, причастной к истории рока и сидевшей идиолом в приемной. В свою очередь, Уиттекер, который брэнчал на гитаре и писал тексты для нескольких трэш-металлических команд, поочередно выгонявших его за неадекватное поведение, пристрастие к наркотикам и агрессивность, утверждал, что познакомился с Ледой, когда пришел заключать договор о записи альбома. Впрочем, Леда потом призналась сыну, что в момент их первой встречи охранники выталкивали Уиттекера за порог, а она убеждала их быть помягче с этим мальчиком. Леда привела музыканта к себе домой, где он и обосновался всерьез и надолго.

Шестнадцатилетний Страйк не мог знать наверняка, действительно ли Уиттекер наслаждается садистскими и демоническими ритуалами, или все это сплошное фиглярство. Не сомневался он только в одном: что ненавидит Уиттекера всеми фибрами души и ненависть эта гораздо сильнее тех чувств, которые он испытывал к другим временным сожителям Леды. За уроками ему приходилось вдыхать вонь этого подонка, едва ли не пробовать ее на язык. Уиттекер относился к подростку-пасынку свысока: внезапный град язвительных оскорблений демонстрировал его красноречие, которое он предусмотрительно скрывал, когда подлаживался к публике попроще из окружения Леды. Но Страйк тоже не лез за словом в карман. Кроме того, мозг его был не так сильно отравлен марихуаной, а лишь слегка подернут вечным облаком дурмана, висевшим в сквоте. Пока Леда не слышала, Уиттекер издевался над Страйком за решение возобновить прерванную учебу. Высокий и жилистый, Уиттекер сохранял на удивление хорошую форму для человека, ведущего малоподвижный образ жизни; но и Страйк уже перерос за метр восемьдесят и занимался боксом в местном клубе. Напряжение между этими двумя сгущало прокуренный воздух и грозило вылиться в бойню.

Постоянными издевками, домогательствами и насмешками Уиттекер заставил сводную сестру Страйка навсегда уйти из дома. Отчим с самодовольным видом разгуливал по комнате нагишом, почесывая татуированную грудь и глумясь над униженной четырнадцатилетней девочкой. Однажды вечером она добежала до телефонной будки на углу, позвонила дяде с тетей и упросила забрать ее к себе. С рассветом их машина остановилась у сквота: они всю ночь добирались до Лондона из Сент-Моза. Люси поджидала их с маленьким чемоданчиком, куда уместились ее скудные пожитки. Больше она никогда не возвращалась к матери.

Стоя на пороге, Тед и Джоан уговаривали Страйка тоже уехать с ними. А он все еще надеялся выжить Уиттекера из дома, чтобы не оставлять маму с ним наедине, и потому отказывался. С каждым теткинским увещанием его решимость только крепла. Ведь он слышал, как Уиттекер говорил о своем желании отнять у кого-нибудь жизнь, будто о какой-то приятной эпикурейцу мелочи.

Тогда Страйк не верил в серьезность его намерений, но знал, что Уиттекер угрожает расправой соседям, а стало быть, по-прежнему пышет злобой. Леда не поверила рассказам Страйка о том, как у него на глазах отчим пытался прибить разбудившую его кошку. В тот раз Страйк вырвал тяжелый ботинок из рук Уиттекера, который с матюгами,

размахивая своим говнодавом, бегал по комнате, чтобы покарать обидчицу.

По мере того как Страйк ускорял шаг, в культе, опиравшейся на протез, нарастала боль. Справа, словно по заказу, перед глазами возникло приземисто-квадратное кирпичное здание бара «Конская голова». При входе он заметил вышибалу в темной униформе и вспомнил, что бар переоборудован под стриптиз-клуб.

– Оборзели, – буркнул Страйк.

Его совершенно не трогало, что рядом будут егозить полуголые девицы, лишь бы пиво подавали приличное, но такой заоблачный ценник был ничем не оправдан, тем более что Страйк за один день потерял сразу двух клиентов.

Поэтому он перешел в соседний «Старбакс», нашел свободное место и, положив ноющую от боли ногу на свободный стул, принялся задумчиво помешивать двойной эспрессо. Мягкие серо-коричневые диваны, кофе с пенкой в высоких чашках, сноровистые ребята-бармены за надраенным до блеска стеклянным прилавком – все это, конечно, могло стать идеальным противоядием от гнусного, неотвязного призрака Уиттекера. Но Страйк поймал себя на том, что бессилен против этих воспоминаний...

Пока Уиттекер жил с Ледой, о его былых неладах с законом знали только социальные службы на севере Англии. Он без конца сыпал байками о своей криминальной юности, явно приукрашенными и зачастую противоречивыми. Буквально сразу после его ареста по обвинению в убийстве кое-какая информация все же просочилась – не иначе как от людей, всплывших из его прошлого: одни рассчитывали на мзду от газетчиков, другие рвались отомстить за себя, а третьи как могли пытались его выгораживать.

Родился Уиттекер в обеспеченной семье, принадлежавшей к верхушке среднего класса. Главой семейства был возведенный в дворянское достоинство дипломат, которого Уиттекер вплоть до двенадцати лет считал своим отцом. Именно в этом возрасте ему стало известно, что его старшая сестра, которая, как ему внушали, жила в Лондоне и работала учительницей по системе Монтессори, в действительности – его мать, опустившаяся алкоголичка и наркоманка, отвергнутая родными и прозябающая в нищете. С той поры Уиттекер, и без того трудный подросток, склонный к беспричинным вспышкам злобы и агрессии, сделался решительно неуправляемым. Исключенный из частной школы-интерната, он примкнул к местной банде и вскоре стал в ней главарем. Этот жизненный этап завершился отбыванием срока в исправительной колонии: Уиттекер, державший нож у горла девушки, проходил вместе со своими

друзьями по делу о групповом изнасиловании. В пятнадцать лет он сбежал в Лондон, оставив за собой след мелких правонарушений, и в конце концов отыскал родную мать. Недолгая радость встречи сменилась взаимными оскорблениями и неприязнью.

– Тут не занято?

За спинку стула, на который Страйк положил протезированную ногу, взялся рослый парень. Смазливый кудрявый шатен, он смахивал на Мэтью, жениха Робин. Буркнув что-то невнятное, Страйк убрал ногу, отрицательно помотал головой и посмотрел вслед парню, который забрал стул, чтобы подсесть к ожидавшей его компании человек из шести. Страйк заметил, что девушки очень обрадовались возвращению красавчика; видя, как разрешилась ситуация, они приосанились и просияли. То ли из-за сходства с Мэтью, то ли из-за отнятого стула, то ли в силу интуитивной неприязни Страйк счел поведение парня нестерпимым. Разозлившись, что его потревожили, он даже не притронулся к своему кофе, встал и ушел. На Уайтчепел-роуд его застиг дождь. Больше не противясь взрывной волне воспоминаний, он двинулся по улице, прикуривая одну сигарету от другой.

Уиттекер испытывал почти патологическую потребность быть в центре внимания. Если Леда работала, занималась детьми или общалась с подругами, он приходил в бешенство и переключался на соседок по сквоту, пуская в ход весь арсенал своих гипнотических способностей. Даже Страйк, смотревший на него со стойким отвращением, как на глиста, нехотя признавал, что редкая женщина могла устоять перед чарами Уиттекера. Выдворенный взащей из своей последней музыкальной группы, Уиттекер продолжал грезить о славе. Гитарных аккордов он мог взять не более трех, но любой попадавшийся ему под руку клочок бумаги тут же покрывался сочиненными им текстами, в значительной степени навеянными «Сатанинской библией», которая вечно валялась на тюфяке, где спали Уиттекер с Ледой; Страйку запомнился черный переплет с эмблемой из пентаграммы и козлиной головы. Уиттекер досконально изучил жизнь и творчество Чарльза Мэнсона, главы американской секты. К школьным выпускным экзаменам Страйк готовился под скрежет виниловой пластинки «Manson's LIE: The Love and Terror Cult»^[21].

Уиттекер еще до знакомства с Ледой был о ней наслышан; теперь его увлекали ее рассказы о тусовках, где она бывала, о мужчинах, с которыми переспала. Через нее он как бы сошелся со знаменитостями, и Страйк, узнав его поближе, заключил, что Уиттекер жаждет славы – пожалуй, больше всего на свете. Отчим не видел нравственных различий между своим кумиром Мэнсоном и такими, как рок-звезда Джонни Рокби. И тот

и другой заняли прочное место в общественном сознании. Пожалуй, Мэнсон преуспел в этом даже больше, поскольку миф о его личности не зависел от колебаний моды: зло всегда притягательно.

Впрочем, Уиттекера влекла к Леде не только ее известность в определенных кругах. Его возлюбленная успела родить детей от двух состоятельных рок-музыкантов, которые платили ей алименты. Уиттекер стал обитателем сквота в твердом убеждении, что Леда намеренно ведет такой божемно-нищенский образ жизни, а сама держит где-то рядом кубышку, в которую рекой текут денежки Джонни Рокби и Рика Фантони – отцов Страйка и Люси соответственно. Похоже, он не вдавался, да и не верил в истинное положение дел: за годы, прожитые с неумейной транжирой Ледой, оба ее прежних сожителя научились оберегать свои средства, чтобы не пойти по миру. Месяц за месяцем Уиттекер исходил злостью и все чаще зубоскалил над Ледой, не желавшей на него тратить. Он закатывал нелепые сцены, когда Леда отказывалась раскошиться на приглянувшийся ему «Фендер Стратокастер» или на фирменный бархатный пиджак, который ему, вонючему голодранцу, вдруг приспичило на себя нацепить. Давление усиливалось; Уиттекер сочинял наглые и легко опровергаемые байки: дескать, его пошатнувшееся здоровье требует дорогостоящего лечения; дескать, за просроченный долг кредитор грозит переломать ему ноги. Леда то смеялась, то отчаивалась.

– Милый, ну нет у меня денег, – повторяла она. – Честное слово, дорогой, я сама без гроша, неужели я бы для тебя пожалела?

Леда забеременела, когда Страйку исполнилось восемнадцать: он только-только подал документы в университет. Его охватил ужас, но даже тогда он не верил, что мать выйдет за Уиттекера. Она не переставала твердить сыну, как ненавистно ей замужество. Ее первый, ранний брак продлился всего две недели, после чего она сбежала. Да и Уиттекер, казалось, не имел намерения жениться.

Но все же свадьба состоялась, потому что Уиттекер, несомненно, увидел в ней единственный надежный способ добраться до мифических припрятанных миллионов. Церемонию, по стопам двух участников группы «Битлз», назначили в отделе регистрации Марлибона. Не иначе как Уиттекер воображал, что его начнут фотографировать в дверях, словно Пола Маккартни, но никому не было до него дела. Только смерть ослепительной невесты могла бы собрать на ступенях толпу папарацци.

Неожиданно Страйк обнаружил, что оказался у станции метро «Олдгейт-Ист». Он корил себя за бессмысленный крюк. Сел бы на поезд в Уайтчепеле – уже преспокойно ехал бы к Нику с Илсой. Но его за каким-

то дьяволом понесло не в ту сторону, и в метро он оказался в самый час пик.

Его крупная фигура, да еще с рюкзаком за спиной, вызывала скрытое недовольство и раздражение стоящих рядом пассажиров, но Страйк даже не обращал на них внимания. На голову выше остальных, он держался за поручень и, глядя, как его отражение покачивается в темных оконных стеклах, вспоминал последнюю и самую отвратную сцену: Уиттекер в зале суда требует освобождения из-под стражи, потому как следствие нашло нестыковки в его показаниях о собственном местонахождении в тот день, когда его жена ввела себе под кожу иглу; противоречивыми оказались также сведения о происхождении героя и об истории наркозависимости Леды.

Цепочка разношерстных соседей-сквоттеров дала показания о том, что Уиттекер проявлял буйство и жестокость по отношению к жене, что Леда отвергала героин в любой форме, что Уиттекер терзал ее своими угрозами и изменами, твердил об убийстве и деньгах, а когда нашли тело, не очень-то горевал. Свидетели в наивном исступлении, которое шло только во вред делу, твердили, что Леду, вне сомнения, убил Уиттекер. Сторона защиты разбила в пух и прах этот жалкий лепет. Когда же на свидетельское место вызвали студента Оксфорда, чаша весов качнулась в другую сторону.

Поначалу судья не скрывал одобрения, глядя на Страйка: подтянут, умен, излагает четко, хотя и выглядит как грозный великан, даром что в костюме и при галстуке. Сторона обвинения задала вопрос насчет корыстных побуждений Уиттекера. В тишине зала суда Страйк поведал о неоднократных попытках отчима прибрать к рукам денежные средства, которые по большому счету были только плодом его воображения, а также о том упорстве, с каким Уиттекер принуждал Леду вписать его в завещание и тем самым доказать свою любовь.

Золотистые глаза Уиттекера смотрели на него с почти полным безразличием. В последнюю минуту допроса взгляды Страйка и Уиттекера, находившихся в разных концах зала, встретились. Уиттекер издевательски дернул уголками губ. Он приподнял от стола указательный палец и незаметно дернул им в сторону.

Страйк все понял. Незаметный жест предназначался только ему: уменьшенная копия отработанного удара, который Уиттекер наносил ребром ладони в шею обидчику.

«Ты дождешься, – любил приговаривать Уиттекер, сверкая безумными золотистыми глазами. – Ты дождешься!»

Он хорошо подготовился. Кто-то из его толстосумов-родственников выложил кругленькую сумму, чтобы нанять прожженного адвоката. Ухоженный, прилично одетый, Уиттекер все отрицал спокойным, мягким, почтительным тоном. К заседанию суда он как раз обзавелся продуманной легендой. Все доводы обвинения, изобличавшие его истинную сущность (Чарльз Мэнсон на древнем проигрывателе, «Сатанинская библия» на кровати, укуренные разговоры про наслаждение от убийства), разбивались о легкое недоумение Уиттекера.

– Даже не знаю, что сказать... Я ведь музыкант, Ваша честь, – в какой-то момент проговорил он. – Искусство рождается из мрака. Она понимала это, как никто другой.

Его голос театрально дрогнул, и Уиттекер зашелся в бесслезных рыданиях. Адвокат участливо спросил, не нужен ли ему перерыв.

И тогда Уиттекер, мужественно помотав головой, изрек афористичное заявление о смерти Леды:

– Она звала смерть – Девчонка-Негашенка.

Аллюзию понял, видимо, один Страйк, постоянно слышавший эту песню в детстве и юности. Уиттекер процитировал «Mistress of the Salmon Salt».

Отчим вышел сухим из воды. Хотя судебно-медицинская экспертиза подтвердила, что Леда не страдала героиновой зависимостью, репутация сыграла с ней злую шутку. Она употребляла многие другие наркотики. И вдобавок слыла заядлой тусовщицей. Люди в завитых париках, чья работа заключалась в квалификации тяжких преступлений, сочли вполне закономерным, что Леда умерла на грязном тюфяке, стремясь к наслаждению, которого земная жизнь дать не могла.

На ступенях здания суда Уиттекер заявил, что собирается написать биографию покойной жены, и тут же исчез. Обещанная книга так и не вышла в свет. Ребенка Леды и Уиттекера усыновили многострадальные прабабка и прадед с отцовской стороны, и Страйк больше не видел своего единоутробного брата. Без лишнего шума отчислившись из Оксфорда, он завербовался в армию; Люси поступила учиться; жизнь продолжалась.

Время от времени имя Уиттекера мелькало в прессе – каждый раз в связи с очередной криминальной историей, и дети Леды не могли читать об этом без содрогания. Разумеется, на первые полосы газет он не попадал: его уделом стало жениться на отставных любовницах знаменитостей разного калибра. Добытая таким путем слава была лишь тусклым отражением чужого отражения.

– Этот навозный жук так и будет ползать в дерьме, – сказал Страйк

Люси, но она не засмеялась. Грубый юмор как способ описания мерзостей жизни она понимала еще хуже, чем Робин.

Страйк устал и проголодался, у него ныла кулья, и, покачиваясь вместе с вагоном, он ощущал усталость и подавленность, в основном из-за собственной участи. В течение многих лет он уверенно смотрел в будущее. Прошлое не изменить: он не отрицал случившегося, но зачем понадобилось снова это ворошить, отправляться на поиски сквота, где он не был уже двадцать лет, вспоминать лязг почтового ящика и вопли обезумевшей кошки, в который раз переживать зрелище лежащей в гробу бледно-восковой матери, одетой в платье с рукавами-колокольчиками.

«Ты долбанный идиот, – в ярости твердил себе Страйк, изучая схему метро, чтобы понять, сколько придется сделать пересадок, чтобы добраться до Ника и Илсы. – Уиттекер не имеет отношения к той посылке. Ты просто ищешь повод ему отомстить».

Роковую посылку отправил кто-то методичный, расчетливый и упертый; Уиттекер, по воспоминаниям двадцатилетней давности, был взбалмошным, сумасбродным и переменчивым.

И все же...

Ты дождешься...

Quicklime Girl...

– Черт! – громко выругался Страйк, напугав окружающих.

В этот миг он понял, что проехал пересадку.

*Feeling easy on the outside,
But not so funny on the inside.*

*Blue Öyster Cult. «This Ain't the Summer
of Love»^[22]*

Следующие двое суток Страйк и Робин поочередно следили за Платиной. Страйк под разными предлогами связывался с Робин в середине рабочего дня и отправлял ее домой до наступления темноты, пока в метро было много народу. В четверг вечером он вел слежку до тех пор, пока эта русская не оказалась в безопасности, под неусыпным надзором мистера Повторного, после чего вернулся в Уондсворт, на Октавиа-стрит, куда временно переселился, чтобы укрыться от репортеров.

Второй раз за время сыскной работы обстоятельства вынуждали Страйка искать приюта у друзей, Ника и Илсы. Их дом, вероятно, был единственным местом, где его привечали когда угодно, но он тем не менее испытывал неловкость, пока делил кров с работающими супругами. Несмотря на все недостатки тесной мансарды над офисом, туда он приходил и уходил когда вздумается, без риска разбудить соседей лязгом металлических ступеней, и при желании мог перекусить в два часа ночи. А теперь он ощущал себя не в своей тарелке, ежедневно сядя за общий стол, и долго терзался от собственной бесцеремонности, если за полночь лез в холодильник, притом что его друзья ничуть не возражали и даже наоборот.

Зато Страйка не нужно было учить соблюдать аккуратность и тишину. Юные годы, проведенные в самых невообразимых условиях, не прошли бесследно. Илса даже отметила, что присутствия Страйка в доме вообще не заметно: в отличие от ее мужа-гастроэнтеролога, он никогда не разбрасывал вещи и не оставлял нараспашку дверцы посудных шкафов.

Из сообщений знакомых Страйк знал, что у входа в агентство все еще ошиваются репортеры и папарацци, а потому смирился с перспективой провести неделю у Ника и Илсы, в комнате для гостей, голые стены которой тоскливо напоминали о ее первоначальном предназначении.

Его друзья много лет безрезультатно пытались завести ребенка. Страйк тактично ни о чем не спрашивал и чувствовал, что они – а в особенности Ник – за это благодарны.

Он знал их обоих очень давно, а Илсу, можно сказать, всю сознательную жизнь. Светловолосая, близорукая, она родилась в корнуэльском городке Сент-Моз, который Страйк считал родным. Они вместе бегали в начальную школу и учились в одном классе. Всякий раз, когда Страйк в отрочестве приезжал в гости к Теду и Джоан, дружба с Илсой возобновлялась как ни в чем не бывало, тем более что их матери тоже дружили со школьной скамьи.

С Ником он свел знакомство в лондонском Хэрни, где оканчивал среднюю школу. Ник и Илса познакомились у Страйка на дне рождения, после чего встречались в течение года, но потом расстались, продолжив учебу в разных университетах. Только в возрасте двадцати пяти лет (русые волосы Ника начали редеть, когда ему стукнуло двадцать) они встретились снова: на тот момент Илса была помолвлена с неким адвокатом, а Ник встречался с коллегой по врачебной практике. В считанные недели оба порвали со своими партнерами, а еще через год сыграли свадьбу, на которую Страйка пригласили свидетелем.

В половине одиннадцатого вечера Страйк вернулся в их дом. Не успел он затворить входную дверь, как Ник с Илсой поприветствовали его из гостиной и пригласили разделить с ними огромную порцию заказанного на дом карри.

– А это что? – спросил он, в замешательстве разглядывая гирлянды с британским флагом, ворох бумажек, какие-то записки и большой пластиковый пакет, наполненный красно-бело-синими одноразовыми стаканчиками.

– На нашей улице организуется праздник в честь королевской свадьбы, – объяснила Илса.

– Боже милостивый...

Страйк помрачнел, наполняя свою тарелку тепловатым мадрасским карри.

– Будет весело! Обязательно приходи.

От взгляда Страйка она сдавленно хихикнула.

– День удачно прошел? – поинтересовался Ник, протягивая ему банку пива «Теннентс».

– Куда там. – Страйк с благодарностью принял пиво. – Облом полный. Минус два клиента.

Ник и Илса сочувственно повздыхали и понимающе умолкли, пока он

за обе щеки уплетал карри. Усталый и подавленный, Страйк размышлял о том, что посылка с отрезанной ногой подорвала его бизнес, на который было угроблено столько сил. В связи с этой историей, не имеющей, впрочем, никакого отношения к расследованиям, его фотография теперь не сходила со страниц газет и интернет-сайтов. Пресса не упускала случая напомнить миру, что у Страйка только одна нога; он не стыдился своего увечья, но ни за что не стал бы им спекулировать. В воздухе пахло какой-то гнильцой. У Страйка было такое чувство, будто и сам он гниет заживо.

– Что там с этой ногой? – спросила Илса, когда Страйк прикончил щедрую порцию карри и почти осушил банку пива. – Полицейские хоть что-нибудь делают?

– Завтра вечером обговорю это с Уордлом, но сомневаюсь, что они раскопали нечто стоящее. Сам-то он специализируется на организованной преступности.

Подробности о той троице Страйк держал при себе, считая, что эти подонки – если допустить, что именно они прислали отрезанную ногу, – могут быть опасны и мстительны, хотя как-то раз сказал Нику с Илсой, что в прошлом уже сталкивался с преступником, который отсекал и посылал по почте части тел. Понятное дело, супруги сразу же приняли сторону Уордла, не сомневаясь в вине подозреваемого.

Сидя на мягком зеленом диване, сыщик впервые за долгие годы вспомнил, что Ник и Илса некогда были знакомы с Джеффом Уиттекером. Совершеннолетие Страйка праздновали в Уайтчепеле, в пабе «Белл»; в то время его мать была на шестом месяце беременности. Застывшее маской лицо его тетушки Джоан выражало смесь осуждения и наигранной радости; дядя Тед, который обычно выступал таким буфером между всеми, не сумел скрыть злость и отвращение, когда каланча Уиттекер прервал танцы, чтобы исполнить одну из песенок собственного сочинения. Страйк вспомнил, как разозлился сам: он готов был перенестись куда угодно, хоть в Оксфорд, лишь бы подальше от этого позора. Впрочем, Ник с Илсой, скорее всего, мало что запомнили из событий того вечера: они были слишком заняты друг другом, ошеломленные и пораженные внезапно вспыхнувшим глубоким взаимным интересом.

– Беспокоишься о Робин, – произнесла Илса, больше утверждая, чем спрашивая.

Страйк что-то согласно промычал, пережевывая индийскую лепешку паан. За истекшие четыре дня он много думал о своей помощнице. В этой опасной ситуации она не по своей вине оказалась уязвимым и слабым звеном; несомненно, тот, кто решил адресовать посылку именно ей, на это

рассчитывал. Будь у Страйка в подчинении мужчина, поводов для беспокойства было бы куда меньше.

Не забывал Страйк и о том, что Робин, по сути, не имела никакого профессионального опыта. Зато она могла вызвать на откровенность самого упрямого свидетеля, с которым Страйк, огромный, грозного вида, далеко бы не продвинулся. Ее обаяние и деликатность сотни раз отводили подозрение и открывали не одну дверь, значительно облегчая работу Страйка. Он понимал, сколь многим ей обязан, но сейчас лучше было бы вывести ее из игры, пока отправитель той посылки разгуливает на свободе.

– Мне нравится Робин, – сказала Илса.

– Всем нравится Робин, – почти сразу же хрипло ответил Страйк, вгрызаясь в паан.

Это была чистая правда: его сестра Люси, заходившие в офис приятели, клиенты – все считали нужным сказать Страйку, как нравится им его помощница. Но в голосе Илсы ему послышались нотки любопытства, отчего он взял крайне отчужденный тон в разговоре о Робин и ненадолго успокоился, только услышав следующий вопрос Илсы.

– Как у тебя с Элин?

– Все в норме, – сказал Страйк.

– Она по-прежнему скрывает ваши отношения от своего бывшего? – полюбопытствовала Илса.

– Не жалуешь ты ее, да?

Сам себе удивляясь, Страйк перешел в наступление. За тридцать лет он досконально изучил характер Илсы и сейчас ожидал услышать взволнованное отрицание.

– Что ты, что ты, я к ней очень хорошо отношусь. Правда, я ее совсем мало знаю, но мне кажется, вы вполне счастливы, а это самое главное.

Своим выпадом Страйк рассчитывал прекратить всякие расспросы о Робин; Илса не первой из его друзей подъезжала: если он так замечательно сработался с Робин, не значит ли это?.. Не задумывался ли он когда-нибудь?.. Но Илса была адвокатом, и никто не мог сбить ее с толку при ведении допроса.

– Робин ведь отложила свадьбу? А новую дату назначили?

– Ага, – подтвердил Страйк, – второе июля. Сейчас берет отгул и едет в Йоркшир, чтобы заняться... ну чем там занимаются при подготовке к свадьбе. До вторника.

Когда Страйк настаивал, чтобы Робин пробыла в Мэссеме с пятницы до понедельника, он отнюдь не собирался играть на руку Мэтью, но вздохнул с облегчением, зная, что она будет в двухстах пятидесяти

милях, если не дальше, от этой свистопляски, в безопасности родительского дома. Робин сильно расстроилась, узнав, что не сможет пойти в паб «Старая синяя колодка» в Шордиче на встречу с Уордлом, но Страйку показалось, что она будет рада немного передохнуть.

Илсу слегка разочаровало, что Робин все же выходит замуж не за Страйка, а за кого-то другого, но тут в кармане у Страйка завибрировал телефон. Звонил Грэм Хардэйкр, давний коллега из Отдела специальных расследований.

– Извините, – сказал Страйк Нику и Илсе, отодвигая тарелку с карри и вставая из-за стола, – нужно ответить, это очень важно... Харди!

– Можешь говорить, Огги? – спросил Хардэйкр, когда Страйк направлялся к выходу.

– Теперь могу, – ответил Страйк, в три шага преодолев садовую дорожку и выходя на темную улицу, чтобы размяться и покурить. – Что-нибудь раскопал для меня?

– Откровенно говоря, – как-то нервно начал Хардэйкр, – было бы чертовски здорово, если бы ты оказался здесь, старина, и посмотрел сам. Моя напарница, уоррент-офицер, – та еще заноза. Никак не можем с ней сработаться. Если она пронюхает, что я сливаю материалы...

– Так мне подъехать?

– Подгребай с утра пораньше, а я оставлю на компе открытые документы. Как бы случайно, понимаешь?

Хардэйкр и раньше делился информацией со Страйком, на что не имел права. В тридцать пятый отдел он перешел недавно и, понятное дело, опасался себя скомпрометировать.

Перейдя через дорогу, Страйк присел на низкий парапет перед домом напротив, достал сигарету и задал свой вопрос:

– Но за этим точно стоит ехать в Шотландию?

– Смотря что тебе нужно.

– Прежние адреса, сведения о родственниках, выписки из медицинских карт, психиатрические диагнозы – ничего такого, что могло бы кому-то навредить. Когда Брокбэнка комиссовали, в две тысячи третьем?

– Именно, – подтвердил Хардэйкр.

У Страйка за спиной что-то загрохотало; он встал и обернулся: хозяин участка за парапетом, на который присел сыщик, выбрасывал мусор в бак. Этому щуплому человечку было лет шестьдесят. В свете фонаря Страйк заметил, как его раздражение сменилось примирительной улыбкой при виде роста и массы непрощеного гостя. Страйк побрел прочь, мимо

живых изгородей и деревьев, дрожащих на весеннем ветру. Очень скоро их украсят флажками по случаю свадьбы принца. А там и до свадьбы Робин недалеко.

– Думаю, на Лэйнга у вас там негусто собрано. – В тоне Страйка слышался вопрос.

Воинская карьера шотландца продлилась еще меньше, чем у Брокбэнка.

– Негусто, да, но и так понятно: тип еще тот, – отозвался Хардэйкр.

– Куда его отправили после «Стекляшки»?

«Стекляшкой» у них называлась военная тюрьма в Колчестере, куда попадали все осужденные военнослужащие в ожидании перевода в гражданскую тюрьму.

– В «Элмли». С тех пор у нас на него ничего не было. Придется запросить службу надзора за УДО.

– Угу. – Страйк выдохнул дым в звездное небо.

Они с Хардэйкром оба понимали: коль скоро Страйк теперь не служит в полиции, у него не больше прав на доступ к архиву службы надзора за УДО, чем у простого обывателя.

– Где именно в Шотландии он родился, Харди?

– В Мелроузе. При поступлении на службу указал в качестве ближайшей родственницы свою мать – я проверил его анкету.

– Мелроуз, – в задумчивости повторил Страйк.

Он поразмыслил о двух оставшихся клиентах: первый – богатый идиот, который ловит кайф, пытаясь доказать, что ему наставляют рога; вторая – обеспеченная жена и мать, подрядившая Страйка выяснить, каким способом ее проживающий отдельно муж подбирается к их общим сыновьям. Но этот муж сейчас отбыл в Чикаго, а передвижения Платины вполне могли на сутки остаться без внимания.

Конечно, сохранялась вероятность, что никто из подозреваемых не имеет отношения к посылке с ногой, что он все это придумал.

A harvest of limbs... Урожай всех тела частей...

– Мелроуз далеко от Эдинбурга?

– Час-полтора езды.

Страйк потушил сигарету в водостоке.

– Харди, я могу приехать ночным поездом в воскресенье, рано утром пробраться в офис, потом рвануть в Мелроуз и проверить, не вернулся ли Лэйнг к родным или, по меньшей мере, не давал ли о себе знать.

– Договорились, Огги. Встречу тебя на вокзале, только сообщи время. Хотя... – Хардэйкр приготовился к поступку невиданной щедрости, – если

поездка займет не более суток, возьми мою машину.

Страйк не сразу вернулся к своим любознательным друзьям и остывшему карри. Закуривая очередную сигарету, детектив прогуливался по тихой улице и размышлял о делах. Тут он вспомнил, что в воскресенье вечером собирался пойти с Элин в концертный зал «Саутбэнк». Она стремилась привить ему интерес к серьезной музыке, хотя классика всегда оставляла его равнодушным, чего он и не скрывал. Страйк посмотрел на часы: звонить уже слишком поздно; не забыть бы завтра отменить встречу.

Войдя в дом, он вновь обратился мыслями к Робин. Она почти никогда не упоминала о предстоящей свадьбе, до которой теперь оставалось всего два с половиной месяца. Когда Робин рассказывала Уордлу об одноразовых фотоаппаратах, заказанных для гостей, Страйк осознал, как скоро она станет миссис Мэтью Канлифф.

«Время еще есть», – подумал он. Но даже сам не понял: время для чего?

...the writings done in blood.

Blue Öyster Cult. «OD'd on Life Itself»^[23]

Многие мужчины подумали бы, что бродить по Лондону следом за сексапильной блондинкой, да еще и получать за это деньги, – одно удовольствие, но Страйку до смерти надоело следить за Платиной. Прошатавшись несколько часов по Хотон-стрит, вблизи Лондонской школы экономики, где в верхних коридорах из бетона и стекла время от времени мелькала на пути в библиотеку подрабатывающая на полставки исполнительница эротических танцев, Страйк последовал за ней к «Мятному носорогу», где у нее в шестнадцать часов начиналась смена.

Там он закрутился: на восемнадцать была назначена встреча с Уордлом, а если Платина выкинет какой-нибудь фортель, Вороненок тут же позвонит. В забегаловке рядом с пабом, выбранным для встречи, Страйк взял себе сэндвич. В кармане задребезжал мобильный, но, убедившись, что звонит сестра, он перенаправил вызов в голосовую почту. Ему смутно помнилось, что скоро день рождения его племянника Джека, однако идти к родственникам он не собирался, особенно после прошлогоднего торжества: ему хватило подружек сестры, любопытствующих мамаш и оглушительного визга перевозбужденных, надоедливых детей.

«Старая синяя колодка», внушительная трехэтажная постройка из кирпича, формой напоминающая нос корабля, находилась в конце Грейт-Истерн-стрит в районе Шордича. На памяти Страйка это был стриптиз-клуб и бордель: их с Ником школьный друг якобы потерял там невинность с женщиной, годившейся ему в матери.

Афиша на входе подтверждала перерождение борделя в концертный зал. Сегодня в восемь, прочитал Страйк, играют *Islington Boys' Club*, *Red Drapes*, *In Golden Tears* и *Neon Index*. Губы его скривились в ухмылке, когда он протискивался в темный бар с деревянным полом, где золотыми буквами на огромном старинном зеркале за барной стойкой рекламировались светлые сорта эля минувшей эпохи. Свисавшие с потолка шарообразные лампы освещали толпу молодежи студенческого вида, в которой

большинство было одето по непостижимой для Страйка моде.

При всей своей слабости к группам, собиравшим стадионы, мать, как ему помнилось с детских лет, часто водила его и на выступления своих приятелей; после парочки концертов музыканты умудрялись расплеваться, разойтись, а месяца через три собраться в новом составе в другом пабе. «Старая синяя колодка» показалась Страйку неподходящим местом для встречи с Уордлом; раньше они выпивали только в «Фезерс», неподалеку от Скотленд-Ярда. Сейчас полицейский в одиночестве пил у барной стойки; при появлении Страйка он сам и прояснил вопрос:

– Жена балдеет от *Islington Boys' Club*. Она сюда заглянет после работы.

Страйку не доводилось встречать жену Уордла, и хотя раньше он об этом не задумывался, она представлялась ему кем-то средним между заядлой тусовщицей (не зря же Уордл все время задерживал взгляд на вызывающе одетых девицах с искусственным загаром) и единственной знакомой ему женой столичного копа, а именно Хелли, для которой смысл жизни составляли дети, домашнее хозяйство и мещанские сплетни. А поскольку жена Уордла «балдела» от неизвестной Страйку инди-группы, он решил, что эта женщина, вопреки ожиданиям, может оказаться интересной личностью, пусть даже он заранее презирал эту инди-группу.

– Ну что там у тебя? – спросил Страйк, успев взять пинту пива, пока не набежал народ.

С обоюдного молчаливого согласия они с Уордлом переместились от барной стойки к последнему свободному столику для двоих.

– Криминалисты работают, – сказал Уордл, когда они сели. – По их мнению, нога принадлежала девушке от шестнадцати до двадцати пяти лет и была ампутирована после смерти, причем, судя по характеру свернувшейся крови, почти сразу после наступления смерти, а потом хранилась в холодильнике, пока ее не отправили твоей подруге Робин.

От шестнадцати до двадцати пяти: сейчас Бриттани Брокбэнк, по прикидкам Страйка, был бы двадцать один год.

– Нельзя ли определить возраст поточнее?

Уордл покачал головой:

– Нет, точный возраст не установлен. А что?

– Я же говорил: у Брокбэнка была приемная дочь.

– Брокбэнк, – задумчиво повторил Уордл, явно не припоминая имени.

– Один из тех, кто с самого начала был у меня под подозрением, – напомнил Страйк, безуспешно пытаясь скрыть досаду. – Служил когда-то в «Пустынных Крысах». Здоровенный, черноволосый, с деформированным

ухом...

– Успокойся, я понял, – сказал Уордл, тоже приходя в раздражение. – У меня никудышная память на имена, дружище. Брокбэнк... татуировка на предплечье...

– Это Лэинг, – поправил Страйк. – Шотландец, которого я упек на десять лет. А Брокбэнк – тот, кто твердил, что я проломил ему башку.

– А, ну да.

– У его приемной дочери, Бриттани, на ноге был застарелый шрам. Я же тебе рассказывал.

– Ну-ну, помню.

Отхлебнув пива, Страйк воздержался от саркастических комментариев. Вот если бы с ним за столом сидел не Уордл, а Грэм Хардэйкр, старый приятель из Отдела специальных расследований, уж тот бы воспринял его подозрения всерьез. Сначала Уордл и Страйк относились друг к другу с определенным недоверием, затем как будто соперничали. Страйк считал, что Уордл своими разыскными способностями даст фору многим столичным полицейским, но при этом отеческая теплота, с которой Уордл пестовал собственные версии, никогда не распространялась на предположения Страйка.

– А что сказали насчет шрама на икре?

– Шрам застарелый. Появился задолго до смерти.

– Етит твою! – вырвалось у Страйка.

Что могло быть важнее того застарелого шрама? Но криминалисты, как ни досадно, не придали ему особого значения.

Даже Уордл, который не упускал ни единого шанса подколоть Страйка, проникся, судя по всему, его тревогой.

– Дружище, – сказал он (и это тоже было внове), – Брокбэнк не при делах. Это Мэлли.

Именно этого Страйк и опасался: что при одном имени Мэлли в Уордле проснется карьерист и полицейский забудет о других подозреваемых, нацелившись на поимку матерого рецидивиста.

– Доказательства есть? – напрямик спросил Страйк.

– Харрингейская преступная группировка контролировала шлюх из Восточной Европы в Лондоне и Манчестере. Я потолковал с ребятами из отряда по борьбе с проституцией. На прошлой неделе они устроили облаву в борделе неподалеку отсюда и задержали двух молодых украинок. – Уордл понизил голос почти до шепота. – Сейчас их раскручивают наши сотрудницы. У этих украинок была подруга, которая рассчитывала сделать тут карьеру в модельном бизнесе и отказывалась

обслуживать клиентов, невзирая на жестокие побои. Две недели назад Диггер за волосы выволок ее из дома, и с тех пор она как в воду канула. А вместе с ней и Диггер.

– Узнаю Диггера, – сказал Страйк. – Хотя совсем не факт, что это ее нога. Кто-нибудь слышал, чтобы он упоминал меня?

– Да, – победно заявил Уордл.

Позабыв о пиве, Страйк опустил кружку. Он не ожидал положительного ответа.

– Серьезно?

– Одна из девиц показала, что точно слышала о тебе от Диггера, причем совсем недавно.

– В связи с чем?

Уордл произнес длинную фамилию богатого русского, владельца казино, который обращался к Страйку не далее как в прошлом году. Страйк нахмурился. Пусть даже Диггер пронюхал о его работе на владельца игорного дома, но он никак не мог знать, что именно Страйку обязан своей последней ходкой. От Уордла Страйк услышал лишь то, что его русский клиент отирается в весьма сомнительных кругах, но это и раньше не было большим секретом.

– И почему Диггера волнует, что я работал на Арзамасцева?

– Да как тебе сказать... – начал Уордл тоном знатока, желающего скрыть недостаток информированности. – Их группировка много в чем замешана. По сути, мы имеем дело с человеком, который встал у тебя на дороге, который не раз отправлял людям части тел и который исчез вместе с юной девушкой прямо перед тем, как тебе прислали ногу юной девушки.

– Что ж, в твоем изложении звучит убедительно, – сказал совершенно ни в чем не убежденный Страйк. – А ты не упускаешь из виду Лэйнга, Брокбэнка и Уиттекера?

– Естественно, не упускаю, – ответил Уордл. – Мои ребята их разыскивают.

Страйк слабо в это верил, но, чтобы не портить дружеских отношений с Уордлом, оставил свои сомнения при себе.

– Еще у нас есть запись с курьером, – добавил Уордл.

– И что же?

– Твоя коллега – неплохая свидетельница, – продолжил Уордл. – Там действительно фигурирует мотоцикл «хонда». Номера фальшивые. Курьер выглядел именно так, как она описала. Короче, он поехал на юго-запад, в сторону реального курьерского центра. В последний раз этот

парень засветился на камере в Уимблдоне. С тех пор и курьер, и мотоцикл как сквозь землю провалились, но, повторяю, у этого кренделя фальшивые номера. Он мог умотать куда угодно.

– Фальшивые номера, – повторил Страйк. – Все продумано.

В пабе становилось людно. Видимо, группа должна была играть на втором этаже: у двери, ведущей наверх, толпились посетители; до Страйка доносился знакомый скрежет настраиваемого микрофона.

– У меня для тебя кое-что есть, – сказал Страйк без особого энтузиазма. – Я обещал Робин передать тебе копии писем.

В тот день он вернулся в контору около полудня. Журналисты больше не караулили его у входа, притом что фотографы, по словам знакомой продавщицы из гитарного магазина напротив, топтались там вплоть до вчерашнего вечера.

Несколько заинтригованный, Уордл взял копии двух писем.

– Оба письма пришли в течение последних двух месяцев, – сказал Страйк. – По мнению Робин, тебе стоит на них взглянуть. Еще по одной? – спросил он, кивнув на остатки пива в кружке Уордла.

Страйк отошел за следующей парой пива; Уордл подвинул к себе письма. Когда Страйк вернулся, Уордл все еще изучал письмо с инициалами «Р. Л.». Страйк взял второе письмо, написанное аккуратным, как у прилежной школьницы, почерком, и начал читать:

...что я стану по-настоящему собой и буду по-настоящему полноценной без ноги, которая никогда не была и не будет частью меня, но никто этого не понимает. До моей родни не доходит, что мне необходимо лишиться ноги; все думают, что у меня проблемы с головой, но вам-то не нужно объяснять...

«Вот тут ты ошибаешься», – подумал Страйк. Вернув письмо на стол, он обратил внимание, что отправительница очень четко вывела обратный адрес в Шепердс-Буше. Письмо было подписано «Келси»; фамилия отсутствовала. Уордл, погруженный в чтение первого письма, издал нечленораздельный звук, в котором профессиональный интерес смешался с отвращением.

– Читал эту хрень?

– Нет, – ответил Страйк.

В людный и без того бар набивалось все больше молодежи. Страйк и Уордл оказались не единственными людьми за тридцать, но явно были старше большинства посетителей. Страйк наблюдал, как симпатичная

бледноватая девушка, похожая на старлетку в стиле сороковых, с тонкими черными бровями, алыми губами и лихо закрученными прядями голубых волос, пытается отыскать взглядом своего парня.

– Робин просматривает эти записки сумасшедших и, если нужно, составляет краткие сводки.

– «Я хочу массировать твою культю, – прочел Уордл вслух. – Я хочу стать твоим живым костылем. Я хочу...» Фу, мать твою. Это же просто физически...

Он перевернул письмо.

– «Р. Л.». Можешь прочесть адрес?

– Нет, – ответил Страйк, прищурившись.

Мелкий почерк был чертовски неразборчивым. На первый взгляд в обратном адресе читалось лишь название «Уолтэмстоу».

– Кто там обещал: «Я буду возле барной стойки»?

Девушка с голубыми волосами и алыми губами пробилась к их столику, держа в руке бокал. На ней была кожаная куртка, накинутая на какое-то подобие летнего платья в стиле сороковых.

– Извини, детка, заболтались о работе, – невозмутимо сказал Уордл. – Корморан Страйк – Эйприл. Моя жена, – добавил он.

– Приветствую, – сказал Страйк, протягивая широкую ладонь.

Он бы в жизни не подумал, что жена Уордла выглядит именно так. Слишком усталый, чтобы анализировать увиденное, он еще больше потеплел к Уордлу.

– Ой, так это вы! – просияла Эйприл; ее муж тем временем сгреб со стола ксерокопии писем, сложил пополам и сунул в карман. – Тот самый Корморан Страйк! Я столько о вас слышала. Вы останетесь на концерт, правда?

– Вряд ли, – ответил Страйк, явно польщенный. Уж очень она была хороша собой.

Да и Эйприл, пожалуй, не хотела, чтобы он уходил. По ее словам, к ним должны были присоединиться друзья, еще человек шесть. Среди них – две незанятые девушки. Страйк позволил себя уговорить и поднялся на второй этаж, где располагалась небольшая сцена; танцпол был уже переполнен. Между делом Эйприл сообщила, что она – стилист и как раз сейчас готовит фотосессию для одного журнала, а помимо этого – обронила она мимоходом – для подработки танцует бурлеск.

– Бурлеск? – переспросил Страйк, переходя почти на крик, поскольку микрофон снова заскрежетал, вызвав бурю недовольства и шквал протестов со стороны посетителей за барной стойкой.

«Разве бурлеск – не тот же стриптиз, только классом повыше?» – задумался он после слов Эйприл о том, что ее подруга Коко (та девушка с огненно-красными волосами, что улыбнулась и кокетливо ему помахала) тоже танцует бурлеск.

Ребята оказались приятными и, в отличие от Мэтью, не вызывали ни малейшего раздражения. Уже давно Страйк не слышал живой музыки. Миниатюрная Коко выразила желание подняться еще выше, чтобы посмотреть...

Но когда на сцену вышли *Islington Boys' Club*, Страйку показалось, что он против воли переносится в прошлое, к людям, о которых старался не думать. Спертый запах пота в воздухе, знакомый стон настраиваемой гитары, помехи микрофона – все это можно было бы вытерпеть, если бы вокалист своей позой и андрогинной грацией не смахивал на Уиттекера.

Четыре такта – и Страйк понял: пора уходить. Дело было не в группе с их гитарным инди-роком: играли парни вполне прилично и вокалист не раздражал, но настроение уже было отравлено его сходством с Уиттекером. Впрочем, Страйк за свою жизнь достаточно побывал в таких местах, не имея возможности уйти, и сегодня хотел спокойно подышать свежим воздухом. Крикнув слова прощания Уордлу, помахав рукой и улыбнувшись Эйприл, которая подмигнула и помахала ему в ответ, он ушел, достаточно массивный, чтобы с легкостью протиснуться сквозь потную, запыхавшуюся толпу. Когда он пробился к выходу, группа доиграла первую песню. Аплодисменты этажом выше стучали будто капель по жестяной крыше. Минуту спустя он уже с облегчением шагал прочь, к автомагистрали, где, со свистом рассекая воздух, неслись машины.

In the presence of another world.

Blue Öyster Cult. «In the Presence of Another World»^[24]

Субботним утром Робин с матерью на дряхлом семейном «лендровере» покатали из своего Мэссема в Харрогейт к портнихе, перешивавшей свадебное платье.

Фасон пришлось изменить, так как изначально платье предназначалось для январской церемонии; теперь же его предстояло надеть в июле.

– Совсем отощала, – заметила пожилая швея, втыкая иголки в заднюю часть лифа. – Не вздумай дальше худеть. Платье должно облегать.

Ткань и фасон платья Робин выбрала больше года назад. В общих чертах оно напоминало модель из коллекции Эли Сааба, которую родители никогда не смогли бы себе позволить, поскольку через каких-то полгода им предстояло покрыть добрую половину расходов на свадьбу Стивена, старшего брата Робин. Но даже эта уцененная версия казалась немыслимой роскошью при той зарплате, что Робин получала от Страйка. Освещение примерочной подчеркивало все достоинства фигуры, но из зеркала в позолоченной раме на Робин смотрело бледное лицо с воспаленными, впалыми глазами. Она уже сомневалась, что платье должно быть открытым. Длинные рукава – вот это как раз уместно. Возможно, думала она, ее просто утомили постоянные мысли о подвенечном наряде. В примерочной пахло лаком и новым ковровым покрытием. Пока Линда, мать Робин, наблюдала, как иголка сантиметр за сантиметром стягивает оборки платья, Робин, угнетенная своим собственным отражением, сосредоточенно смотрела на угловой столик, где покоились искусственные цветы и хрустальная диадема.

– Мы уже решили, чем украсим фату? – спросила портниха, усвоившая типичную докторскую манеру задавать вопросы в первом лице множественного числа. – Для зимней церемонии мы выбрали диадему, так ведь? Я думаю, к открытому платью подойдут цветы.

– Цветы – это чудесно, – донесся голос Линды из угла примерочной.

Мать и дочь были удивительно похожи. Хотя некогда узкая талия

матери стала шире, а выцветшие томатно-красные с золотишкой волосы, в беспорядке собранные на темени, кое-где тронула седина, серо-голубые глаза Линды были в точности такими, как у дочери, и сейчас их взгляд устремился на Робин с тревогой и пронизательностью, до смешного знакомыми Страйку.

Робин перемерила множество ободков с искусственными цветами, но ни один не пришелся ей по душе.

– Наверное, я все-таки остановлюсь на диадеме, – сказала она.

– Может, рассмотреть вариант с живыми цветами? – подсказала Линда.

– Да, – выдавила Робин, которой вдруг нестерпимо захотелось уйти от этого запаха ковролина и от своего бледного, загнанного в угол отражения.

– Давай сходим к флористу и посмотрим, что нам смогут предложить.

И все же неплохо было оказаться наедине с собой – хотя бы на несколько минут, хотя бы в примерочной. Выбираясь из платья и снова влезая в свитер и джинсы, Робин попыталась отыскать причины своей хандры. Она жалела, что пришлось пропустить встречу Страйка с Уордлом; ей не терпелось преодолеть пару сотен миль, что отделяли ее от незнакомца в черном, отправившего ей отрезанную ногу.

Но спешить не было никакого смысла. В поезде они с Мэтью снова поссорились. Даже здесь, в ателье на Джеймс-стрит, ее преследовала нарастающая тревога: объем заказов в агентстве Страйка сокращался, и она в любую минуту могла остаться без работы. Одевшись, Робин проверила мобильник. Сообщений от Страйка не было.

Через час Робин, стоя среди мимоз и лилий, односложно отвечала на вопросы суетливой флористки: та прикладывала к ее волосам розы и время от времени роняла холодные зеленоватые капли с длинных стеблей на кремовый свитер Робин.

– Зайдем-ка в «Беттис», – предложила Линда, когда цветы в конце концов были заказаны.

В городе-курорте Харрогейт кондитерская «Беттис» давно сделалась местной достопримечательностью. Снаружи кафе украшали цветочные корзины, вдоль которых посетители выстраивались в очередь под черными с золотом прозрачными маркизами, а внутри, среди мягких кресел, светильников и узорчатых чайников, сновали официантки в одинаковых платьях с кружевной отделкой. В детстве Робин нравилось глазеть сквозь стеклянный прилавок на ряды толстых марципановых поросят, наблюдать, как мама покупает самый восхитительный фруктовый торт с ликерной пропиткой, упакованный в нарядную коробку. Сегодня, сидя за столиком

у окна и уставившись на пестрые цветочные клумбы, разбитые в виде геометрических фигурок, вылепленных из пластилина детскими руками, Робин отказалась от еды, ограничившись маленьким чайником чая и украдкой поглядывая на мобильник. Ничего.

– Что-то случилось? – спросила Линда.

– Нет, все замечательно, – ответила Робин. – Просто смотрю, нет ли каких новостей.

– Новостей о чем?

– Об отрезанной ноге, – сказала Робин. – Вчера вечером Страйк встречался с этим полицейским, Уордлом.

– Ну-ну, – произнесла Линда, и больше они не проронили ни слова, пока им не подали чай.

Линда заказала фруктовое печенье. Намазав его маслом, она поинтересовалась:

– Вы с Кормораном хотите своими силами выяснить, кто прислал эту ногу, я права?

Что-то в голосе матери насторожило Робин.

– Мы просто отслеживаем действия полиции, вот и все.

– А-а, – протянула Линда, жуя печенье и не сводя глаз с дочери.

Робин стало стыдно за свою раздражительность. Свадебное платье обходилось недешево, а где же благодарность?

– Извини за резкость.

– Ничего страшного.

– Это из-за Мэтью – он против моей работы у Корморана.

– Да, прошлой ночью мы кое-что об этом слышали.

– О боже, мама, прости!

Робин считала, что во время ссоры они говорили достаточно тихо, чтобы не разбудить родных. Всю дорогу до Мэссема они ругались, потом сделали перерыв на ужин с ее родителями, а затем продолжили в гостиную, когда Линда и Майкл ушли спать.

– Имя Корморана звучит слишком часто, тебе не кажется? Думаю, что Мэтью...

– Это его не колышет, – бросила Робин.

Мэтью определенно считал работу Робин некой блажью, но, когда требовалось отнестись к ней всерьез (например, как в случае с этой зловещей посылкой), он злился, вместо того чтобы тревожиться.

– Не колышет – и совершенно напрасно, – продолжила Линда. – Кто-то прислал тебе часть мертвого тела, Робин. А в прошлый раз Мэтт позвонил нам сообщить, что ты угодила в больницу с сотрясением мозга. Я уж

не говорю о твоём возможном увольнении! – решительно добавила она под укоризненным взглядом Робин. – Знаю, ты прикипела к этой работе! Как бы то ни было, – она отломил щедрый кусок своего лакомства и сунула в безвольную руку Робин, – я не собиралась визнавать, что колышет Мэтта, а что нет. Я только собиралась узнать, не ревнует ли он.

Робин отпила крепкого купажированного чая и рассеянно подумала, не прикупить ли этих фирменных пакетиков для офиса. В Илинге таких днем с огнем не сыщешь. А Страйк любит крепкую заварку.

– Да, Мэтт ревнует, – в конце концов ответила она.

– Надеюсь, безосновательно?

– Конечно! – с жаром воскликнула Робин.

Ее как будто предали: мама всегда принимала ее сторону, всегда...

– Зачем так горячиться? – невозмутимо сказала Линда. – Я же не намекаю, что ты делаешь нечто предосудительное.

– Хорошо, если так, – промолвила Робин, пережевывая печенье и не ощущая вкуса. – Я ничего и не делаю. Он – мой начальник, вот и все.

– И твой друг, – предположила Линда, – судя по тому, как ты о нем отзываешься.

– Да, – ответила Робин, но честность вынудила ее добавить: – Впрочем, это не похоже на обычную дружбу.

– Чем же?

– Он не любит говорить о личном. Клещами не вытянуть.

За исключением одного печально запомнившегося вечера (который они между собой никогда впоследствии не упоминали), когда Страйк так напился, что с трудом держался на ногах и понятие о личном фактически перестало существовать.

– Тем не менее вы находите общий язык?

– Вполне.

– Мужей зачастую коробит, когда их половинки находят общий язык с другими мужчинами.

– Что же мне теперь делать: работать исключительно под началом женщин?

– Нет, – сказала Линда, – Я просто имею в виду, что Мэтью, очевидно, чувствует угрозу.

Порой Робин казалось, будто мама жалеет, что дочь ни с кем не встречалась, прежде чем полностью посвятить себя Мэтью. Линда была близка со своей единственной дочерью. Сейчас, в этом кафетерии, среди гомона и звона, Робин осознала, что боится, как бы Линда не заикнулась

о возможности отменить свадьбу. Невзирая на усталость и измотанность, на тяжелые переживания последних месяцев, Робин не усомнилась в своей любви к Мэтью. Платье готово, церковь выбрана, свадьба практически оплачена. Нужно бороться и прийти к финишу.

– Я не влюблена в Страйка. Так или иначе, у него есть девушка: он встречается с Элин Тофт. Это радиоведущая на Би-би-си.

Она надеялась, такие сведения отвлекут мать, любительницу послушать радио за стряпней или садовыми работами.

– Элин Тофт? Та самая красотка-блондинка, которую вчера вечером показывали по телевизору в передаче про композиторов-романтиков? – уточнила Линда.

– Вероятно, – ответила Робин с подчеркнутым безразличием и, несмотря на успех своего отвлекающего маневра, сменила тему. – Так, значит, ты собираешься избавиться от «лендровера»?

– Совершенно верно. Вряд ли за него что-нибудь дадут. Может, сдать на утилизацию... а между прочим, – спохватилась Линда, озаренная внезапной мыслью, – не хотите ли вы с Мэтью забрать его себе? Налог уплачен за год вперед, техосмотр с грехом пополам обычно проходит...

Робин задумчиво жевала печенье. Мэтью вечно сетовал, что у них нет машины, отсутствие которой он приписывал ее низкой зарплате. Он буквально с ума сходил от зависти, глядя на кабриолет АЗ зятя. Робин знала, что отношение Мэтью к старому, издавшему виды «лендроверу» с его неистребимым запахом мокрой псины и резиновых сапог будет совершенно иным, но, в час ночи сидя в семейной гостиной, ее жених перечислил зарплаты всех своих ровесников и смело заключил, что доходы Робин помещаются в самой нижней строке турнирной таблицы. Внезапно разозлившись, она представила, как говорит своему жениху: «У нас уже есть „ровер“, Мэтт, зачем копить на „ауди“?», но вслух только сказала:

– Он очень пригодится в работе, если потребуется выезжать за пределы Лондона. Страйку не нужно будет брать машину напрокат.

– Мм, – как будто в рассеянности ответила Линда, но при этом внимательно посмотрела на дочь.

Они поехали домой и обнаружили, что Мэтью накрывает на стол вместе с будущим тестем. Как правило, он больше помогал по хозяйству в родительском доме Робин, чем в их с ней съемной квартире.

– Что там с платьем? – спросил он таким тоном, что Робин расценила это как попытку примирения.

– Все в порядке, – сказала она в ответ.

– Или задавать такой вопрос – плохая примета? – уточнил он, а потом,

заметив, что она не улыбнулась, добавил: – Уверен, ты все равно будешь выглядеть прекрасно.

Смягчившись, Робин протянула ему руку, а он подмигнул, сжимая ее пальцы. Тем временем Линда вклинилась между ними, со стуком опустила на стол блюдо с картофельным пюре и объявила, что дарит им свой старенький «лендровер».

– Что? – в смятении переспросил Мэтью.

– Ты же сам постоянно говоришь, что хочешь машину, – сказала Робин, вставая на защиту матери.

– Да, но «лендровер» в Лондоне?..

– А почему бы и нет?

– Это подпортит его имидж, – сказал ее младший брат Мартин, только что вошедший в комнату с газетой в руке: он изучал участников сегодняшних скачек «Гранд-Нэшнл»^[25]. – Идеальный же вариант, Роб. Явственно вижу, как вы с Хопалонгом^[26] мчитесь по бездорожью к месту преступления.

Квадратная челюсть Мэтью застыла.

– Заткнись, Мартин! – отрезала Робин, садясь за стол и испепеляя взглядом брата. – Хотела бы я посмотреть, как ты прямо в глаза назовешь Страйка Хопалонгом, – добавила она.

– Наверное, он посмеется, – беззаботно ответил Мартин.

– Наверное, потому, что вы отличились в одной и той же области? – спросила Робин, повысив голос. – Наверное, потому, что у вас обоих на счету воинские подвиги, что вы оба рисковали жизнью и здоровьем?

У них в семье Мартин был единственным из четверых детей, кто не стал поступать в университет и до сих пор жил с родителями. Малейший намек на отсутствие у него каких-либо достижений приводил Мартина в ярость.

– Ты к чему, мать твою, клонишь? Что ж мне, по-твоему, в армию идти? – вскипел он.

– Мартин! – резко одернула его Линда. – Придержи язык!

– Вы еще не поцапались из-за того, что у тебя до сих пор две ноги, Мэтт? – спросил Мартин.

Швырнув на стол нож и вилку, Робин вылетела из кухни. В памяти снова возник образ отрубленной ноги, с ярко-белой костью, торчащей из мертвой плоти, с этими грязными ногтями... возможно, жертва собиралась их почистить, а то и сделать педикюр, прежде чем предстать перед кем-нибудь из посторонних. У Робин хлынули слезы – впервые с того

момента, когда пришла посылка. Узор ковра на старой лестнице расплывался; дверную ручку спальни пришлось искать на ощупь. Подойдя к кровати, Робин содрогнулась всем телом, рухнула ничком на чистое одеяло и закрыла мокрое лицо ладонями в попытке заглушить рыдания. Она не хотела, чтобы кто-то из близких пришел за ней следом, не хотела ни разговаривать, ни объяснять; ей просто требовалось побыть одной, чтобы выплеснуть чувства, которые она сдерживала всю неделю.

Шутка ее брата эхом вторила островам Страйка о расчленениях. Жертва рассталась с жизнью при кошмарных, жестоких обстоятельствах, но, похоже, никого это не волновало так, как Робин. Смерть и топор превратили неизвестную девушку в кусок мяса, сделали из нее задачу, требующую решения, и Робин ощущала себя единственной, кто понимал, что не далее как неделю назад эта нога принадлежала некоему живому, дышащему человеческому существу.

Минут через десять Робин перевернулась на спину, открыла заплаканные глаза и оглядела свою старую спальню, словно ища поддержки. Когда-то ее комната казалась единственным безопасным местом на земле. Отчислившись из университета, Робин три месяца почти не выходила из этих стен, даже чтобы поесть. Тогда стены были ярко-розовыми – ошибочное интерьерное решение, принятое ею в шестнадцать лет. Робин и сама это понимала, однако не хотела просить отца сделать тут ремонт, а потому скрyla чересчур броский цвет невероятным количеством постеров. Раньше напротив кровати висел огромный плакат *Destiny's Child*^[27]. Теперь обои в комнате сменились нежно-голубыми: об этом позаботилась Линда, когда дочь переехала к Мэтью в Лондон, но Робин до сих пор представляла Бейонсе, Келли Роулэнд и Мишель Уильямс, глядящих на нее с обложки альбома «Survivor»^[28]. Видение было связано с худшим временем в ее жизни. Теперь же на стене висело лишь две фотографии: на одной Робин в выпускном классе (Мэтью стоял на заднем плане – самый красивый парень, отказавшийся улыбаться и надевать дурацкую шапочку), а на другой двенадцатилетняя Робин катается на своем стареньком пони Ангусе, лохматом, сильном и упрямом животном с дядиной фермы; Робин души в нем не чаяла, несмотря на его строптивость. Истощенная и измученная, она поморгала, чтобы избавиться от слез, и вытерла мокрое лицо ладонями. Из кухни, находящейся прямо под ее комнатой, доносились приглушенные голоса. Робин была уверена, что мать требует от Мэтью на некоторое время оставить ее дочь в покое, и надеялась, что он ее послушает. Она готова была провалиться в сон

вплоть до конца выходных. Через час, когда Робин все так же лежала на двуспальной кровати, сонно глядя на верхушку торчавшей за окном липы, Мэтью постучался в дверь и вошел с кружкой чая в руках:

– Твоя мама говорит, это тебе не помешает.

– Спасибо, – сказала Робин.

– Мы все вместе собираемся смотреть «Гранд-Нэшнл». Мартин поставил кучу денег на Баллабригса.

Ни слова о ее страданиях, о толстокожести Мартина. Мэтью всем видом показывал, что она некоторым образом опозорилась, а он предлагает ей выход. Робин сразу поняла, что он даже не подозревает, какие чувства всколыхнулись в ней при мысли о той несчастной девушке. Нет, он всего лишь досадовал, что в разговоре снова промелькнуло имя Страйка, которого никто из Эллакоттов даже в глаза не видел. Прямо как с Сарой Шедлок на регби, один в один.

– Я не люблю смотреть, как лошади ломают себе шею, – сказала Робин, – и вообще мне нужно немного поработать.

Он взирал на нее сверху вниз, а затем вышел, хлопнув дверью, отчего створка дернулась и снова отворилась.

Робин села, пригладила волосы, сделала глубокий вдох и пошла к туалетному столику за ноутбуком. Поначалу она чувствовала себя виноватой, что взяла компьютер с собой: надеялась выкроить время для своих, так сказать, линий следствия. Но Мэтью с его всепрощением поставил крест на этих надеждах. Пусть себе смотрит скачки. А ее ждут дела поважнее. Вернувшись к кровати, она подложила под спину горку подушек, открыла ноутбук и перешла к закладкам браузера, о которых не знал никто, даже Страйк, который, несомненно, подумал бы, что она попусту тратит время. Робин уже посвятила не один час разработке двух отдельных, но пересекающихся линий следствия, бравших начало от писем, которые она настоятельно рекомендовала Страйку показать Уордлу: сообщение девушки, желавшей отрезать собственную ногу (как видно, несчастная страдала синдромом нарушения целостности восприятия тела, который характеризуется иррациональным желанием удалять здоровые конечности), а также тошнотворное послание от мужчины, которому для чего-то понадобилась культя Страйка.

Работа человеческого мозга всегда увлекала Робин; в университете она выбрала для себя психологию, хотя и не доучилась. Начитавшись научных статей, Робин теперь знала, что синдром невосприятия целостности собственного тела, или СНЦСТ, – весьма редкое заболевание, причины которого до сих пор неизвестны. Пролистав сайты поддержки,

она убедилась, с какой неприязнью люди относятся к СНЦСТ-пациентам. Форумы пестрели злобными обвинениями: мол, другие не просили делать их инвалидами, а эти сами напрашиваются, просто внимание к себе привлекают таким нелепым и отвратительным способом. В ответ на подобные нападки следовали не менее жесткие комментарии: неужто вы всерьез считаете, что больные *хотели* родиться с СНЦСТ? Неужели до вас не доходит, сколько страданий этот недуг приносит человеку – когда тебе не просто хочется, а жизненно необходимо избавиться от конечности, и уже не важно, ампутация это будет или паралич? Робин задумалась, что сказал бы Страйк, ознакомившись с историями СНЦСТ-пациентов. Вряд ли он выразил бы им сочувствие.

Внизу скрипнула дверь в гостиную, и до слуха Робин на миг донесся стрекот комментатора, смех Мартина и голос ее отца, выгонявшего из комнаты старого коричневого лабрадора, который испортил воздух.

За день Робин так вымоталась, что, к своей досаде, не смогла вспомнить имя той девушки, которая обращалась к Страйку за советом по поводу ампутации ноги, – вроде бы Кайли. Медленно листая самый посещаемый сайт поддержки, Робин высматривала ники пользователей, которые могли бы иметь хоть какое-то отношение к той девушке, – ведь куда еще, если не в виртуальный мир, подросток со странной навязчивой идеей пойдет делиться своими фантазиями?

Дверь в спальню, неплотно прикрытая после ухода Мэтью, широко распахнулась – это изгнанник Раунтри вразвалочку явился к ней в комнату. Робин рассеянно потрепала его за ухом, и пес, получив свою порцию ласки, шлепнулся на прикроватный коврик. Сначала он барабанил хвостом по полу, но вскоре уснул и засопел. Под аккомпанемент собачьего храпа Робин вернулась к прочесыванию форумов.

Внезапно ее захлестнуло радостное волнение, знакомое с первых дней работы в агентстве Страйка: это чувство служило наградой за поиск информации, малейшие крупички которой могли что-то означать, а могли и нет, но иногда, в особых случаях, давали ключ к разгадке.

Nowheretoturn: Кто-нить че-нить знает про Корморона Страйка?

Затаив дыхание, Робин развернула ветку.

W@nBee: Это детектив одноногий? Ветеран типо.

Nowheretoturn: Говорят, он сам себя и покалечил.

W@nBee: Не, я тебе отвечаю, он Афган прошел.

И на этом все. Робин прошерстила остальные ветки, но безвестный *Nowheretoturn*^[29] расспросы прекратил и на форуме больше не мелькал. Само по себе это ничего не значило: сменить ник проще простого. Робин продолжала поиски, пока не убедилась, что исследовала каждый уголок этого сайта, но в других местах имя Страйка не упоминалось.

Радость открытия угасла. Даже если предположить, что автор письма и неведомый *Nowheretoturn* – это одно и то же лицо, та девушка писала в полной уверенности, что ногу Страйк отрезал себе сам. Не так-то много найдется известных ампутантов, про которых можно с легкостью подумать, будто конечностей они лишились добровольно.

Из гостиной теперь неслись подбадривающие вопли. Робин решила на время оставить СНЦСТ-форумы и размотать вторую нить своего расследования.

Ей приятно было считать, что сыскная работа ее закалила. Однако, едва взглянув на первые попавшиеся сайты, посвященные фантазиям акротомофилов – людей с сексуальным влечением к калекам, – Робин почувствовала противный спазм в желудке; это ощущение не покидало ее и после того, как она выключила компьютер. Ей попались на глаза излияния мужчины (Робин могла только предполагать, что это мужчина), чьи самые волнующие сексуальные фантазии были о женщине с ампутированными – выше локтей и коленей – конечностями. Его, похоже, особенно заботила длина оставшихся культей. Второй мужчина (уж эта личность никак не могла быть женщиной) с юности во время мастурбации представлял, как ампутируют ноги ему и его лучшему другу. Автор рассуждал о красоте культей, об ограниченной подвижности ампутантов, об инвалидности как высшей степени зависимости от воли других.

Внизу невнятно гнусавил комментатор Больших национальных скачек, фанатичные вопли ее брата становились все громче, а Робин по-прежнему изучала форумы, пытаясь найти хоть одно упоминание Страйка и обнаружить связь между этой сексуальной девиацией и насилием. Она отметила, что никого из тех людей, что делились своими фантазиями о калекках и ампутациях, насилие и боль, судя по всему, не возбуждали. Даже мужчина, фантазировавший об ампутации ног себе и своему другу, четко и ясно давал понять: отрезание конечностей привлекает его исключительно как средство получить культю.

Мог ли субъект, которого возбуждает инвалидность Страйка, отрезать женщине ногу и прислать по почте? Мэтью бы сказал – безусловно, презрительно подумала Робин, ведь он как рассуждает: если человек настолько не дружит с головой, что балдеет от обрубков, то с него станется

отпилить кому-нибудь ногу. Ей почти явственно слышалось, каким тоном Мэтью изрекает свой вердикт. Однако подробности, запомнившиеся ей из письма Р. Л. и вынесенные из откровений его собратьев по акротомофилии, наводили на мысль, что настойчивое желание Р. Л. «все исправить» означало скорее практики, которые Страйк нашел бы, пожалуй, еще менее привлекательными, чем сама ампутация. Конечно, Р. Л. может оказаться акротомофилом и психопатом одновременно...

– ЙЕС! МАТЬ ТВОЮ, ЙЕС! ПЯТЬСОТ ФУНТОВ! – завопил Мартин.

Судя по ритмичному топоту, доносившемуся из коридора, Мартин решил, что гостиная тесновата для полноценного исполнения победного танца. Раунтри проснулся, вскочил и лениво гавкнул. Грохот стоял такой, что Робин не услышала, как Мэтью поднимается к ней по лестнице. При его появлении она инстинктивно нажала на стрелку «Назад», перелистав в обратном порядке сайты, посвященные сексуальной фетишизации калек.

– Привет, – сказала она. – Похоже, Баллабриггс выиграл.

– Ага, – ответил Мэтью.

Второй раз за день он протянул ей руку. Робин отодвинула ноутбук, Мэтью помог ей встать и обнял. Тепло его тела успокаивало, обволакивало, утешало. Она бы не вынесла еще одной ночной перебранки. Но вдруг он отстранился, уставившись ей через плечо.

– Что такое?

Она покосилась на ноутбук. Посреди мерцающей страницы текста выделялось крупное, в рамочке определение:

Акротомофилия (сущ.) – сексуальная девиация, характеризующаяся повышенным сексуальным влечением к парализованным, а также к лицам с ампутированными конечностями.

Повисла неловкая пауза.

– Сколько лошадей погибло? – спросила Робин надтреснутым голосом.

– Две, – бросил Мэтью и вышел из комнаты.

*...you ain't seen the last of me yet,
I'll find you, baby, on that you can bet.*

Blue Öyster Cult. «Showtime»^[30]

В воскресенье в полдевятого вечера Страйк стоял у вокзала Юстон и курил последнюю сигарету: до Эдинбурга предстояло пилить девять часов. Элин огорчилась, что он не попадает на вечерний концерт; в качестве компенсации они провели всю вторую половину дня в постели – Страйк был только счастлив. Красотка, обычно собранная и довольно холодная, Элин отбрасывала всякое смущение, оказываясь в спальне. Желанные затяжки сигаретой сливались с воспоминаниями о некоторых интимных зрелищах и звуках: чуть влажная алебастровая кожа у него под губами, стоны, вырывающиеся из ее широко раскрытого бледного рта. У Элин в шикарных апартаментах на Кларенс-Террас курить не разрешалось, потому что ее дочка страдала астмой. После любовных ласк Страйк боролся со сном за просмотром телепередачи Элин о композиторах-романтиках.

– Знаешь, ты похож на Бетховена, – задумчиво сказала она, когда камера наехала на мраморный бюст композитора.

– С расплощенным шнобелем.

Такое он о себе уже слышал.

– И зачем тебе сейчас в такую даль? – спросила Элин, когда он, сидя на ее кровати, надевал протез; спальня, отделанная в бело-кремовых тонах, не производила такого депрессивного впечатления, как комната для гостей в доме Ника и Илсы.

– Версию одну прорабатываю, – ответил Страйк, прекрасно понимая, что это большое преувеличение.

А Дональда Лэйнга и Ноэла Брокбэнка не связывало с той посылкой ничего, кроме его собственных смутных подозрений. Как ни жалко было Страйку выкладывать почти три сотни фунтов за билеты, он ничуть не раскаивался в своем решении.

Затоптав окурки протезированной ногой, он вошел в здание, купил себе в вокзальном супермаркете кое-что пожевать и влез в ночной поезд.

В одноместном купе он увидел узкую койку и складную раковину. Впрочем, за годы армейской службы ему доводилось ночевать и в менее комфортных условиях. Плюсом оказалось то, что длины койки как раз хватило на его почти двухметровый рост, а перемещаться с отстегнутым протезом в тесном пространстве всегда было легче. Угнетала только жарница: у Страйка в мансарде поддерживалась такая бодрящая температура, какой не вынесла бы ни одна женщина. Правда, ни одна женщина и не ночевала у него в мансарде. Элин не изъявляла ни малейшего желания туда заглянуть, а своей сестре Люси он не давал возможности увидеть его истинное финансовое положение. Если вдуматься, к нему заходила одна только Робин.

Поезд с рывком двинулся вдоль перрона. За окном потянулись столбы и скамьи. Опустившись на койку, Страйк развернул первый багет с беконом, впился в него зубами и вспомнил, как Робин, бледная и дрожащая, сидела у него за кухонным столом. Можно было только порадоваться, что сейчас она в безопасности родительского дома, в Мэссеме; по крайней мере, одной зудящей тревогой меньше.

Нынешнее положение было ему не внове. Он будто бы вернулся на армейскую службу и ехал на другой конец Соединенного Королевства в самом дешевом купе, чтобы явиться в местное подразделение ОСР в Эдинбурге. Туда его раньше не заносило. Как он слышал, подразделение размещалось в замке, стоящем на краю скалистого утеса в центре Эдинбурга.

Позже, сходя в отлить в грохочущий общий сортир, он вернулся в купе, разобрал койку и лег в семейных трусах поверх тонкого одеяла в надежде если не уснуть, то хотя бы подремать. Из-за духоты, переменчивой качки и тряски спать было невозможно. После того как в Афгане взорвался «викинг», в котором он оставил полноги и двоих однополчан, Страйк с трудом выносил, чтобы его возили другие люди. Теперь выяснилось, что это подобие фобии распространяется и на поезда. Три раза его будили, как сигналы тревоги, свистки встречных локомотивов; на поворотах казалось, что этот железный монстр вот-вот завалится, сойдет с рельсов и разлетится на части...

На эдинбургский вокзал Уэйверли поезд прибыл в четверть шестого, но завтрак подавали только в шесть. Страйка разбудили шаги проводника, разносившего подносы. Когда Страйк открыл ему дверь, парнишка в форме громко ойкнул, но, переводя взгляд с пассажира на лежавший у того за спиной протез, убедился, что нога не отрезана, и заговорил:

– Прустите, увужаемый! – В его речи звучал сильный акцент уроженца

Глазго. – Не гутов был!

Страйка это рассмешило. Взяв поднос, он задвинул дверь. После практически бессонной ночи ему куда больше хотелось курить, чем жевать разогретый резиновый круассан. Пристегивая протез и одеваясь, он выпил черный кофе и одним из первых вышел на холодный шотландский рассвет.

На вокзале у него возникло странное чувство, будто он оказался на дне пропасти. Сквозь гармошку потолка виднелись очертания уходящих куда-то ввысь готических зданий. Разыскав около стоянки такси назначенное Хардэйкром место встречи, он присел на холодную железную скамью, поставил в ногах рюкзак и закурил.

Хардэйкра пришлось ждать двадцать минут; когда же он появился, Страйку сделалось сильно не по себе. Он изначально был так благодарен за предложенный автомобиль, что даже не подумал спросить, на чем ездит его друг.

На «мини». Вот зараза... на «мини».

– Огги!

Они обменялись полуобъятием-полурукопожатием, на американский манер, проникший даже в вооруженные силы. В Хардэйкре роста было едва-едва метр семьдесят. Волосы редющие, мышасто-серые, вид беззлобный. Но Страйк знал, что за этой непримечательной внешностью скрывается острейший следственный ум. Они вместе работали по Брокбэнку, и одного этого было достаточно, чтобы прочно их связать, хотя впоследствии у обоих начались неприятности.

Только когда Хардэйкр увидел, как его старый товарищ сложился, чтобы втиснуться в «мини», до него дошло, что нужно было упомянуть марку машины.

– Я уж и забыл, что ты такой громила, – прокомментировал он. – Сможешь сесть за руль?

– Отчего же нет? – Страйк до упора отодвинул назад пассажирское сиденье. – Спасибо, что тачку подогнал, Харди.

Хорошо еще, что машина оказалась на «автомате», а не на «ручке».

Дорога шла в гору, мимо закопченных строений, взиравших на Страйка сквозь люк в крыше автомобиля. Раннее утро выдалось промозглым и неприветливым.

– Позже распогодится, – пробормотал Хардэйкр, когда они тряслись по крутой булыжной мостовой Королевской Мили, мимо магазинов, торгующих килтами и флагами с изображением геральдического льва, мимо ресторанов и кафе, мимо щитов с рекламой экскурсий в замки с привидениями, мимо боковых улочек, открывавших внизу, по правую

руку, мимолетные виды города.

На вершине холма появился замок, темный и неприступный на фоне неба, обнесенный извилистыми стенами. Хардэйкр свернул направо, в сторону от ворот с гербом, к которым уже подтягивались туристы, желая избежать очереди.

У деревянной будки он назвал свою фамилию, помахал пропуском и проехал на территорию, направляясь к арке из вулканического камня, ведущей в ярко освещенный тоннель с сетью толстых силовых кабелей по стенам. Миновав тоннель, они оказались высоко над городом, рядом с пушками, выстроившимися вдоль парапетов, далеко от туманных шпилей и крыш черного с золотом города, тянувшегося до залива Ферт-оф-Форт.

– Ничего так. – Страйк, заинтересовавшись, подошел ближе к пушкам.

– Да, вполне себе, – согласился Хардэйкр, окидывая прозаичным взглядом столицу Шотландии. – Нам сюда, Огги.

В замок они вошли через боковую деревянную дверь. Страйк шагнул за Хардэйкром по холодным каменным плитам узкого коридора; два лестничных пролета вверх – и правая нога запротестовала. На стенах через произвольные промежутки висели гравюры с изображениями одетых в парадную форму военных Викторианской эпохи.

Одна из дверей на первой площадке вела в коридор с выдавшей виды темно-красной дорожкой и зелеными больничными стенами. В него выходили многочисленные кабинеты. Хотя Страйк никогда здесь не бывал, он сразу почувствовал нечто родное – не то что возле знакомого сквота на Фулборн-стрит. Тут он мог бы сесть за свободный письменный стол и уже через десять минут заниматься привычным делом.

По стенам висели плакаты, один из которых напоминал следователям, насколько важен и как должен использоваться «золотой час» – тот краткий промежуток времени после совершенного преступления, когда улики еще много и собрать их легко; на другом были фотографии, помогающие распознать те или иные наркотики. К белым доскам крепились магнитами сведения о состоянии текущих дел и сроках их завершения: «ожидается анализ голосового (телефонного) сообщения и ДНК-анализ», «запросить форму 3», тут же лежали металлические футляры с портативными наборами для снятия отпечатков пальцев.

Дверь, ведущая в лабораторию, оказалась открыта. На высоком металлическом столе виднелся полиэтиленовый пакет для вещдоков, а в нем подушка с бурыми пятнами крови. Рядом – картонная коробка с бутылками спиртного. Где кровь – там всегда алкоголь. В углу стояла пустая бутылка из-под виски «Беллз», накрытая красной армейской

фуражкой – «красная шапка», по которой, собственно, и называлось между своими это подразделение.

С ними поравнялась идущая навстречу коротко стриженная блондинка в деловом костюме:

– Страйк!

Он узнал ее не сразу.

– Эмма Дэниелз. Каттерик, две тысячи второй, – напомнила она с усмешкой. – Ты еще обозвал нашего старшего сержанта «беспрокий мудень».

– Да, точно, – согласился Страйк; Хардэйкр только хмыкнул. – Он таким и был. Ты, я смотрю, подстриглась.

– А ты, я смотрю, прославился.

– Не стоит преувеличивать, – сказал Страйк.

Какой-то бледный парень в сорочке без пиджака высунул голову из кабинета дальше по коридору, явно заинтересовавшись этим обменом репликами.

– Нам пора, Эмма, – сухо сказал Хардэйкр и обратился к Страйку: – Так я и знал, что тут найдется полно желающих на тебя поглазеть.

С этими словами он провел Страйка к себе в кабинет и плотно прикрыл дверь.

В помещении царил полумрак – главным образом из-за того, что окно выходило прямо на зубчатый скалистый утес. Интерьер оживляли фотографии детишек Хардэйкра и внушительная коллекция пивных кружек, а в остальном отделка повторяла все то, что Страйк увидел в коридоре: потертую ковровую дорожку и бледно-зеленые стены.

– Ну, так, Огги. – Хардэйкр посторонился, пропуская Страйка за свой рабочий стол. – Вот он, тут.

ОСР смог получить доступ к материалам трех других подразделений.

На монитор было выведено фото Ноэла Кемпбелла Брокбэнка, сделанное до знакомства с ним Страйка, до того как Брокбэнку раскроили узкую, вытянутую физиономию с синевой на подбородке, отчего у него на всю жизнь провалилась глазница и одно ухо сделалось больше другого. Страйк узнал его именно таким, с перекошенными чертами, как будто голову Брокбэнка зажимали в тиски.

– Распечатки делать нельзя, Огги, – сказал Хардэйкр, когда Страйк уселся в офисное кресло на колесиках, – но можешь щелкнуть экран на мобильный. Кофе?

– Давай чай, если есть. Вот спасибо.

Выйдя из кабинета, Хардэйкр так же тщательно прикрыл за собой

дверь, и Страйк достал мобильник, чтобы сделать фотографии с монитора. Добившись приличного изображения, он проскролил материалы вниз и пробежал глазами полное досье Брокбэнка, обращая особое внимание на дату рождения и другие сведения личного характера.

Брокбэнк оказался одногодком Страйка, но появился на свет в день Рождества. Завербовавшись на военную службу, указал в качестве места проживания Бэрроу-ин-Фернесс. Незадолго до своего участия в операции «Грэнби» – больше известной широкой общественности как первая война в Персидском заливе – женился на вдове военнослужащего с двумя дочерьми, одну из которых звали Бриттани. Когда он служил в Боснии, у него родился сын.

Делая себе пометки, Страйк листал досье, пока не дошел до увечья, которое изменило жизнь Брокбэнка и положило конец его службе. Вернулся Хардэйкр, принес две кружки, и Страйк, не отрываясь от файла, пробормотал благодарность. В личном деле не упоминалось преступление, в котором обвинялся Брокбэнк; Страйк и Хардэйкр вели следствие на пару, и оба остались при своем убеждении: Брокбэнк виновен. Тот факт, что он сумел уйти от правосудия, не давал покоя Страйку на протяжении всей его армейской карьеры. В память ему врезалось выражение лица Брокбэнка, с которым тот бросился на него с «розочкой» из пивной бутылки: какое-то дикое, кошачье. Роста он был примерно такого, как Страйк, а то и выше. Когда Страйк точным ударом отбросил его на стену, грохот раздался, по словам Хардэйкра, такой, будто в казарму врезался автомобиль.

– Как я посмотрю, нехилую военную пенсию получает, – пробормотал Страйк, выписывая названия тех населенных пунктов, куда переводили пенсию после увольнения Брокбэнка из армии.

Сначала Брокбэнк отправился домой, в Бэрроу-ин-Фернесс. Затем в Манчестер, но менее чем на год.

– Ха! – вполголоса выговорил Страйк. – Значит, это все же был ты, ублюдок.

Из Манчестера Брокбэнк перебрался в Маркет-Харборо и, наконец, вернулся в Бэрроу-ин-Фернесс.

– Харди, а здесь что?

– Заключение психиатра, – ответил Хардэйкр, который, сидя на низком табурете у стены, занимался своими файлами. – Это не для твоих глаз. Ума не приложу, как я мог там его оставить. Вопиющая халатность.

– Вопиющая, – согласился Страйк, открывая файл.

Впрочем, в психиатрическом заключении он не нашел для себя почти ничего нового. При госпитализации выяснилось, что Брокбэнк подвержен

алкоголизму. Среди психиатров не наблюдалось единодушия в вопросе о том, какие симптомы его заболевания вызваны алкоголем, какие – посттравматическим стрессом, а какие – черепно-мозговой травмой. Страйку пришлось погуглить ряд терминов: *афазия* – полная или частичная утрата речи, трудность в подборе слов; *дизартрия* – расстройство произносительной организации речи; *алекситимия* – неспособность пациента называть эмоции, переживаемые им самим. Как нельзя кстати была для Брокбэнка забывчивость. Насколько сложно было бы ему симулировать некоторые из этих классических симптомов?

– Они одного не учитывают, – сказал Страйк, который сохранял приятельские отношения с несколькими людьми, получившими черепно-мозговые травмы, – что это прежде всего редкостный говнюк.

– Точно, – подтвердил из-за своего монитора Хардэйкр, потягивая кофе.

Страйк закрыл файлы Брокбэнка и принялся за Лэйнга. С фотографий смотрел именно тот «погранец», который запомнился Страйку: двадцатилетний, широкий в плечах, бледный, с низко заросшим лбом и темными хорьковыми глазками. Страйк хорошо помнил подробности армейской службы Лэйнга, которую сам же прервал. Записав себе адрес Лэйнговой матери в Мелроузе, он пробежал глазами остальные материалы, а потом открыл прикрепленное психиатрическое заключение.

...выраженные признаки социопатии и пограничной психопатии... может представлять опасность для окружающих...

От громкого стука в дверь Страйк вскочил, поспешно закрыв файлы с личными делами. Хардэйкр даже не успел встать, как в кабинет ворвалась свирепого вида женщина в юбке и жакете.

– По Тимпсону что-нибудь для меня готово? – рявкнула она Хардэйкру и бросила подозрительный взгляд на Страйка: тот заключил, что она проинформирована о его приходе.

– Ну, я пошел, Харди, – сразу сказал он. – Рад был повидаться.

Хардэйкр скупой представил его уоррент-офицеру, без лишних слов очертил историю их знакомства и вышел проводить Страйка.

– Сегодня я тут допоздна, – сказал он, когда они за дверью пожали друг другу руки. – Звони, когда станет ясно, в котором часу вернешь тачку. Счастливо тебе.

Осторожно спускаясь по каменной лестнице, Страйк невольно думал, что мог бы и сам служить здесь, рядом с Хардэйкром, подчиняясь привычному распорядку и требованиям Отдела специальных расследований. Командование было согласно оставить его на службе, даже

после ампутации. Он никогда не жалел о своем решении комиссоваться, но от этого краткого, неожиданного погружения в прежнюю жизнь на него накатила тоска.

Он вышел на слабый солнечный свет, пробивавшийся сквозь разрыв в облаках, и, как никогда остро, ощутил перемену своего статуса. Да, он теперь волен не подчиняться дурацким приказам, не обязан протирать штаны в этом офисе на скалистом утесе, но из-за этого лишен тех возможностей и перспектив, которые дает британская армия. Сейчас он остался один на один с делом, которое грозило зайти в тупик. Его оружием в борьбе с тем, кто прислал Робин отсеченную женскую ногу, была лишь пара-тройка адресов.

Where's the man with the golden tattoo?

*Blue Öyster Cult. «Power Underneath
Despair»^[31]*

Как и предвидел Страйк, поездка на «мини», как ни регулируй сиденье, обернулась сущим мучением. На педаль газа приходилось давить левой ногой, а это требовало неловких акробатических телодвижений в весьма ограниченном пространстве. Только вырвавшись за пределы шотландской столицы и встав на трассу А7 до Мелроуза, он почувствовал, что может наконец-то отвлечься от водительских ухищрений, чтобы обратиться мыслями к рядовому Дональду Лэйнгу из Королевских собственных пограничных войск, с которым впервые встретился одиннадцать лет назад на боксерском ринге.

Встреча состоялась вечером, в холодном, неприветливом, плохо освещенном спортзале, под рев пятисот солдатских глоток. Тогдашний представитель Королевской военной полиции капрал Корморан Страйк, в отличной форме, настроенный, накачанный, на двух сильных ногах, был готов проявить себя на турнире родов войск по боксу. У Лэйнга в зале оказалось примерно втрое больше болельщиков, чем у Страйка. Ничего личного: военная полиция была в принципе непопулярна. Под конец удачного турнирного дня все жаждали увидеть, как Красную Шапку отправят в нокаут. В программе этот матч тяжеловесов стоял последним. Зрительский рев отдавался в венах обоих бойцов вторым пульсом. Противник запомнился Страйку маленькими черными глазками и коротким ежиком волос цвета темно-рыжей лисицы. А еще – татуировкой желтой розы во все левое предплечье. Шея у Лэйнга была намного шире узкой челюсти, бледная, безволосая грудь смотрелась как мраморный бюст Атласа, а на незагорелых бицепсах и плечах комариными укусами выделялись веснушки. Четыре раунда не выявили победителя: более молодой соперник, возможно, двигался быстрее, Страйк был техничнее. В пятом Страйк после отбива удара сделал ложный выпад в лицо сопернику, а затем нанес ему удар по почкам и отправил его в нокдаун. Настроенная антистрайковски часть публики притихла, когда Лэйнг растянулся на ринге, но потом затрубила, как стадо слонов. Лэйнг поднялся

на ноги при счете «шесть», но, как видно, забыл на холщовом полу некоторые правила самодисциплины. Бил открытой перчаткой, не спешил прекращать атакующие действия по команде «брейк», за что получил строгое замечание от рефери; нанес удар после гонга; схлопотал второе предупреждение.

Через минуту после начала шестого раунда Страйк сумел найти брешь в рассыпающейся технике Лэйнга, у которого уже кровил нос, и бросил его на канаты. Когда рефери развел их в стороны и дал команду продолжать, Лэйнг забыл последние приличия и попытался нанести удар головой. Рефери попытался вмешаться, но Лэйнг как с цепи сорвался: Страйк чудом избежал удара ногой в пах, а во время клинча почувствовал, как ему в щеку вгрызаются зубы. Крики судьи, старавшегося унять хулигана, доносились до Страйка неразборчиво, зал неловко затих от зрелища такого звериного бешенства Лэйнга, а тот как ни в чем не бывало собрался с силами и замахнулся, но Страйк успел увернуться и жестко ударил Лэйнга под дых. Лэйнг сложился пополам, задохнулся и упал на колени. Страйк, с окровавленной щекой, ушел с ринга под редкие аплодисменты.

В турнире родов войск он занял второе место, уступив какому-то сержанту-десантнику, а через две недели его перевели из Олдершота, но перед тем до него дошли слухи, что Лэйнг сидит в казарме под домашним арестом за нарушение спортивной этики и хулиганское поведение на ринге. Наказание вполне могло быть и строже, но, по слухам, командование учло смягчающие обстоятельства: он наплел, что вышел на ринг в глубоком смятении чувств, так как у его невесты случился выкидыш.

Даже тогда, за много лет до того, как новые факты о Лэйнге привели Страйка в позаимствованной малолитражке на эту пригородную дорогу, он не поверил, что у такого животного, как Лэйнг, хоть что-то шевельнется под бледной, безволосой кожей из-за мертвого эмбриона. Когда Страйк уезжал за рубеж, у него на щеке еще оставались следы Лэйнговых резцов. Через три года Страйка вызвали на Кипр для расследования дела о предполагаемом изнасиловании. Войдя в допросную, он вторично столкнулся лицом к лицу с Дональдом Лэйнгем, который прибавил в весе, сделал пару новых наколок и густо покрылся веснушками под кипрским солнцем. Глубоко посаженные черные глазки подчеркивала сетка морщин. Стоило ли удивляться, что адвокат Лэйнга дал отвод следователю, которого некогда укусил его подзащитный, поэтому Страйк поменялся с одним сослуживцем, расследовавшим на Кипре дело о незаконном обороте наркотиков. Через неделю Страйк договорился посидеть в баре с этим

сослуживцем и с удивлением узнал, что тот склонен верить Лэйнгу: якобы у него и предполагаемой жертвы, местной официантки, по пьяни случился неуклюжий, но вполне добровольный секс, о чем она теперь жалела, поскольку ее дружок прознал, как она уходила с работы вместе с Лэйнгом. Свидетелей предполагаемого преступления не нашлось, но, со слов официантки, он принудил ее к сексу под угрозой ножа. «Типичная шлюшка», – высказался коллега Страйка из Отдела специальных расследований. У Страйка не было оснований спорить, но он не забыл, как Лэйнг в свое время добился сочувствия одного из командиров после вопиющего хулиганства и нарушения субординации на глазах у сотен свидетелей. Когда же Страйк захотел услышать подробности рассказа и манеры Лэйнга, коллега охарактеризовал его как сообразительного, симпатичного парня с мрачноватым чувством юмора.

«Дисциплина, конечно, хромает, – добавил он, показывая, что ознакомился с личным делом Лэйнга, – но насильника я в нем не вижу. Женат на своей землячке, она и сейчас рядом с ним».

Страйк вернулся к своему делу о незаконном обороте наркотиков. Пару недель спустя, когда он отпустил быстро растущую бороду, чтобы придать себе «штатский вид», как говорили у них в армии, ему случилось забрести в один дымный сарай и, лежа на голых половицах, выслушать странный рассказ. Укуренный молодой киприот-наркоторговец, купившийся на неряшливый вид Страйка, библейские сандалии, вытянутые шорты и бесчисленные фенечки на толстом запястье, ни на минуту не заподозрил в своем собеседнике агента британской военной полиции. Когда они лежали бок о бок с косячками в руках, собеседник Страйка выболтал несколько имен военнослужащих, развернувших на острове торговлю, причем не только травкой. Парень говорил с сильным акцентом, и Страйк с трудом запоминал искаженные варианты то ли фамилий, то ли прозвищ и не сразу связал имя «Даналланг» со знакомым ему лицом. И только когда его собеседник упомянул, как «Даналланг» связывает и истязает свою жену, Страйк распознал в «Даналланге» Дональда Лэйнга. «Бешеный, – отрешенно повторял волоокий парнишка. – А все за то, что она уехать хотела». В результате осторожных, как бы незначащих расспросов киприот признался, что слышал эту историю от самого Лэйнга. Тот якобы рассказал ее отчасти для смеха, а отчасти – чтобы показать, с кем собеседник имеет дело.

Когда Страйк на другой день вернулся в Сифорт-Истейт, район плавился на полуденном солнце. Побеленные и слегка облезлые дома были самым старым на всем острове жильем для семейных военнослужащих.

Он решил наведаться туда в те часы, когда Лэйнг, благополучно отвертевшийся от обвинений в изнасиловании, был на службе. Позвонив в дверь, Страйк услышал только приглушенные младенческие крики.

– Мы считаем, у нее агорафобия, – доложила сплетница-соседка, которая выскочила поделиться своим мнением. – Что-то с ней не так. Уж очень застенчивая.

– А что ее муж? – поинтересовался Страйк.

– Донни? Ой, да это же душа-человек! – оживилась соседка. – Слышали бы вы, как он изображает капрала Оукли! Умора! До чего забавно!

Вход в жилище военнослужащего без его личного разрешения регламентировался множеством правил. Страйк постучался в дверь, но ответа не было. Младенец не умолкал. Пришлось обойти дом сзади. Все занавески были задернуты. Страйк постучал в дверь черного хода. Бесполезно. В оправдание своих действий он мог бы сказать только одно: детский плач. Но начальство могло и отместить такую причину несанкционированного проникновения в жилище. Страйк скептически относился к разговорам насчет шестого чувства или интуиции, но его не покидала уверенность, что здесь дело нечисто. Он нутром чуял ненормальность и зло. Еще в детстве он насмотрелся такого, что, по мнению многих, бывает только в кино. Со второго толчка плечом дверь распахнулась. В кухне стояла вонь. Мусорное ведро не выносили давным-давно. Страйк шагнул в дом.

– Миссис Лэйнг?

Ответа не последовало. Слабый детский крик доносился сверху. Поднимаясь по лестнице, Страйк продолжал окликать хозяйку дома. Дверь в спальню стояла нараспашку. Из полутемной комнаты шел удушающий запах.

– Миссис Лэйнг?

Совершенно голая, привязанная за одно запястье к изголовью, она была кое-как накрыта окровавленной простыней. Рядом на матрасе в одном подгузнике лежал ребенок. Страйк сразу отметил его нездоровый, изможденный вид.

Он бросился к женщине, чтобы освободить ее, одной рукой нащупывая мобильный для вызова «скорой», но его остановил надтреснутый голос:

– Нет... уходи... убирайся...

Страйку нечасто приходилось быть свидетелем такого страха. В своем бездушии муж стал казаться миссис Лэйнг едва ли не потусторонним

существом. Даже когда Страйк распутывал узлы на ее кровавом, опухшем запястье, она молила о пощаде. Муж пригрозил ее убить, если к его приходу ребенок не угомонится. Женщина, казалось, была не в состоянии представить будущее, кроме как через призму всевластия мужа.

За то, что Лэйнг сотворил со своей женой, его на основании показаний Страйка приговорили к шестнадцати годам тюрьмы. До последнего Лэйнг все отрицал, твердил, что жена сама привязала себя к кровати, что ей это всегда нравилось, поскольку она извращенка, не способна заботиться о ребенке, задумала упечь собственного мужа – и вообще все это подстава. Большой грязи Страйк, пожалуй, не помнил. Почему-то память вернула его к тем событиям именно сейчас, когда он ехал на «мини» среди крутых зеленых склонов, поблескивающих под набирающим силу солнцем. Этот пейзаж был ему незнаком. Гранитные глыбы, вздымающиеся холмы отличались особым величием в своей обнаженной бескрайности. В детстве Страйк мог часами просиживать на берегу, смакуя соленый воздух: но здесь леса смыкались с рекой, и это слияние оказывалось более таинственным и загадочным, чем виды Сент-Моза, где на подходе к пляжу толпились живописные домики, а в воздухе витали старинные легенды о контрабандистах.

Миновав эффектный виадук справа от трассы, Страйк задумался о психопатах, которых встретишь везде: не только в беднейших кварталах, трущобах и сквотах, но даже здесь, среди этих безмятежных красот. Такие, как Лэйнг, сродни крысам: ты знаешь, что они вездесущи, но не берешь в голову, пока не столкнешься с ними нос к носу.

По бокам от дороги, как часовые, возникли два миниатюрных каменных замка. Под слепящим солнцем Страйк въезжал в родной городок Лэйнга.

*So grab your rose and ringside seat,
We're back home at Conry's bar.*

Blue Öyster Cult. «Before the Kiss»^[32]

За стеклянной дверью лавчонки на главной улице висело кухонное полотенце. На нем черными контурами изображались местные достопримечательности, но взгляд Страйка приковали стилизованные чайные розы – точно такая же некогда красовалась на мощном предплечье Дональда Лэйнга. Подойдя ближе, он прочел напечатанный по центру стишок:

It's oor ain toon
It's the best toon
That ever there be:
Here's tae Melrose,
Gem o' Scotland,
The toon o' the free^[33].

Машину он оставил на стоянке у аббатства, чьи темно-кирпичные арки вырисовывались на фоне бледного неба. Вдали, к юго-востоку, виднелся прибавлявший изысканности и драматизма здешним видам трехглавый пик горы Эйлдон-Хилл, который Страйк отметил для себя на карте. Он взял в ближайшей кофейне рулет с беконом и съел за выносным столиком на открытом воздухе, потом выкурил сигарету и выпил вторую за день чашку крепкого чая, после чего можно было отправляться пешком на поиски некоего места под названием *Wynd*, которое Лэйнг шестнадцать лет назад, при поступлении на военную службу, указал как постоянное место жительства. Знать бы еще, думал Страйк, как это произносится: то ли Уинд, то ли Уайнд?

В солнечном свете маленький городок выглядел вполне процветающим. Страйк неторопливо шел по сбегавшей вниз главной улице в направлении центральной площади, где в цветочном вазоне высилась

колонна, увенчанная единорогом. Единственный круглый камень мощеного тротуара увековечивал римское название «Тримонтиум»: Страйк догадался, что оно призвано отсылать к трехглавой горе.

Уинд он, похоже, прошел. Судя по карте в его мобильном, та улица должна была отходить от главной. Пришлось повернуть назад и найти справа узкий проход между двумя стенами, куда едва мог протиснуться пешеход. Эта щель вела в сумрачный внутренний двор. Старый семейный дом Лэйнгов сверкал ярко-голубой входной дверью, к которой поднималась короткая лесенка.

На стук почти сразу вышла миловидная темноволосая женщина, слишком молодая, чтобы приходиться Лэйнгу матерью. Когда Страйк объяснил цель своего приезда, она живо откликнулась, и говорок ее показался Страйку даже приятным:

– Миссис Лэйнг? Да она уж лет десять как съехала, если не больше.

Не успел Страйк огорчиться, как она добавила:

– На Динглтон-роуд теперь живет.

– На Динглтон-роуд? Это далеко?

– Да прямо по дороге. – Она указала себе за спину, направо. – А вот номер дома не скажу, простите.

– Ничего страшного. Спасибо, что подсказали.

Когда Страйк возвращался через ту же грязноватую щель на главную улицу, ему пришло в голову, что, не считая брани, которую молодой солдат бормотал ему в уши на боксерском ринге, он никогда не слышал, как Дональд Лэйнг разговаривает. Все еще работая под прикрытием по делу о незаконном обороте наркотиков, Страйк не мог позволить, чтобы его заметили с этой бородой у входа в штаб, поэтому Лэйнга после ареста допрашивали другие. Позднее, успешно раскрутив дело о наркотиках и сбрав бороду, Страйк давал показания против Лэйнга в суде, но когда тот, в свою очередь, стал отрицать, что связывал и истязал жену, самолет уже мчал Страйка прочь с Кипра. Пересекая рыночную площадь, Страйк спрашивал себя: не из-за местного ли говора люди охотно верили Донни Лэйнгу, прощали ему все грехи, относились к нему с симпатией? Сыщик где-то читал, что шотландский акцент используют в рекламе, чтобы подчеркнуть цельность характера и честность.

Единственный замеченный Страйком паб находился немного дальше по улице, которая вела на Динглтон-роуд. Создавалось впечатление, что Мелроуз питает слабость к желтому цвету: на фоне оштукатуренных стен в глаза бросались кислотно-лимонные с черным створки двери и единственная оконная рама. Страйка, родившегося в Корнуолле, особенно

повеселило в этом очень далеком от моря городке название «Портовая таверна». Он двинулся дальше вдоль по Динглтон-роуд, которая змеилась под виадуком, превращалась в крутой подъем, а вдали и вовсе исчезала из виду. «Недалеко» – понятие относительное, как не раз отмечал Страйк, потеряв ногу. После десятиминутного подъема он пожалел, что не вернулся на парковку за «мини». Дважды он спрашивал встречавшихся на пути милых и приветливых женщин, не знают ли они, где живет миссис Лэйнг, но ответа не получил. Покрываясь потом, он шагал мимо ряда одноэтажных белых домиков и увидел старика в твидовой кепке, гулявшего с черно-белой шотландской овчаркой.

– Извините, – окликнул его Страйк, – вы, случайно, не знаете, где тут живет миссис Лэйнг? Я номер дома забыл.

– Мессес Лэйнг? – переспросил собачник, разглядывая Страйка из-под густых бровей цвета перца с солью. – Как не знать, это ж суседка моя.

Слава богу.

– Через три дома, – старик ткнул пальцем, – где каменный кулодец.

– Большое вам спасибо, – сказал Страйк.

Сворачивая на подъездную дорожку перед домом миссис Лэйнг, он краем глаза заметил, что старик не сходит с места и провожает его взглядом, хотя собака рвется вниз по склону.

Домик миссис Лэйнг оказался чистым и респектабельным. На лужайке и клумбах поселились каменные зверюшки диснеевского типа. Входная дверь была сбоку, в тени. Только потянувшись к дверной колотушке, Страйк сообразил, что через считанные секунды может столкнуться лицом к лицу с Дональдом Лэйнгом.

Он постучал; прошла примерно минута. Старичок-собачник, повернувший назад, остановился у калитки миссис Лэйнг и беззастенчиво наблюдал. Страйк подумал, что старикан заподозрил неладное при виде здорового чужака и решил проверить, не замышляет ли тот какое-нибудь злодейство, но дело обстояло иначе.

– Дома она, – сообщил старик, когда Страйк раздумывал, не пора ли постучаться еще раз. – Только скуженная.

– Как вы сказали? – не разобрал Страйк и постучался вторично.

– Скуженная. Шалая. – Собачник приблизился на пару шагов. – Из ума выжила, – перевел он для англичанина.

– А-а... – До Страйка дошло.

В дверях показалась крошечная, усохшая старушка, с лицом землистого цвета, одетая в синий халат. Она полоснула Страйка снизу вверх безадресной злобой. Из старческого подбородка торчали жесткие

волосины.

– Миссис Лэйнг?

Она молча буравила чужака хорошо знакомыми ему, некогда черными, хорьковыми глазками.

– Миссис Лэйнг, я разыскиваю вашего сына Дональда.

– Нету! – выкрикнула она с неожиданной горячностью. – Нету!

Попятилась и захлопнула дверь.

– Холера те в бок, – пробормотал себе под нос Страйк, невольно вспоминая Робин: уж она-то сумела бы подобрать ключ к строптивой старушонке.

Он медленно развернулся, пытаясь сообразить, с кем бы можно было побеседовать в Мелроузе (на 192.com ему определенно попадались другие Лэйнги), и едва не налетел на собачника, который прошел вслед за ним по дорожке и весь лучился осторожным любопытством.

– А ведь вы сыщик, – сказал он. – Тут самый, что сынка ее упек.

Страйк поразился, что его узнал совершенно незнакомый старик-шотландец. Когда дело доходило до нужных знакомств, его, с позволения сказать, слава имела очень бледный вид. Он ежедневно расхаживал инкогнито по улицам Лондона и почти никогда не ассоциировался в людском сознании с газетными репортажами о громких расследованиях, разве что его прилюдно окликал кто-то из знакомых или упоминал его имя в связи с каким-нибудь делом.

– Ну надо ведь! – разволновался старик. – Мы с благоверной моей приятельствуем с Маргарет Беньян. – Видя замешательство Страйка, он пояснил: – С матерью Роны.

Покопавшись в своей необъятной памяти, Страйк извлек сведения о том, что жену Лэйнга, ту самую, что лежала, привязанная к кровати, под окровавленной простыней, звали Рона.

– Как Маргарет увидела вас в газетах, она сразу так нам и скузала: «Вот же он, который нашу Рону спас!» Вы свую работу честно сделали, правда ведь? Фу, Валли! – громко приструнил он не в меру бойкую колли, тянувшую его гулять. – Ой, да, Маргарет утслеживает все, что про вас пишут, все статьи. Это ведь вы тогда нашли убийцу девушки-манекенщицы... и писателя того излублили! Маргарет никуда не забудет, что вы для ее дочки сделали, никуда.

Страйк пробормотал что-то нечленораздельное, надеясь, что это сойдет за признательность в адрес благодарной Маргарет.

– А кукие у вас дела со старой миссис Лэйнг? Не иначе как он еще что-то отчебучил, Донни, точно?

– Да вот пытаюсь его разыскать, – уклончиво ответил Страйк. – Не знаете, он, случаем, не вернулся в Мелроуз?

– Врать не буду, но, по моему разумению, тут его нет. Приезжал он пару лет назад мамашу проведать, а с той поры носу не кажет. Город-то маленький: кабы Донни Лэйнг приехал, уж мы бы знали, а то как же?

– А как вы считаете, миссис... Беньян – я правильно помню? – не согласилась бы...

– Да ей счастье с вами познакомиться, – взволнованно проговорил старик. – Нет, Валли, – обратился он к собаке, тянувшей его за калитку. – Хутите, я с ней сузвунюсь? Она в Дарнике живет, в суседней деревне. Что скажете?

– Вы меня очень выручите.

Страйк зашел вместе со стариком в соседний дом и подождал в безупречной чистоте маленькой гостиной, пока хозяин с придыханием говорил что-то в трубку под недовольный скулеж собаки.

– Она сама подъедет, – сообщил старик, прикрывая трубку ладонью. – Вы не возражаете прямо тут пубеседовать? Милости просим. Жена чай пудаст...

– Спасибо, но у меня еще дела есть, – выдумал Страйк, не надеясь на полезную беседу в присутствии этого говорливого свидетеля. – Вам не трудно узнать: быть может, у нее найдется время пообедать со мной в «Портовой таверне»? Скажем, через час?

Неугомонность колли склонила чашу весов в пользу Страйка. Мужчины вышли из дома и двинулись обратно. Собака так натягивала поводок, что Страйку приходилось идти под гору быстрее, чем было для него комфортно. Только на подходе к рыночной площади он вздохнул с облегчением, когда смог распрощаться со своим новым знакомцем. Старик оживленно помахал и направился к реке Твид, а Страйк, теперь слегка прихрамывая, спустился дальше по главной улице, чтобы убить время до обеда.

У подножья холма он заметил еще один всполох кислотно-желтого с черным и понял, откуда взялись эти цвета на фасаде «Портовой таверны». Не обошлось здесь и без чайной розы: вывеска сообщала о местонахождении городского регби-клуба. Засунув руки в карманы, Страйк остановился перед низким парапетом и стал разглядывать ровное, бархатистое голубовато-зеленое поле, окруженное деревьями, сверкающие под солнцем желтые регбийные столбики, трибуны справа, мягко-волнистые холмы вдали. Поле обихаживалось с благоговением, как святое место; для такого маленького городка это было невероятно впечатляющее

спортивное сооружение.

Глядя поверх бархатистой травы, Страйк вспомнил Уиттекера, вонючего, дымящего сигаретой в углу сквота, и лежащую рядом с ним Леду, которая раскрыв рот слушала его бредни, доверчивая и голодная, словно птенец, готовая, как сейчас понимал Страйк, проглотить любую чушь, которую нес Уиттекер о своей тяжелой жизни. В глазах Леды школа «Гордонстаун» мало чем отличалась от тюрьмы «Алькатрас»: стоило ли удивляться, что ее утонченного поэта выгоняли на улицу под дождем среди суровой шотландской зимы, толкали, вываливали в грязи. «Милый, зачем же регби... О, бедный малыш... *тебя* заставляли играть в регби!»

А когда семнадцатилетний Страйк (у которого вздулась разбитая на ринге губа) тихо фыркнул над своими тетрадками, Уиттекер вскочил и заорал мерзким голосом: «Я тебе посмеюсь, тупица!»

Уиттекер не терпел, когда над ним смеялись. Ему было нужно – нет, необходимо как воздух – преклонение; страх и даже ненависть он считал показателями своей власти, но насмешка указывала ему на превосходство других, а потому была невыносима.

«Попляшешь у меня, гнида тупая! Дослужился, видишь ли, до старосты, командир дебилов. Заставь его богатенького папашку денег дать, – переключался он на Леду, – отправим этого гаденыша в „Гордонстаун“!»

«Успокойся, милый! – приговаривала Леда и, напустив на себя строгий вид, требовала: – Не смей, Корм!»

Страйк встал из-за стола и принял стойку, готовый – нет, даже твердо решивший – дать по морде Уиттекеру. Оставался последний шаг, но мать, вклинившись между ними, развела их в стороны своими хрупкими, со множеством колечек руками.

Страйк поморгал, и яркое, залитое солнцем игровое поле, место невинных и волнующих состязаний, обрело прежнюю четкость. В нос ударил запах листьев, травы и теплого асфальтового шоссе. Медленно развернувшись, Страйк направился в сторону «Портовой таверны», чтобы поскорее выпить, но предательское подсознание еще не закончило свою работу.

Вид этого гладкого регбийного поля вызвал еще одно воспоминание: на него несется черноволосый, черноглазый Ноэл Брокбэнк, с «розочкой» из пивной бутылки в руке. Брокбэнк был массивен, мощен и быстр: крайний нападающий. Страйк помнил, как занес кулак, выстрелил им вдоль зазубренного бутылочного горлышка, как впечатал удар в тот самый миг, когда зазубрина коснулась его шеи...

Перелом основания черепа – так сказали медики. Кровотечение из уха. Тяжелая черепно-мозговая травма.

– Йопта, йопта, йопта, – бормотал Страйк в такт своим шагам.

Лэйнг, вот кто тебе нужен. Лэйнг.

Под металлическим галеоном с ярко-желтыми парусами Страйк вошел в дверь «Портовой таверны». Вывеска внутри гласила, что это единственный паб в Мелроузе.

Обстановка сразу подействовала на него благотворно: теплые цвета, сверкающее стекло, надраенная латунь; ковер с приглушенным коричнево-красно-зеленым лоскутным рисунком, натуральный камень стен. Повсюду – свидетельства спортивного помешательства местных жителей: черные доски с расписанием предстоящих матчей, несколько огромных плазменных экранов, а над писсуаром (которым Страйк охотно воспользовался после многочасового воздержания) – маленький, вмонтированный в стену телевизор, на случай если пузырь переполнится в критический момент игры.

Помня про обратную дорогу до Эдинбурга в неудобном хардэйкровском «мини», Страйк взял себе полпинты «Джона Смита», устроился на кожаном диване лицом к стойке и приступил к изучению заламинированного меню в надежде на пунктуальность Маргарет Беньян – он только что осознал, как сильно проголодался.

Она появилась буквально через пять минут. Хотя он уже забыл, как выглядела ее дочь, а саму миссис Беньян не видел ни разу в жизни, она с порога выдала себя выражением лица – настороженным и вместе с тем ищущим. Страйк поднялся из-за стола, и она неверной походкой двинулась вперед, обеими руками сжимая ремешок большой черной сумки.

– Значит, это действительно вы, – задыхаясь, выговорила женщина.

Лет шестидесяти, невысокая, хрупкая, очки в металлической оправе, плотные кудряшки химической завивки.

Страйк протянул большую ладонь и пожал слегка дрожащую, холодную, узкую женскую руку.

– Ее отец сегодня в Хэвике, прийти не сможет, но я ему звонила, он просил передать: мы никогда не забудем того, что вы сделали для Роны, – на едином дыхании проговорила она и села на диван рядом со Страйком, не сводя с него благоговейно-тревожного взгляда. – И никогда не забывали. Мы читаем все, что пишут о вас в газетах. Как мы переживали, когда вы потеряли ногу! А уж то, что вы сделали для Роны... То, что вы сделали... – Ее глаза вдруг наполнились слезами. – Уж как мы были...

– Я тоже рад, что сумел...

Найти ее ребенка голым на окровавленной простыне? Разговоры с родственниками жертв о том, что пережили их любимые, были самой тягостной частью его работы.

– ...оказать ей помощь.

Миссис Беньян высморкалась в платочек, извлеченный со дна черной сумки. Страйк понимал: она принадлежит к тому поколению женщин, которые не имеют привычки заходить в паб, а тем более покупать за стойкой спиртное, если с ними нет мужчины, способного взять на себя эту тягостную обязанность.

– Позвольте, я для вас что-нибудь закажу.

– Только апельсиновый сок, – всхлипнула она, промокая глаза.

– А из еды? – настаивал Страйк, мечтавший взять себе пикшу в пивном кляре и жареный картофель.

Оставив бармену заказ, он вернулся к миссис Беньян, и она спросила, что привело его в Мелроуз, разом выдав причину своей нервозности:

– Он ведь не вернулся? Донни? Или вернулся?

– Насколько я знаю – нет, – ответил Страйк. – Его местонахождение мне неизвестно.

– Как по-вашему, он имеет какое-то отношение... – Голос ее упал до шепота. – Мы прочли в газете... мы увидели... что кто-то прислал вам... прислал...

– Я вас понял, – сказал Страйк. – Не знаю, имеет ли он к этому какое-нибудь касательство, но хотелось бы его найти. Мне представляется, что после освобождения он заезжал сюда проведать мать.

– Ну, это лет пять назад было, – сказала Маргарет Беньян. – Появился на пороге, силой ворвался в дом. Это сейчас у нее Альцгеймер. А тогда она не смогла его остановить. Хорошо, соседи позвали его братьев, те собрались и его вышвырнули.

– Подумать только.

– Донни – самый младший. У него четверо братьев. С ними со всеми, – добавила миссис Беньян, – шутки плохи. Джейми в Селькирке живет, так он примчался как ураган, чтобы Донни от материнского дома отвадить. Говорят, отмутил его до потери сознания.

Сделав дрожащими губами крошечный глоток сока, она продолжила:

– Мы об этом понаслышке знаем. Друг наш, Брайан, с которым вы сегодня познакомились, сам видел на улице драку. Четверо на одного, все орут, горланят. Кто-то вызвал полицию. Джейми получил предупреждение. Да с него как с гуся вода, – рассказывала миссис

Беньян. – Братья к себе его, Донни то есть, на пушечный выстрел не подпускали, а к матери тем более. Выгнали его из города... Я тогда перепугалась, – продолжала она. – За Рону. Он всегда грозился, что после освобождения ее отыщет.

– И отыскал? – спросил Страйк.

– А то как же, – тоскливо ответила Маргарет Беньян. – Мы знали, что он свою угрозу выполнит. Рона переехала в Глазго, нашла работу в турагентстве. И все равно он ее выследил. Полгода она жила в страхе, что он появится, – так оно и вышло. Пришел вечером к ней в квартиру. Правда, нездоровилось ему. Не то что раньше.

– Нездоровилось? – резко встрепнулся Страйк.

– Не помню, что у него было, артрит что ли, да и Рона подтвердила, что разнесло его. Выследил он ее, стало быть, и вечером приперся, но, слава богу, – истово вставила миссис Беньян, – с нею жених ее был. Беном зовут, – добавила она, и ее бледные щеки зарделись торжествующим румянцем, – и он полицейский.

Она сообщила об этом так, словно считала, что Страйку приятно будет послушать историю про человека из своего великого сысского братства.

– Сейчас-то они женаты, – продолжала миссис Беньян. – Деток только нет, потому что... ну вы сами знаете...

Внезапно у нее из-под очков хлынули слезы. Перед ней ожил кошмар тех давних дней, будто на стол перед ними вывалили ведро помоев.

– ...Лэйнг в нее нож воткнул, – прошептала миссис Беньян.

Она исповедовалась ему, как врачу или священнику, открывая гнетущие тайны, какими не поделиться с подругами, а он уже знал худшее. Когда Маргарет Беньян вновь стала рыться в сумке в поисках носового платка, Страйк вспомнил пятна крови на простынях, содранную кожу на запястье. Слава богу, мать не могла заглянуть к дочери в голову.

– Он нож ей туда воткнул... они пытались... ну вы понимаете... лечиться... – Миссис Беньян судорожно всхлипнула; тут перед ними появились тарелки с едой. – Зато они с Беном всегда отпуск чудесно проводят, – отчаянно зашептала она, вытирая мокрые щеки и приподнимая очки, чтобы промокнуть глаза. – И стали заводчиками... заводчиками... немецких овчарок.

Даже проголодавшись, Страйк не сразу смог взяться за нож и вилку после разговора о судьбе Роны Лэйнг.

– Но у нее ведь был ребенок от Лэйнга? – спросил он, вспомнив слабый плач младенца рядом с истекающей кровью, обезвоженной матерью. – Ему сейчас должно быть... сколько?

– Он у...умер, – прошептала миссис Беньян, роняя капли с подбородка. – В младенчестве. С рождения слабеньким был. Это случилось через два дня после того, как Донни посадили. А Донни... Донни... позвонил ей из тюрьмы и сказал, что знает: это, мол, она ребенка убила... убила... а он выйдет и за это ее прикончит...

Страйк на мгновение положил свою широкую ладонь на плечо безутешной женщины, а потом встал из-за стола и направился к молоденькой барменше, наблюдавшей за ними с раскрытым ртом. Для такого сублильного создания, какое сидело с ним рядом, бренди был бы чересчур крепким, но тетя Джоан, к примеру, которая была лишь немногим старше миссис Беньян, всегда верила в целебные свойства портвейна. Страйк взял одну порцию и вернулся со стаканом к своей собеседнице:

– Вот, выпейте.

Наградой ему стали новые потоки слез, но после многократных утираний промокшим носовым платком она все же выдавила: «Вы очень добры» – и пригубила портвейна, моргая покрасневшими глазами и слегка всхлипывая.

– У вас есть какие-нибудь соображения, куда мог отправиться Лэйнг после появления у Роны?

– Да, есть, – прошептала она. – Бен навел справки по своим каналам, через службу контроля за УДО. Судя по всему, отправился он в Гейтсхед, только не знаю, надолго ли.

Гейтсхед. Страйку вспомнился Дональд Лэйнг, найденный по интернету. Значит, он перебрался из Гейтсхеда в Корби? Или это разные лица?

– Как бы то ни было, – заключила миссис Беньян, – к Роне с Беном он больше не совался.

– Еще бы, – сказал Страйк, берясь за нож и вилку. – Соваться туда, где полицейский и немецкие овчарки... он себе не враг.

Ее, вероятно, приободрили и утешили эти слова; с робкой, слезливой улыбкой она попробовала макароны с сыром.

– Они поженились совсем молодыми, – отметил Страйк, пытаясь собрать любые сведения, которые проливали бы свет на связи и привычки Лэйнга.

Маргарет Беньян кивнула, сглотнула и ответила:

– Слишком молодыми. Она стала с ним встречаться в пятнадцать лет, и мы, конечно, этого не одобряли. Про Донни Лэйнга разное болтали. Одна девочка говорила, что он взял ее силой на дискотеке юных фермеров.

Это сошло ему с рук: полиция сочла, что улик недостаточно. Мы пытались Рону предостеречь, что он до добра не доведет, – вздохнула мать, – да только она еще сильнее упрямылась. Она у нас всегда своевольной была, Рона.

– Вы хотите сказать, что он уже обвинялся в изнасиловании? – уточнил Страйк.

Рыба с картофелем оказалась приготовлена отменно. Народу в пабе прибывало, чему Страйк был только рад, потому что они с миссис Беньян больше не привлекали внимания барменши.

– Вот именно. Семейка у них – не приведи господь, – сказала миссис Беньян с чопорным провинциальным снобизмом, который Страйк хорошо знал по собственному детству. – Эти братья – сплошное хулиганье, с полицией не в ладах, а Донни хуже всех. Родные братья его терпеть не могли. Да и мать недолюбливала, если честно. А еще ходили слухи, – в порыве откровенности добавила она, – что отец-то ему не родной. Родители вечно собачились, расходились, и где-то мать его нагуляла. Болтают, кстати, что с местным полицейским. Уж не знаю, правда это или нет. Полицейский куда-то переехал, а мистер Лэйнг в семью назад вернулся, но Донни всю жизнь шпынял, я точно знаю. На дух его не выносил. Говорят, знал, что Донни не от него. А парень крупный уродился. Прямо великан. Его в младшую семерку взяли...

– В семерку?

– В команду по регби, – пояснила эта хрупкая пожилая женщина, удивляясь, что священная страсть Мелроуза оказалась для Страйка пустым звуком. – Да только скоро выгнали. Дисциплину нарушал. А через неделю кто-то весь «Гриньярдз» изрыл. Стадион для регби, – добавила она в ответ на непостижимое уму невежество англичанина.

От портвейна у нее развязался язык. Речь полилась сплошным потоком.

– Тогда он в бокс переметнулся. Краснобай был первостатейный. Когда Рона с ним связалась – ей пятнадцать стукнуло, ему семнадцать, – многие мне говорили, что не такой уж он плохой парнишка. Да-да, – покивала она, заметив недоверие Страйка. – Кто его близко не знал, тот попадался на его удочку. Когда ему требовалось, он все свое обаяние в ход пускал, Донни Лэйнг. Вот поспрошайте Уолтера Гилкрита, какой он был обаятельный, Донни Лэйнг. Гилкрис уволил его со своей фермы за вечные опоздания – и что вы думаете? Кто-то ему после этого сарай поджег. А Донни опять вышел сухим из воды. И ведь его вины в порче стадиона тоже не нашли, о, я-то знаю, чему можно верить, а чему нет. Рона слушать ничего не хотела.

Считала, она одна его видит в истинном свете, а другие не понимают и уж не знаю что. Дескать, все мы узколобые, против него настроены. Надумал он в армию завербоваться. Я про себя и говорю: скатертью дорожка. С глаз долой – из сердца вон. А он вернулся. Обрюхатил ее, но ребеночка она потеряла. Рона тогда обиделась, потому как я сказала... – Маргарет Беньян осеклась, но Страйк и без того представлял, что она могла сказать. – Он тогда со мной разговаривать перестал, а она возьми да и выскочи за него, когда он повторно в отпуск приехал. Нас с отцом приглашения не удостоили, – сказала она. – А молодые на Кипр вместе уехали. Но я-то знаю: это он кошку нашу убил.

– Что?! – поразился Страйк.

– Это он, как пить дать. Мы перед свадьбой дочке говорили: Рона, ты совершаешь роковую ошибку. В тот вечер кошечку нашу было не дозваться. А наутро подбросили нам ее на задний двор, мертвую. Ветеринар сказал – задушили.

На плазменном экране Димирт Бербагов, в ярко-алой форме, праздновал гол, забитый в ворота «Фулема». В воздухе загремели шотландские голоса. Люди чокались, звякали столовыми приборами, а собеседница Страйка рассказывала о смертях и увечьях.

– Я знаю, это он. Это он кошечку убил, – неистово твердила она. – А что он сотворил с Роной и с младенцем! Это же ходячее зло.

Ее пальцы, повозившись с застежкой сумки, достали пачку фотографий.

– Муж мне пеняет: «Зачем ты это хранишь? Сожги». А я все думаю: может, на что-нибудь и сгодятся. Держите. – Она сунула фотографии Страйку; тот не стал отказываться. – Теперь пусть у вас хранятся. В Гейтсхед. Вот куда он поехал.

Позже, когда она ушла со слезами и благодарностями, Страйк расплатился по счету и направился к «Миллерам Мелроуза» – семейной мясной лавке, которую заметил во время прогулки по городу. Там он накупил пирожков с олениной, которые, как он догадывался, намного превосходили все то, чем можно будет поживиться в привокзальном буфете перед отъездом в Лондон.

На стоянку он вернулся кратчайшим путем, через улочку, где цвели чайные розы, и в который раз вспомнил татуировку на мощном предплечье. Когда-то, много лет назад, для Донни Лэйнга кое-что значила принадлежность к этому милому городку, окруженному фермерскими угодьями и украшенному трехглавой горой Эйлдон-Хилл. Однако же из него не вышло ни землепашца, ни командного игрока; он ничем

не украсил место, которое, похоже, гордилось своей обязательностью и порядочностью. Мелроуз выплюнул того, кто губил младенцев, душил кошек, портил спортивные площадки, а потому Лэйнг нашел себе прибежище там, где многие мужчины находили как спасение, так и неизбежное возмездие: в британской армии. Она привела его в тюрьму, а когда его исторгла тюрьма, он попытался вернуться домой, но оказался никому не нужен. Нашел ли Дональд Лэйнг более теплый прием в Гейтсхеде? Перебрался ли оттуда в Корби? Или же все это были, размышлял Страйк, втискиваясь в малолитражку Хардэйкра, промежуточные пункты на пути к Лондону и к Страйку?

Утро вторника. Чудо уснуло – ночь, видишь ли, тяжелая выдалась. Плевать, конечно, хотя пришлось для виду посочувствовать. Он сам уболтал Чудо пойти прилечь, и когда оно задышало глубоко и ровно, он какое-то время смотрел на это недоразумение, воображая, как оно будет задышаться под его хваткой, таращить открытые глаза и постепенно синеть...

Убедившись, что Чудо не проснется, он на цыпочках вышел из спальни, натянул куртку и выбежал на раннюю утреннюю свежесть, чтобы найти Секретутку. За минувшие дни он впервые решил пойти по следу, но уже не успевал перехватить добычу на станции метро возле ее дома. Лучшее решение – спрятаться на подходе к Денмарк-стрит.

Он увидел ее издали: землянично-рыжеватые локоны безошибочно узнавались в любой толпе. Сразу видно: эта пустышка любит выделяться, а иначе прикрыла бы голову или покрасила свою гриву. Им всем, всем без исключения, только того и нужно – привлечь к себе внимание; ему ли не знать.

С ее приближением безошибочный нюх на чужое настроение подсказал ему: что-то с ней не то. Тащится понуро, сутулится, не замечает других конторских крыс, что снуют рядом, сжимая свои сумчонки, стаканчики с кофе и мобильники.

Пройдя буквально впритирку к ней, только в противоположную сторону, он мог бы втянуть носом ее духи, если бы не уличная суматоха, пыль и загазованность. В его планы входило остаться незамеченным, а все же злость взяла, когда эта сучка даже не покосилась в его сторону, как будто он фонарный столб. Он-то ее выделил из всех, а она на него – ноль внимания.

Зато ему удалось сделать открытие: она плакала, причем долго. Уж он-то знал, как это определить, – сто раз видел: физиономия опухшая, дряблая, глаза красные, слезы-сопли текут, нытье непрерывное, и так всегда. Каждая блоха жертву изображает. Убил бы, чтоб только заткнулась.

Развернувшись, он двинулся за ней следом; до Денмарк-стрит оставалось совсем немного. Женщин, когда они сильно расстроены

или напуганы, вот как эта сейчас, можно брать голыми руками. Забывают все привычные меры защиты от таких, как он: сжимать между стиснутыми пальцами связку ключей, держать наготове мобильник, нащупывать в кармане брелок с тревожной кнопкой, держаться в стаде. Ищут доброе словечко, дружескую участливость. Именно так он и приручил Чудо.

Когда она свернула на Денмарк-стрит, откуда наконец-то, после восьми суток бесплодного ожидания, убрались газетчики, ему пришлось ускорить шаги. Повернув ключ в замочной скважине, она скрылась за черной дверью.

А ему-то что делать – ждать? Или она будет торчать весь день со Страйком? Хотелось бы надеяться, эти двое своего не упускают. Да наверняка. С утра до вечера наедине в четырех стенах – чем еще заниматься?

Углубившись в какую-то подворотню, он достал мобильный, а сам не спускал глаз с окна третьего этажа дома номер двадцать четыре.

I've been stripped, the insulation's gone.

Blue Öyster Cult. «Lips in the Hills»^[35]

Впервые Робин переступила порог конторы Страйка наутро после своей помолвки. Сегодня, отпирая стеклянную дверь, она вспомнила, как новенький сапфир у нее на глазах потемнел, а потом Страйк выскочил из офиса и ненароком едва не отправил ее катиться кубарем по железным ступенькам.

Теперь кольца не было. Полоска кожи на пальце сделалась сверхчувствительной, как будто там стояло клеймо. Робин принесла с собой небольшую дорожную сумку со сменой одежды и всякими необходимыми мелочами.

Здесь реветь нельзя. Не смей распускаться.

Робин машинально выполнила утренние действия: сняла пальто, повесила его вместе с сумочкой на крючок у входа, налила в чайник воды и щелкнула выключателем, а потом затолкала дорожную сумку под свой рабочий стол, подальше от глаз Страйка. При этом она постоянно себя проверяла, чтобы ничего не забыть, и не ощущала своей телесной оболочки, как будто превратилась в привидение, чьи холодные пальцы проходят сквозь ручки сумок и стенки чайников.

Отношения, длившиеся девять лет, рухнули за четыре дня. Четыре дня нагнетания враждебности, обид и взаимных обвинений. Некоторые из них, как стало ясно задним числом, не стоили выеденного яйца. «Лендровер», скачки «Гранд-Нэшнл», взятый с собой ноутбук. В воскресенье они грызлись о том, чьи родители будут платить за аренду свадебного лимузина, и разговор вновь уперся в мизерную зарплату Робин. В понедельник утром, садясь в «лендровер», чтобы отправиться в обратный путь, Робин и Мэтью почти не разговаривали и потом всю дорогу молчали.

А вчера вечером, уже дома, в Уэст-Илинге, у них вспыхнул ожесточенный спор, после которого все прежние раздоры показались сущим пустяком, всего лишь предупредительным толчком перед беспощадной сейсмической катастрофой.

Страйк вот-вот спустится. Из квартиры этажом выше доносились его шаги. Робин знала, что не имеет права выдавать свою растерянность

и нервозность. Работа – это единственное, что удерживало ее на плаву. В ближайшие дни предстояло найти съемную комнату: при той мизерной зарплате, которую она получала у Страйка, о чем-то большем нечего было и мечтать. Робин попыталась представить себе будущих соседей. Как будто возвращалась в студенческое общежитие.

Сейчас не время об этом думать.

Заварив чай, Робин спохватилась, что забыла жестяную банку чайных пакетиков «Беттиз», купленную после завершающей примерки свадебного платья. Эта мысль уже было расстроила ее, но, собрав всю волю в кулак, Робин удалось сдержать слезы, и она поставила кружку рядом с компьютером, готовая заняться разбором писем, скопившихся за неделю, пока офис был закрыт.

Зная, что Страйк только-только вернулся из Шотландии – приехал ночным поездом, – Робин собиралась начать разговор именно с этого, чтобы он не обратил внимания на ее красные, опухшие глаза. Утром, перед выходом на работу, она приложила к векам лед и ополоснула лицо холодной водой, но видимых результатов не добилась.

На пороге Мэтью попытался встать у нее на пути. Он и сам выглядел скверно.

– Слушай, нам нужно поговорить. Причем серьезно.

«Уже не нужно, – думала Робин, трясущимися руками поднося к губам кружку с горячим чаем. – Я отказываюсь делать то, чего не хочу».

Но в ее решимости пробила брешь горячая слеза, сбежавшая по щеке. Робин пришла в ужас: она-то думала, что слез больше не осталось. Повернувшись к монитору, она взялась составлять ответ клиенту, у которого возникли вопросы по поводу счет-фактуры, но плохо понимала, что пишет.

Приближающиеся по лестнице шаги заставили ее взять себя в руки. Дверь открылась. Робин подняла голову. Перед ней стоял вовсе не Страйк.

Ее охватил первобытный, инстинктивный страх. Раздумывать, почему незнакомец произвел на нее такое жуткое впечатление, было некогда, но сомнений не оставалось: он опасен. Робин мгновенно просчитала, что не успеет добежать до двери и вытащить из кармана пальто брелок с тревожной кнопкой; надежда была только на острый канцелярский нож, лежавший под левой рукой.

У входа стоял худой, бледный, губастый тип с веснушчатым носом и бритой головой. Запястья, фаланги пальцев и шею покрывали татуировки. Во рту поблескивал золотой зуб. От середины верхней губы к скуле тянулся глубокий шрам, отчего уголок рта приподнимался вверх, создавая

впечатление вечной кривой ухмылки, как у Элвиса Пресли. Мешковатые джинсы дополняла синяя куртка; по всей приемной поплыл дух застарелого табачного дыма и марихуаны.

– Как делишки? – Он беспрестанно щелкал пальцами обеих рук, свисавших вдоль тела. *Щелк, щелк, щелк.* – Ты одна здесь, что ли?

– Нет, – выдавила Робин. У нее пересохло во рту. Нужно было незаметно взять канцелярский нож, пока этот тип не подобрался ближе. *Щелк, щелк, щелк.* – Мой босс как раз...

– Штырь! – загремел из дверного проема голос Страйка.

– Бунзен! – воскликнул, тут же перестав щелкать пальцами, странный посетитель, и они со Страйком приветствовали друг друга ударом кулака о кулак. – Как жизнь, братишка?

Слава богу, с облегчением подумала Робин. Почему же Страйк не предупредил, что кто-то должен прийти? Она развернулась на стуле, пряча лицо, и продолжила работать с письмами. Страйк повел Штыря к себе в кабинет и закрыл дверь; Робин уловила лишь одно слово: Уиттекер. В других обстоятельствах она бы пожалела, что не присутствует при этой беседе.

Закончив переписку, Робин подумала, что пора предложить им кофе. Но для начала она вышла на лестничную площадку, чтобы еще раз умыться холодной водой в тесном туалете, где висел неистребимый запах канализации, с которым не справлялись никакие освежители воздуха, приобретаемые из скудной наличности.

Мельком взглянув на Робин, Страйк поразился ее виду. Никогда еще он не видел ее такой бледной, опухшей, с воспаленными глазами. Уже садясь за свой рабочий стол, чтобы поскорее услышать все, что готовился сообщить ему Штырь про Уиттекера, он спросил себя: «Что этот подлюга с ней сделал?» И на долю секунды представил, как от души врезал бы Мэтью в челюсть.

– Ну и видок у тебя, Бунзен, – отметил Штырь, который развалился в кресле напротив и энергично защелкал суставами.

Эти спазматические движения остались у него с отрочества, и Страйк мог только посочувствовать тому, кто решился бы сделать Штырю замечание.

– Вымотался, – сказал Страйк. – Два часа как из Шотландии приехал.

– Не бывал, не знаю, – бросил Штырь.

По наблюдениям Страйка, Штырь вообще не бывал за пределами Лондона.

– Ну, что раскопал?

– Этот еще небо коптит, – сообщил Штырь, прекратив щелкать лишь для того, чтобы вытащить из кармана пачку «Мэйферс». Не спросив разрешения, он прикурил от дешевой зажигалки; Страйк, внутренне содрогаясь, достал свои «Бенсон энд Хеджес» и позаимствовал зажигалку Штыря. – Потолковал я с его дилером. Говорит, этот в Кэтфорде кантуется.

– А разве не в Хэрни?

– Может, он там клона оставил? Я не проверял, Бунзен: насчет клонов уговору не было. Забашляешь – проверю.

У Страйка вырвался короткий смешок. На свою беду, люди недооценивали Штыря. Поскольку выглядел он так, будто в свое время перепробовал все без исключения запрещенные вещества, окружающие, видя, как он дергается, нередко считали, что парень под кайфом. Но если не касаться неистребимых криминальных наклонностей Штыря, многие бизнесмены, которые к концу рабочего дня просто выдыхаются, могли бы только позавидовать его деловой сметке и быстроте ума.

– Адресок узнал? – Страйк подвинул к себе блокнот.

– Не успел, – признался Штырь.

– Он работает?

– Грузит, что роуди у какого-то метал-бэнда.

– А на самом деле?

– Пасет лебедей, – как о чем-то само собой разумеющемся, сообщил Штырь.

В дверь постучали.

– Кофе? – предложила Робин.

Страйк заметил, что она прячет лицо от света. Взгляд его скользнул по ее руке: кольца с сапфиром на пальце не было.

– Наливай, – оживился Штырь. – Сахару две ложки.

– А мне чай, пожалуйста.

Проводив ее глазами, Страйк достал из ящика стола облезлую жестяную пепельницу, которую мимоходом прихватил из бара в Германии, и через стол отправил ее Штырю – тот уже собирался стряхнуть пепел на ковер.

– А ты почему знаешь, что он пасет лебедей?

– Да кент один его засек с лебедями, – объяснил Штырь.

Страйк хорошо знал рифмованный лондонский сленг – он сразу понял, что значит «пасет лебедей».

– Я слышал, у него и бабешка из лебедей. Зеленая совсем. Но не малолетка.

– Понятно, – сказал Страйк.

В ходе следственной работы он сталкивался с проституцией во всех ее видах, но здесь был особый случай: дело касалось его бывшего отчима, человека, которого слепо любила Леда, которому родила ребенка. Страйку почудилось, будто в воздухе повеяло вонючим шмотьем Уиттекера, его животной грязью.

– В Кэтфорде, – повторил Страйк.

– Ну. Хошь – могу дальше копнуть. – Не замечая пепельницы, Штырь стряхнул сигарету на пол. – Смотря скоко отстегнешь, Бунзен.

Пока они торговались, балагуря, но не уходя от темы, как и положено мужчинам, которые понимают, что информация стоит денег, Робин приготовила кофе. При ярком свете дня вид у нее был – хуже некуда.

– Все важные мейлы я обработала, – доложила она Страйку, будто не замечая его удивления. – Теперь поеду – займусь Платиной.

От неожиданности Штырь встrepенулcя, но никаких объяснений не получил.

– Как ты вообще? – спросил Страйк, тяготясь присутствием Штыря.

– Прекрасно. – Робин выдавила жалкое подобие улыбки. – Буду на связи.

– «Займусь платиной»? – Штырь лопался от любопытства и еле дождался, когда захлопнется входная дверь.

– Это только так говорится.

Страйк откинулся на спинку стула, чтобы посмотреть в окно. Робин, в своем неизменном тренче, вышла на Денмарк-стрит и вскоре затерялась в толпе. Из гитарного магазина напротив вышел крупного телосложения человек в лыжной шапке и двинулся в том же направлении, но внимание Страйка уже отвлек Штырь:

– А чё за шняга такая, Бунзен: тебе типа ногу подогнали?

– Ну да, – подтвердил Страйк. – Отрезали, в коробочку положили и с курьером прислали.

– Ахереть! – вырвалось у Штыря, которого мало что могло поразить.

Когда он убрался из офиса, получив пачку банкнот за оказанные услуги и обещание такой же суммы за новые сведения об Уиттекере, Страйк позвонил Робин. Трубку она не взяла, но в последнее время такое случалось нередко: видимо, разговаривать ей сейчас было не с руки. Тогда Страйк отправил сообщение:

Дай знать когда и где пересечемся,

а сам уселся на ее рабочее место, чтобы разобраться с оставшимися

запросами и платежами.

После двух ночей, проведенных в пути, сосредоточиться было трудно. Через пять минут он проверил мобильник, но вестей от Робин не было, и Страйк решил заварить себе еще чая. Поднеся к губам кружку, он различил едва ощутимый запах конопли, оставшийся у него на ладони после рукопожатия Штыря.

Сам Штырь был родом из Кэннинг-Тауна, но в Уайтчепеле у него жили двоюродные братья, которые лет двадцать назад ввязались в войну с конкурирующей бандой. Штырь вписался за своих и в результате оказался в канаве на краю Фулборн-стрит, истекая кровью от глубокой резаной раны, которая до сих пор напоминала о себе уродливым шрамом через всю щеку. В той канаве и нашла его Леда Страйк, которая поздно вечером выбежала за папиросной бумагой для косяков. Мальчишка, ровесник ее сына, валялся в луже крови – Леда не смогла пройти мимо. Ее не остановило, что он сжимал в кулаке окровавленный нож, грязно ругался и явно был под кайфом. Штыря промокнули от крови и успокоили такими словами, какие он слышал только от матери, которую потерял восьмилетним пацаном. Когда же он запретил чужой тетке вызывать «скорую», чтобы на него не донесли копам (ножик Штыря только что пропорол бедро нападавшего), Леда приняла единственно возможное, на ее взгляд, решение: довела мальчишку до сквота и сама оказала ему помощь. Нарезав тонкими полосками лейкопластырь, она неловко соединила, как стежками, края раны, приготовила какую-то неаппетитную болтушку из подобия сигаретного пепла и отправила своего озадаченного сына на поиски матраса, чтобы устроить Штыря на ночлег. С самого начала Леда относилась к Штырю как к блудному родному племяннику, и он отвечал ей восхищением, какое можно найти только у мальчишки с поломанной судьбой, хранящего память о любящей матери. После того как Штырь оклемался и встал на ноги, он не раз пользовался искренним приглашением Леды забегать к ним в любое время. С Ледой он мог разговаривать по душам, как ни с кем другим, и был, наверное, единственным, кто не видел в ней ни единого порока. Страйк и сам чтит мать, но Штырь пошел в своем уважении еще дальше. Этих двух мальчишек, столь непохожих, объединяло и нечто другое: молчаливая, жгучая ненависть к Уиттекеру, который исходил желчью при виде нового подопечного Леды, но боялся измываться над ним, как над Страйком. По убеждению Страйка, Уиттекер заметил у Штыря то же свойство, которое видел в себе: отсутствие тормозов. Уиттекер трезво рассудил, что подросток-пасынок, может, и желает ему смерти, но всегда будет действовать с оглядкой

на мать, на закон и на свою дальнейшую судьбу. А Штыря не тяготили моральные принципы, и его возвращения в их неблагополучную семью хотя бы на время пресекали все возрастающую агрессивность Уиттекера. Более того, именно благодаря частым появлениям Штыря в сквоте Страйк решил, что может ехать учиться. При расставании со Штырем у него не хватило духу выразить свои опасения словами, но тот все понял. «Не парься, Бунзен, братишка. Не парься».

Однако Штырь не мог охранять Леду день и ночь. Когда он в очередной раз отправился по своим наркокурьерским делам, Леды не стало. Страйк на всю жизнь запомнил, как горевал его названный брат, как терзался чувством вины и не мог сдержать слез. Пока он в Кентиш-Тауне выторговывал лучшую цену за кило чистейшего боливийского кокаина, тело Леды Страйк медленно остывало на грязном тюфяке. Вскрытие показало, что она перестала дышать за шесть часов до того, как соседи по сквоту, решив, что красотка заспалась, начали ее тормошить.

Как и Страйк, Штырь с самого начала был убежден, что ее убил Уиттекер; горе его было столь неистово, а желание мгновенного возмездия столь неудержимо, что Уиттекер, наверное, благодарил судьбу, оказавшись на скамье подсудимых, а иначе Штырь придушил бы его голыми руками. Судья неосмотрительно предоставил слово Штырю, чтобы тот дал характеристику по-матерински заботливой женщине, никогда не прикасавшейся к героину, а Штырь заорал: «Этот сучара ее кончил!» – и попытался перелезть через барьер, отделявший Уиттекера, но тут же был скручен и бесцеремонно вышвырнут из зала.

Сознательно отогнав эти воспоминания, которые не стали лучше пахнуть после нового перетряхивания, Страйк отхлебнул горячего чая и в который раз проверил мобильный. От Робин – ничего.

В то утро, едва взглянув на Секретутку, он сразу определил, что она подавлена, в расстроенных чувствах. Вон сидит у окна большой забегаловки «Гаррик», куда заходят студенты-экономисты. Выглядит – краше в гроб кладут. Опухшая, бледная, глаза красные. Сядь он рядом с ней, глупая сучка даже не посмотрит в его сторону. Мужчин она в упор не видит, зато внимательно наблюдает за шлюхой с платиновыми волосами, которая сидит с ноутбуком через несколько столов. Это ему как раз на руку – можно долго оставаться незамеченным. Он станет последним, кого она увидит в этой жизни. Сегодня ему не придется строить из себя Милого Мальчика: если мочалка расстроена, помогать ей не следует. В таких случаях нужно посочувствовать, стать добрым дядей. *Не все мужчины одинаковы, дорогая. Вы заслуживаете лучшего. Если позволите, я вас провожу. Пойдемте, у меня машина.* Заставь ее позабыть, что у тебя в штанах имеется член, – и делай с ней что хочешь. Он вошел в переполненную забегаловку, крадучись приблизился к стойке и взял себе кофе, заранее присматривая укромный уголок, откуда можно наблюдать за ней со спины. Куда, интересно, делось ее невестино колечко? Так-так. Это проливает новый свет на сумку с вещами, которую она несла на плече, а потом задвинула под стол. Неужели собралась переночевать не у себя дома в Илинге, а в другом месте? Может, хотя бы в этот раз пройдет по какой-нибудь пустынной улице, свернет в темный закоулок, спустится в безлюдный подземный переход? Самое первое убийство удалось повернуть примерно в такой же ситуации: нужно было просто улучшить момент. Он ясно помнил тот день, словно запечатленный на фото, на слайд-шоу, потому что его захлестнули неизведанные ощущения. Тот день случился еще до того, как он превратил *это* в искусство, научился забавляться, как в игре.

Была она пухленькой, темноволосой. Ее напарница только что слиняла – села к чуваку в тачку и укатила. А ведь вопрос стоял ребром: кому из них суждено пережить эту ночь? Сам он тем временем, с ножом в кармане, кружил на машине по улице туда-обратно. Когда удостоверился, что она осталась одна, совсем одна, опустил стекло и нагнулся

над пассажирским сиденьем, чтобы с ней переговорить.

Пока базарили об условиях, у него пересохло во рту. Девчонка запросила вполне приемлемую цену и села к нему в машину. Доехали до ближайшего тупика, где им не могли помешать ни прохожие, ни уличные фонари. Она сделала все по полной программе, а когда стала выпрямляться, он, еще не застегнув ширинку, нанес резкий удар кулаком, чтобы эта шлюха стукнулась спиной о дверцу машины, а затылком о стекло. Она и пикнуть не успела, как он вытащил нож. Лезвие мягко вошло в пухлое тело, на руки ему брызнула горячая кровь, но девица даже не кричала, а хрипела и задыхалась, стонала, сползая по сиденью, а он раз за разом вонзал в нее нож.

Сорвал с шеи золотой кулон. Тогда он еще не помышлял о захвате главного трофея: частички ее самой, а просто вытер руки о ее платье, пока она дергалась в агонии. С трупом на пассажирском сиденье сдал назад, выехал из тупика и в страхе, смешанном с восторгом, направился за город: осторожно, без превышения скорости, то и дело поглядывая в зеркало заднего вида. У него загодя было присмотрено безлюдное место. Тело с тяжелым всплеском исчезло в заросшей канаве. Он до сих пор хранил ее кулон и еще пару-тройку памятных вещиц. Это его трофеи. А что, интересно, останется ему на память о Секретутке?

Рядом парнишка-китайчонок впился глазами в планшет. «Бихевиоризм и экономика». Фигня какая-то психологическая. Общался он как-то раз с психологом, не по своей воле.

– Расскажите о вашей матери.

Тот лысый буквально так и сказал. Анекдот, затертая фраза, не более. А ведь им положено умными быть, этим психологам. И он решил поиграть, просто для души: стал рассказывать этому идиоту про свою мамашу: холодную, подлую, затраханную тварь. Его рождение стало для нее помехой, да она бы так и так его бросила, живого или мертвого.

– А ваш отец?

– У меня нет отца, – ответил он.

– Вы имеете в виду, что никогда с ним не встречались?

Молчание.

– Вы не знаете, кто он?

Молчание.

– Или у вас к нему просто неприязненные чувства?

Он ничего не ответил. Ему надоело подыгрывать. Кто занимается таким дерьмом, тот просто козел; он давным-давно понял, что люди – козлы.

А ведь это чистая правда: отца у него не было, одно название. Тот гад, который играл эту роль, изо дня в день избивал его до полусмерти («жестоко, но справедливо»), хотя не был ему ни родным отцом, ни даже отчимом. Мучения и заброшенность – вот что принесла ему семья. А дом его был там, где он научился выживать, действовать с умом. Он всегда знал о своей исключительности, даже когда в детстве сжимался в комок под кухонным столом. Именно так: уже тогда он знал, что сделан из лучшего теста, чем тот гад, что надвигался на него, занеся кулак и стиснув зубы.

Секретутка встала и как тень двинулась за шлюхой с платиновыми волосами, вышедшей из ресторана со своим ноутбуком в сумке. Он залпом проглотил кофе и пошел следом. Легкая добыча! Сегодня она утратила всякую осторожность; не замечает ничего, кроме платиновой потаскушки. Зайдя следом за этими двумя в поезд метро, он повернулся спиной к Секретутке и стал изучать ее отражение в оконном стекле за спинами новозеландских туристов.

Когда она вышла из поезда, он затесался рядом с ней в толпу. Втроем они двигались как процессия – шлюха с платиновыми волосами, Секретутка и он – вверх по лестнице, по тротуару, в сторону «Мятного носорога»... Время было позднее, но как устоять? Раньше она не болталась по улицам после наступления темноты, к тому же и эта дорожная сумка, и отсутствие кольца – все указывало на редкостный шанс. Единственное – придется как-нибудь умаслить Чудо. Платиновая шлюха исчезла в клубе. Секретутка замедлила шаг и в нерешительности остановилась на тротуаре. Не сводя с нее глаз, он вытащил свой мобильник и юркнул в темную подворотню с хорошим обзором.

I never realized she was so undone.

Blue Öyster Cult. «Debbie Denise»

Lyrics by Patti Smith^[37]

Робин даже не вспомнила, что пообещала Страйку не разгуливать в темноте. На самом деле она просто не замечала наступления сумерек, пока не обратила внимания на сверкающие витрины и проносящиеся мимо нее фары. Платина отошла от привычного распорядка. В это время ей бы полагалось уже несколько часов находиться в «Мятном носороге» и егозить полуголой перед мужиками, а она вышагивала по улице в джинсах, замшевой куртке с бахромой и сапогах на высоком каблуке. Наверное, с кем-то поменялась, но скоро в полной безопасности будет вертеться у шеста, а Робин еще нужно было решить вопрос с ночлегом.

Телефон в кармане пальто вибрировал весь день. Мэтью послал больше тридцати сообщений.

Нам нужно поговорить.
Перезвони, пожалуйста.
Робин, мы ничего не уладим, если ты будешь молчать.

Время шло, а Робин не реагировала, поэтому он попытался до нее дозвониться. После этого тон сообщений стал иным.

Робин, ты же знаешь, я люблю тебя.
Прости, что так вышло. Хотел бы все изменить, но не могу.
Я люблю только тебя, Робин. Так было и будет всегда.

Робин не писала, не отвечала на звонки и сама не перезванивала. Единственное, что она знала наверняка, – вернуться в их общую квартиру невозможно... Быть может, когда-нибудь потом, но только не сегодня. Как угадать, что будет завтра или послезавтра? Она проголодалась, устала и словно оцепенела.

К концу дня настойчивость проявил и Страйк.

Ты где? Перезвони пжл.

Она ответила сообщением: для звонка не хватило духу.

Не могу говорить. Иду за Платиной.

Между ней и боссом всегда существовала определенная дистанция, и Робин опасалась, что при малейших признаках его участия просто разревется, проявив слабость, какую он не желает видеть в своей ассистентке. Дел у нее практически не осталось, а угроза встречи со злодеем, приславшим ногу, по-прежнему витала в воздухе, поэтому не стоило давать Страйку очередной повод гнать ее домой.

Его не устроил полученный ответ.

Позвони сейчас же.

Это сообщение Робин проигнорировала под тем предлогом, что легко могла его не получить, поскольку в момент отправки находилась у метро, а вскоре, когда следом за Платиной она возвращалась к Тотнэм-Корт-роуд, связь действительно пропала. Выйдя из метро, Робин обнаружила еще один пропущенный звонок от Страйка и новое сообщение от Мэтью.

Ты придешь домой? Я рехнусь. Напиши хотя бы, что жива, большего не прошу.

– Не льстил бы себе, – пробормотала Робин. – Вообразил, будто я из-за него руки на себя наложу.

Мимо Робин прошел на удивление знакомый пузатый мужчина в костюме, освещенный сверкающими огнями «Мятного носорога». Это был мистер Повторный.

Робин померещилось, что он самодовольно ухмыльнулся в ее сторону.

Он что, любит смотреть, как его девушка развлекает других мужчин? Или возбуждается, когда его плотские утехы записываются на пленку? В чем именно заключается его извращение?

Робин отвернулась. Она еще не решила, куда деваться сегодня ночью.

В темной подворотне ругался по телефону какой-то здоровяк в вязаной шапочке. Уход Платины выбил у Робин почву из-под ног. Куда податься? Пока она раздумывала, мимо прошла компания парней, один из которых специально задел ее сумку. Робин обдало запахом пива и дезодоранта «Акс».

– Там у тебя трусики и лифон, киска?

Она даже не заметила, что стоит возле стриптиз-клуба. Машинально направившись в сторону агентства, услышала телефонный звонок и на автомате взяла трубку.

– Где тебя черти носят? – загремел разъяренный голос Страйка. Не успела она порадоваться, что это не Мэтью, как босс продолжил: – До тебя не дозвониться! Ты где?

– На Тотнэм-Корт-роуд, – ответила она, поспешно удаляясь от глумливых парней. – Платина только что зашла, а Повторный...

– Кому сказано не болтаться по улицам, когда темно?

– Здесь хорошее освещение, – возразила Робин.

Она силилась вспомнить, не попадалась ли где-нибудь поблизости гостиница «Трэвелодж». Ей требовалось такое пристанище, где чисто и недорого. Недорого – потому что платить она собиралась по их общей с Мэтью карте и не хотела тратить больше, чем сама внесла на счет.

– Ты в порядке? – спросил Страйк, умерив свой напор.

К горлу подступил комок.

– Да, – сухо подтвердила она, пытаясь сохранять профессионализм, которого ждал от нее босс.

– Я все еще в конторе, – сказал он. – Говоришь, ты на Тотнэм-Корт-роуд?

– Мне некогда, извини, – выдавила Робин холодным, натянутым тоном.

Чтобы только не расплакаться, пришлось закончить разговор. Ей показалось, что Страйк хочет ее встретить, но если бы такое произошло, Робин волей-неволей раскрыла бы перед ним все карты, а об этом не могло быть и речи.

Неожиданно по лицу потекли слезы. У нее больше никого не осталось. Вот так! Наконец-то она смогла себе в этом признаться. Все, с кем она ужинала по выходным, с кем смотрела регби, были друзьями Мэтью, коллегами Мэтью, бывшими однокурсниками Мэтью. А у нее, кроме Страйка, не было ни одной родственной души.

– Господи! – всхлипнула она, вытирая глаза и нос рукавом пальто.

– Чего рассопливилась, подруга? – окликнул ее из дверного проема беззубый бомж.

Робин сама не знала, почему ноги принесли ее в «Тотнэм»: ну да, здесь знакомые бармены, известно, где находится женский туалет, а кроме всего прочего, сюда никогда не заглядывал Мэтью. Ей лишь хотелось забиться в укромный угол и поискать по интернету дешевый ночлег. А еще ужасно хотелось выпить, что было ей совсем не свойственно. Ополоснув лицо холодной водой, она вышла из дамской комнаты, взяла себе бокал красного

вина, отошла с ним к столику и вытащила из кармана телефон. Еще один пропущенный звонок от Страйка.

На нее глазели сидевшие за барной стойкой мужчины. Робин догадывалась, какой у нее вид: зареванная, одинокая, да еще с дорожной сумкой. А что было делать? Она набрала в строке поиска «Трэвелодж около Тотнэм-Корт-роуд» и, пока не загрузились результаты, жадно глотала вино – считай, на пустой желудок. Ни завтрака, ни обеда: за весь день только пакетик чипсов и яблоко, съеденные в студенческом кафе, где сидела за конспектами Платина.

Оказалось, «Трэвелодж» есть в Хай-Холборне. Сойдет. Она немного успокоилась. Пряча глаза от посетителей, сидевших за стойкой, Робин пошла за вторым бокалом вина. Маме, что ли, позвонить, пронеслось у нее в голове, но от этой перспективы опять навернулись слезы. Выдержать любовь и сочувствие Линды было бы ей не под силу.

В паб зашел все тот же здоровяк в шапочке, но Робин сверлила взглядом сдачу и вино, чтобы у мужчин не возникло мысли, будто она хочет кого-нибудь подцепить.

От второго бокала Робин расслабилась. Ей вспомнилось, как в этом самом пабе Страйк до того надрался, что едва стоял на ногах. Это был единственный раз, когда он поделился чем-то личным. Возможно, из-за этого ее подспудно тянуло именно сюда, подумала она, изучая купол из цветного стекла. А куда еще идти, когда узнаешь, что любимый тебе изменил?

– Ты одна? – прозвучал мужской голос.

– Жду кое-кого, – ответила она.

С ней говорил слегка расплывавшийся в ее глазах жилистый блондин с блеклыми глазами, и Робин понимала, что он ей не верит.

– Я могу подождать с тобой?

– Ни хрена ты не можешь, – сказал другой, знакомый голос.

Страйк деловитым, хмурым взглядом вперился в незнакомца, и тот неохотно ретировался к друзьям.

– Ищу тебя, – сказал Страйк.

– Как ты догадался?..

– Я сыщик. Это уже который? – спросил он, кивнув на бокал вина.

– Всего лишь первый, – соврала она, и Страйк пошел за следующим, а также за пинтой «Дум-бара» для себя.

Пока он делал заказ, громил в шапочке улизнул через дверь, но Страйк пристально разглядывал блондина, который до сих пор не отрывал взгляда от Робин и окончательно сдался лишь после того,

как грозный Страйк с двумя напитками сел напротив нее.

– Что происходит?

– Ничего.

– Не надо мне тут. Сидишь как в воду опущенная.

– Что ж... – сказала Робин, вливая в себя вино. – Считаю, что я приободрилась.

Страйк хохотнул.

– Почему у тебя с собой дорожная сумка? – Не дождавшись ответа, он продолжил: – А колечко где?

Робин открыла рот, чтобы объяснить, но ей помешали предательски подступившие слезы. После недолгой внутренней борьбы и очередного глотка она сказала:

– Я больше не невеста.

– Почему?

– Смешно слышать от тебя такой вопрос.

Меня развезло, думала она, словно глядя на себя со стороны. Надо же: захмелела от двух с половиной бокалов, а все потому, что без сна и еды.

– Смешно? – с недоумением переспросил Страйк.

– Мы же не говорим о личном... Ты никогда не касаешься личных дел.

– Насколько мне помнится, в этом самом месте я вывернулся перед тобой наизнанку.

– Один раз, – уточнила Робин.

По ее румянцу и сбивчивой речи Страйк определил, что бокал вина был уже не вторым. Одновременно веселясь и беспокоясь, он сказал:

– Думаю, тебе надо поесть.

– Точеч... тебе говорю, – забормотала Робин. – В тот вечеч... когда ты был... а потом ели кебаб, а я не хочеч... – провозгласила она с достоинством, – кебаб.

– Не забывай, – сказал Страйк, – мы же не где-нибудь, а в Лондоне. Здесь, видимо, подают не только кебаб.

– Хочеч... чипсы, – выдавила Робин, и Страйк тут же купил ей пакетик.

– Что происходит? – повторил он, вернувшись.

Посмотрев пару секунд, как она терзает целлофан, он забрал у нее пакет и надорвал его сам.

– Ничего. Пойду в «Трэвелодж», вот и все.

– В «Трэвелодж»?

– Да. Тут есть... как раз в этом...

Она посмотрела на вырубившийся телефон и поняла, что вечером

забыла поставить его на зарядку.

– Не могу вспомнить где, – сказала она. – Оставь меня, я в полном порядке, – добавила Робин, роясь в дорожной сумке и пытаюсь найти салфетку или платок, чтобы высморкаться.

– Ну-ну, – сказал он мрачно. – Лучше не бывает.

– Да все нормально. – В ее голосе звучала решимость. – Завтра выйду на работу вовремя, вот увидишь.

– Думаешь, я сюда сорвался потому, что меня волнует работа?

– Не заискивай! – пробормотала она, выглядывая из-за вороха бумажных платков. – Это невыносимо! Веди себя как обычно!

– И как это – как обычно? – спросил Страйк в замешательстве.

– Когда ты раздражен и неразго... неразго...

– О чем ты хочешь поговорить?

– Да так, ни о чем, – соврала она. – Просто подумала... дрржаться... чисто на профессиональной.

– Что происходит у вас с Мэтью?

– А что происходит у вас с Элин? – парировала Робин.

– При чем тут это? – Страйка озадачил ее вопрос.

– Все при том же, – туманно проговорила она, осушая третий бокал. – Мне еще один...

– Переходим на лимонад.

Дожидаясь Страйка, Робин разглядывала потолок. На нем были изображены театральные сцены: Оберон и Титания в кругу фей^[38].

– У нас с Элин все в порядке, – сообщил он, вернувшись на место и решив, что встречная информация – самый легкий способ вызвать Робин на откровенность. – Я смотрю на вещи спокойно, и меня это устраивает. У нее дочь, и Элин не хочет, чтобы она ко мне слишком привязалась. Развод был тяжелым.

– Ясно. – Робин поморгала, сжимая в руке стакан колы. – Как ты с ней познакомился?

– Через Ника с Илсой.

– А они откуда ее знают?

– Они ее не знают. У них были гости, и Элин пришла со своим братом. Он – врач, коллега Ника. До этого никто ее не видел.

– Ясно, – повторила Робин.

Она даже забыла о собственных проблемах, отвлеченная этими скудными сведениями о личной жизни Страйка. Так стандартно, так пошло! Был в гостях, увидел симпатичную блондинку, разговорился. Женщины тянулись к Страйку... Робин не сразу пришла к такому выводу. Вначале она

не видела в нем никакой привлекательности. Страйк и Мэтью настолько разные...

– А Илсе нравится Элин? – вдруг вырвалось у Робин.

Страйка поразила ее мгновенная проницательность.

– Ну, думаю, да, – слукавил он.

Робин потягивала колу.

– Ладно, – продолжил Страйк, с трудом подавляя раздражение. – Теперь твоя очередь.

– Мы расстались, – сказала она.

Техника ведения допроса подсказывала ему, что здесь нужно промолчать, и примерно через минуту правильность его решения подтвердилась.

– Он мне... кое-что сказал, – пробормотала она. – Вчера вечером.

Страйк выжидал.

– И теперь уже нельзя делать вид, что ничего не случилось. Больше такое не пройдет.

За ее бледностью и сдержанностью Страйк разглядел душевную боль. Нужно было еще выждать.

– Он переспал с другой, – процедила она сквозь зубы.

Повисла пауза. Робин взяла свой пакетик чипсов, увидела, что он уже пуст, и швырнула его обратно на стол.

– Паршиво, – сказал Страйк.

Его удивило не то, что Мэтью переспал с другой, а то, что он в этом сознался. Когда Страйк представлял себе молодого привлекательного финансиста, ему виделся мужчина, который понимает свой интерес и умеет обстряпывать житейские дела.

– И не один раз, – все так же сквозь зубы добавила Робин. – Он изменял мне на протяжении нескольких месяцев. И я ее прекрасно знаю. Сара Шедлок. Они старые университетские друзья.

– Господи! – вырвалось у Страйка. – Могу только посочувствовать.

Ему на самом деле было жаль, искренне жаль, что она сейчас так страдает, и вместе с тем это открытие пробудило в нем ряд других чувств, которые он сейчас подавлял, проверял на прочность и всячески сдерживал, – чувств, которые он привык подчинять жесткому контролю, считая, что они ошибочны и опасны.

Не будь мудаком, приказал он себе. Даже не думай. Капитально испоганишь все, что только можно.

– И что же подтолкнуло его сознаться? – спросил он вслух.

Робин не ответила, но вопрос опять вызвал в ее воображении ту

отвратительную сцену.

Их светло-бежевая гостиная была чересчур тесна для разъяренной пары. Весь путь из Йоркшира домой они проделали на нежеланном для Мэтью «лендровере». По дороге возмущенный Мэтью заявил, что рано или поздно Страйк начнет подкатывать к Робин; более того, он подозревал, что она будет совсем не против.

– Мы друзья, и только! – выкрикнула она, стоя возле недорогого дивана. Сумки, которые они брали с собой на выходные, оставались нераспакованными в прихожей. – Как можно предположить, что он меня *заводит*, только потому, что его нога...

– Какая наивность, черт побери! – проорал он в ответ. – Вы друзья до тех пор, пока он не затащил тебя в постель, Робин...

– Ты по себе судишь? Ждешь момента, когда сможешь запрыгнуть на какую-нибудь из своих сотрудниц?

– Ничего подобного, но ты на нем зациклилась: он мужчина, вы работаете вдвоем...

– Он мой друг, как и вы друзья с Сарой Шедлок, но ты же никогда...

При взгляде на Мэтью ей все стало ясно. Такого выражения лица, промелькнувшего мимолетной тенью, она никогда прежде у жениха не видела. Чувство вины явственно отразилось в его высоких скулах, точеном подбородке, в карих глазах, которые она обожала многие годы.

– Ты же не?.. – произнесла она вдруг вопросительным тоном. – Ничего же не было?

Мэтью задергался.

– Нет, – проговорил он с трудом, как в фильме, воспроизведенном после паузы. – Еще не хватало...

– Врешь! – перебила Робин. – Ты с ней переспал.

У него все было написано на лице. Мэтью не верил в дружбу между мужчиной и женщиной – такого понятия для него не существовало. Он переспал с Сарой.

– Когда? – спросила она. – Нет... это случилось *тогда*?

– Я не...

Она услышала слабый протест мужчины, который знает, что потерпел поражение и даже сам хотел проиграть. Всю ночь и весь день ее преследовало это ощущение, и в какой-то момент Мэтью решил, что Робин должна все знать.

Ее странное спокойствие, в большей степени от ошеломления, чем от обиды, подтолкнуло его к признанию. Да, это случилось *тогда*. От этого он до сих пор переживает; в то время у них с Робин не было

интимной близости, и как-то вечером Сара утешала его, ну и все получилось как-то само собой...

– Она тебя *утешала*? – взорвалась Робин. От гнева она в конце концов вышла из ступора. – Она утешала *тебя*?

– Знаешь, мне тоже пришлось нелегко! – выкрикнул он.

Страйк наблюдал, как Робин бессознательно трясла головой, пытаясь избавиться от воспоминаний, но только покраснела, и в ее глазах вновь сверкнула искра.

– Что-что? – переспросила она в растерянности.

– Я спросил: с чего вдруг он решил признаться?

– Сама не знаю. Мы поругались. Он считает...

Робин глубоко вздохнула. Две трети бутылки вина на пустой желудок – и она готова была посоперничать с Мэтью в своей прямоте.

– Он не верит, что мы с тобой просто друзья.

Для Страйка это не было новостью. Мэтью всегда смотрел на него с подозрением, а в каждом брошенном в адрес Страйка комментарии слышалась настороженность.

– Ну и... – неуверенно продолжала Робин, – я доказывала, что мы *правда* всего лишь друзья и что у него самого тоже есть платоническая привязанность – драгоценная многолетняя подруга Сара Шедлок. Тогда-то все и обнаружилось. Он замутил с Сарой в университете, пока я... пока я сидела дома.

– Так давно? – удивился Страйк.

– По-твоему, если дело было семь лет назад, нужно смотреть на это сквозь пальцы? – наседала Робин. – Притом что все эти годы он мне лгал, а Сара Шедлок постоянно терлась рядом с нами?

– Меня просто удивило, – без эмоций ответил Страйк, не позволяя втянуть себя в перепалку, – что он признался после стольких лет.

– Ах вот оно что, – протянула Робин. – Да его просто совесть замучила. Из-за того, в какое время это случилось.

– Во время учебы в университете? – в замешательстве уточнил Страйк.

– Как только я ушла в академку, – ответила Робин.

– Вот оно что, – пробормотал он.

Они никогда не обсуждали, почему она забросила психологию и вернулась в Мэссем.

В планы Робин не входило делиться со Страйком, но сегодня вечером все ее решения бултыхались в озерце алкоголя, которым она утолила голод и восполнила силы. Так ли уж важно, откроется она ему или нет? Страйку нужно это знать, чтобы составить полную картину и посоветовать,

что делать дальше. В глубине души она понимала, что рассчитывает на его помощь. Нравилось ей это или нет – нравилось это *Страйку* или нет, – но в Лондоне он был ее ближайшим другом. Раньше она никогда не смотрела в лицо этому факту. Алкоголь поднял настроение и открыл ей глаза. *In vino veritas*^[39], так ведь говорится? Кто-кто, а Страйк должен знать: у него есть необъяснимая привычка время от времени цитировать латинские изречения.

– Я вовсе не собиралась бросать универ, – неспешно заговорила Робин, покачивая головой. – Но после одного случая у меня возникли проблемы...

В этих словах не содержалось информации. Они ничего не объясняли.

– Возвращалась я от подруги, жившей в другом общежитии, – продолжала она. – Было не так уж и поздно... около восьми... и я услышала, как в местных новостях... передавали о нем...

И это прозвучало столь же невразумительно. К чему такие детали? Ей нужно было просто озвучить сам факт, а не вдаваться в подробности, как требовалось в ходе судебного процесса.

С глубоким вздохом она посмотрела на Страйка и прочла на его лице понимание. Робин стало легче оттого, что необходимости в объяснениях больше нет. Она спросила:

– Можно мне еще чипсов?

Вернувшись от барной стойки, он молча протянул ей пакет. С таким выражением лица, какое ей не понравилось.

– Только не подумай... это ровным счетом ничего не значит! – воскликнула она в отчаянии. – Каких-то двадцать минут моей жизни. Допустим, со мной такое произошло. Но это не я! Это никак меня не характеризует.

Страйк догадался, что эти фразы ей внушили в группе психологической поддержки. Ему случалось допрашивать жертв изнасилования. Он знал, какие слова им подсказывают, чтобы в голове уложилось то, чего женщина осознать не может. Теперь многое в отношении Робин прояснилось. К примеру, ее стойкая верность Мэтью, этому тихоне-земляку. В свою очередь, Робин, захмелев, прочла в молчании Страйка то, чего больше всего боялась: перемену его отношения – от ровного к жалостливому.

– Ничего не изменилось! – с надрывом повторила она. – Я – все та же!

– Это понятно, – ответил он, – но все же с тобой приключилась эта чертова история.

– Что ж, да... приключилась... – пробормотала она уже спокойнее.

А потом опять вспыхнула. – Благодаря моим показаниям его и взяли. Я кое-что заметила, когда... Белое пятно под ухом – это называется витилиго, а один зрачок расширенный и будто застывший. – У нее слегка заплетался язык; она уминала третий пакет чипсов. – Он ведь пытался меня задушить; я обмякла, притворилась мертвой, и он убежал. А до этого еще напал на двух других девушек, но был в маске, и они ничего не смогли сообщить полиции. И только благодаря моим показаниям его упекли за решетку.

– Оно и понятно, – заметил Страйк.

Такой отклик ее удовлетворил. С минуту они сидели молча; Робин доедала чипсы.

– Да только потом я еще долго на улицу выходить не могла, – продолжила она, словно и не прерывала своего рассказа. – В конце концов меня отправили в академку. На один семестр. Но я... к учебе я так и не вернулась.

Уставившись в пустоту, Робин обдумывала данное обстоятельство. Мэтью убеждал ее пожить дома. Через год с лишним, когда агорафобия прошла, Робин стала наезжать в Бат, где Мэтью учился в университете, и они, взявшись за руки, бродили среди домов из серого известняка, вдоль георгианских зданий Королевского полумесяца, по усаженным деревьями берегам Эйвона. Если к ним присоединялись его друзья, среди них непременно оказывалась Сара Шедлок, которая истерично хохотала над шутками Мэтью, поглаживала его руку и постоянно сводила разговор к тем славным денькам, когда они всей компанией прекрасно проводили время, пока зануда Робин сидела дома...

Она утешала меня. Знаешь, мне тоже было нелегко!

– Ну что ж, – прервал молчание Страйк, – давай подумаем, где ты сегодня будешь ночевать.

– Поеду в «Трэве...»

– Ну уж нет.

Страйк не хотел, чтобы Робин ночевала в таком месте, где неизвестно кто будет шляться по коридорам или просто заходить с улицы. Возможно, у него развилась паранойя, но ему хотелось, чтобы она заночевала там, где не будет шумных воплей девичника, способных перекрыть любой другой крик.

– Могу переночевать в офисе, – предложила Робин, пошатываясь и пытаясь устоять на месте; он подхватил ее под локоть. – Если у тебя сохранилась та раскладу...

– В офисе ты спать не будешь, – перебил Страйк. – Я знаю одно приличное место. Там останавливались мои дядя с тетей, когда приезжали

на «Мышеловку»^[40]. Сумку давай сюда!

Его рука уже однажды лежала на плече Робин, но тогда все обстояло иначе: Робин служила ему опорой. В этот раз нормально передвигаться не могла она. На выходе из паба он придерживал ее, обхватив за талию.

– Мэтью, – выдавила Робин, когда они кое-как вышли, – этого бы не одобрил.

Страйк промолчал. Несмотря на все услышанное, он, в отличие от Робин, был далеко не уверен, что ее отношения с женихом закончены. Эти двое уже девять лет вместе, в Мэссеме у нее приготовлено подвенечное платье. Но Страйк придержал язык, чтобы не сказать о Мэтью ничего такого, что могло бы всплыть в ходе неминуемых предстоящих стычек между Робин и ее бывшим женихом, ведь с ходу разорвать девятилетние узы не так-то просто. Страйк молчал ради Робин, а не ради себя. Уж он-то не испытывал никакого трепета перед Мэтью.

– Кто это был? – сонно спросила Робин после того, как они прошли метров сто в молчании.

– Ты о ком?

– Тот субъект, утром... Я подумала: не он ли прислал ногу?.. И до смерти перепугалась.

– А, Штырь. Мой друг детства.

– Жуткий тип.

– Штырь тебя не обидит, – заверил ее Страйк и, поразмыслив, добавил: – Только не оставляй его в конторе одного.

– Это почему?

– Стырит все, что плохо лежит. Не привык уходить с пустыми руками.

– Как вы познакомились?

Рассказ про Штыря и Леду длился всю дорогу до Фрит-стрит, где Страйка и Робин встретили надменными взорами тихие пригородные особняки, воплощение благородства и чинности.

– Здесь? – поразилась Робин, глядя с раскрытым ртом на отель «Хэзлиттс»^[41]. – Не может быть и речи – такая дороговизна!

– Я оплачу, – сказал Страйк. – Пусть это будет премией по итогам года. И никаких возражений, – добавил он, когда дверь открылась и улыбающийся молодой человек, отступив немного назад, пригласил их войти. – Это я виноват, что тебе потребовалось безопасное место.

Отделанный натуральным деревом холл дышал домашним уютом. Вход был только один; с наружной стороны дверь не открывалась.

Вручив молодому портье свою кредитку, Страйк проводил еще

нетвердо стоявшую на ногах Робин до лестницы.

– Завтра можешь прийти попозже, если...

– Буду в девять, – сказала Робин, – Корморан, спасибо за... за...

– Да нет проблем. Отдыхай.

Он захлопнул за собой дверь «Хэзлиттс» и вышел на тихую Фрит-стрит.

Засунув руки в карманы, Страйк брел обратно, погруженный в свои мысли.

Ее изнасиловали и бросили, как труп. Охренеть.

А восемь дней назад какой-то ублюдок прислал ей отрезанную ногу, но девчонка ни словом не обмолвилась о своем прошлом, не стала клянчить отпуск и продолжала с профессиональной четкостью выходить на работу. Даже не зная той предыстории, Страйк тут же купил самый надежный брелок безопасности, потребовал, чтобы Робин уходила из конторы засветло, и держал с ней связь на протяжении всего рабочего дня...

Тут Страйк осознал, что идет вовсе не в направлении Денмарк-стрит, а наоборот, от нее отдаляется; его внимание привлек незнакомый человек в лыжной вязаной шапке, стоявший метрах в двадцати от него, на углу площади Сохо-Сквер. Янтарный кончик сигареты быстро исчез: незнакомец спешно зашагал прочь.

– Эй, чувак!

По тихой площади прокатилось эхо; Страйк ускорил ход. Даже не оглянувшись, человек в лыжной шапке пустился в бегство.

– Чувак, стой!

Страйк тоже побежал. Преследуемый оглянулся, потом резко свернул влево; Страйк припустил за ним. На Карлайл-стрит он обвел взглядом толпу перед входом в «Тукан», пытаясь определить, не затесался ли в нее тот перец. Тяжело дыша, побежал дальше мимо очереди и остановился на углу Дин-стрит, чтобы осмотреться по сторонам в поисках того, за кем гнался. Здоровяк в вязаной шапке мог свернуть налево, направо или продолжить движение по Карлайл-стрит; каждый вариант давал выбор из множества подворотен и подвалов, где вполне можно было укрыться, если, конечно, не наскрести денег на такси.

– Сука! – выругался Страйк. Протез терзал искалеченную ногу.

В сознании остался только образ рослого, плечистого мужика, в черной куртке и вязаной шапочке, который подозрительно быстро исчез, прежде чем Страйк успел спросить у него время, дорогу или огоньку.

Наугад он двинулся по Дин-стрит. С обеих сторон мимо него проносились машины. Почти час Страйк рыскал поблизости, заглядывая

в темные подворотни и щели подвалов. Он понимал, что это почти на сто процентовдохлый номер, но если – если – их действительно преследовал этот бешеный ублюдок, приславший ногу, то прерванная до срока погоня вряд ли заставила бы его прекратить охоту на Робин.

Из своих спальников настороженно выглядывали бомжи: Страйк забрел гораздо дальше, чем позволяли себе рядовые граждане; из мусорных баков при его появлении дважды выскакивали кошки, но человека в вязаной шапке нигде не было.

*...the damn call came,
And I knew what I knew and didn't want to know.*

Blue Öyster Cult. «Live for Me»^[42]

На другой день Робин проснулась с головной болью и тяжестью в животе. Не успела она повернуться на новых белоснежных подушках, как на нее обрушились события вчерашнего вечера. Отбросив волосы с лица, она села и осмотрелась. За резными столбиками кровати с балдахином маячили расплывчатые очертания комнаты, освещенной только полосой яркого света между парчовыми шторами. Когда глаза привыкли к золотистому полумраку, взгляд выхватил золоченую раму портрета, с которого взирал тучный джентльмен с бакенбардами. В такие гостиницы люди приезжают на выходные отдохнуть от городской суеты, а не отсыпаться с похмелья, захватив с собой лишь пару наспех брошенных в сумку вещичек.

Может, этой элегантной, старомодной роскошью Страйк пытался заранее сгладить серьезный разговор, запланированный на сегодня? *Вот увидишь, это по-настоящему атмосферное место... Думаю, тебе стоит взять отгул.*

Две трети бутылки дешевого вина – и она вывернулась перед боссом наизнанку. С тихим стоном Робин откинулась на подушки, закрыла лицо руками и утонула в воспоминаниях, которые, стоило ей почувствовать себя слабой и несчастной, нахлынули с новой силой.

На маньяке была резиновая маска гориллы. Он удерживал Робин одной рукой, а другой сжимал ей горло, твердил, что сейчас ее трахнет, а потом задушит к чертовой матери. Багряные всполохи паники бились у нее в мозгу, мощные руки, словно удавка, все сильнее сжимали ей горло, и спаслась она только тем, что сумела притвориться мертвой. А дальше потянулись дни и недели, когда ей казалось, что она и впрямь умерла, но была загнана в чужое тело. Единственный способ хоть как-то себя защитить виделся ей в том, чтобы освободиться от собственной плоти, прервать с ней всякую связь. Прошло много времени, прежде чем она смогла принять свое тело заново.

В суде он вел себя тихо и безропотно: «да, Ваша честь», «нет, Ваша честь» – невзрачный, европейской наружности человек со здоровым цветом лица, если не считать белого пятна под ухом. Блеклые, бесцветные глаза часто моргали – те самые глаза, что буравили ее сквозь прорези в маске. То, что он с ней сотворил, пошатнуло ее осознание своего места в мире, положило конец учебе в университете и погнало назад – в Мэссем.

Ей пришлось пройти через мучительный судебный процесс, в ходе которого перекрестный допрос оказался под стать насилию, потому что защита утверждала, будто Робин сама заманила мужчину на лестничный пролет ради секса. Даже много месяцев спустя после того, как из темноты возникли руки в перчатках, заткнули ей рот кляпом и уволокли ее под лестницу, она не могла выносить никаких прикосновений, даже ласковых объятий родных. Он замарал ее первый и единственный интимный опыт: им с Мэтью пришлось начинать все сначала, под гнетом постоянного страха и вины.

Робин прижала руки к глазам, как будто силой могла стереть все это из памяти. Теперь-то она знала, что юный Мэтью, которого она считала образцом бескорыстной добродетели и понимания, на самом деле кувыркался с голой Сарой в студенческом общежитии в Бате, пока Робин одиноко лежала на кровати в Мэссеме и часами, не двигаясь, бессмысленно пялилась на постер *Destiny's Child*. Наедине с собой, в покое и роскоши «Хэзлиттса», Робин впервые подумала, что, останься она цела и невредима, Мэтью все равно стал бы ей изменять; да что там говорить – после окончания университета их отношения, скорее всего, естественным образом сошли бы на нет.

Она опустила руки и открыла глаза. Сегодня слез не было – их будто бы не осталось. Признание Мэтью теперь не пронзало ее болью. Оно тупо саднило где-то в глубине души, но куда больше тревожила Робин мысль о том, что она, видимо, навредила делу. Как можно было так сгруппировать: рассказать Страйку обо всем, что с ней произошло? Неужели она до сих пор не поняла, к чему приводит откровенность?

Через год после изнасилования, когда ей удалось преодолеть агорафобию и анорексию, когда возникла потребность вернуться к реальности и наверстать упущенное, она стала проявлять безотчетный интерес к занятиям, так или иначе связанным с криминалистикой. Оставшись без диплома и потеряв былую уверенность в себе, Робин не решалась озвучить свое истинное желание – распутывать преступления. И правильно, что не решалась: ее близкие, даже мать, самая чуткая из всех, выслушав осторожные соображения Робин по поводу ознакомления

с околосо следственными действиями, начинали ее отговаривать. Новые интересы Робин были, по их мнению, странностями и указывали на затянувшееся нездоровье, на неспособность отрешиться от того, что с ней произошло.

Но нет: это желание возникло у нее давно. В возрасте восьми лет она сообщила братьям, что собирается, когда вырастет, ловить разбойников, и была осмеяна – просто потому, что она девчонка, их младшая сестра: над кем же еще поиздеваться? Робин понадеялась, что насмешничают они не потому, что не верят в ее способности, а просто из мужской солидарности, но с тех пор больше не заикалась о работе следователя в разговорах с тремя горластыми, самоуверенными парнями. Никому не признавалась она и в том, что в свое время пошла учиться на психолога с тайным прицелом на специализацию в криминалистике.

Насильник отнял у нее эту цель. Это было далеко не единственное, что он у нее отнял. Отстоять свои устремления, когда окружающие, судя по всему, только и ждали нового срыва, когда сама она едва-едва стала выходить из состояния крайней уязвимости, оказалось непосильной задачей.

Устав бороться и решив не огорчать родных, которые в самое тяжелое время окружали ее любовью и заботой, она, ко всеобщему облегчению, поставила крест на своей заветной мечте.

А потом агентство по временному трудоустройству направило ее к частному детективу – причем по ошибке. Предполагалось, что на одну неделю, но вышло так, что работа переросла в постоянную. Это было сродни чуду. Мало-помалу, сперва по воле случая, а потом в силу своих способностей и настойчивости, она стала ценной сотрудницей для загруженного работой Страйка и наконец вплотную подошла к тому, о чем мечтала до того самого случая, когда какой-то незнакомец использовал ее для своего извращенного удовольствия, как неодушевленную, одноразовую принадлежность, а потом избил и придушил едва ли не до смерти.

Зачем, зачем она рассказала Страйку, что с ней произошло? Он и так за нее опасался, даже не зная этой истории, а что теперь? Робин не сомневалась: он решит, что его сотрудница – слишком хрупкое создание для такой работы, и решительно отодвинет ее в сторону как неспособную выполнять обязанности, которые можно доверить надежному помощнику.

Георгианский интерьер угнетал своей тишиной и неподвижностью. Выбравшись из-под тяжелого одеяла, она пошлепала по наклонным деревянным половицам в ванную комнату, где не было душа, зато стояла

ванна на львиных лапах. Через пятнадцать минут, когда Робин одевалась, у нее на столике под зеркалом зазвонил мобильный, который, к счастью, был заряжен с вечера.

– Привет, – сказал Страйк. – Как самочувствие?

– Великолепно, – с вызовом ответила она, не сомневаясь, что сейчас будет отстранена от работы.

– Сейчас звонил Уордл. Они нашли тело девушки.

Вцепившись обеими руками в трубку, Робин упала на вышитое сиденье табурета.

– Что? Где? Кто она?

– Не по телефону. Нас с тобой просят приехать. Жду тебя в девять у выхода. Непременно поешь, – добавил он.

– Корморан! – выкрикнула она, пока он не повесил трубку.

– Что?

– Я все еще... работаю, да?

Наступила короткая пауза.

– О чем ты? Конечно работаешь.

– Ты не... Я как раньше... ничего не изменилось? – выдавила она.

– Ты собираешься выполнять приказы или нет? – спросил он. – Когда тебе говорят: ни шагу после наступления темноты, будешь теперь подчиняться?

– Буду, – слегка дрогнувшим голосом сказала она.

– Ладно. Встречаемся в девять.

У Робин вырвался судорожный вздох облегчения. Ее не списали со счетов: она по-прежнему нужна. Убирая мобильный в сумку, она заметила, что ей пришло неимоверно длинное сообщение, каких она еще не получала.

Робин, не могу спать, все время думаю о тебе. Все бы отдал за то, чтобы той истории не случилось. Это был дерьмовый поступок, оправдания ему нет. В 21 год я не понимал того, что знаю сейчас: другой такой, как ты, нет на целом свете, и я никого не смогу полюбить так, как тебя. С того времени никого, кроме тебя, у меня не было. Я ревновал тебя к Страйку. Ты, наверное, скажешь, что после того случая у меня нет на это никакого права, но вполне возможно, меня просто гложет мысль, что ты заслуживаешь лучшего. Знаю одно: я тебя люблю и хочу на тебе жениться, но если ты теперь мне откажешь, вынужден буду это принять. Умоляю, Робин, дай знать, что с тобой ничего не случилось, умоляю.

Мэтт xxxxxxxx

Положив мобильный на туалетный столик, Робин продолжала одеваться. Она заказала в номер круассан с кофе и сама удивилась, насколько благотворно подействовал на нее завтрак. Потом она перечитала сообщение от Мэтью.

...вполне возможно, меня просто гложет мысль, что ты заслуживаешь лучшего...

Очень трогательно и так не похоже на Мэтью, который часто приговаривал, что ссылки на подсознательную мотивацию – это не более чем лукавство. Впрочем, на смену этим рассуждениям пришло другое: ведь Мэтью не спешит вычеркивать из своей жизни Сару Шедлок. Все это время она входила в число его самых близких университетских друзей, нежно обнимала Мэтью на похоронах его матушки, не уклонялась от романтических ужинов на четверых, флиртowała, оттирала его от Робин. После недолгой внутренней борьбы Робин написала ответ:

У меня все нормально.

Полностью готовая, она ждала Страйка на ступенях «Хэзлиттса», и без пяти девять у дверей остановился черный лимузин.

Страйк был небрит, а поскольку щетина росла у него с бешеной скоростью, подбородок и щеки выглядели как закопченные.

– Новости смотрела? – спросил он, как только она села в такси.

– Нет.

– Пресса уже дорвалась. По телику показали – я перед уходом видел.

Наклонившись вперед, он закрыл плексигласовую шторку между ними и водителем.

– Кто она такая? – спросила Робин.

– Официальной идентификации еще не было, но предположительно – это украинка двадцати четырех лет.

– Украинка? – поразила Робин.

– Угу. – После некоторого колебания Страйк добавил: – Женщина, которая сдавала ей жилье – если не ошибаюсь, свою собственную квартиру, – нашла расчлененный труп в морозильном шкафу. Правая нога отсутствует. Ошибки быть не может.

Вместо привкуса зубной пасты у Робин во рту растеклась химическая отравка; в желудке взбунтовались круассан и кофе.

– Где находится квартира?

– В Шепердс-Буше, на Конингем-роуд. Тебе это о чем-нибудь говорит?
– Нет, я просто... Боже мой... Боже мой... Девушка, которая хотела лишиться ноги?

– Видимо, да.

– Но разве у нее было украинское имя?

– Уордл считает, что она представлялась вымышленным именем. Понимаешь... среди проституток так принято.

Такси мчало их по Пэлл-Мэлл к Новому Скотленд-Ярду. По обе стороны мелькали белые здания неоклассицистической архитектуры: величественные, надменные, неприступные для простых смертных.

– Уордл отстаивал именно такую версию, – после долгой паузы выговорил Страйк. – Якобы это нога украинки, которая занималась проституцией и в последний раз была замечена с Диггером Мэлли.

Робин чувствовала, что он недоговаривает. Она с тревогой посмотрела на босса.

– У нее дома обнаружены мои письма, – сказал Страйк. – Две штуки, с моей подписью.

– Но ты же ей не отвечал!

– Уордл знает, что это фальшак. По всей вероятности, отправитель переврал мое имя и подписался «Камерон», но меня все равно замарал.

– И что в этих письмах?

– Он отказывается уточнять по телефону. Кстати, ведет себя вполне прилично. А ведь мог бы и подгадить.

Впереди возник Букингемский дворец. Гигантская мраморная королева Виктория неодобрительно взирала на растерянную, страдающую от похмелья Робин, но вскоре скрылась из виду.

– Нам, видимо, предложат посмотреть на фотографии трупа, чтобы мы по возможности опознали жертву.

– Что ж... – сказала Робин с напускным равнодушием.

– Ты в порядке? – спросил Страйк.

– Да все нормально, – ответила она. – Обо мне не беспокойся.

– Я сегодня утром так или иначе собирался звонить Уордлу.

– Зачем?

– Вчера вечером, по пути из «Хэзлиттса», я заметил, что в переулке маячит здоровенный мужик в черной вязаной шапке. Что-то в его движениях меня насторожило. Я ему покричал – хотел попросить огонька, а он бросился бежать. Вот только не надо, – предупредил Страйк, хотя Робин еще не произнесла ни звука, – говорить, что у меня начался психоз или разыгралось воображение. Сдается мне, он за нами следил, и вот что

еще я тебе скажу... мне кажется, он же был и в пабе, когда я туда зашел. Он сразу смылся, так что лица я не видел – только затылок.

К его удивлению, Робин не отмахнулась от этих сведений. Сосредоточенно нахмурившись, она попыталась вызвать в памяти какое-то смутное впечатление.

– А знаешь... я ведь тоже где-то видела здоровяка в шерстяной шапке... да-да, он стоял в подворотне на Тотнэм-Корт-роуд. Правда, лица было не разглядеть.

Страйк тихо ругнулся.

– Только прошу, не отстраняй меня от расследования. – Голос Робин зазвучал на полтона выше, чем обычно. – Прошу тебя! Я прикипела к этой работе.

– А если этот гад тебя выслеживает?

Ее зазнобило от страха, но решимость пересилила все остальное. Чтобы изловить этого зверя, кем бы он ни оказался, стоило заплатить практически любую цену...

– Я буду бдительна. У меня целых две тревожные кнопки.

Страйка это не убедило.

Они вышли у Нового Скотленд-Ярда; их сразу же проводили наверх, в разделенный перегородками общий зал, где Уордл, без пиджака, стоял в окружении группы сотрудников. При виде Страйка и Робин он сразу прервал беседу и пригласил детектива с помощницей в небольшой кабинет для совещаний.

– Ванесса! – позвал он через дверь, пока Страйк и Робин устраивались за овальным столом, – письма у тебя?

Сержант Эквензи почти сразу принесла две распечатки в прозрачных пластиковых папках и копию, снятую, как понял Страйк, с тех рукописных посланий, которые он передал Уордлу в «Старой синей колодке». Открыв блокнот, сержант одарила Робин улыбкой, которую та сочла приторной, и села рядом с Уордлом.

– Кофе хотите или еще чего-нибудь? – предложил Уордл, но Страйк и Робин помотали головами.

Уордл подтолкнул распечатки писем через стол Страйку. Тот прочел и подтолкнул их к Робин.

– Я этого не писал, – обратился Страйк к Уордлу.

– Кто бы сомневался, – сказал Уордл. – А вы, мисс Эллакотт, не отвечали от имени Страйка?

Робин помотала головой.

В первом письме говорилось, что Страйк действительно сам

организовал для себя ампутацию, а для прикрытия с успехом использовал историю насчет самодельного взрывного устройства в Афганистане, только не мог понять, как об этом узнала Келси, и умолял его не выдавать. Под конец лже-Страйк соглашался помочь ей избавиться от того, что ее так долго «тяготило», и спрашивал, где и когда они могли бы встретиться наедине.

Второе письмо, совсем краткое, подтверждало, что Страйк придет к девушке третьего апреля в семь вечера.

Оба были подписаны густо-черным: «Камерон Страйк».

– Вот это, – сказал Страйк, подвинув к себе второе письмо после того, как Робин закончила чтение, – выглядит так, будто она сама предлагает время и место.

– Ты предвосхитил мой следующий вопрос, – сказал Уордл. – Тебе вообще приходило второе письмо?

Страйк посмотрел на Робин, но она только покачала головой.

– Ладно, – продолжил Уордл, – тогда для протокола: когда в агентство поступило подлинное письмо от... – он сверился с ксерокопией, – Келси, за ее собственноручной подписью?

Ответ взяла на себя Робин.

– Конверт хранится у меня, в ящике для ши... – (на лице Страйка мелькнула тень улыбки), – в ящике для корреспонденции, поступающей самотеком. Можно проверить штемпель, но, если я правильно помню, оно поступило в начале текущего года. Скорее всего, в феврале.

– Так, хорошо, – сказал Уордл, – мы пришлем своего сотрудника и конверт изыдем. – Увидев, что Робин занервничала, он улыбнулся. – Успокойтесь: я вам верю. Какой-то законченный псих надумал подставить Страйка. Но концы с концами не сходятся. Кто стал бы убивать ножом женщину, расчленять и отправлять ее ногу к себе в агентство? Зачем он стал бы оставлять свои же письма в квартире?

Робин попыталась улыбнуться.

– А она была убита ножом? – вклинился Страйк.

– Сейчас устанавливают, что конкретно стало непосредственной причиной смерти, – ответил Уордл, – но на торсе имеются две глубокие раны – эксперты почти уверены, что убийца нанес их до расчленения.

Под столешницей Робин стиснула кулаки, впившись ногтями себе в ладони.

– Далее, – продолжил Уордл, и сержант Эквензи, щелкнув авторучкой, приготовилась стенографировать, – кому-нибудь из вас знакомо такое имя: Оксана Волошина?

– Нет, – ответил Страйк, а Робин молча покачала головой.

– Похоже, это настоящее имя жертвы, – пояснил Уордл. – Этим именем был подписан договор о найме жилого помещения, и хозяйка утверждает, что девушка предъявила удостоверение личности. Якобы она была студенткой.

– Якобы? – переспросила Робин.

– В настоящее время мы уточняем, так ли это, – сказал Уордл.

«А ты, естественно, уверен, – подумала Робин, – что она была проституткой».

– Судя по письму, она хорошо владела английским, – отметил Страйк. – Если, конечно, она сама это написала.

Робин совсем запуталась.

– Если некто фабрикует письма от меня, почему он не мог точно так же сфабриковать письмо от ее имени? – обратился к ней Страйк.

– В смысле, чтобы заставить тебя реально вступить с ней в переписку?

– Ну да... заманить меня на свидание или инициировать какой-нибудь обмен записками, чтобы после ее смерти это выглядело как улики.

– Ван, сходи узнай, можно ли посмотреть фотографии тела, – распорядился Уордл.

Сержант Эквензи вышла походкой модели. У Робин от паники подвело живот. Уордл как почувствовал:

– Думаю, вы не обязаны смотреть, если Страйк...

– Нет, она обязана, – перебил Страйк.

Уордл был неприятно поражен, а Робин заподозрила, что Страйк хочет лишний раз напомнить, чтобы она не совала носа на улицу в темное время суток.

– Да, – сказала она вслух с похвальным внешним самообладанием. – Я тоже так считаю.

– Они... довольно неприглядны, – предупредил Уордл с несвойственным для него преуменьшением.

– Посылку с ногой прислали на имя Робин, – напомнил ему Страйк. – Вполне возможно, что та женщина встречалась когда-то не только мне, но и ей. Она – мой партнер. Мы с ней выполняем общую работу.

Робин покосилась на Страйка. Никогда еще он не говорил о ней «партнер», по крайней мере в ее присутствии. Но сейчас он даже не посмотрел в ее сторону, и Робин переключила внимание на Уордла. Невзирая на все дурные предчувствия, она уже знала, что, поставленная на одну профессиональную ступень со Страйком, воспримет увиденное так, чтобы не уронить в чужих глазах ни себя, ни его. Когда сержант

Эквензи вернулась с пачкой фотоснимков, Робин с трудом сглотнула и распрямилась. Страйк просмотрел верхние фото. Реакция его не обещала ничего утешительного:

– Мама дорогая...

– Голова – еще куда ни шло, – невозмутимо прокомментировал Уордл, – потому что он запихнул ее в морозильник.

Как первой реакцией на горячее бывает отдернуть руку, так у Робин возникло сильное желание отвернуться, закрыть глаза, перевернуть снимки изображением вниз. Вместо этого она приняла фото из рук Страйка и стала разглядывать, хотя желудок плавился.

В камеру слепо смотрела поставленная на обрубок шеи голова; цвет заиндевелых глаз был неразличим. Рот ввалился. Каштановые волосы задубели и подернулись льдом. Щеки оставались округлыми, пухлыми, на лбу и подбородке – угревая сыпь. На двадцать четыре года это зрелище не тянуло.

– Узнаете?

Голос Уордла прозвучал где-то пугающе близко. У Робин было такое ощущение, будто она уплыла от этой головы куда-то вдаль.

– Нет, – ответила Робин.

Опустив этот снимок, она взялась за следующий. Левая голень и два предплечья, хранившиеся просто в холодильнике, уже начали портиться. Морально подготовившись к осмотру головы, Робин даже не подумала обо всем остальном и устыдилась, когда у нее вырвалось какое-то жалобное бление.

– Да, тяжело, – подала тихий голос сержант Эквензи.

Робин с благодарностью посмотрела ей в глаза.

– На левом запястье – наколка, – указал Уордл, передавая им третье фото, запечатлевшее руку до локтя, уложенную на стол.

С трудом преодолевая дурноту, Робин пригляделась и различила черные значки «1Д».

– Туловище смотреть не обязательно. – Уордл перетасовал снимки и отдал их сержанту Эквензи.

– Где оно лежало? – спросил Страйк.

– В ванне, – ответил Уордл. – Там он ее и убил. В ванной комнате у него была оборудована своего рода разделочная доска. – Он поежился. – От жертвы была отсечена не только нога.

Робин только порадовалась, что Страйк не стал уточнять. Она бы не выдержала подробностей.

– Кто ее нашел? – продолжал Страйк.

– Квартирная хозяйка, – ответил Уордл. – Женщина немолодая, вырубилась тут же. Кажется, ее инфаркт хватил. В Хаммерсмитскую больницу отвезли.

– А что ее сюда привело?

– Запашок. Соседи снизу позвонили. Вот она и решила заглянуть сюда с утра пораньше, до магазинов, чтобы застать эту Оксану дома. На звонок никто не ответил, и она отперла дверь своим ключом.

– Неужели соседи снизу ничего не слышали... ни криков... ни... шума?

– Дом переоборудован в расчете на студентов. Проку от них – как от козла молока, – бросил Уордл. – Музыка орет, дружки шлещутся в любое время дня и ночи. Когда мы спросили, не было ли слышно чего наверху, они вылупились, как бараны. У девчонки, которая позвонила хозяйке, случилась форменная истерика. Все твердила, что должна была позвонить сразу, как почуяла запах, и теперь не сможет себя простить.

– Да уж, тогда все было бы иначе, – подхватил Страйк. – Вы бы присобачили голову на место – и девушка стала бы как новенькая.

Уордл захохотал. Даже сержант Эквензи улыбнулась. А Робин резко встала. Вчерашнее вино и утренний круассан пошли не впрок. Жалобно извинившись, она выскользнула за дверь.

*I don't give up but I ain't a stalker,
I guess I'm just an easy talker.*

Blue Öyster Cult. «I Just Like To Be Bad»^[43]

– Спасибо, теперь я представляю, что такое черный юмор, – сказала Робин час спустя; ей было и досадно, и смешно. – Мы можем двигаться дальше?

Страйк уже раскаивался, что в кабинете для совещаний стал отпускать свои шуточки: после этого Робин минут двадцать провела в туалетной комнате и вернулась бледная как полотно, в легкой испарине и с мятным запахом изо рта, однозначно указывавшим, что она повторно чистила зубы. По предложению Страйка они не стали брать такси, а прошлись по свежему воздуху вдоль Бродвея до ближайшего паба «Фезерс», где заказали чай. Сам Страйк предпочел бы пиво, но Робин наверняка сочтет такой заказ неслыханной черствостью, потому как еще не свыклась с мыслью, что выпивка и кровь идут рука об руку.

В «Фезерс» было тихо – среда, половина двенадцатого. Они заняли столик в конце просторного зала, подальше от пары полицейских в штатском, которые сидели у единственного окна и вели приглушенный разговор.

– Когда ты выходила, я рассказал Уордлу про нашего друга в вязаной шапке, – начал Страйк. – Он обещал поставить на Денмарк-стрит своего топтуна – пусть несколько дней покараулит.

– Как по-твоему, журналисты опять нагрянут? – спросила Робин, которая еще не рассматривала эту перспективу.

– Надеюсь, нет. Уордл не собирается обнародовать фальшивые письма, чтобы не потакать этому уроду. Тот, по его мнению, из кожи вон лезет, чтобы меня подставить.

– А сам ты разве так не считаешь?

– Нет, – сказал Страйк. – Он не настолько примитивен. Там планы более изощренные.

Страйк умолк; Робин с пониманием отнеслась к ходу его мыслей и не мешала.

– Он нас терроризирует – вот как это называется, – медленно выговорил Страйк, почесывая небритый подбородок. – Хочет выбить у нас почву из-под ног, разрушить по мере сил нашу жизнь; и надо сказать, у него неплохо получается. К нам в контору заявляется полиция, нас с тобой вызывают в Ярд, мы теряем клиентов, у тебя...

– Насчет меня не беспокойся! – тут же перебила Робин. – Я не хочу, чтобы...

– Черт тебя раздери, – не выдержал Страйк, – мы оба видели вчера этого хмыря, Робин! Уордл вообще считает, что я должен приказать тебе сидеть дома и...

– Прошу тебя, – взмолилась Робин, хотя к ней вернулись утренние страхи, – не отстраняй меня от работы...

– Убийство – слишком высокая цена за уклонение от семейной жизни! Заметив, как она содрогнулась, он тут же пожалел об этих словах.

– Я не прикрываюсь этой работой, – прошептала Робин. – Я просто ее люблю. Сегодня утром меня едва не вытошнило от того, что я тебе вчера наговорила. Я боялась, как бы ты не счел, что я могу дать слабину.

– Вчерашние разговоры тут ни при чем, слабина тоже. Речь идет о психе, который, судя по всему, тебя отслеживает и который уже разрубил на части одну девушку.

Допив остывший чай, Робин промолчала. У нее подводило живот от голода. Но от мысли о том, чтобы заказать еду в пабе, где подавали только мясное, ее бросило в жар.

– Ясно же, что на его счету это не первое убийство, правда? – Вопрос Страйка прозвучал риторически; взгляд устремился за барную стойку, где на черной доске от руки были выведены названия имеющихся сортов пива. – Обезглавить, отрубить конечности, вынести куски туловища... К этому ведь надо подготовиться?

– Да, наверное, – согласилась Робин.

– Это было сделано со вкусом. Он устроил себе в ванной единоличную оргию.

Робин уже не знала, что терзает ее сильнее: тошнота или голод.

– Какой-то маньяк, садист, имеющий на меня зуб, решил соединить приятное с полезным, – размышлял вслух Страйк.

– Это указывает хотя бы на одного из твоих подозреваемых? – спросила Робин. – Которому из них, по твоим сведениям, уже случалось убивать?

– Ага, – кивнул Страйк. – На Уиттекера. Он убил мою мать.

Но совершенно иным способом, подумала Робин. Леду Страйк

отправили на тот свет иглой, а не ножами. Щадя чувства Страйка, сидевшего с сумрачным видом, Робин не стала озвучивать свои мысли. Но потом припомнила кое-что еще.

– Думаю, для тебя не секрет, – осторожно начала она, – что Уиттекер с месяц хранил у себя в квартире труп женщины?

– Да, слышал такое, – сказал Страйк.

Эта весть прилетела к нему на Балканы от сестры Люси. Он сразу нашел в интернете фото своего бывшего отчима, входящего в здание суда. Уиттекер был почти неузнаваем: короткая стрижка, борода. Его выдавали только золотистые глаза навывкате. Если Страйк правильно помнил, Уиттекер, по собственной версии, страшился «очередного ложного обвинения» в убийстве, из-за чего попытался забальзамировать тело покойной, а потом упаковал в мешки для мусора и спрятал под паркетом. Адвокаты внушили строгому судье, что новаторское решение их клиента было принято под сильным воздействием наркотиков.

– Но ведь он ее не убивал, верно? – спросила Робин, пытаясь поточнее вспомнить все, что прочла в Википедии.

– Тело пролежало месяц; вряд ли вскрытие показало точную картину, – ответил Страйк; зрелище, которое Штырь описал как «жесть», само собой всплыло перед глазами у Робин. – Я-то лично готов поспорить, что именно он ее и убил. Это как же должно не повезти бедняге, если две его сожительницы одна за другой умирают дома, пока он сидит рядом и никого не трогает? Его, Уиттекера, влекла смерть, влекла мертвая плоть. Он сам говорил, что в юности работал могильщиком. У него был клин насчет трупов. Кто считал его закоренелым готом, кто – дешевым позером: эти некрофильские стишки, «Сатанинская библия», Алистер Кроули – все это дерьмо, но это был злобный, бесстыжий ублюдок, который каждому встречному и поперечному хвалился, какой он злобный, бесстыжий ублюдок... и что в итоге? Женщины ему на шею вешались. Мне надо выпить.

Поднявшись со своего места, Страйк направился к стойке бара.

Робин смотрела ему в спину, слегка озадаченная этой внезапной вспышкой гнева. Мнение о том, что Уиттекер – дважды убийца, не подтверждалось ни судебными решениями, ни, насколько знала Робин, имевшимися у следствия уликами. Она уже привыкла к той тщательности, какую требовал ее босс при сборе и записи фактов, к его присказке о том, что чутье и личные антипатии – вещи полезные, но не они должны определять направление расследования. Но конечно, если дело касалось родной матери...

Страйк вернулся с пинтой светлого эля «Николсонз» и двумя картами меню.

– Извини, – пробормотал он, делая большой глоток. – Накатило давно забытое. Стишки эти, будь они трижды прокляты.

– Я понимаю, – сказала Робин.

– Черт побери, ну не мог этого сделать Диггер, – в отчаянии проговорил Страйк, запустив пальцы в тугие завитки волос, оставшиеся после этого в первозданном виде. – Он же профессиональный гангстер! Знай он, что это я дал показания в суде, он бы в отместку давно пустил мне пулю в лоб. И не стал бы заморачиваться отрубленными ногами и текстами песен, зная, что это наведет на его след полицию. Он же деловой человек.

– А Уордл до сих пор подозревает только его?

– Ага, – сказал Страйк, – но кто-кто, а он-то должен знать, что делопроизводство, основанное на анонимных показаниях, держится в строжайшей тайне. Иначе у нас весь город был бы завален трупами фараонов.

От дальнейшей критики Уордла он воздержался, хотя и с трудом. Парень держался предупредительно и участливо, а мог бы ставить палки в колеса. Страйк не забыл, как в прошлый раз при контакте с полицией его промурыжили в допросной битых пять часов исключительно по прихоти раздосадованных офицеров.

– А что там слышно насчет тех двоих, которых ты знаешь по армейской службе? – Робин понизила голос, потому что за соседним столиком устраивалась компания секретарского вида девушек. – Я имею в виду Брокбэнка и Лэйнга. Они убивали? Нет, я понимаю, – оговорила она, – оба были солдатами, но помимо военных действий?

– Ничуть не удивлюсь, если у Лэйнга руки в крови, – сказал Страйк, – но перед тюрягой, насколько мне известно, до убийства он не доходил. Хотя порезал бывшую жену, это я знаю доподлинно: связал и порезал. Отмотал десятку, но вряд ли перевоспитался. Откинулся четыре с лишним года назад: этого вполне достаточно, чтобы совершить убийство. Я тебе не рассказывал: в Мелроузе у меня была встреча с его бывшей тещей. Она считает, после освобождения он уехал в Гейтсхед, а по нашим с тобой сведениям, в две тысячи восьмом, скорее всего, проживал в Корби... но ко всему прочему, – добавил Страйк, – она мне сообщила, что он болен.

– Чем же, интересно?

– Какой-то формой артрита. Подробности она не знает. Скажи, разве по плечу ослабевшему человеку совершить то, что мы видели на снимках? – Страйк раскрыл меню. – Так. Я проголодался как волк,

да и ты двое суток одними чипсами питаешься.

Когда Страйк заказал себе сайду с жареным картофелем, а Робин – традиционный бутерброд с сыром и пикулями, беседа приняла новый поворот.

– Как по-твоему, на какой возраст выглядела жертва? – спросил Страйк. – Неужели на двадцать четыре?

– Я... я не уверена, – забормотала Робин, попытавшись, но так и не сумев заблокировать видение головы с гладкими пухлыми щеками и промерзшими насквозь глазами. – Нет, – после краткой паузы продолжила она. – Мне показалось... она... выглядела моложе.

– Вот и мне тоже.

– Я сейчас... на минуту... – выдавила Робин, вставая.

– Тебе нехорошо?

– Да просто по-маленькому... чаем опилась.

Он проводил ее взглядом и, осушив свою пинту, начал обдумывать одну версию, которой пока не поделился с Робин и вообще ни с кем другим. В Германии знакомая женщина-дознаватель показала ему некое школьное сочинение. Страйку врезалась в память последняя строка, выведенная аккуратным девчоночьим почерком на бледно-розовом листке.

*Девушка взяла себе имя Анастасия и перикрасила волосы
и никто не узнал куда она подевалась, она просто исчезла.*

– Тебе самой хочется поступить точно так же, верно, Бриттани? – негромко спросила дознавательница на видео, которое Страйк отсмотрел позже. – Тебе хочется убежать и просто исчезнуть?

– Это всего лишь сочинение! – упорствовала Бриттани, пытаясь выдать презрительный смешок; она сцепляла мизинцы и почти обернула одну ногу вокруг другой. Бледное веснушчатое лицо обрамляли жидкие белесые волосы, очки то и дело сползали; Страйку она напоминала желтую канарейку. – Я все это выдумала!

В ближайшие дни должны были прийти результаты анализа ДНК, незаменимые для установления личности убитой, после чего полиция начнет запоздало устанавливать, кем в действительности была Оксана Волошина – если это ее настоящее имя. Страйк уже начал подозревать у себя паранойю: его преследовала мысль, что в том холодильнике хранилось тело Бриттани Брокбэнк. Но почему в первом письме, поступившем на его имя, стояло имя Келси? Почему лицо выглядело таким юным, по-детски гладким?

– Мне пора к Платине, – с грустью сказала Робин, которая вернулась и посмотрела на часы.

Похоже, одна из секретарш за соседним столиком отмечала свой день рождения: под визгливый смех подружек она извлекла из пакета красно-черный корсет.

– Можно не спешить, – рассеянно сказал Страйк в тот самый момент, когда перед ними поставили рыбу с жареной картошкой для него и бутерброд с сыром для Робин.

Пару минут Страйк молча жевал, а потом опустил нож и вилку, чтобы достать блокнот, просмотрел какие-то записи, сделанные у Хардэйкра в Эдинбурге, и взялся за мобильный. Робин, ничего не понимая, смотрела, как он вводит текст.

– Вот так, – только и сказал Страйк, перечитав набранное сообщение, – завтра выезжаю в Бэрроу-ин-Фернесс.

– Ты... завтра?.. – смешалась Робин. – Зачем?

– Там сейчас Брокбэнк – по крайней мере, так официально считается.

– Откуда ты знаешь?

– В Эдинбурге я выяснил, что в этот город переводится его пенсия, а сейчас сопоставил это с его старым домашним адресом. Сейчас там проживает некая Холли Брокбэнк. Определенно родственница. Уж она-то знает, где его искать. Если я смогу установить, что за последний месяц он не выезжал за пределы Кумбрии, то мы удостоверимся, что никакие ноги он не отсылал и в Лондоне за тобой не следил, согласна?

– Насчет Брокбэнка ты мне чего-то недоговариваешь, да? – Серо-голубые глаза Робин сузились.

Страйк пропустил ее вопрос мимо ушей.

– Я хочу, чтобы во время моего отсутствия ты сидела дома. Болван Повторный сам будет виноват, если Платина спутается с другим папиком. А мы обойдемся без его бабла.

– Тогда у нас останется один-единственный клиент, – заметила Робин.

– Сдается мне, у нас не останется ни одного, если этот псих будет разгуливать на свободе, – сказал Страйк. – Люди станут шарахаться от нас как от чумы.

– Как думаешь добираться до Бэрроу? – спросила Робин.

У нее назревал план. Не предвидела ли она такую возможность с самого начала?

– Поездом, – ответил он. – Ты же знаешь, взять напрокат автомобиль мне сейчас не по карману.

– В таком случае, – торжествующе начала Робин, – я отвезу тебя

в новом – нет, он конечно, не новый, но бегают отлично – «лендровере»!

– С каких это пор у тебя появился «лендровер»?

– С воскресенья. Древний родительский конь.

– Так-так, – сказал Страйк. – Это же просто здорово...

– Но?

– Он был бы сейчас очень кстати...

– *НО?* – Робин чувствовала, что он чего-то недоговаривает.

– Я не знаю, сколько придется там торчать.

– Какая разница? Все лучше, чем дома томиться.

Страйк колебался. Не потому ли она так легко согласилась, что хочет ужалить Мэтью? – думал он. Нетрудно было представить, какотреагирует молодой финансист на поездку невесты к черту на рога в компании с боссом, да еще более чем на сутки. Еще не хватало, чтобы рабочие отношения использовались для возбуждения ревности в семье.

– Тьфу, дьявольщина! – вырвалось вдруг у Страйка; он вновь полез в карман за мобильным.

– Что такое? – встревожилась Робин.

– Совсем забыл... Вчера вечером у меня было назначено свидание с Элин. Черт... из головы вылетело. Жду тебя на улице.

Он вышел, предоставив Робин доедать бутерброд в одиночестве. «Почему же, – думала она, глядя, как Страйк, прижавший к уху мобильник, прохаживается по тротуару за высокими, во всю стену, окнами, – Элин не позвонила и не прислала сообщение, чтобы выяснить, где находится Страйк?» А отсюда был один шаг до другого вопроса, который встал перед ней впервые, независимо от подозрений Страйка: что скажет Мэтью, если она забежит домой за «лендровером» и дорожной сумкой, чтобы исчезнуть на неопределенный срок?

«Не ему жаловаться, – думала она, собирая дерзость в кулак. – К нему это больше не имеет никакого отношения».

И все же мысль о предстоящей встрече, пусть краткой, выводила ее из равновесия.

Страйк вернулся, закатывая глаза.

– Получил по мозгам, – кратко сообщил он. – Сегодня уже не отмотаться.

Робин не знала, почему от сообщения о предстоящем свидании Страйка с Элин у нее испортилось настроение. Она приписала это усталости. Напряженность и эмоциональные потрясения минувших полутора дней невозможно было снять одним лишь заходом в паб. Секретарши за соседним столиком захлебывались от хохота:

из следующего пакета выпала пара пушистых наручников.

«Нет, это не день рождения, – сообразила Робин. – Девушка выходит замуж».

– Так что: везти тебя или нет? – резко спросила она.

– Вези, – ответил Страйк, который, судя по всему, потеплел к этой затее (или просто воодушевился от предстоящего свидания с Элин?). – Знаешь, это отличная мысль. Спасибо.

Moments of pleasure, in a world of pain.

Blue Öyster Cult. «Make Rock Not War»^[44]

На следующее утро верхушки деревьев Риджентс-парка тяжелой, мягкой паутиной накрыл туман. Страйк мгновенно выключил будильник, чтобы не проснулась Элин, и, балансируя на одной ноге, остановился у окна за шторой. С минуту он не мог оторваться от зрелища окутанной туманом листвы на фоне восходящего солнца. Если остановиться и приглядеться, красоту можно найти почти всюду, но, когда каждый новый день дается с боем, об этой бесплатной роскоши как-то забываешь. Похожие воспоминания он вынес из детства: в Корнуолле первое, что бросалось в глаза по утрам, – это сверкание моря, синего, как крыло мотылька; загадочный изумрудно-тенистый мир зарослей гуннеры в саду «Треба»; далекие белые паруса, покачивающиеся, как птицы, на шумливых серо-стальных волнах.

У него за спиной Элин завздыхала и заворачивалась на темной кровати. Страйк осторожно вышел из-за шторы, взял прислоненный к стене протез и, чтобы его пристегнуть, сел в кресло. Потом, стараясь двигаться без малейшего шороха, схватил в охапку одежду и пошел в ванную.

Накануне вечером у них вышла первая размолвка: своего рода вежа в отношениях. Предостережением должно было послужить молчание Элин после пропущенного им во вторник свидания, но нет – его целиком поглотила история с Робин и расчлененным трупом. Когда Страйк позвонил, чтобы извиниться, ответом ему была ледяная холодность, но быстрое согласие Элин перенести свидание на другой день усыпило его бдительность: он не догадывался, что через сутки, уже очно, встретит такой же ледяной прием. После ужина, сопровождавшегося натянутой, томительной беседой, Страйк предложил, что лучше ему будет уйти и оставить Элин наедине с ее обидами. Когда он уже потянулся за своим пальто, она на мгновение вспыхнула гневом, но схватка все же кое-как свелась вничью: Элин разразилась слезливой, полуизвинительной тирадой, из которой Страйк узнал, во-первых, что она посещает психотерапевта, во-вторых, что психотерапевт находит у нее признаки пассивно-агрессивного расстройства и, в-третьих, что во вторник Элин от огорчения выпила

в одиночку перед телевизором целую бутылку вина. Страйк еще раз извинился, сослался на неожиданно трудное, запутанное дело, искренне раскаялся в собственной забывчивости, но повторил, что все же лучше ему будет уйти, если он не заслужит прощения.

Элин бросилась к нему в объятия, после чего они сразу рухнули в постель. Секс был самым лучшим за все время их краткого знакомства.

Бреясь в безукоризненной ванной Элин, с утопленными лампочками и белоснежными полотенцами, Страйк размышлял, как дешево отделался. Посмей он не прийти на свидание к Шарлотте, своей бывшей возлюбленной, с которой они то сходились, то расходились на протяжении шестнадцати лет, – ему бы пришлось зализывать физические увечья, разыскивать свою даму сердца промозглой предрассветной порой или удерживать от прыжка с балкона. Свое отношение к Шарлотте он называл любовью и более сильного чувства не испытывал ни к одной другой женщине. Но если судить по душевным ранам и затяжным последствиям, это скорее была вирусная инфекция, от которой он до конца не отделался по сей день. Для избавления от симптомов болезни он сам назначил себе лечение: не встречаться, не звонить, не вспоминать новый адрес электронной почты, с которого она прислала ему свое печальное фото в день бракосочетания со старым приятелем. И все же Страйк понимал, что болезнь оставила свой след, что прежняя способность к обостренным чувствам угасла. Вчерашние обиды Элин не задели его за живое, в отличие от былых скандалов Шарлотты. Ему будто бы отсекали нервные окончания, из-за чего способность любить притупилась. Он не собирался ранить Элин, огорчался из-за ее слез, но дар сопереживания иссяк. Пока она рыдала, он невольно планировал пути к отступлению.

Одевшись в ванной, Страйк бесшумно вышел в тускло освещенную прихожую и сложил бритвенные принадлежности в дорожную сумку, упакованную для поездки в Бэрроу-ин-Фернесс. По правую руку была приоткрыта какая-то дверь. Он распахнул ее шире – непонятно для чего. За ней оказалась детская, принадлежавшая маленькой девочке, которую Страйк никогда не встречал: здесь она спала, когда ее не забирал к себе отец. В бело-розовой спальне царил безупречный порядок, на потолке вдоль карниза красовалось панно с изображением фей. На полке аккуратным рядом сидели бессмысленно улыбающиеся куклы Барби, с острыми грудками, оттопыривающими радугу аляповатых платьев. На полу, возле кровати с балдахином, лежал искусственный ковер с головой белого медведя.

С маленькими девочками Страйк, по сути, не сталкивался. У него было двое крестников (в свое время не смог отказать) и трое племянников. Его самый старинный друг, живущий в Корнуолле, произвел на свет дочерей, но Страйк с ними почти не общался: они проносились мимо ураганом конских хвостиков и мимолежного «Здрасте, дядя Корм, пока, дядя Корм». Рос он, естественно, с сестрой, у которой, как ни мечтай, ниоткуда не могла появиться бело-розово-зефирная кровать с балдахином. У Бриттани Брокбэнк был мягкий львенок. Вспомнился он неожиданно, при виде этого белого медведя на полу. Мягкий львенок с забавной мордочкой. Одетый в розовую балетную юбочку, он лежал на диване, когда отчим девочки бросился на Страйка с зазубренным бутылочным горлышком.

Шаря в кармане, Страйк вернулся в прихожую. Он всегда носил с собой блокнот и ручку. Сейчас он написал краткую записку Элин, намекнув на лучшую часть минувшей ночи, и оставил ее на столике в прихожей. Потом, так же бесшумно, как было проделано все остальное, Страйк перебросил через плечо сумку и вышел из квартиры. На восемь утра у него была назначена встреча с Робин у станции «Уэст-Илинг».

Когда над Гастингс-роуд развеивались последние клочки тумана, Робин, взволнованная и сонная, вышла из дому, неся в одной руке авоську с провизией, а в другой дорожную сумку. Она отперла заслуженный серый «лендровер», бросила в багажник сумку и, не выпуская из рук провизии, направилась к водительскому месту.

Только что Мэтью пытался обнять ее на прощание, а она обеими руками упиралась в его гладкую, теплую грудь и кричала, чтобы он оставил ее в покое. На нем были только трусы-боксеры. Робин боялась, что он сейчас наскоро оденется и бросится следом. Она хлопнула дверцей и накинула ремень безопасности, спеша отъехать, но стоило ей повернуть ключ зажигания, как Мэтью, босой, в футболке и спортивных штанах, выскочил из дома. Никогда еще Робин не видела его таким беззащитным, таким уязвимым.

— Робин! — позвал он, когда она нажала на газ и отъехала от кромки тротуара. — Я люблю тебя. *Я тебя люблю!*

Опасно вывернув руль, она отъехала от бордюра, чудом не зацепив соседскую «хонду». В зеркале заднего вида фигура Мэтью уменьшалась; всегда абсолютно сдержанный, он в полный голос возвещал о своей любви, рискуя вызвать любопытство и насмешливое презрение соседей.

У Робин отчаянно колотилось сердце. Четверть восьмого: Страйк еще

не пришел к месту встречи. В конце улицы она свернула налево, только чтобы оказаться подальше от Мэтью.

Он вскочил на рассвете, когда она потихоньку собирала вещи.

– Ты куда?

– Помочь Страйку в расследовании.

– Надолго?

– Возможно.

– Где собираешься ночевать?

– Пока не знаю.

Она боялась назвать точное место назначения, чтобы он не вздумал увязаться следом. Ее поразило вчерашнее поведение Мэтью. Он плакал, умолял. Таким он не представлял перед ней со дня смерти своей матери.

– Робин, нам надо поговорить.

– Мы поговорили достаточно.

– Твоя мама знает, куда ты отправляешься?

– Знает.

Робин солгала. Она даже не упоминала матери, что помолвка дала трещину и что ей предстоит поездка на север страны вдвоем со Страйком. В конце-то концов, ей уже двадцать шесть лет – она не обязана докладывать маме о каждом своем шаге. На самом деле она прекрасно понимала, что Мэтью интересуется совсем другое: известила ли она маму об отмене свадьбы. Ясно же: будь их помолвка, как прежде, незыблемой, Робин не села бы в «лендровер», чтобы умотать неизвестно куда со Страйком. Сапфировое колечко невесты лежало там, где она его оставила, – на книжной полке, рядом со старыми учебниками Мэтью по бухгалтерскому учету.

– Вот черт! – прошептала Робин, смахивая слезы и наугад поворачивая с одной улицы на другую; она старалась не думать про свой оголившийся палец, не вспоминать страдальческое лицо Мэтью.

Короткая прогулка увела Страйка намного дальше, чем показывало простое физическое расстояние. Ничего удивительного, напомнил он себе, закуривая первую сигарету, это же Лондон. Отправляешься от спокойной, симметричной террасы Нэша, похожей на скульптуру из сливочного пломбира. Сосед Элин, русский, в элегантном деловом костюме, сидел в «ауди» и одарил Страйка небрежным кивком в ответ на его «доброе утро». Несколько шагов по Бейкер-стрит мимо силуэтов Шерлока Холмса – и вот уже ты сидишь в затхлом вагоне метро, среди болтливых работяг-поляков, бодрых и собранных в семь утра. Затем – суетливый Паддингтон:

пробиваешься с сумкой через плечо сквозь толпу мимо привокзальных кафешек. И под конец несколько остановок на «подкидыше» Хитроу-коннект, где рядом с тобой оказывается многочисленное семейство из Западных графств, уже одетое для Калифорнии, невзирая на утренний холод: как нервные сурикаты, разглядывают перронные вывески и сжимают ручки чемоданов, будто ожидая неминуемого ограбления.

На станцию «Уэст-Илинг» Страйк прибыл за пятнадцать минут до назначенного времени; ему до смерти хотелось курить. Опустив сумку к ногам, он зажег сигарету и понадеялся, что Робин не будет слишком спешить: вряд ли она позволит ему курить в «лендровере». Но не успел он сделать и пары желанных затяжек, как из-за угла вывернул похожий на гроб автомобиль; за лобовым стеклом виднелась золотисто-рыжая голова Робин.

– Я не возражаю! – крикнула она, перекрывая шум двигателя, когда Страйк поднял сумку и приготовился загасить сигарету. – Только окно открой.

Он залез в машину, бросил сумку назад и захлопнул дверцу.

– Хуже, чем сейчас тут пахнет, уже не будет, – сказала Робин, ловко управляясь с тугими рычагами. – Псиной разит.

Страйк пристегнулся и окинул взглядом салон с потертой, изодранной обивкой. Действительно, в нос шибало резиновыми сапогами и лабрадоровой шерстью. С одной стороны, это напомнило Страйку военный транспорт, каким он пользовался в Афганистане и Боснии, а с другой – приоткрыло завесу над прошлым Робин. Этот «лендровер» повидал немало целины и грунтовых дорог. Страйку вспомнилось, как Робин говорила, что ее дядя жил на ферме.

– У тебя когда-нибудь был свой пони?

Робин покосилась на него с удивлением. Страйк успел заметить ее набухшие веки, бледное лицо. Она явно не выспалась.

– А что?

– На такой машине сподручно в манеж ездить.

Робин ответила с легким вызовом:

– Представь себе, был.

Страйк посмеялся, до упора опустил стекло и высунул из салона руку с сигаретой.

– Что смешного?

– Сам не знаю. Как его звали?

– Ангус. – Она свернула влево. – Негодяй был порядочный. Так и норовил меня сбросить.

– Я лошадям вообще не доверяю, – затягиваясь, изрек Страйк.

– А ты ездил верхом? – Теперь настал черед Робин улыбаться. Она подумала, что в седле Страйк чувствовал бы себя весьма некомфортно.

– Нет, – ответил Страйк. – И не собираюсь.

– А у моего дяди есть лошади, которые могли бы даже тебя выдержать, – сказала Робин. – Тяжеловозы клайдесдальской породы. Здоровенные.

– Намек понял, – сухо сказал Страйк, и Робин рассмеялась.

Она молча, сосредоточенно лавировала среди возрастающих потоков утреннего транспорта, и Страйк отметил, как ему нравится ее смех. Признал он и кое-что другое: ему куда приятней было сидеть с Робин в этом старом рыдване и трепаться о всякой ерунде, чем ужинать с Элин. Он не относился к тем мужчинам, которые тешат себя удобной ложью. Можно было, к примеру, внушить себе, что Робин символизирует дружескую непринужденность, а Элин – опасности и удовольствия интимных отношений. Но он понимал: истина на самом-то деле куда сложнее, особенно если учесть, что на пальце у Робин больше не сверкало кольцо невесты. Практически с самой первой их встречи он понимал, что Робин представляет опасность для его душевного равновесия, но ставить под угрозу самые идеальные рабочие взаимоотношения было бы актом сознательного саботажа, который он при всем желании не мог себе позволить после разрушительного переменчивого романа, после невероятных усилий, каких потребовало создание собственного бизнеса.

– Ты намеренно делаешь вид, что не слышишь?

– Что?

Вполне возможно, что он и в самом деле ее не слышал: старый движок «лендровера» слишком гремел.

– Я спросила, как у вас дела с Элин.

Она никогда не задавала личных вопросов. Страйк решил, что признания двухдневной давности подтолкнули их к новой черте. Он по возможности предпочел бы откат на старые рубежи.

– Нормально, – ответил он, не поощряя дальнейших расспросов, но выбросил сигарету и немного поднял стекло, отчего в автомобиле стало чуть тише.

– Значит, она тебя простила?

– За что?

– За то, что ты напрочь забыл о свидании! – напомнила Робин.

– Ах вот оно что. Ну да. То есть нет... В общем, да.

При повороте на трассу А40 неопределенное высказывание Страйка вызвало у Робин внезапное, яркое видение: Страйк, с волосатой грудью

и полутора ногами, сплетается на белоснежных простынях с алебастровой блондинкой Элин... Простыни Элин виделись ей именно белоснежными, нордически-чистыми. Наверняка сама она не снисходила до стирки. Элин принадлежала к самой верхушке среднего класса: такие не гладят свое постельное белье перед телевизором в тесной гостиной Илинга.

– А что там Мэтью? – поинтересовался Страйк при выезде на автостраду. – Как он отреагировал?

– Вполне достойно, – ответила Робин.

– Наглая ложь, – сказал Страйк.

Хотя у Робин вырвался очередной смешок, ей не хотелось вдаваться в детали на фоне такой скрытности Страйка.

– Он хочет воссоединения.

– Неудивительно, – бросил Страйк.

– Почему это «неудивительно»?

– Если мне не дозволено набиваться на комплименты, то тебе тоже.

Робин не нашлась с ответом, но испытала легкое тепло удовольствия. Вроде Страйк впервые дал понять, что видит в ней женщину, и она молча завязала для себя узелок на память, чтобы обдумать это позже, в одиночестве.

– Он извинился и попросил меня снова надеть кольцо. – Остаточная верность жениху не позволила ей упомянуть слезы и мольбы. – Но я...

У нее дрогнул голос, и Страйк, который не возражал послушать дальше, воздержался от вопросов, опустил стекло и закурил новую сигарету.

На станции обслуживания «Хилтон-парк» они остановились выпить кофе. Страйк занял очередь в «Бургер-Кинг», а Робин отошла в туалет. Перед зеркалом она проверила мобильный. Как и следовало ожидать, ей пришло сообщение от Мэтью, но тон уже не был ни умоляющим, ни даже примирительным.

Если ты с ним переспишь, между нами все кончено. Не думай, это не око за око. Сара – дело прошлое, мы были зелены, и я не хотел тебя травмировать. Подумай, что ты собираешься растоптать, Робин. Я тебя люблю.

– Извините. – Робин посторонилась, пропуская раздраженную девушку к сушилке для рук.

Она еще раз прочла эсмэску. Ее удовлетворила вспышка злобы, которая заслонила смесь жалости и боли, оставшуюся после утренней

сцены. Вот он, Мэтью, подумала она, весь как на ладони: «Если ты с ним переспшишь, между нами все кончено». Значит, он не воспринял всерьез, когда она сняла кольцо и сказала, что не стремится за него замуж? Все будет кончено только тогда, когда заблагорассудится ему, Мэтью? «Это не око за око». Ее неверность по определению хуже, чем его. Для него ее поездка на север страны – просто упражнение в мести; убитая девушка и гуляющий на свободе убийца – просто предлог для женской злости.

Да пошел ты, подумала Робин, засунула телефон в карман и вернулась в кафе, где Страйк доедал двойной круассан с сосиской и беконом.

Заметив ее раскрасневшееся лицо и стиснутые зубы, он догадался, что без Мэтью тут не обошлось.

– Все в порядке?

– Да, все прекрасно, – ответила Робин и, не дав ему продолжить расспросы, сама спросила: – Ты вообще собираешься рассказать мне про Брокбэнка?

Это прозвучало чуть более агрессивно, чем она хотела. Ее выбил из колеи не только тон сообщения Мэтью, но и вызванная им мысль о том, где они со Страйком сегодня будут ночевать.

– Если ты настаиваешь, – мягко ответил Страйк.

Он вывел на дисплей фото Брокбэнка, переснятое с компьютера Хардэйкра, и через стол передал свой мобильный Робин.

Робин принялась разглядывать длинное, смуглое лицо под густой копной волос, необычное, но не лишенное привлекательности. Слово читая ее мысли, Страйк сказал:

– Сейчас он не так хорош. Тут он снят при поступлении на военную службу. Теперь у него одна глазница утоплена и ухо деформировано.

– Какого он роста? – спросила Робин, вспоминая курьера с зеркальным щитком, возвышавшегося над ней у подъезда.

– Моего или чуть повыше.

– Говоришь, вы познакомились в армии?

– Так точно, – подтвердил Страйк.

Она уже подумала, что на этом рассказ будет окончен, но сообразила, что Страйк попросту выжидает, когда пожилая пара, медлившая в поисках свободных мест, отойдет подальше. Потом он продолжил.

– Брокбэнк был майором, служил в Седьмой бронетанковой бригаде. Женился на вдове погибшего однополчанина. Взял ее с двумя маленькими дочерьми. Потом у них родился общий ребенок, мальчик.

Факты, освеженные в памяти после знакомства с личным делом Брокбэнка, лились свободно, но Страйк, по правде сказать, никогда их

не забывал. Это дело было из разряда тех, что преследуют тебя всю жизнь.

– Старшую падчерицу звали Бриттани. Когда ей исполнилось двенадцать лет, она призналась школьной подруге в Германии, что подверглась сексуальному насилию. Подружка рассказала своей матери, а та написала заявление. Нас вызвали для расследования... сам я с ней не беседовал, для этого прибыла женщина-офицер. Я только отсматривал запись.

Его убило то, что девочка старалась вести себя собранно, как взрослая. Она была в ужасе от того, что ожидало их семью в результате ее болтовни, и пыталась взять свои слова обратно.

Нет, естественно, она не говорила Софи, что он грозился, если она на него донесет, убить младшую сестренку! Нет, Софи, строго говоря, не лгала – она просто пошутила, вот и все. Она спросила у Софи, как можно избавиться от ребенка, потому что... потому что ей стало любопытно: всех девочек интересуют такие вопросы. Нет, конечно, он не говорил, что искромсает мать на куски, если та проболтается... а что нога? А, вот здесь... ну, это тоже шутка... все это шутки... он говорил, мол, у нее из-за того шрамы на ноге, что он, когда она была маленькая, чуть не отрезал ей ногу, но вошла мама и увидела. Он сказал – вот спросите у мамы, – что это ей наказание, чтобы впредь не топтала его клумбы, но это, конечно, была шутка. В раннем детстве она запуталась в колючей проволоке и сильно порезалась, когда пыталась высвободиться. Вот спросите у мамы. Никого он не резал. Разве папочка стал бы ее резать? Да ни за что.

Невольная гримаса, с которой она произнесла «папочка», до сих пор не шла у Страйка из головы: девочку словно заставили под страхом наказания проглотить сырые потроха. В двенадцать лет она уже понимала: для ее родных жизнь будет сносной лишь в том случае, если она прикусит язык и будет безропотно сносить все, чего он от нее потребует.

Страйк с первой встречи невзлюбил миссис Брокбэнк. Тощая, густо размазанная, она, вероятно, тоже была своего рода жертвой, но у Страйка сложилось впечатление, что она умышленно отдала на растерзание Бриттани, чтобы спасти двоих младших детей, что сознательно закрывала глаза на длительные отъезды мужа вместе со старшей дочерью, что в своем решении отгородиться от правды превратилась в соучастницу. Брокбэнк пригрозил Бриттани: заикнись она о том, что он проделывает с ней в машине, в окрестных лесах и в темных переулках, он убьет мать и сестру. Покрошит их всех на кусочки и закопает в саду. А потом заберет с собой Райана – младенца-сына, единственного, кто представлял для него хоть

какую-то ценность, – и увезет туда, где их никогда не найдут.

«Да это же просто шутка! Я ничего такого не имела в виду».

Тонкие пальцы подергивались, очки сползли набок, ноги не доставали до пола. От медицинского осмотра она отказывалась наотрез и так и продолжала отказываться, когда Страйк и Хардэйкр явились домой к Брокбэнку для задержания.

– При виде нас он впал в ярость. Я изложил ему цель нашего прихода, и он бросился на меня с горлышком от разбитой бутылки. Я его вырубил, – без тени бравады поведал Страйк, – но совершенно напрасно. В этом не было необходимости.

Он никогда еще не признавался в этом вслух, притом что Хардэйкр (который всецело поддерживал его в ходе расследования) тоже об этом знал.

– Раз он бросился на тебя с горлышком от бутылки...

– Я мог бы отобрать у него «розочку», не причиняя телесных повреждений.

– Но по твоим словам, это здоровенный...

– Он был порядком пьян. Я мог бы скрутить его, не избивая. Тем более что Хардэйкр находился рядом – двое против одного. По правде говоря, я был рад, что он на меня бросился. Я сам хотел ему врезать. Правым хуком вырубил его подчистую... из-за этого он вышел сухим из воды.

– Вышел сухим...

– Был оправдан, – сказал Страйк. – Вчистую.

– Как же так?

Страйк отпил кофе; взгляд затуманился от воспоминаний.

– Его тогда увезли в больницу. От сотрясения мозга у него случился сильный эпилептический припадок. Черепно-мозговая травма.

– О боже... – выдохнула Робин.

– Для остановки мозгового кровотечения ему потребовалась срочная операция. Припадки не прекращались. У него диагностировали травматическое повреждение головного мозга, посттравматическое стрессовое расстройство и алкоголизм. Таким образом, он оказался неподсуден. Адвокаты встали грудью. Меня обвинили в умышленном нанесении телесных повреждений. К счастью, моя защита установила, что за неделю до того случая он играл в регби. Копнув поглубже, узнали, что он получил коленом по голове от валлийца весом более центнера и был унесен с поля на носилках. Поскольку он был весь в грязи и ссадинах, фельдшер проглядел кровотечение из уха и отправил его домой отдыхать. Оказалось, у него был перелом основания черепа, что выяснилось лишь

после того, как мои адвокаты заставили врачей посмотреть рентгеновские снимки, сделанные после матча. То есть перелом основания черепа – это подарок не от меня, а от валлийского нападающего. И все равно, не будь у меня такого свидетеля, как Харди, мне бы впаяли по полной. В конце концов все же постановили, что я действовал в пределах самообороны. Откуда мне было знать, что у него уже есть трещина в черепе и какой вред ему нанесут побои. Между тем у него в компьютере нашли детское порно. Рассказ Бриттани совпадал с показаниями свидетелей, которые часто видели, как отчим увозит ее куда-то в машине. Допросили также школьную учительницу; та показала, что в школе Бриттани ведет себя все более замкнуто. Два года он ее насиловал, грозя убить мать, сестру и ее саму, если только она проговорится. Он убедил ее, что когда-то уже собирался отрезать ей ногу. Вокруг лодыжки у нее были множественные шрамы. Он внушил ей, что уже начал отпиливать в том месте ногу, но тут появилась ее мать и остановила его. Мать на допросе сказала, что шрамы остались после несчастного случая, который произошел с дочерью в раннем детстве.

Робин молчала, зажав рот ладонями и широко раскрыв глаза. Ее испугало выражение лица Страйка.

– Он долго лежал в больнице: врачи не могли снять припадки, а когда кто-нибудь пытался его допросить, он симулировал растерянность и амнезию. Вокруг него так и вились адвокаты, почуявшие жирный куш: врачебная халатность, нанесение телесных повреждений. Он заявил, что в свое время сам стал жертвой насилия и тяга к детскому порно – это всего лишь симптом умственного расстройства, алкоголизма. Бриттани настаивала, что сама все выдумала, мать орала, что Брокбэнк пальцем не трогал детей и был им прекрасным отцом, что она потеряла первого мужа и вот-вот потеряет второго. Командование было заинтересовано развалить дело. Брокбэнка комиссовали по инвалидности, – сказал Страйк, встретившись своими темно-кариими глазами с серо-голубыми глазами Робин. – Он остался безнаказанным, получил выходное пособие, пенсию – и смылся вместе с Бриттани.

*Step into a world of strangers
Into a sea of unknowns...*

Blue Öyster Cult. «Hammer Back»^[45]

Грохочущий «лендровер» стоически пожирал мили, но поездка к северу уже стала казаться нескончаемой – и тут появились первые приметы Бэрроу-ин-Фернесса. На карте было неочевидно, какое далекое и уединенное место являет собой этот порт. Бэрроу-ин-Фернесс не был рассчитан на сквозной проезд или случайное посещение. Вещь в себе, он оказался географическим тупиком.

Они проехали через южную границу Озерного края, мимо холмистых полей с отарами овец, стенами, сложенными из камней, и живописными деревушками, напомнившими Робин дом ее детства в Йоркшире; потом через Ульверстон («родина Стэна Лорела»^[46]) и наконец увидели широкое устье, которое указывало на близость моря. Уже за полдень они оказались у неприглядной промышленной зоны, со складскими и фабричными зданиями по обе стороны дороги. Это была городская окраина.

– Прежде чем идти к Брокбэнку, нужно перекусить, – сказал Страйк, в последние пять минут не отрывавшийся от карты Бэрроу. Электронные гаджеты он презирал, говоря, что бумага не требует загрузки и не реагирует на плохие условия приема. – Вот в той стороне будет парковка. На круге поверни направо.

Они проехали раздолбанный боковой вход на домашний стадион Бэрроу-рейдеров – «Крейвен-парк». Страйк смотрел во все глаза, надеясь случайно заметить Брокбэнка, и знакомился с приметами нового места. Рожденный в Корнуолле, он ожидал, что здесь повсюду можно будет видеть море, ощущать на языке морской привкус, но ему все время казалось, будто отсюда до моря сотни миль. По первым впечатлениям, это был гигантский пригородный торгово-промышленный центр. С обеих сторон главной улицы смотрели аляповато разрисованные стены промтоварных и строительных магазинов и пиццерий, а между ними изредка вклинивались неуместно гордые жемчужины архитектуры – знаки славного индустриального прошлого. Здание таможни в стиле ар-деко,

переоборудованное под ресторан. Украшенное классическими скульптурами викторианское техническое училище с надписью *Labor omnia vincit*^[47]. Немного поодаль – бесконечные ряды ленточной застройки, как на городских пейзажах Лоури^[48], – ульи для рабочих.

– Никогда не видел такого скопления пабов, – сказал Страйк, когда Робин заезжала на парковку.

Ему хотелось пива, но, памятуя о том, что *Labor omnia vincit*, он согласился на предложение Робин по-быстрому перекусить в ближайшем кафе.

Апрельский день выдался ясным, но порывистый ветер приносил с собой холод невидимого моря.

– Они себя не переоценивают, правда? – шепнул он, прочитав на вывеске название кафе: «Последнее прибежище».

Напротив располагались комиссионный магазин «Вторая попытка» и процветающий ломбард. Невзирая на свое нелестное название, «Последнее прибежище» оказалось вполне уютным и чистым заведением, облюбованным разговорчивыми старушками. Страйк и Робин вернулись на стоянку сытыми и вполне довольными.

– Если никого не окажется дома, за его жилищем будет не так-то легко наблюдать. – Когда они сели в «лендровер», Страйк показал Робин карту. – Там глухой тупик. Негде укрыться.

– А не приходило ли тебе в голову, – вырывая со стоянки, заговорила с оттенком легкомыслия Робин, – что «Холли» и «Ноэл» очень близкие понятия?^[49] Может, он пол сменил?

– Если так, найти его будет проще простого, – отреагировал Страйк. – На высоких каблуках, рост за два метра и ухо как цветная капуста. Давай-ка здесь направо, – добавил он, заведя ночной клуб «Голодранец». – Надо же. Зато сразу видно, что это не где-нибудь, а в Бэрроу.

Вид на море загораживало возвышавшееся впереди гигантское бежевое здание с вывеской «BAE Systems». Без единого окна, бесконечное, пустое, безликое, устрашающее.

– Сдается мне, что Холли – его сестра или очередная жена, – сказал Страйк. – Держись левее... его ровесница. Так, нам нужно на Стэнли-роуд... Похоже, это как раз в торце «BAE Systems».

Страйк не ошибся: Стэнли-роуд тянулась прямой линией: по одну сторону – жилые дома, по другую – высокая кирпичная стена с колючей проволокой наверху. За этим грозным барьером стояло странно-зловещее промышленное здание, белое, слепое, наводящее ужас одними своими

масштабами.

– «Граница ядерного объекта»? – прочла Робин вывеску на стене, сбросив скорость.

– Производство подводных лодок, – объяснил Страйк, глядя на колючую проволоку. – Повсюду запрещающие знаки – гляди.

В тупике было безлюдно. Он упирался в небольшую автостоянку и детскую игровую площадку. Припарковавшись, Робин обратила внимание на отдельные предметы, застрявшие в колючей проволоке на стене. Мячик определенно залетел туда по случайности, но рядом с ним виднелась розовая кукольная коляска, уж вовсе недоступная. Она вызывала странное чувство: кто-то специально зашвырнул ее повыше.

– Зачем ты выходишь? – спросил Страйк, обходя «лендровер» сзади.

– Просто...

– Если Брокбэнк тут, я сам с ним разберусь. – Страйк закурил. – Тебе там делать нечего.

Робин села в машину.

– Постарайся его не бить, ладно? – прошептала она вслед удаляющемуся Страйку, который слегка припадал на одну ногу, затекшую в поездке.

Кое-где дома сверкали чистыми окнами, а на подоконниках виднелись аккуратно расставленные безделушки; кое-где окна были задернуты тюлевыми занавесками разной степени засаленности. Некоторые жилища были откровенно убогими и, если судить по грязным подоконникам, запущенными. Страйк почти дошел до бурой двери и вдруг замер на месте. Робин заметила, что в конце улицы появилась группа рабочих в синих комбинезонах и касках. Не было ли среди них Брокбэнка? Не потому ли остановился Страйк?

Нет. Он всего лишь отвечал на телефонный звонок. Повернувшись спиной к двери и работягам, он медленно направился обратно к Робин, но уже не решительной походкой, а нога за ногу, как человек, для которого сейчас существует только голос в трубке.

Среди рабочих выделялся один: рослый, темноволосый бородач. Заметил ли его Страйк? Робин опять выскользнула из «лендровера» и под видом отправки сообщения сфотографировала рабочих, максимально приблизив изображение. Они свернули за угол и скрылись из виду.

Страйк остановился метрах в десяти от нее, покуривая и слушая своего собеседника. Из окна второго этажа ближайшего дома на чужаков пристально смотрела седая женщина. Чтобы отвести от себя ее подозрения, Робин отвернулась от домов и стала щелкать ядерный объект, изображая

из себя туристку.

– Звонил Уордл, – мрачно сообщил Страйк, подходя к ней сзади. – Жертва – не Оксана Волошина.

– А как они узнали? – поразилась Робин.

– Оксана уже три недели находится у себя дома, в Донецке. Приехала на свадьбу к родственникам. Ребята с ней лично не разговаривали – к телефону подошла ее мать и сказала, что Оксана у нее. А квартирная хозяйка, между прочим, оклемалась и сообщила причину своего глубокого шока: по ее сведениям, Оксана уехала погостить на Украину. И кстати, эта дамочка упомянула, что голова как-то не похожа на Оксанину.

Нахмурившись, Страйк опустил телефон в карман. У него теплилась надежда, что эти новые сведения заставят Уордла не заикливаться на Мэлли.

– Садись в машину! – приказал Страйк, все еще погруженный в свои мысли, и вновь направился к дому Брокбэнка.

Робин села на водительское место «лендровера». Старушка по-прежнему таращилась из верхнего окна.

На тротуаре появились две женщины-полицейские в заметных издалека куртках. Страйк дошел до бурой двери. По улице прокатился частый стук металла по дереву. Никто не отзывался. Страйк приготовился постучать еще раз, но тут с ним поравнялись полицейские. Робин встрепенулась, не понимая, чем он мог заинтересовать полицию. После краткого обмена репликами все трое направились к «лендроверу».

Робин опустила стекло, сгорая от внезапного и необъяснимого чувства вины.

– Вот, хотят удостовериться, – выкрикнул с расстояния Страйк, – действительно ли я – мистер Майкл Эллакотт!

– Что? – не поняла Робин, сбита с толку упоминанием отцовского имени.

Ей в голову пришла нелепая мысль, что полицию натравил на них Мэтью... но зачем он выдал Страйка за ее отца? И только потом до нее дошло.

– Машина зарегистрирована на папино имя, – сказала она. – Я что-нибудь нарушила?

– В принципе, вы припарковались на двойной желтой, – сухо сказала одна из женщин-полицейских, – но мы здесь по другой причине. Вы фотографировали ядерный объект. Это не запрещено, – добавила она, видя смятение Робин. – Туристы делают это ежедневно. Но вы попали в объектив камеры наблюдения. Позвольте ваши права.

– Ох, – слабо пискнула Робин под недоуменным взглядом Страйка. – Я просто... просто подумала, что у меня получится художественное фото, понимаете? Колючки, белая стена и эти... облака...

Она протянула полицейским свои документы, стыдливо избегая взгляда Страйка.

– Мистер Эллакотт – ваш отец, правильно я понимаю?

– Он просто разрешил нам взять его машину, вот и все, – забормотала Робин, чувствуя, что сейчас полицейские начнут звонить в Мэссем и родители узнают, что она сейчас в Бэрроу, и отнюдь не с Мэтью, и без кольца...

– Ваш адрес?

– Мы проживаем... отдельно, – выдавила Робин.

Они назвали свои имена и адреса.

– У вас здесь есть знакомые, которых вы собираетесь навестить, мистер Страйк? – спросила вторая женщина.

– Ноэл Брокбэнк, – без запинки выдал Страйк. – Старый знакомый. Мы тут проездом, вот и решили к нему заглянуть.

– Брокбэнк, – повторила женщина-полицейский, возвращая Робин права, и Робин понадеялась, что полиции знакомо это имя: тогда, по крайней мере, ее прокол будет забыт. – Вполне достойная местная фамилия. Ладно, поезжайте. Больше здесь не фотографируйте.

– Я. Так. Виновата, – одними губами проговорила Робин, когда женщины-офицеры отошли.

Он покачал головой, ухмыляясь вопреки своему раздражению:

– «Художественное фото»... колючки... небо...

– А ты бы что сказал? – взвилась она. – Не могла же я признаться, что фотографировала рабочих, потому что один из них смахивал на Брокбэнка! Сам посмотри...

Но когда она предъявила Страйку сделанный снимок, ей уже стало ясно, что самый высокий из той группы, с обветренными щеками, короткой шеей и большими ушами, – совсем не тот, кого они ищут.

Дверь ближайшего дома распахнулась. Седая женщина, которая следила за ними из верхнего окна, с жизнерадостным видом выкатила на тротуар клетчатую сумку на колесиках. Робин подумала, что старушка видела полицейских и убедилась в отсутствии шпионских намерений как у нее, так и у Страйка.

– Вечно одно и то же, – громко провозгласила старушка, и голос ее гулко прокатился по улице.

У нее получилось «вещно». Робин не распознала ее акцента, хотя

считала, что по речи жителей соседнего графства хорошо знает говор Кумбрии.

– Камер вон уличных понавесили, – продолжала старушка. – Дукументы проверяют. Мы-то привычные.

– А вы лондонцев сразу заприметили, – игриво обратился к ней Страйк, и старушка замерла от любопытства.

– Лондонцы? И щего это вас в Барра занесло?

– Старого знакомого ищем. Ноэла Брокбэнка, – сказал Страйк, указывая пальцем в конец улицы, – да только никто не открывает. Он, видать, на работе.

Старушка нахмурилась:

– Ноэла, говорите? Не Холли?

– Да мы бы и Холли с радостью повидали, если она дома, – сказал Страйк.

– Она-то аккурат на работе, – сообщила соседка, посмотрев на часы. – В булочной, в Викарстауне. А вещерком, – с намеком на мрачный юмор продолжала старушка, – засядет в «Вороньем гнезде». Вещно там отирается.

– Мы сначала в булочную к ней нагрянем – то-то она удивится, – сказал Страйк. – Не скажете поточнее, это где?

– Беленький домишко, как улицу Мстителя проедете, так прям и будет.

Они рассыпались в благодарностях, и старушка засеменила по улице, гордая оттого, что оказалась полезной.

– Я в своем уме? – Страйк сел в машину и снова развернул карту города. – «Улица Мстителя»?

– Мне тоже так послышалось.

Ехать оказалось недалеко: через мост над грязными водами устья, где подпрыгивали на волнах или прочно сидели на мели яхты. Утилитарные промышленные здания, стоявшие на берегу, снова уступили место сплошной ленточной застройке. Одни дома были сложены из красного кирпича, другие отделаны штукатуркой с каменной крошкой.

– Улицы названы по именам военных кораблей, – догадался Страйк, когда они ехали по улице Амфитриты.

Улица Мстителя шла в гору. Через несколько минут блужданий по окрестностям они действительно увидели побеленный домик – булочную с пекарней.

– Смотри-ка, на ловца и зверь бежит, – мгновенно сказал Страйк, когда Робин искала место для парковки с видом на стеклянную дверь. – Сестра его, не иначе. Видишь?

Булочница выглядела, по мнению Робин, круче большинства мужчин. У нее было такое же длинное лицо с высоким лбом, как у Брокбэнка. Неприятливые глаза жирно подведены, иссиня-черные волосы стянуты на затылке в простецкий тугой хвост. Надетая под белый фартук черная футболка с короткими рукавами-крылышками обнажала голые ручки в наколках от плеча до запястья. Из каждого уха свисали многочисленные золотые обручи. Вертикальная морщина между бровями придавала ей вид вечного недовольства.

В булочной было полно народу. Глядя, как Холли укладывает в бумажные пакеты выпечку, Страйк вспомнил купленные в Мелроузе пирожки с олениной; у него потекли слюнки.

– Я бы еще разок перекусил.

– Здесь тебе с ней не поговорить, – сказала Робин. – Лучше дома или в пабе.

– Сбегай купи мне пирог.

– Часа не прошло, как ты поел!

– Ну и что? Я же не на диете, черт побери!

– Я теперь тоже, – выговорила Робин.

Это смелое признание вызвало у нее в памяти подвенечное платье без бретелек, по-прежнему ожидающее в Харрогейте. Неужели она бросила всякую надежду в него втиснуться? Цветы, угощения, подружки невесты, выбор первого танца – ничего уже не понадобится? Все авансы пропадут, подарки придется возвращать, родные и знакомые будут строить недоуменные гримасы, когда она объявит, что...

В «лендровере» было зябко и неудобно, она устала от многочасового вождения и на пару секунд – сколько потребовалось, чтобы у нее предательски, слабо ёкнуло сердце, – подумала, что снова оказалась на грани слез из-за Мэтью и Сары Шедлок.

– Можно я закурю? – Страйк, не дожидаясь ее реакции, опустил окно, и в салон ворвался холодный воздух.

Робин выдавила положительный ответ. Как-никак босс простил ей эпизод с полицией. Прохладный ветер помог ей собраться и сказать то, что вертелось на языке:

– Тебе нельзя беседовать с Холли.

Страйк повернулся к ней и нахмурился.

– Одно дело – застукать врасплох Брокбэнка, но как только Холли тебя узнает, она тут же предупредит брата, что ты к нему подбираешься. Разговаривать придется мне. Я уже придумала, как это провернуть.

– Ну-ну... этого не будет, – без выражения сказал Страйк. – Скорее

всего, он проживает либо с ней вместе, либо в паре кварталов от нее. Это псих. Стоит ему почуять неладное – и пиши пропало. Одна ты никуда не пойдешь.

Плотнее запахнув пальто, Робин хладнокровно спросила:

– Ты можешь хотя бы выслушать мой план?

There's a time for discussion and a time for a fight.

Blue Öyster Cult. «Madness to the Method»^[50]

Страйку не понравилось услышанное, но определенные достоинства ее плана пришлось все же признать, равно как и то, что она ничем особенно не рискует, даже если Холли настучит Ноэлу. Когда Холли вместе с напарницей вышла из булочной, Страйк незаметно двинулся за ними пешком. Робин тем временем остановилась у заболоченной пустоши на безлюдном участке дороги, достала из багажника сумку и сменила джинсы на приличные, хотя и помятые брюки. Когда она возвращалась через тот же мост в центр города, ей позвонил Страйк и сообщил, что Холли домой не пошла, а отправилась напрямик в паб, что в конце ее улицы.

– Отлично, это упрощает дело! – прокричала Робин в сторону поставленного на громкую связь мобильного, лежащего на пассажирском месте.

«Лендровер» трясся и дребезжал.

– Что?

– Я говорю, что... ладно, не важно, я уже почти на месте.

Страйк ждал у парковки «Вороньего гнезда». Не успел он открыть пассажирскую дверь, как Робин зашипела:

– Пригнись, пригнись!

На пороге паба возникла Холли с пинтой пива в руке. Выше ростом, чем Робин, она была вдвое шире в своей черной футболке с рукавами-крылышками и в джинсах. Закурив сигарету, булочница прищурилась и стала всматриваться в пейзаж, который наверняка знала как свои пять пальцев. Ее взгляд остановился на заезде «лендровере».

На переднем сиденье Страйк съежился как мог и втянул голову в плечи. Робин сразу нажала на газ и отъехала.

– Она даже не посмотрела в мою сторону, когда я за ней шел, – запротестовал Страйк, усаживаясь поудобнее.

– Вот и нечего мозолить ей глаза, – назидательно сказала Робин.

– Я и забыл, что ты отличница, – ухмыльнулся Страйк.

– Ой, отстань! – с неожиданной резкостью отмахнулась Робин.

Страйк удивился:

– Уж и пошутить нельзя.

Робин свернула на стоянку в конце улицы, подальше от входа в «Воронье гнездо», и, порывшись в сумке, достала звякнувший бумажный пакет, припасенный заранее.

– Жди здесь.

– Черта с два. Я буду караулить Брокбэнк на парковке у дома. Давай сюда ключи.

Она нехотя подчинилась и вышла из машины. Страйк наблюдал, как она идет в паб, и не понимал, чем был вызван тот гневный всплеск. Наверное, подумал он, Мэтью в свое время высмеивал ее скудные достижения.

Паб «Воронье гнездо» острым клином торчал на перекрестке Феррироуд и Стэнли-роуд. Это было большое, приземистое строение из красного кирпича. Холли по-прежнему стояла в дверях, курила и прихлебывала пиво. У Робин дрогнули нервы. Сама напросилась; теперь ей одной предстояло выяснить, где находится Брокбэнк. Она распереживалась оттого, что привлекла внимание полиции, а несвоевременная шутка Страйка напомнила, как Мэтью пренебрежительно отозвался о ее занятиях на следственных курсах. После сугубо формальных поздравлений с завершением учебы он дал понять, что все эти навыки – не более чем соображения здравого смысла.

У Робин зазвонил мобильный. Чувствуя на себе взгляд Холли, она вытащила телефон из кармана тренча и посмотрела, кто звонит. Оказалось, мама. Подумав, что ответить будет естественнее, чем сбросить звонок, она поднесла трубку к уху.

– Робин? – прозвучал голос Линды, когда ее дочь, не поднимая взгляда, проходила мимо Холли. – Ты в Бэрроу-ин-Фернессе?

– Да, – ответила Робин.

Оказавшись перед двумя внутренними дверями, она выбрала левую и оказалась в большом зале с высоким потолком и грязноватой барной стойкой. У входа двое мужчин в уже знакомых синих комбинезонах играли на бильярде. Робин скорее почувствовала, нежели заметила, как вслед ей, незнакомке, стали поворачиваться головы. Стараясь ни с кем не встречаться взглядом, она шла к стойке и продолжала телефонный разговор.

– Что ты там делаешь? – спросила Линда и, не дожидаясь ответа, сообщила: – Нам звонили из полиции, проверяли, действительно ли папа разрешил тебе взять машину.

– Это недоразумение, – сказала Робин. – Мам, я сейчас не могу

разговаривать.

У нее за спиной распахнулась дверь, и мимо быстрым шагом прошла Холли, сложив на груди мощные татуированные руки и оценивающе, даже с некоторой враждебностью косясь на Робин. Не считая коротко стриженной барменши, они оказались там единственными женщинами.

– Мы позвонили тебе домой, – продолжала мама, не слушая никаких возражений, – и Мэтью сказал, что ты уехала с Кормораном.

– Да, это так, – сказала Робин.

– А когда я спросила, получится ли у тебя в выходные приехать на обед...

– С какой стати я должна ехать на выходные в Мэссем?

Робин не знала, что и думать. Краем глаза она видела, как Холли подвигает себе высокий барный стул и болтает с рабочими завода «ВАС».

– У отца Мэтью день рождения, – напомнила ей мама.

– Да, действительно. – У Робин это совершенно вылетело из головы.

Там готовилось чествование. Это событие так давно было занесено в календарь, что Робин успела о нем забыть.

– Робин, все в порядке?

– Я же сказала, мама: мне сейчас неудобно разговаривать.

– Но у тебя все в порядке?

– Да, да! – нетерпеливо ответила Робин. – Все замечательно. Я перезвоню.

Она дала отбой и развернулась к стойке. Барменша, ожидавшая заказа, сверлила ее таким же пронзительным взглядом, что и старушка на Стэнли-роуд. Здесь настороженность ощущалась еще сильнее, но Робин теперь понимала, что это не антагонистическое неприятие чужаков, а, скорее, защитная реакция тех, кто имеет отношение к оборонным объектам. С бешено колотящимся сердцем Робин напустила на себя самоуверенный вид:

– Здравствуйте. Не могли бы вы мне помочь? Я ищу Холли Брокбэнк. Мне подсказали, что она бывает здесь.

Барменша обдумала эту просьбу, а потом без улыбки сказала:

– Да вон же она, в конце стойки. Заказывать будете?

– Бокал вина, пожалуйста.

Женщина, которую изображала Робин, определенно заказала бы вино. Кроме того, она бы и бровью не повела, заметив недоверие в глазах барменши, антагонизм Холли и пристальное внимание бильярдистов. Эта женщина должна была держаться хладнокровно, рассудительно и амбициозно.

Расплатившись за вино, Робин направилась в конец барной стойки, прямо к Холли и ее собеседникам. Любопытствующие, но настороженные, они умолкли при ее приближении.

– Добрый день, – улыбнулась Робин. – Это вы – Холли Брокбэнк?

– Ну? – мрачно выговорила Холли. – А те шо?

– Простите?

Под насмешливыми взглядами нескольких пар глаз Робин с большим трудом сохраняла улыбку.

– А... тебе-то... што? – повторила Холли, пародируя лондонский говорок.

– Меня зовут Венеция Холл.

– Ой, не повезло. – Холли широко ухмыльнулась ближайшему к ней работяге, который только фыркнул.

Робин извлекла на свет визитную карточку, которая была отпечатана в местном копи-центре, пока Страйк следил за Холли в кондитерской. По предложению Страйка Робин воспользовалась своим средним именем («Как манерная южанка»).

Глядя в густо накрашенные глаза Холли, Робин протянула ей карточку и повторила:

– Венеция Холл. Я адвокат.

Ухмылка Холли тут же исчезла. С суровым видом она изучила карточку, отпечатанную по тарифу четыре с половиной фунта за двести штук.

Хардэйкр и Холл

Адвокаты по делам о причинении ущерба здоровью

Венеция Холл

Старший партнер

Тел: 0888 789654

Факс: 0888 465877

Эл. почта: venetia@h&hlegal.co.uk

– Я разыскиваю вашего брата Ноэла, – ответила Робин. – У нас...

– А как ты пронюхала, что я тут? – по-кошачьи ощетинулась от нарастающего недоверия Холли.

– Мне подсказала ваша соседка.

Дружок Холли в синем комбинезоне усмехнулся.

– Похоже, у нас есть хорошие новости для вашего брата, – храбро продолжала Робин. – Мы пытаемся его разыскать.

– А мое какое дело? Я без понятия, где его искать.

Двое рабочих отошли от стойки и сели на стол, а третий остался, вяло ухмыляясь замешательству Робин. Холли осушила свою пинту, сунула оставшемуся приятелю пятерку и послала его за следующей, а сама слезла со стула и пошла в дамскую комнату, неподвижно, по-мужски держа руки вдоль корпуса.

– Они с братцем на ножах, – сказала барменша, которая бочком подобралась к ним и подслушивала. Похоже, она даже слегка посочувствовала Робин.

– Но вы-то, наверное, не знаете, где искать Ноэла? – от отчаяния спросила Робин.

– Да его уж год как тут нету, а то и больше, – уклончиво ответила барменша. – Может, ты, Кев, знаешь, где его носит?

Дружок Холли только пожал плечами и заказал для Холли пинту. До этого Робин по акценту определила в нем уроженца Глазго.

– Жаль, – чистым, хладнокровным голосом произнесла Робин, ничем не выдав отчаянного волнения. Ей невыносимо было думать, что придется возвращаться к Страйку ни с чем. – Его семья может рассчитывать на солидную выплату, если, конечно, мы сумеем его найти.

Она собралась уходить.

– Его семья или он сам? – резко спросил уроженец Глазго.

– Смотря по обстоятельствам, – холодно ответила Робин, возвращаясь в стойку. Она сочла, что Венеция Холл должна говорить с посторонними официально. – Если члены семьи вынужденно взяли на себя уход за пострадавшим... но для принятия решения нужны подробности. Были случаи, – солгала она, – когда родственникам выплачивалась очень серьезная компенсация.

К ним возвращалась Холли. Ее лицо зверски исказилось при виде Кевина, беседующего с Робин. Тут Робин сочла за лучшее тоже ретироваться в дамскую комнату, чтобы хоть немного унять сердцебиение, и задумалась, принесет ли плоды ее ложь. Но, памятуя о зверской гримасе Холли, Робин опасалась, что ее сейчас зажмут в уголке у раковины и отметелят по первое число.

Но нет: выйдя из туалета, она увидела, что Холли и Кевин нос к носу сидят за стойкой. Робин понимала: либо Холли заглотила наживку, либо нет, но настырность в любом случае была бы лишней. Поэтому она лишь плотнее запахнула тренч и неторопливой, целеустремленной походкой

направилась мимо этой парочки к выходу.

– Эй!

– Да? – все так же холодно откликнулась Робин, поскольку Холли обратилась к ней грубо, а Венеция Холл привыкла к уважительному отношению.

– Ладно, чё там у тебя?

Хотя Кевин, судя по его виду, был не прочь поучаствовать в беседе, его отношения с Холли, видимо, еще не зашли так далеко, чтобы он мог присутствовать при обсуждении сугубо семейных финансовых дел. С недовольным видом он отошел к музыкальному автомату.

– Пошли вон туда, перетрем, – сказала Холли, беря очередную пинту и указывая Робин на угловой столик возле пианино.

На подоконниках паба стояли бутылки с моделями кораблей, миниатюрных и хрупких в сравнении с громадами, которые сходили со ступеней за высокой стеной. Ковер с пестрым орнаментом скрадывал тысячи пятен, цветы в горшках за занавесками печально пожухли, но все равно у этого большого, как сарай, зала был какой-то домашний вид благодаря разнообразным сувенирным фигуркам и спортивным кубкам, а синие комбинезоны завсегдатаев создавали атмосферу братства.

– «Хардэйкр и Холл» представляют интересы значительного числа военнослужащих, которые получили серьезные и предотвратимые телесные повреждения в ситуациях, не связанных непосредственно с боевыми действиями, – барабанила Робин отрепетированную речь. – Знакомясь с архивными документами, мы обратили внимание на дело вашего брата. Разумеется, пока мы не провели с ним личную беседу, прогнозы делать преждевременно, однако есть основания полагать, что ему целесообразно внести свое имя в списки наших подопечных. С нашей точки зрения, дело у него беспроектное. Действуя совместно, мы окажем давление на военное ведомство и заставим выплатить компенсацию. Чем больше у нас истцов, тем лучше. Естественно, для мистера Брокбэнка наши услуги совершенно бесплатны. Проигрывать не в наших интересах, – завершила Робин в подражание телерекламе.

Холли слушала молча. Ее суровое бледное лицо не выражало никаких эмоций. На всех пальцах, кроме безымянного, поблескивали дешевые колечки из желтого металла.

– Чё там Кевин плел насчет семейных выплат?

– Ах да, – беспечно откликнулась Робин. – Если травмы Ноэла повлияли на качество жизни членов семьи...

– Ще как повлияли, – прорычала Холли.

– Как именно? – Робин достала из сумочки блокнот и приготовила карандаш.

Она понимала: алкоголь и обида – ее важнейшие союзники в деле получения максимума сведений от Холли, которая уже склонялась к тому, чтобы выложить адвокатше всю подноготную. Перво-наперво она хотела смягчить то чувство неприязни к увечному брату, которое прорвалось у нее в начале разговора. Со всяческими околичностями она поведала Робин о том, как ее брат в шестнадцать лет завербовался в армию. Армии он отдал все; армия стала его жизнью. Разве люди понимают, на какие жертвы идут солдаты... а известно ли вам, уважаемая, что мы с Ноэлом близнецы? Вот так-то, родились на Рождество... Ноэл и Холли.

Рассказывая эту выхолощенную историю, она возвышала себя. Ее единоутробный брат выбился в люди, поколесил по свету, сражался в рядах британской армии, получил повышение. Его отвага и доблесть отраженным светом падали на нее, всю жизнь коптившую небо в Бэрроу.

– ...женился он на одной, Айрин звали. Вдовица. Взял ее с двумя детьми малыми. Ох, батюшки... Не зря в народе говорят: всяко добро будет наказано.

– В каком смысле? – вежливо уточнила Венеция Холл, вливая в себя с наперсток теплой кислятины.

– Женился, стал быть, сыночка с ней прижил. Уж такой ладненький был... Райян. Ладненький. Да только не видали мы его уж лет этак... шесть. Или семь? Вот стерва-то! Айрин эта. Он раз к доктору пошел, а эта взяла да и сдернула. И малых с собой забрала... а сынок, так и знай, для Ноэла был – свет в окошке. Свет в окошке... и в хвори, и, етит твою, в здравии, понятно? Жена называется. Когда ему поддержка нужней всего была. Вот стерва!

Отсюда следовало, что Ноэл уже несколько лет не виделся с Бриттани. Или он вознамерился выследить падчерицу, которую, разумеется, винил в своих злоключениях не меньше, чем Страйка? Робин хранила бесстрастное выражение, хотя сердце рвалось из груди. Больше всего ей хотелось поделиться со Страйком прямо сейчас.

После бегства жены Ноэл как гром среди ясного неба нагрянул на Стэнли-роуд, в старый родительский дом – две комнатухи внизу, две наверху, – где Холли провела всю свою жизнь и вздохнула свободно только со смертью отчима.

– Пустила я его, – продолжала Холли, расправив плечи. – Родня все ж таки.

О деле Бриттани не было сказано ни слова. Холли изображала

заботливую родственницу, преданную сестру, и если местами переигрывала, то Робин уже по опыту знала, что в любой груди шлака обычно попадают крупницы истины.

Она допускала, что Холли не в курсе подозрений в растлении малолетней, которые пали на ее брата: следствие велось в Германии, формальных обвинений предъявлено не было. Но для человека, комиссованного с черепно-мозговой травмой, Брокбэнк проявил недюжинную изворотливость, умалчивая о своем истинном позоре. Будь он действительно невиновен и не вполне вменяем, так трезвонил бы на всех углах, какую с ним сотворили несправедливость.

Робин принесла Холли третью пинту пива и ловко направила разговор в другое русло: чем занимался Ноэл после увольнения из армии?

– Он себя не помнил. То приступы, то припадки. На лекарствах сидел. А на мне отчим был... после инсульта... И Ноэл тут как тут... конвульсии, видишь ли, у него и...

Окончание фразы она утопила в своем стакане.

– Как тяжело, – вздохнула Робин, черкая в блокнотике. – А были у него какие-нибудь отклонения в поведении? Родственники часто рассказывают, что в плане ухода именно это представляет наибольшую сложность.

– Были, – ответила Холли. – Ага. Характер у него совсем дурной стал, когда мозги-то ему вышибли. В доме погром устроил два раза. На своих кидался. Теперь-то он знаменитость, сама знаешь, – туманно заключила она.

– Кто, простите? – поразилась Робин.

– Да пидор этот, который его избил!

– Что за пид...

– Камерон, мать его, Страйк!

– Ах да, – сказала Робин. – Что-то я такое слышала.

– Еще бы! В частные сыщики выбился, мать его, все газеты трубили! А когда Ноэла покалечил, в военной полиции служил... Всю жизнь ему поломал, сучара...

Причитания не смолкали. Робин делала пометки и ждала, когда же Холли расскажет, почему ее братом занималась военная полиция, но та либо не знала, либо сознательно умалчивала. Ясно было только одно: причиной своей эпилепсии Ноэл Брокбэнк считал исключительно действия Страйка.

После года мучений, когда Ноэл вымещал свою злость и досаду на единоутробной сестре и на всем, что попадалось под руку, он с помощью старинного друга из Бэрроу сумел получить место

вышибалы в Манчестере.

– Значит, к тому времени он достаточно поправил здоровье, чтобы приступить к работе? – спросила Робин, поскольку из рассказов Холли следовало, что ее брат не отвечал за свои действия и зачастую не контролировал вспышки злобы.

– Ну как бы да, он уже нормальный был, когда не пил и лекарства глотал. А как он умотал – я нарадоваться не могла. Совсем меня достал, пока тут кантовался, – призналась Холли и вдруг вспомнила, что на выплаты может рассчитывать лишь тот, кто сам терпел значительные лишения, обеспечивая уход пострадавшему. – У меня эти начались... панические атаки. Я к участковому доктору ходила. В медкарте все записано.

Полный отчет о пагубном влиянии бесчинств Брокбэнка на жизнь Холли занял битых десять минут. Робин с серьезным видом кивала и время от времени вставляла сочувственные, ободряющие фразы типа: «Да-да, я слышала нечто подобное от других родственников» или «О, это будет очень ценно для нашего иска». Холли не пришлось долго уговаривать, когда Робин предложила ей четвертую пинту.

– Теперь я угощаю, – выговорила Холли, показывая, что собирается встать.

– Нет-нет, это все за счет фирмы, – заверила ее Робин.

Ожидая, когда ей нацедят свежую пинту «Макьюэна», она проверила мобильный. Там было одно сообщение от Мэтью, которое она проигнорировала, и одно от Страйка – его она открыла тотчас же.

Все ОК?

«Да», написала она в ответ.

– Значит, ваш брат сейчас в Манчестере? – спросила она у Холли, вернувшись за стол.

– Да нет, – сказала Холли, отпив изрядный глоток «Макьюэна». – Выперли его.

– Как же так? – Робин занесла карандаш. – Если причиной этого стало его состояние здоровья, мы поможем вам отсудить компенсацию за незаконное увольнение...

– Да эт не потому, – выдавила Холли.

По ее непроницаемому, мрачному лицу пробежала странная тень, как серебристая вспышка среди грозовых туч, как мощная сила, что рвалась наружу.

– Он сюда вернулся, – добавила она, – и все по новой...

Опять рассказы о буйствах, беспричинных вспышках ярости, сломанной мебели, а под конец – сведения о том, что Брокбэнк нашел себе другую работу, невнятно называемую «в охране», и уехал в Маркет-Харборо.

– А после – снова сюда, – сказала Холли, и у Робин участился пульс.

– Значит, сейчас он здесь, в Бэрроу? – спросила она.

– Нет. – Холли была уже порядком пьяна и с трудом придерживалась выгодной для себя линии. – Пару недель прокантовался, а после я припугнула, что полицию на него натравлю, коли он снова появится, и он с концами сгинул. Писать хочу, – заявила Холли, – и сигаретку. Сама-то куришь?

Робин мотнула головой. Пошатываясь, Холли встала и пошла в уборную, а у Робин появилась возможность написать Страйку.

Говорит, в Бэрроу, с родней, его нет. Пьяна. Сейчас пойдет курить, не высывайся.

Уже нажав «отправить», она пожалела, что добавила последние два слова, рискуя нарваться на очередное саркастическое замечание относительно курсов наружного наблюдения, но телефон звякнул почти сразу, и Робин прочла одно слово:

Слушаюсь.

В густом облаке запаха «Ротманс» Холли вернулась к столу, неся с собой бокал белого вина, который сразу подвинула к Робин, и пятую пинту пива.

– Большое спасибо, – сказала Робин.

– Вот вишь, – заныла Холли, как будто разговор не прерывался, – как у меня здоровье из-за его пошатнулось.

– Не сомневаюсь, – поддакнула Робин. – Значит, мистер Брокбэнк живет...

– Буйный он. А я те рассказывала, как он мне башку дверцей холодильника зажал?

– Да-да, рассказывали, – терпеливо подтвердила Робин.

– И фингал мне поставил, когда я ему не давала материны тарелки бить...

– Ужас! Вы, безусловно, имеете право встать в очередь

на определенные выплаты, – солгала Робин, подавляя в себе слабые угрызения совести, а потом перешла к делу. – Мы полагали, что мистер Брокбэнк проживает здесь, в Бэрроу, поскольку сюда поступает его пенсия.

После четырех с половиной пинт реакция Холли замедлилась. Ей светила денежная компенсация за все мучения, и даже глубокая морщина между бровями, придававшая ее лицу неизменно зверский вид, слегка разгладилась. Однако при упоминании пенсии Брокбэнка ее как подменили.

– Ничего сюда не поступает! – взвилась Холли.

– Согласно нашим данным, поступает, – не сдавалась Робин.

В углу музыкальный автомат заиграл синтетические перезвоны и замигал огоньками; на сукне стучали бильярдные шары, местный говор смешивался с шотландским. Робин осенило: Холли забирала военную пенсию себе.

– Разумеется, – с убедительной легкостью оговорила Робин, – мы знаем, что мистер Брокбэнк не обязан являться за ней самолично. Когда пенсионер недееспособен, право получения пенсии переходит к родственникам.

– Ну да, – тотчас же подтвердила Холли. Ее бледное лицо пошло красными пятнами, отчего она стала похожей на школьницу, несмотря на свои наколки и пирсинг. – Когда он только откинулся, за него я получала. У него ж припадочки были.

Интересно, задумалась Робин, как же он, такой недееспособный, исхитрился перевести пенсию в Манчестер, потом в Маркет-Харборо и потом обратно в Бэрроу?

– Значит, вы теперь отправляете ему денежные переводы? – спросила Робин, у которой снова участился пульс. – Или он уже в состоянии сам ходить за пенсией?

– Слышь... – сказала Холли.

Наколка «Ангелов ада» – череп в крылатом шлеме – затряслась на мощном предплечье, когда Холли склонилась к Робин. От пива, сигарет и сахара у нее изо рта несло тухлятиной. Робин не отшатнулась.

– Слышь... твоя контора выбивает для людей денежки, если у них есть... типа... травмы или как их...

– Да, это так, – подтвердила Робин.

– А ну как... кто-нить... социалка, к примеру... должна была чё-то выплатить, да не выплатила?

– Все зависит от обстоятельств, – сказала Робин.

– Наша мамка сбежала, когда нам девять годочков было, – сказала

Холли. – С отчимом нас кинула.

– Сочувствую, – сказала Робин. – Как это неприятно.

– В семидесятых, – продолжила Холли. – И всем насрать было. Насилие над детьми.

У Робин в груди упала свинцовая гиря. В лицо било зловонное дыхание Холли, ее рябая физиономия маячила совсем близко. Женщине и в голову не приходило, что отзывчивая адвокатша, сулившая золотые горы, – это не более чем мираж.

– Он ведь обоих нас испортил, – сказала Холли. – Отчим. Ни меня, ни Ноэла не жалел. Прямо с пеленок. Мы, бывало, под кровать вместе забьемся и не дышим. А потом и Ноэл меня оприходовал. Заметь, – она вдруг посерьезнела, – он мог нормальным быть, Ноэл. Мы с ним вместе росли, да и несмышленные совсем тогда были. Короче, – перемена в ее тоне свидетельствовала о двойном предательстве, – как стукнуло ему шестнадцать, так он в армию ушел.

Робин, не собиравшаяся больше пить, взяла свой бокал и сделала большой глоток. Второй насильник Холли был ее союзником против первого – меньшее из двух зол.

– Ублюдок, право слово, – сказала Холли, и Робин не поняла, кто имеется в виду: отчим или брат-близнец, который совершил над ней развратные действия и скрылся за границей.

– Когда мне шестнадцать было, с ним авария в цеху приключилась, вот тогда-то я его взяла за жабры. Химический ожог. Засранец. После того случая у него не стоял. Обезболивающие глотал пригоршнями, дерьмо всякое. А потом удар его хватил.

По неприкрытой злобе, искажившей ее лицо, Робин без труда догадалась, какой уход получал дома отчим от рук падчерицы.

– Засранец, – глухо повторила Холли.

– Вы обращались за психологической помощью? – услышала свой голос Робин.

«Я и в самом деле заговорила как манерная южанка».

Холли фыркнула:

– Еще чего! Да я, кроме как тебе, никому не признавалась. Ты-то небось сто раз такое слыхала?

– О да, – подтвердила Робин.

– Ноэл прошлый раз нагрязнул, – после пятой пинты у Холли стал заплетаться язык, – а я такая: проваливай, чтоб духу твоего тут не было. Не то я в полицию настучу, что ты со мной сделал, а там тебе живо припомнят, что про тебя девчонки говорят, как ты их щупаешь.

От этой тирады у Робин во рту прогоркло теплое вино.

– Как думаешь, почему его в Манчестере с работы турнули? Щупал девчонку тринадцати лет. Как пить дать, и в Маркет-Арбро та же самая хрень была. Сам-то он помалкивал, почему вернулся, но я его знаю как облупленного. Ему было у кого поучиться, – добавила Холли. – Ну, как по-твоему, могу я в суд подать?

– Я считаю, – начала Робин, боясь навредить своими советами этой несчастной женщине, – что вам прежде всего стоит заявить в полицию. Так где же находится ваш брат? – спросила она напрямик, чтобы поскорее вытянуть необходимые сведения и уйти.

– Без понятия, – ответила Холли. – Как я ему пригрозила, что в полицию пойду, он прям взбесился, а после... – Она забормотала что-то нечленораздельное: Робин услышала лишь одно слово: пенсия.

Он откупился от нее своей пенсией, чтобы только не заявляла в полицию.

Стало быть, она загоняла себя в могилу на деньги, полученные от брата в обмен на молчание. Холли знала, что брат по-прежнему «щупает» маленьких девочек... Известно ли ей, что его изобличила Бриттани? Задело ли это хоть какие-то струны? Или ее собственные раны затянулись такими толстыми рубцами, что она сделалась безразличной к мукам других? Она по-прежнему жила в доме, где с ней произошли эти кошмары, и смотрела в окно на ту же кирпичную стену с колючей проволокой... Почему она не сбежала? – думала Робин. Почему не унесла ноги, как Ноэл? Почему осталась в доме с видом на высокую глухую стену?

– Нет ли у вас номера его телефона? – спросила Робин.

– Нету, – отрезала Холли.

– Если вы подскажете мне хоть какие-нибудь контактные данные, мы за ценой не постоим. – Робин заговорила без оков.

– Есть одно местечко, – пробормотала Холли после бесконечных путаных рассуждений и бессмысленного разглядывания своего мобильного. – В Маркет-Арбро...

Она долго искала телефонный номер последнего места работы Ноэла и каким-то чудом нашла. Робин переписала его в блокнот, потом выудила из кошелька десять фунтов и сунула в жадную руку Холли:

– Вы мне очень помогли. Seriously, очень помогли.

– Все они пидоры, а? Как один.

– Да, – сказала Робин, соглашаясь неизвестно с чем. – Я с вами свяжусь. Адрес ваш у меня есть.

Она встала.

– Ага. До скорого тогда. Вот пидоры. Как один.

– Это она о мужиках, – объяснила барменша, которая подошла забрать пустые стаканы и посмеялась над недоумением Робин. – Пидор – это у нее мужчина. Она хочет сказать, что все мужчины одинаковы.

– О да. – Робин уже плохо понимала, что говорит. – Как это верно. Большое вам спасибо. До свидания, Холли... берегите себя...

*Desolate landscape,
Storybook bliss...*

Blue Öyster Cult. «Death Valley Nights»^[51]

– Психология на дне – частный сыск на коне, – сказал Страйк. – Чертовски удачный был заход, Робин.

Он поднял за нее банку «Макьюэна». Сидя в «лендровере», припаркованном возле «Олимпиака», они ели рыбу с жареной картошкой. Горящие витрины еще больше сгущали темноту вокруг. На фоне ярких прямоугольников регулярно возникали силуэты, которые перерождались в трехмерных человечков при входе в оживленный магазин-ресторан, а на выходе опять превращались в тени.

– Итак, жена от него сбежала.

– Ага.

– И по словам Холли, детей своих он с той поры не видел?

– Точно.

Страйк в задумчивости потягивал пиво. Ему хотелось верить, что Брокбэнк и в самом деле потерял из виду Бриттани. Но не мог ли этот гад как-нибудь ее выследить?

– Однако нам до сих пор неизвестно, где он сейчас, – вздохнула Робин.

– Зато мы знаем, что здесь его нет и примерно с год не было, – сказал Страйк. – Мы знаем, что во всех своих несчастьях он по-прежнему винит меня, что по-прежнему лапает маленьких девочек и что башка у него варит намного лучше, чем считалось в госпитале.

– Почему ты так решил?

– Как я понимаю, он ни словом не обмолвился, что его обвиняли в растлении малолетних. Цепляется за какие-то работы, хотя мог бы преспокойно сидеть дома и огребать пособие по инвалидности. Наверняка он выбирает такие рабочие места, где есть контакты с девочками.

– Хватит, – прошептала Робин, внезапно вспомнив замороженную голову, на вид какую-то удивленную, совсем юную, с пухлыми щеками.

– Другими словами, и Брокбэнк, и Лэйнг сейчас в Британии, на свободе, и готовы перегрызть мне горло.

С набитым ртом Страйк пошарил в бардачке, вытащил дорожный атлас и некоторое время молча перелистывал страницы. Робин завернула остатки своей порции рыбы с картошкой в магазинный газетный фунтик и сказала:

– Мне нужно маме позвонить. Я быстро.

Прислонясь к ближайшему фонарному столбу, она набрала номер своих родителей.

– С тобой ничего не случилось, Робин?

– Да нет же, мам.

– Что происходит у вас с Мэтью?

Робин закатила глаза к первым вечерним звездам:

– Я думаю, мы расстались.

– Ты так *думаешь*? – переспросила Линда без потрясения и грусти, просто желая уточнить.

Робин боялась, что расплачется, проговаривая это вслух, но слез не было, да и делать над собой усилие, чтобы говорить спокойно, не пришлось. Как видно, она очерствела. Беспросветная жизнь Холли Брокбэнк и трагическая гибель той неизвестной девушки в Шепердс-Буше изменили ее взгляд на мир.

– Это произошло только в понедельник вечером.

– Из-за Корморана?

– Нет! – отрезала Робин. – Из-за Сары Шедлок. Оказывается, Мэт с ней спал, пока я... сидела дома. Когда... ну, ты сама понимаешь. После того, как я ушла из универа.

Из «Олимпиака» нетвердой походкой вышли двое парней, явно подвыпивших; они орали и переругивались. Один из них, заметив Робин, ткнул другого локтем в бок. Дружки направились к ней.

– Скучаешь, крошка?

Страйк выбрался из машины, хлопнул дверцей и замаячил в полумраке, на голову выше каждого из юнцов. Тех как ветром сдуло. Не выходя из тени, Страйк прислонился к машине и закурил.

– Мама, ты меня слушаешь?

– Он признался тебе в понедельник вечером? – спросила Линда.

– Да, – ответила Робин.

– С чего вдруг?

– Мы опять сцепились из-за Корморана. – Робин понизила голос – Страйк стоял в паре метров. – Я ему сказала: «У нас чисто дружеские отношения, как у вас с Сарой»... его прямо перекосило... тут он и раскололся.

У матери вырвался долгий, глубокий вздох. Робин ждала мудрых слов утешения.

– Боже мой, – только и сказала Линда; последовала еще одна затяжная пауза. – Серьезно: как ты там, Робин?

– Да нормально, мам, честное слово. Работаю. Это отвлекает.

– Как тебя занесло в такую глухомань – в Бэрроу?

– Нам нужно разыскать одного из тех, кого Страйк подозревает в отправлении той посылки.

– Где ты остановишься?

– Мы сейчас едем в «Трэвелодж». Естественно, у нас будут отдельные номера, – поспешно добавила Робин.

– Ты после отъезда говорила с Мэтью?

– Он бомбардирует меня признаниями в любви.

С этими словами Робин вспомнила, что последнее сообщение так и осталось непрочитанным. Совершенно вылетело из головы.

– Прости меня, – сказала Робин матери. – Платье, банкет и все прочее... Мне так стыдно, мама.

– Об этом я бы меньше всего беспокоилась, – бросила Линда и опять спросила: – С тобой ничего не случилось, Робин?

– Говорю же: нет. – Она помедлила, а потом добавила почти с вызовом: – Корморан оказался на высоте.

– И все же разговора с Мэтью не избежать, – сказала Линда. – После стольких лет... ты обязана с ним переговорить.

Робин не могла больше сдерживаться; голос ее задрожал от гнева, руки затряслись, слова хлынули потоком.

– Всего две недели назад мы с ними ходили на регби – с Сарой и Томом. Она трется около Мэта со студенческой скамьи... они кувыркались в постели, когда я... пока я... он так и не вычеркнул ее из жизни, она вечно его лапает, привлекает, стравливает со мной... на стадионе завелась насчет Страйка: «Ах, он такой симпатичный, вы с ним целыми днями наедине, да?» – а я-то все время думала, что это игра в одни ворота, я знала, что в универе она хотела затащить его в постель, но у меня даже... полтора года они трахались... и представляешь, что он мне сказал? Что она его «утешала»... Мне пришлось уступить, когда он захотел позвать ее на свадьбу, потому что я без спросу пригласила Страйка, и меня наказали. Мэт водит ее обедать, когда оказывается у ее работы...

– Я приеду к тебе в Лондон, – не дослушала Линда.

– Нет, мама...

– На денек. Сходим куда-нибудь в твой обеденный перерыв, посидим.

Робин слабо рассмеялась:

– Мам, у меня не бывает обеденного перерыва. Работа такая.

– Я приеду, Робин.

Когда у матери в голосе появлялся металл, спорить не имело смысла.

– Неизвестно, когда я вернусь.

– Ну и что? Ты дашь мне знать, и я возьму билет на поезд.

– Я... Ох, ну ладно, – сдалась Робин.

Они распрощались, и под конец у нее навернулись слезы. Как она ни отнекивалась, надежда на встречу с матерью успокаивала.

Робин оглянулась в сторону «лендровера». Стоя в прежней позе, Страйк тоже разговаривал по телефону. Или делал вид? Она разговаривала с мамой в полный голос. При желании Страйк мог быть тактичным. Робин еще не убрала мобильный и открыла сообщение от Мэтью.

Звонила твоя мама. Сказал, что ты в командировке. Дай знать, если не поедешь на день рождения к моему отцу, я извинюсь.

Робин, я тебя люблю. Мхххххх.

Опять то же самое: он не верил, что их отношения закончены. Дай знать, если не поедешь на день рождения к моему отцу... Можно подумать, у них всего лишь буря в стакане воды; можно подумать, она всего лишь пропустит день рождения. «Глаза бы мои не глядели на твоего папашу...»

Разозлившись, она тут же бросила ему ответ:

Естественно, не поеду.

Робин вернулась в машину. Страйк, похоже, действительно разговаривал по телефону. На пассажирском сиденье лежал открытый дорожный атлас: Страйк продумывал маршрут в лестерширский городок Маркет-Харборо.

– Да, тебе тоже, – донесся до нее голос Страйка. – Ага. Увидимся, когда вернусь.

Элин, подумала она.

Страйк сел в машину.

– Уордл? – невинно спросила Робин.

– Элин, – ответил Страйк.

«Она знает, что ты уехал со мной? Вдвоем?»

Робин почувствовала, что заливается краской. Понять бы, откуда такие мысли... Дело ведь не в том...

– Решил наведаться в Маркет-Харборо? – спросила она, заглядывая в атлас.

– Не помешало бы. – Страйк отхлебнул еще пива. – Там последнее место работы Брокбэнка. Может, получим хоть какую-то наводку; глупо упускать такую возможность... а оттуда... – он взял у нее атлас и перелистнул несколько страниц, – всего двенадцать миль до Корби. Можно заехать и удостовериться, что Лэйнг, который в две тысячи восьмом сожительствова там с какой-то теткой, – это и есть наш Лэйнг. Она до сих пор там живет: некая Лоррейн Макнотон.

Робин не уставала поражаться памяти Страйка на имена и подробности.

– Конечно съездим, – сказала она, радуясь, что утро потребует новых следственных действий, а не просто утомительного возвращения в Лондон. А если обнаружится что-нибудь стоящее, можно будет и вторую ночь провести в поездке, чтобы только еще полсуток не видеть Мэтью... Но тут она вспомнила, что завтра вечером Мэтью поедет на день рождения к отцу. Квартира будет в ее полном распоряжении.

– Не мог ли он ее выследить? – подумал вслух Страйк после паузы.

– Что, прости? Ты о ком?

– Не мог ли Брокбэнк по прошествии всех этих лет выследить и убить Бриттани? Или у меня уже крыша едет оттого, что я во всем виноват?

Он глухо стукнул кулаком по дверце «лендровера».

– Пойми, эта нога... – продолжал Страйк, споря сам с собой, – со шрамом, как у нее. Брокбэнк приговаривал, что, дескать, собирался, когда она была маленькой, отпилить ей ногу, да мать вошла и помешала. Ублюдок гребаный. Ну кто еще стал бы посылать мне исполосованную ногу?

– Слушай, – медленно начала Робин, – у меня есть одна мысль насчет этой посылки, скорее всего никак не связанная с Бриттани Брокбэнк.

Страйк развернулся к ней:

– Продолжай.

– Убийца девушки мог с тем же успехом прислать тебе любую другую часть тела, – сказала Робин. – Руку... грудь... – Она делала над собой большое усилие, чтобы говорить ровным тоном. – Так или иначе, это привлекло бы внимание полиции и прессы. Агентство было бы скомпрометировано, у нас в любом случае начались бы проблемы... однако он выбрал правую ногу, отсеченную именно в том месте, где ампутирована твоя...

– Прямо как в той песне, будь она трижды проклята. Хотя... – Страйк

задумался. – Я несу какую-то ересь, да? Рука вполне бы сгодилась. Или шея.

– Он явно указывает на твое ранение. Что для него может символизировать твоя ампутированная нога? – настаивала Робин.

– Одному богу известно. – Страйк изучал ее профиль.

– Героизм, – предположила она.

Страйк фыркнул:

– Если я оказался в неудачном месте в неудачное время – где ж тут героизм?

– Ты ветеран, награжден боевыми орденами.

– Меня наградили не за то, что я подорвался на mine. А гораздо раньше.

– Ты никогда не рассказывал.

Робин повернулась к нему, но Страйк не стал отвлекаться:

– Давай дальше. Почему именно нога?

– Твое увечье – это наследие войны. Символ мужества, преодоления трудностей. При каждом упоминании твоего имени в прессе журналисты непременно упоминают ампутацию. Мне кажется... в его сознании... она неразрывно связана со славой и подвигами, а также... с честью. Он пытается принизить твое ранение, замарать его чем-нибудь гнусным, чтобы в тебе видели в первую очередь не героя, а того, кто получает по почте часть тела убитой девушки. Он хочет навлечь на тебя неприятности, да, но чтобы одновременно растоптать тебя самого. Этот человек жаждет получить то, что есть у тебя: признание, статус.

Наклонившись, Страйк достал еще одну банку пива из стоявшего на полу бумажного пакета. Жестяное кольцо оторвалось со щелчком.

– Допустим, ты права, – выговорил Страйк, провожая глазами уплывающий в темноту сигаретный дым. – Если этому маньяку действительно не дает покоя моя известность, то на первое место в нашем списке нужно поставить Уиттекера. Он стремился к этому всю свою жизнь – стать знаменитостью.

Робин выжидала. Босс крайне мало рассказывал о своем отчине, хотя в интернете она раскопала массу подробностей, о которых он умалчивал.

– Такого кровососа, как он, свет не видел! – вырвалось у Страйка. – Вечно паразитировал на чужой славе.

В замкнутом пространстве она ощущала, как на Страйка снова накатывает злость. На упоминание каждого из троих подозреваемых он реагировал соответственно: Брокбэнк вызывал у него чувство вины, Уиттекер – гнева, и только о Лэйнге он говорил сколько-нибудь объективно.

- А Штырь пока ничего не раскопал?
- Говорит, Уиттекер сейчас в Кэтфорде. Штырь его выследит. Где-нибудь в грязном углу. Из Лондона он никуда не сдернет.
- Почему ты так уверен?
- Да потому, что это Лондон, понимаешь? – Страйк разглядывал район ленточной застройки, начинавшийся позади парковки. – Уиттекер, вообще говоря, родом из Йоркшира, но теперь заделался стопроцентным кокни.
- Ты его давно не видел?
- Не было нужды. Я и так его знаю. Это мусор, который прибивается к столице в поисках фарта и прилипает к месту. Он всегда считал, что Лондон – единственный город, достойный его персоны. Уиттекеру требуется самая большая сцена.

Между тем Уиттекер так и не сумел подняться со столичного дна, где, как бактерии, множатся преступления, нищета и насилие; в этой клоаке обретался и Штырь. Кто не заглядывал в городское чрево, тому не понять, что Лондон – это особый мир. Его можно презирать как средоточие власти и денег, недоступных другим британским городам, но надо сознавать, что нищета имеет здесь особый привкус, что здесь все имеет высокую цену, что непреодолимая пропасть между теми, кто преуспел, и всеми остальными здесь болезненно режет глаз. Расстояние от дома с колоннами сливочного цвета на Кларенс-Террас, где жила Элин, до грязного сквота в Уайтчепеле, где умерла мать Страйка, измерялось не в милях. Их разделяли бесчисленные несоразмерности, лотереи рождения и случая, предвзятые суждения и зигзаги удачи. Взять хотя бы его мать и Элин, в равной мере наделенных красотой и умом: одна погрязла в пучине наркотиков и людских пороков, другая блаженствовала за сверкающими окнами высоко над Риджентс-парком.

Вот и Робин тоже потянуло в Лондон. Отчасти потому, что здесь жил Мэтью, который, впрочем, не интересовался лабиринтами, куда ее что ни день заводила следственная работа. Его притягивал только поверхностный лоск: лучшие рестораны, фешенебельные районы, как будто Лондон был гигантской доской для игры в «Монополию». Мэтью вечно разрывался между столицей и графством Йоркшир, где находился их родной городок Мэссем. Его отец был коренным йоркширцем, а покойная мать, уроженка графства Суррей, всю жизнь показывала, что перебралась в северный край исключительно из милости. Она упорно исправляла йоркширские словечки в речи Мэтью и его сестры Кимберли. На первых порах тщательно сглаженный говор Мэтью вызывал неприязнь у братьев Робин: как она ни выгораживала своего избранника, как ни козыряла его

йоркширской фамилией, они нутром чуяли того, кто хочет перекраситься в южанина.

– Каково, интересно, было бы здесь родиться? – задумался Страйк, обводя взглядом стоящие вплотную дома. – Как на острове. Да и говорок какой-то чудной – никогда такого не слышал.

Где-то поблизости мужской голос завел бравурную песню. Вначале Робин показалось, что это церковный гимн. Потом к этому одинокому голосу присоединились другие, и переменившийся ветер донес до их слуха отчетливые слова:

*Friends to share in games and laughter
Songs at dusk and books at noon...* [\[52\]](#)

– Школьная песня, – заулыбалась Робин.

Теперь она увидела идущую по Баклю-стрит процессию немолодых мужчин в черных костюмах.

– Одноклассника хоронят, – догадался Страйк. – Ты посмотри на них...

Когда процессия поравнялась с «лендрровером», один человек в черном поймал взгляд Робин.

– Мужская гимназия города Бэрроу! – прокричал он, выбрасывая вверх кулак, словно только что забил гол.

Другие поддержали его приветствие, но их бравада, подогретая спиртным, выглядела грустно. Они вновь завели ту же песню и вскоре скрылись из виду.

*Harbour lights and clustered shipping
Clouds above the wheeling gulls...* [\[53\]](#)

– Патриоты своего города, – сказал Страйк.

Ему вспомнился такой же горожанин, дядя Тед, корнуэлец до мозга костей, который жил и хотел бы умереть в Сент-Мозе, став неотъемлемой частицей городской канвы. Улыбающийся с выцветших фотографий в местном пабе, он должен был остаться в памяти земляков. Когда настанет срок (Страйк надеялся, что дядя Тед проживет еще лет двадцать-тридцать), его будут хоронить так же, как этого безвестного выпускника местной гимназии: с выпивкой, со слезами, но в то же время с гордостью

за достойно прожитую им жизнь. А что оставят по себе в родных городах злобный, набывчившийся Брокбэнк, растлитель малолетних, и рыжий садист Лэйнг? Вздохи облегчения, боязнь, что они встанут из могил, изломанные судьбы и бесконечные проклятья.

– Ну что, поехали? – негромко спросила Робин, и Страйк кивнул, бросив окурок в пустую жестянку, откуда донеслось короткое, не лишённое приятности шипение.

A dreadful knowledge comes...

Blue Öyster Cult. «In the Presence of Another World»^[54]

В гостинице «Трэвелодж» их поселили через пять номеров друг от друга. Робин жутко боялась, что портье предложит номер на двоих, но Страйк решительно предотвратил такой поворот, сказав: «Два одноместных» – еще до того, как молодой человек за стойкой успел открыть рот.

Нашла о чем беспокоиться: ведь целый день в «лендровере» они были физически ближе, чем в лифте. Не странность ли – дойдя до двери своего номера, желать Страйку спокойной ночи, хотя он даже не замешкался? Он просто сказал: «Пока» – и зашагал дальше по коридору, но все же дождался, чтобы она разобралась с ключом-картой и вошла, нервно помахав ему рукой.

Зачем она помахала? Дурость.

Бросив сумку на кровать, Робин подошла к окну, из которого открывался вид на те же промышленные склады, что остались позади несколько часов назад. Казалось, после отъезда из Лондона времени прошло намного больше, чем на самом деле.

Отопление жарило во всю мощь. Робин с трудом открыла тугую раму, и внутрь ворвался свежий ночной воздух, с готовностью захвативший пространство этой душной коробки. Поставив телефон заряжаться, Робин переоделась в ночную рубашку, почистила зубы и забралась в прохладные простыни.

И все же ее не покидало какое-то беспокойство оттого, что она ночует в пяти комнатах от Страйка. Конечно, это Мэтью ее накачал. *Если ты с ним пересишь, между нами все будет кончено.*

Разгулявшееся воображение подсказывало: вот-вот раздастся стук в дверь – и под каким-нибудь надуманным предлогом войдет Страйк...

Что за чушь!

Робин перевернулась на живот и спрятала разгоряченное лицо в подушку. Откуда что берется? Будь проклят Мэтью, если он внушает ей такие мысли, если судит по себе...

Страйк, в свою очередь, еще не добрался до кровати. После долгих часов неподвижности в автомобиле у него затекло все тело. Хорошо, что появилась возможность снять протез. Хотя стоять под душем на одной ноге было некомфортно, он все же зашел в кабинку и, придерживаясь за перекладину, подставил ноющее колено под горячие струи. Потом растерся полотенцем, с осторожностью допрыгал до кровати, поставил на зарядку мобильный и голым залез под одеяло.

Он улегся, подсунув руки под затылок, уставился в темный потолок и стал думать о Робин, лежавшей в пяти комнатах от него. Написал ли ей Мэтью, поговорил ли с ней по телефону, воспользовалась ли она уединением, чтобы в первый раз за день поплакать?

Снизу доносился шум: громкий мужской смех, выкрики, уханье, хлопанье дверью, – очевидно, там гуляла холостяцкая компания. Кто-то включил музыку, и басы гулко отзывались у Страйка в номере. Это напомнило ему, как он ночевал в своем рабочем кабинете и металлический каркас раскладушки вибрировал от музыки, игравшей на первом этаже, в баре «12 тактов». Сейчас оставалось только надеяться, что в номере у Робин не так шумно и она сможет как следует отдохнуть: завтра ей предстояло пилить еще двести пятьдесят миль. Зевая, Страйк повернулся и, невзирая на дебош и грохот музыки, почти мгновенно уснул.

На следующее утро они, как и договаривались, встретились на завтраке, и Страйк заслонил Робин, чтобы она тайком наполнила из кофейника их фляжку, после чего оба нагрузили свои тарелки тостами. Страйк поборол желание взять английский завтрак и в награду за такую стойкость запихнул в рюкзак несколько булочек. В восемь утра машина уже мчалась по живописным сельским районам Камберленда, мимо вересковых пустошей и торфяников, а дальше свернула на трассу М6.

– Извини, что не могу тебя подменить за рулем, – сказал, попивая кофе, Страйк. – Это сцепление меня бы угробило. Точнее, нас обоих.

– Все нормально, – ответила Робин. – Ты же знаешь, я люблю водить.

Они ехали в дружелюбном молчании. Робин была единственной, кому Страйк, несмотря на глубокое предубеждение против женщин за рулем, мог спокойно позволить себя возить. Хотя он привычно держал язык за зубами, предрассудок этот имел под собой реальную основу: сидя на пассажирском месте, Страйк пережил массу неприятных эпизодов из-за нервной беспомощности его корнуэльской тетки, рассеянности его сестры Люси и безрассудного лихачества Шарлотты. Бывшая подруга из ОСР,

Трейси, была неплохим водителем, однако на узкой альпийской дороге оцепенела от страха, стала задыхаться, Страйка за руль не пустила, но и сама дальше ехать не могла.

– Мэтью доволен «лендровером»? – спросил Страйк при въезде на эстакаду.

– Нет, – ответила Робин. – Он хочет кабриолет «Ауди А-три».

– Кто бы сомневался, – буркнул Страйк, но его слова поглотил шум двигателя. – Чмошник.

За четыре часа они добрались до Маркет-Харборо – городка, в котором, как выяснилось по дороге, ни Страйк, ни Робин прежде не бывали. В окрестностях их встречали милые деревушки с домами под соломенными крышами, церквями семнадцатого века, затейливо подстриженными деревьями в садах и жилыми улицами с названиями вроде «Медовая». Страйк вспомнил голую, унылую стену, колючую проволоку и силуэт завода по производству подводных лодок – именно в таком месте провел свое детство Ноэл Брокбэнк. Что могло привести Брокбэнка сюда, в край пасторальной красоты и очарования? Какой компании принадлежал телефонный номер, полученный Робин от Холли и теперь лежащий у Страйка в бумажнике?

Впечатление аристократической старины только усилилось, когда они въехали непосредственно в Маркет-Харборо. В сердце города величественно возвышалась прекрасная старинная церковь Святого Дионисия, а неподалеку, посреди главной улицы, стояло примечательное строение, напоминавшее избушку на курьих ножках.

За этой необычной постройкой они припарковались. Страйку не терпелось закурить и размять колено; он вылез из машины, зажег сигарету и пошел изучать мемориальную доску, из которой узнал, что избушка на курьих ножках – это школа постройки тысяча шестьсот четырнадцатого года. По ее периметру были выведены библейские слова:

Человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце.

Робин осталась в машине, чтобы проложить по карте оптимальный маршрут в Корби, место их следующей остановки. Страйк докурил и опять водрузился на пассажирское сиденье.

– Ладно, попробую позвонить. А ты, наверное, размяться захочешь, тем более что у меня курево заканчивается.

Робин закатила глаза, но взяла протянутую десятку и пошла искать ему сигареты.

Вначале набранный номер оказался занят. Со второй попытки Страйк услышал женский голос с сильным акцентом.

– Массажный салон «Тайская орхидея», чем могу помочь?

– Добрый день, – ответил Страйк. – Ваш номер дал мне друг. Как вас найти?

Она назвала ему адрес по Сент-Мэриз-роуд, и, обратившись к карте, он обнаружил, что это совсем рядом.

– У вас для меня найдется девушка? – спросил он.

– А какую вы хотел? – поинтересовался голос.

В боковое зеркало он увидел, как с золотистой пачкой сигарет в руках возвращается Робин и ветер треплет ее рыжеватые волосы.

– Смугленькую, – ответил Страйк после секундного замешательства. – Тайку.

– У нас сейчас две свободные девушка из Таиланда. Какие желаете услуги?

Робин открыла водительскую дверь и села в машину.

– А какие будут предложения? – спросил Страйк.

– Одна девушка сделает чувственный массаж с маслами за девяносто фунтов. Две девушки сделают чувственный массаж с маслами за сто двадцать. Полноценный массаж обнаженным телом с маслами – сто пятьдесят. Дополнительные услуги обсуждаются с девушкой.

– Понятно. Давайте... одну девушку, – ответил Страйк. – Сейчас подъеду.

Он положил трубку.

– Это массажный салон, – объяснил он Робин, изучая карту, – но не из тех, куда идешь размять больное колено.

– Серьезно? – удивилась она.

– Их сейчас везде полно, – ответил Страйк. – Ты же знаешь.

Он понимал ее замешательство. Вид из автомобиля – церковь, чинная школа на сваях, оживленная, благополучная улица, британский флаг перед ближайшим пабом – вполне подошел бы для городского рекламного буклета.

– Что ты собираешься... Где этот салон? – спросила Робин.

– Недалеко, – сказал он, указывая ей путь по карте. – Но сперва мне потребуется банкомат.

Он действительно готов платить за такой массаж? Робин была поражена и заинтригована, но не могла сформулировать вопрос и даже не знала, хочет ли услышать ответ. После остановки у банкомата, где Страйк увеличил свой перерасход по карте на двести фунтов, она по его указаниям доехала до Сент-Мэриз-роуд, начинавшейся в конце главной улицы. Это был вполне respectable квартал, где располагались

риелторские конторы, салоны красоты и адвокатские бюро – по большей части в крупных особняках.

– Приехали. – Страйк указал на незаметное угловое строение.

Блестящая, лиловая с золотом вывеска гласила: «Тайская орхидея». Лишь темные шторы на окнах намекали, что в этом заведении предлагаются не только медицинские процедуры на больных суставах. Робин припарковалась в переулке и следила за Страйком, пока он не исчез из виду.

На подходе к массажному салону Страйк отметил, что изображенная на вывеске орхидея поразительно напоминает вульву. Он позвонил, и дверь тут же открыл длинноволосый мужчина, ростом почти не уступавший ему самому.

– Я договаривался по телефону, – сказал Страйк.

Вышибала что-то промычал и мотнул головой в сторону плотной черной ширмы. Сразу за ней был небольшой, застеленный ковром холл с двумя диванами, на которых сидели взрослая женщина-тайка и две девочки, одна с виду лет пятнадцати. По задвинутому в угол телевизору показывали «Кто хочет стать миллионером?». При появлении Страйка скука на лицах девочек сменилась настороженностью. Женщина встала. Она яростно жевала жвачку.

– Это вы звонить, да?

– Так точно, – ответил Страйк.

– Выпить хотим?

– Нет, спасибо.

– Тайку любим?

– Ну да, – подтвердил Страйк.

– Которую выбираем?

– Вот эту, – ответил Страйк, указывая на младшую девочку, одетую в розовый топ с открытой спиной, замшевую мини-юбку и вульгарные туфли на шпильке.

Она улыбнулась и встала. Ноги у нее были тощими, как у фламинго.

– О'кей, – сказала его собеседница. – Платим сейчас, потом идем в приватный зал, о'кей?

Страйк передал деньги, и его избранница, сияя, поманила клиента за собой. У нее было тело мальчика-подростка, за вычетом явно ненатурального бюста, напомнившего Страйку о пластмассовых Барби на полке у дочери Элин.

Приватный зал находился в конце короткого коридора: клетушка с одним наглухо задернутым окном и тусклым освещением, наполненная

ароматом сандала. В углу душ. Массажный стол обит искусственной черной кожей.

– Хочешь сперва душ?

– Нет, спасибо, – сказал Страйк.

– Раздеться там. – Девочка указала на отгороженный ширмой уголок, куда Страйку, при его комплекции, было бы не втиснуться.

– Мне больше нравится в одежде. Я хочу просто поговорить.

Ее это не удивило. Юная тайка насмотрелась всякого.

– Топик снять? – бодро предложила она, хватаясь за узел на шее. – Без топик – еще десять фунтов.

– Нет, – ответил Страйк.

– Помочь ручкой? – предложила она, разглядывая молнию у него на джинсах. – Помочь ручкой с маслами? Тогда еще двадцать.

– Нет, я просто хочу поговорить, – повторил Страйк.

По ее лицу скользнула неуверенность, а потом вспышка страха.

– Ты легавый.

– Нет, – сказал Страйк и поднял руки, как будто сдаваясь ей на милость. – Я не из полиции. Просто разыскиваю человека по имени Ноэл Брокбэнк. Он раньше тут работал. Думаю, охранником... вышибалой.

Эту девочку Страйк выбрал именно за ее совсем юный вид. Судя по наклонностям Брокбэнка, тот скорее начал бы подбивать клинья к ней, а не к другим, но она покачала головой.

– Нету его, – сказала она.

– Знаю, – ответил Страйк. – Я хочу выяснить, куда он делся.

– Мама выгнала.

Неужели хозяйка – ее мать или же это почетное звание? Страйк не хотел впутывать в это дело Маму. Она показалась ему хитрой и жесткой. Такая, скорее всего, содрала бы с него немалую сумму за совершенно бесполезную информацию. Зато в своей избраннице он угадал простодушие. Девочка могла потребовать деньги за подтверждение того, что Брокбэнк здесь когда-то работал, что его выгнали, но ей это и в голову не пришло.

– Ты его знала? – спросил Страйк.

– Я пришла, неделя – его выгнали, – ответила она.

– А за что его выгнали?

Девочка покосилась на дверь.

– У кого-нибудь тут есть номер его телефона? Кто-нибудь знает, куда он поехал?

Молчание. Страйк достал кошелек.

– Дам двадцатку, – сказал он, – если сведешь меня с теми, кто знает, где он сейчас. Деньги оставишь себе.

Она стояла и совсем по-детски теребила подол замшевой юбки, а потом выдернула у него из руки две десятки и запихнула их поглубже в карман.

– Сиди тут.

Он присел на искусственную кожу массажного стола и приготовился ждать. В камере было чисто, как в обычном салоне, что Страйку понравилось. Грязь он считал антиафродизиак; она всегда напоминала ему о матери и Уиттекере, о вонючем сквоте, о засаленных тюфяках и густой, застревающей в ноздрях вони отчима. А здесь аккуратно выстроившиеся на тумбочке флаконы сами собой наводили на эротические мысли. Полный массаж обнаженным телом, да еще с маслами, казался теперь не такой уж гнусной затеей.

По непонятной ему причине мысли перескочили на ожидавшую в машине Робин. Он вскочил, как будто его застукали за какими-то постыдными делишками, и тут до него донеслась тайская речь на повышенных тонах. Дверь распахнулась; на пороге возникли Мама и его перепуганная избранница.

– Ты платить за одна! – гневно прокричала Мама.

Как и ее протеже, она нашла глазами его ширинку. Видно, проверяла, не совершались ли здесь какие-нибудь транзакции, не надумал ли он поживиться на халяву.

– Он передумал, – в отчаянии сказала девочка. – Он хочет две девочки – одна тайка, одна блондинка. Мы ничего не делали. Он передумал.

– Ты платить только за одна! – кричала Мама, тыча в Страйка когтистым пальцем.

Страйк услышал тяжелые шаги и догадался, что к ним идет длинноволосый вышибала.

– Я с радостью, – сказал он, проклиная себя, – заплачу и за двух массажисток.

– Еще сто двадцать? – рявкнула Мама, не веря своим ушам.

– Да, – ответил он. – Меня устраивает.

Она заставила его выйти в фойе, чтобы заплатить. Там сидела толстая рыжая девушка в черном лайковом платье с вырезом. Она светилась надеждой.

– Он хочет блондинка, – сказала сообщница Страйка, пока он отсчитывал еще сто двадцать фунтов, и рыжая поникла.

– Ингрид с клиентом, – ответила Мама, засовывая деньги Страйка в ящик стола. – Жди, пока закончит.

И он сидел между двумя тощими девушками из Таиланда и рыжей и смотрел «Кто хочет стать миллионером?», пока из коридора поспешно не вышел маленький седобородый человечек в костюме и не исчез на улице за черными шторами, не глядя никому в глаза. Через пять минут появилась тощая блондинка в фиолетовой лайкре и сапогах до бедра; по прикидке Страйка, она вполне могла быть его ровесницей.

– Ты и ты иди с Ингрид, – сказала Мама, и Страйк с тайской девочкой безропотно потащились назад, в приватный зал.

– Он не хочет массаж, – вздохнула девочка, когда дверь захлопнулась. – Он хочет знать, где ходить Ноэл.

Блондинка окинула Страйка хмурым оценивающим взглядом. Миловидная, кареглазая, с высокими скулами, она, похоже, была вдвое старше своей напарницы.

– А на кой те сдался этот хмырь? – спросила она без тени акцента, а потом хладнокровно: – Ты легавый, что ли?

– Нет, – ответил Страйк.

Внезапно ее милое личико озарилось узнаванием.

– Погоди-ка, – протянула она. – Я ж тебя знаю – ты этот, Страйк! Камерон Страйк! Сыщик, дело Лулы Лэндри раскрыл, и... господи прости... это ведь тебе ногу прислали?

– Ну... да, прислали.

– Ноэл на тебе просто двинулся! – сказала она. – Ты у него с языка не сходил. После того, как тебя в новостях показали.

– Неужели?

– Ага, он все приговаривал, что ты ему мозги повредил!

– Не будем преувеличивать мои заслуги. Ты его близко знала, да?

– Ну не *настолько*! – ответила она, правильно истолковав смысл вопроса. – У него кореш был с севера – Джон, того я знала, да. Клевый был чувак, из моих постоянных клиентов, но потом к арабам подался. Да, они, кажись, вместе учились. Он жалел Ноэла: тот же бывший военный, с кучей проблем, вот и похлопотал за него. У друга типа черная полоса. Уболтал меня комнату Ноэлу сдать и всякое такое.

Ее тон красноречиво сообщал, что Брокбэнк не заслуживал сочувствия Джона.

– И что дальше?

– Поначалу он был еще ничего, но потом освоился и все время трындел. Об армии, о тебе, о своем сыне – он, поехавший на своем сыне,

хочет типа вернуть мальчишку себе. Говорит, что из-за тебя не может с ним видаться, но я не знаю, с чего он так решил. Всем же ясно, почему его бывшая не пускала его к ребенку.

– И почему же?

– Мама увидела, как он ее внучку на колени к себе посадил – и тут же руку ей под юбку, – объяснила Ингрид. – А малой шесть лет.

– Ясно, – сказал Страйк.

– А потом свалил и меня кинул: за комнату две недели не платил – и с концами. Ну и ладно, попутный ветер в зад.

– Не знаешь, куда он подался?

– Без понятия.

– И как с ним связаться, тоже не знаешь?

– Вроде у меня в мобильнике его номер забит, – сказала Ингрид. – Не знаю, может, он уже недействителен.

– Можешь сказать...

– Где ты видишь у меня мобильник? – спросила она, поднимая руки.

Лайкра и сапоги подчеркивали каждый изгиб ее тела. Под тонкой тканью торчали отвердевшие соски. Но Страйк старался смотреть не на них, а в глаза девушки.

– А можно позже встретиться, чтобы ты сказала мне его номер?

– Нам запрещено клиентам сведения сообщать. Условия контракта, миленький: поэтому и телефоны нельзя при себе таскать. Ну ладно уж, – продолжила она, разглядывая его с головы до ног, – только для тебя, раз ты вломил этому уроду и весь из себя герой войны и все такое прочее, так и быть, встречусь с тобой после работы.

– Вот это, – ответил Страйк, – будет просто здорово. Спасибо большое.

И подумал, что кокетливый блеск в ее глазах, скорее всего, ему только померещился. Возможно, так на него действовали запахи массажных масел и недавние мечты о теплых, скользких телах.

Выждав минут двадцать, чтобы Мама поверила, будто услуги были запрошены и предоставлены, Страйк покинул «Тайскую орхидею» и перешел на другую сторону улицы, где в машине ждала Робин.

– Двести тридцать фунтов за старый номер мобильного, – сказал он, когда она отъехала от тротуара, направляясь в центр городка. – Надеюсь, оно того стоит. Нам нужна улица Адама и Евы – девица говорит, вот тут сразу направо, – кафе «У Эпплби». Там она назначила мне встречу.

Робин нашла, где припарковаться, и они, коротая время, обсуждали то, что Ингрид сказала о Брокбэнке, и поедали булочки, которыми Страйк поживился на шведском столе. Робин начала понимать, откуда у Страйка

лишний вес. Раньше ей не приходилось оставаться на задании больше суток. Когда еду покупаешь исключительно в придорожных киосках и жуешь ее на ходу, недолго скатиться к фастфуду и шоколадкам.

– А вот и она, – сказал Страйк минут через сорок, выбрался из «лендровера» и зашел в кафе.

Робин увидела блондинку, теперь одетую в джинсы и полушубок из искусственного меха. У нее была фигура гламурной модели, и Робин вспомнила Платину. Прошло десять, пятнадцать минут; ни Страйк, ни девушка не появлялись.

– Сколько нужно времени, чтобы продиктовать номер телефона? – недовольно спросила Робин у салона «лендровера»; в машине ей было зябко. – Я думала, ты хотел еще в Корби ехать.

Он сказал ей, что ничего не было, но как знать? Наверное, было. Не иначе как девушка покрыла Страйка маслом и...

Робин забарабанила пальцами по рулю. Интересно, что подумала бы Элин, узнав, как Страйк провел этот день? Потом ее как ударило: она вспомнила, что не проверяла сообщения от Мэтью. Достав из кармана пальто мобильный, Робин удостоверилась, что бывший жених так и не прорезался. После того как она отказалась идти на день рождения его отца, Мэтью умолк.

Страйк с блондинкой вышли из кафе вместе. Ингрид, казалось, не хотела расставаться. Когда он махнул ей на прощание, она потянулась к нему и чмокнула в щеку, а потом уверенной походкой от бедра пошла своей дорогой. Страйк перехватил взгляд Робин и, садясь в «лендровер», соорудил виноватую мину.

– Ты, как видно, заинтересовался, – отметила Робин.

– Не особо, – сказал Страйк, показывая ей номер, забитый в его телефон: НОЭЛ БРОКБЭНК МОБИЛЬНЫЙ. – Девочка просто любит поговорить.

Будь Робин сослуживцем-мужчиной, Страйк уж точно добавил бы: «Она на меня запала». Ингрид откровенно заигрывала, неторопливо просматривала контакты в телефоне, вслух размышляла, сохранился ли у нее номер, отчего Страйк заподозрил, что девица просто его разводит; еще она спрашивала, испробовал ли он настоящий тайский массаж, вызнавала, зачем ему понадобился Ноэл, любопытствовала насчет его прежних расследований, особенно насчет дела о гибели красавицы-модели, с которого началась его известность, а под конец с ласковой улыбкой настояла, чтобы он и ее номерок записал, «на всякий пожарный».

– Не хочешь сейчас проверить номер Брокбэнка? – предложила Робин,

отвлекая внимание Страйка от уходившей Ингрид.

– Что? Нет. Тут надо подумать. Если он сам ответит, второй попытки у нас может не оказаться. – Он посмотрел на часы. – Поехали, я не хочу опоздать в Кор...

У него в руке зазвонил телефон.

– Это Уордл, – сказал Страйк и включил громкую связь, чтобы Робин тоже могла послушать. – Что нового?

– Мы опознали тело, – ответил Уордл. Какая-то нотка в его голосе указывала, что имя им знакомо. Последовала короткая пауза, но ее было достаточно, чтобы в растревоженном сознании Страйка промелькнул образ той девочки с маленькими птичьими глазками. – Келси Платт – это она спрашивала у тебя совета, как ампутировать себе ногу. На полном серьезе. Шестнадцать лет.

Облегчение и недоверчивость в равных частях обрушились на Страйка. Он потянулся за ручкой, но Робин уже записывала.

– Она училась на воспитателя и в колледже познакомилась с Оксаной Волошиной. Келси жила в Финчли со своей сводной сестрой и ее гражданским мужем. Сказала им, что уезжает на две недели на практику. О ее исчезновении они не заявляли – не видели оснований для беспокойства. Ждали, что сегодня она вернется. По словам Оксаны, Келси не очень ладила с сестрой и напросилась туда лишь на пару недель, чтобы свой угол был. Похоже, девчонка все продумала, писала тебе с того адреса. Сестра, конечно, в полном раздрае, оно и понятно. Толку от нее пока особо не добьешься, но почерк Келси она опознала. А что Келси хотела избавиться от ноги, для нее тоже не стало сюрпризом. Мы взяли образцы ДНК с расчески. Все совпало. Это она.

Скрипнув пассажирским сиденьем, Страйк наклонился к Робин, чтобы прочитать ее записи. Его пропахшая табаком одежда немного отдавала сандалом.

– Значит, сестра живет не одна? – уточнил Страйк. – С мужчиной?

– На него мокруху не повесишь, – ответил Уордл, и Страйк не усомнился, что коп уже предпринял такую попытку. – Сорок пять лет, бывший пожарный, не в лучшей форме. Убитые легкие и железное алиби на интересующие нас выходные.

– Выходные?.. – начала Робин.

– Келси уехала от сестры вечером первого апреля. Нам известно, что умерла она второго или третьего – ее ногу вы получили четвертого. Страйк, тебе придется сюда вернуться, у меня есть вопросы. Ничего особенного, но нам нужны официальные показания по поводу тех писем.

Больше сказать было почти нечего. Приняв благодарность Страйка за информацию, Уордл положил трубку. Повисла тишина, которая, как показалось Робин, дрожала, будто от землетрясения.

*...oh Debbie Denise was true to me,
She'd wait by the window, so patiently.*

Blue Öyster Cult. «Debbie Denise»

Lyrics by Patti Smith^[55]

– Вся поездка псу под хвост. Только время потеряли. Это не Бриттани. И Брокбэнк тут не при делах.

Страйк испытал невероятное облегчение. Улица Адама и Евы вдруг заиграла яркими красками, а прохожие приобрели более разумный и приветливый вид, чем до этого звонка. Бриттани, в конце-то концов, наверняка жива. Он ни в чем не виноват. Нога не ее.

Робин промолчала. В голосе Страйка она услышала восторг, почувствовала, как у него с души упал груз. Конечно, она не знала и никогда не видела Бриттани Брокбэнк, и хотя была рада, что эта девушка в безопасности, другая девушка все же погибла при кошмарных обстоятельствах. Можно было подумать, что чувство вины, которое сбросил Страйк, упало ей на колени. Ведь это она по диагонали прочитала письмо Келси и, не ответив, положила к посланиям всяких психов. Робин спрашивала себя: а что бы изменилось, свяжись она с Келси, посоветуй обратиться за помощью? Или если бы Страйк позвонил и рассказал, что потерял ногу в бою, что рассказни про его травму – ложь? У Робин внутри все заныло от раскаяния.

– Ты уверен? – спросила она вслух после минутной паузы, во время которой каждый был занят своими мыслями.

– В чем? – не понял Страйк и повернулся к ней.

– Что Брокбэнк на сто процентов непричастен.

– Если это не Бриттани... – начал Страйк.

– Ты же сам только что сказал, что эта девица...

– Ингрид?

– Вот-вот, – подтвердила Робин с легким раздражением, – Ингрид. Ты сам говорил, что, по ее словам, Брокбэнк на тебе съехал. Все твердил, мол, это ты причинил ему мозговую травму и повинен в том, что он

потерял семью.

Страйк смотрел на нее, хмурился, думал.

– Все, что я вчера говорила по поводу желания убийцы тебя унижить, приуменьшить твои военные заслуги, вполне согласуется с тем, что нам известно о Брокбэнке, – продолжила Робин. – Почему ты не допускаешь, что он столкнулся с Келси, увидел, вероятно, шрамы у нее на ноге, совсем как у Бриттани, или прослышал, что она хочет избавиться от ноги, и это... не знаю... что-то в нем пробудило? В смысле, – неуверенно сказала Робин, – мы не знаем, как его черепно-мозговая травма отразилась...

– Да пошел он со своей мозговой травмой! – оборвал ее Страйк. – В больнице он симулировал. Сто процентов.

Робин ничего не сказала; она по-прежнему сидела за рулем и смотрела, как по улице Адама и Евы люди ходят за покупками. Она им завидовала. Конечно, у всех свои заботы, но не каждый днями напролет думает про расчленение и убийство.

– Иногда у тебя бывают здравые мысли, – наконец прервал молчание Страйк; Робин понимала, что испортила ему небольшой праздник. Он посмотрел на часы. – Давай, нам нужно выезжать в Корби, чтобы на сегодня закончить.

Двенадцать миль между городами пролетели быстро. По угрюмому лицу Страйка Робин поняла, что он прокручивает в голове их разговор о Брокбэнке. Дорога оказалась непримечательной, окружающие ландшафты плоскими – изгороди да редкие деревья.

– А что там Лэйнг? – произнесла Робин, пытаясь отвлечь Страйка от тягостных, как ей казалось, раздумий. – Напомни-ка...

– Лэйнг, да, – медленно проговорил Страйк.

Она правильно поняла: все его мысли были о Брокбэнке. Теперь он заставил себя сосредоточиться, перестроиться.

– Лэйнг связал свою жену и порезал ножом; по моим сведениям, дважды обвинялся в изнасиловании, но был оправдан за недоказанность... а еще чуть не отгрыз мне полщеки на боксерском ринге. Короче, злобный, изворотливый выродок, – заговорил Страйк. – Но, как я уже говорил, его теща считает, что он был не в себе, когда вышел из тюрьмы. Говорит, зятек отправился в Гейтсхед. Но там он, по всей вероятности, пробыл недолго, если в две тысячи восьмом сошелся с этой женщиной в Корби, – продолжил он, снова разыскивая на карте место жительства Лоррейн Макнотон. – Возраст совпадает, по срокам все сходится... Проверим. Если не застанем Лоррейн дома, заедем еще раз после пяти.

Следуя указаниям Страйка, Робин проехала через самый центр города Корби, который оказался скопищем бетонных и кирпичных кварталов, где главной достопримечательностью был торговый центр. В городской панораме преобладали офисные здания с железной щетиной антенн. Здесь не было ни центральной площади, ни старинной церкви, не говоря уже о фахверковой школе на сваях. Корби задумывался с прицелом на размещение мигрантов, хлынувших сюда в сороковых и пятидесятых; многие здания имели унылый, сугубо утилитарный вид.

– У половины улиц шотландские названия, – сказала Робин, когда они проезжали по Аргайл-стрит и Монтроуз-стрит.

– Раньше даже говорили «Малая Шотландия», верно? – отозвался Страйк, отмечая указатель «Эдинбург-Хаус».

Он слышал, что в период индустриального подъема Корби занимал первое в стране место по численности шотландцев, осевших к югу от шотландской границы. С балконов свисали флаги с косыми крестами и стоящими на задних лапах львами.

– Понятно, почему Лэйнгу тут было комфортнее, чем в Гейтсхеде. У него тут могли быть связи.

Через пять минут они уже оказались в Старом городе, где живописные каменные постройки еще сохраняли облик деревни, которой Корби был до прихода сталелитейной промышленности. А оттуда было рукой подать до Уэлдон-роуд, где жила Лоррейн Макнотон.

Дома стояли группками по шесть штук, и каждая пара была симметричной, так что входные двери находились рядом, а расположение окон получалось зеркальным. На каменных притоках над каждой дверью было вырезано название.

– Нам сюда, – сказал Страйк, указывая на «Саммерфилд», соседствовавший с «Нортфилдом».

Палисадник перед «Саммерфилдом» был выложен добротной галькой. Лужайка перед «Нортфилдом» выглядела запущенной, чем напомнила Робин ее лондонскую квартиру.

– Думаю, нам лучше зайти вместе, – заявил Страйк. – Ей, наверно, будет спокойней в твоём присутствии.

Звонок, судя по всему, не работал. Поэтому Страйк энергично постучался в дверь. Взрыв яростного лая указал, что в доме есть как минимум один живой обитатель. Потом они услышали женский голос – сердитый, но не возымевший действия.

– Цыц! Тихо! Хватит! Цыц! Фу!

Дверь открылась, и Робин мельком увидела обветренное лицо

женщины лет пятидесяти, но тут из дома с яростным рыком и лаем выскочил жесткошерстный джек-рассел-терьер и вцепился зубами в лодыжку Страйка. К счастью для Страйка, но не для собаки, зубы клацнули о сталь. Пес взвизгнул, и Робин, воспользовавшись его растерянностью, резко нагнулась, схватила этого пустобреха за шиворот и подняла. Оказавшись в воздухе, собака так удивилась, что бессильно обвисла.

– Чур не кусаться! – велела Робин.

Видимо решив, что женщина, которая набралась смелости оторвать его от земли, заслуживает уважения, пес позволил ей усилить хватку, извернулся в воздухе и попытался лизнуть державшую его руку.

– Пардон, – сказала хозяйка. – От матери мне достался. Не пес, а наказанье. Но смотрите-ка, вы ему понравились. Чудеса.

У нее были каштановые, седые у корней волосы до плеч. Тонкий рот с обеих сторон обрамляли глубокие морщины. Обутая в босоножки, из которых торчали пожелтевшие ногти, она опиралась на трость; отечная лодыжка оказалась забинтованной.

Страйк представился, а потом показал Лоррейн свои водительские права и визитку.

– Вы – Лоррейн Макнотон?

– Да, – неуверенно выдавила она. Ее взгляд метнулся в сторону Робин, которая ободряюще улыбалась поверх собачьей головы. – А... Как вы сказали?

– Детектив, – повторил Страйк. – Мне было бы интересно услышать, что вы можете рассказать о Дональде Лэйнге. Распечатка звонков показывает, что пару лет назад он проживал в вашем доме.

– Было дело, – протянула хозяйка.

– Он все еще здесь? – спросил Страйк, хотя уже знал ответ.

– Нет.

Страйк указал на Робин:

– Вы позволите нам с коллегой войти и задать вам несколько вопросов? Мы разыскиваем мистера Лэйнга.

Повисла пауза. Лоррейн жевала губу и хмурилась. Робин качала пса, который начал усердно лизать ее пальцы, учуяв запах булочки. Разорванная штанина Страйка билась на легком ветерке.

– Ладно, заходите, – сказала Лоррейн и посторонилась.

В непроветренной передней пахло застарелым табачным дымом. Многие указывало на то, что в доме обитает старушка: вязаные салфетницы, мещанские подушки с оборочками, шеренга вычурно

разодетых плюшевых мишек на лакированном комод. Одну стену закрывала картина, изображавшая ребенка с глазами-блюдцами, одетого в костюм Пьеро. Страйку было так же трудно представить в такой обстановке Дональда Лэйнга, как вообразить лежащего в углу теленка.

Когда они вошли, собака начала вырываться у Робин из рук, а потом снова залаяла на Страйка.

– Да заткнись уже! – простонала Лоррейн.

Опустившись на потертый коричный бархатный диван, она двумя руками подняла забинтованную ногу на кожаный пуфик, потянулась вбок за пачкой сигарет и закурила.

– Нужно держать ногу поднятой, – объяснила она, сжимая в зубах сигарету и ставя на колени стеклянную пепельницу. – Каждый день приходит медсестра, перевязку делает. Да вы присаживайтесь.

– Что же с вами случилось? – поинтересовалась Робин, протискиваясь между кофейным столиком и диваном поближе к Лоррейн.

Собака немедленно запрыгнула на диван и милостиво умолкла.

– Облилась кипящим маслом из фритюрницы, – ответила Лоррейн. – На работе.

– Боже, – сказал Страйк. – Представляю, как вы намучились.

– Ой, не говорите. Доктора сказали, месяц работать не смогу. Спасибо, что хоть до больницы добираться не пришлось.

Лоррейн, как стало известно, работала в пищеблоке местной больницы.

– Ну, чего там Донни натворил? – попыхивая сигаретой, прошамкала Лоррейн, когда тема ее травмы оказалась исчерпанной. – Обнес кого-нибудь, не иначе.

– С чего вы так решили? – осторожно поинтересовался Страйк.

– Так ведь он и меня обворовал, – ответила она.

Робин теперь убедилась, что грубоватый тон был только прикрытием. Длинная сигарета дрожала у Лоррейн в руке.

– Когда это случилось? – спросил Страйк.

– Перед тем, как свалить. Забрал все, что было ценного. Даже маминым колечком обручальным не побрезговал. И ведь знал, как оно мне дорого. Тогда еще года не прошло, как мама померла. А он как-то раз ушел и не вернулся. Я давай в полицию названивать: думала, он в беду попал. Не сразу заметила, что в кошельке у меня пусто и ценности пропали.

Хозяйка еще не опомнилась от такого поругания. При этих словах ее впалые щеки залились краской.

Страйк сунул руку во внутренний карман пиджака:

– Хочу убедиться, что мы говорим об одном и том же человеке. Похож?

Он передал ей одну из фотографий, полученных от бывшей тещи Лэйнга в Мелроузе. Крупный, плечистый, Лэйнг стоял у дверей загса, одетый в сине-желтый килт. Глазки-бусины как у хорька, копна по-лисьи рыжих волос. Рона, вполтину тоньше мужа, повисла у него на руке, одетая в плохо подогнанное, возможно подержанное, свадебное платье.

Лоррейн очень долго изучала фотографию. И наконец сказала:

– Кажись, он. Возможно.

– Тут не видно, но на левом предплечье у него выколота большая желтая роза, – сказал Страйк.

– Да, – тяжело проговорила Лоррейн. – Точно. – Она затянулась сигаретой, не сводя глаз с фотографии. – У него была жена, да? – спросила она дрогнувшим голосом.

– А он вам не сказал? – удивилась Робин.

– Нет. Говорил, что старый холостяк.

– Как вы познакомились? – спросила Робин.

– В пабе, – ответила Лоррейн. – Тогда он совершенно иначе выглядел.

Она повернулась к серванту, стоящему за ней, и предприняла слабую попытку встать.

– Давайте помогу, – предложила Робин.

– Средний ящик. Там, возможно, есть фотография.

Как только Робин открыла ящик, в котором лежали разрозненные кольца для салфеток, вязанные скатерки, сувенирные чайные ложечки, зубочистки и фотографии, собака снова залаяла. Робин достала столько фотографий, сколько смогла удержать, и передала их Лоррейн.

– Вот он, – сказала Лоррейн, просмотрев множество изображений – в большинстве своем престарелой женщины, ее матери, как предположила Робин. Лоррейн сразу же протянула фото Страйку.

Он бы не узнал Лэйнга, столкнусь они на улице. Бывший боксер сильно оплыл, особенно лицо. Шеи уже не было видно, кожа натянулась, черты лица исказились. Одна рука лежала на плече улыбающейся Лоррейн, вторая болталась вдоль корпуса. Лэйнг стоял без улыбки. Страйк пригляделся. Желтую розу было еле видно из-за красной сыпи, разбросанной по всему предплечью.

– У него было кожное заболевание?

– Псориатический артрит, – ответила Лоррейн. – Очень тяжелый. Ему даже пособие назначили. Работу пришлось бросить.

– Вот как? – удивился Страйк. – А кем он раньше работал?

– Сюда приехал менеджером крупной строительной фирмы, – сказала

она, – но после болезни работать уже не смог. А в Мелроузе возглавлял собственную компанию. Управляющим директором был.

– Серьезно? – Страйк не верил своим ушам.

– А то как же, семейный бизнес, – ответила Лоррейн, перебирая пачку фотографий. – От отца к нему перешел. Вот опять он, полюбуйтесь.

На снимке, сделанном, очевидно, в пабе, они держались за руки. Лоррейн вся светилась, а Лэйнг сидел с озадаченным видом; глаза щелочками темнели на отечном лице. Можно было подумать, он принимает стероиды. Волосы, похожие на лисью шкуру, не поредели, но в остальном Страйк затруднялся найти черты отлично тренированного молодого боксера, который когда-то укусил его за щеку.

– Сколько времени вы были вместе?

– Десять месяцев. Познакомились вскоре после маминой смерти. Ей было девяносто два – она жила тут, со мной. Я еще и за соседкой ходила, за миссис Уильямс, та до восьмидесяти семи дотянула. Уж в маразме была. Сын у ней в Америке живет. Донни хорошо к ней относился. Лужайку подстригал, еду покупал.

Этот ублюдок знал, с какой стороны заходить, думал Страйк. Для больного, безработного и нищего на тот момент Лэйнга одинокая женщина средних лет, которая умеет готовить, живет в собственном доме и только что унаследовала материнские деньги, была просто подарком судьбы. Чтобы к ней подольститься, достаточно было изобразить сочувствие. Лэйнг умел включать обаяние, когда ему это требовалось.

– Когда мы познакомились, он был еще ничего, – угрюмо проговорила Лоррейн. – Правда, помогать мне особо не мог. У самого проблем куча. Воспаление суставов и все такое. Ему уколы нужны были... Потом начались перепады настроения, но я-то думала, это все из-за болезней. Никто ведь не ждет, что у больного человека вечно будет рот до ушей. Не все же такие, как мама. Она была просто уникам: здоровье ни к черту, а она всегда с улыбкой и... и...

– Я вам достану платочек, – предложила Робин и медленно, чтобы только не потревожить собаку, положившую голову ей на колени, наклонилась к коробке в вязаном чехле.

– Вы заявили о пропаже драгоценностей? – спросил Страйк, когда Лоррейн получила платок и начала утирать лицо между длинными затяжками.

– Нет, – мрачно ответила она. – Зачем? Их бы все равно не нашли.

Робин подумала, что Лоррейн просто не хотела выставлять напоказ свое унижение и потому заслуживала сочувствия.

– А жестокость он не проявлял? – деликатно поинтересовалась Робин.
– Бог с вами, – удивилась Лоррейн. – Не потому ли вы приехали? Он кого-нибудь покалечил?

– Мы не знаем, – сказал Страйк.

– Вряд ли он мог кого-то *покалечить*, – продолжила она. – Не такой он человек. Я и полицейским так сказала.

– Извините, – вклинилась Робин, поглаживая дремлющую собачонку, – но я так поняла, что вы не заявляли о краже?

– Это потом было, – объяснила Лоррейн. – Через месяц с лишним после его исчезновения. Кто-то вломился к миссис Уильямс, дал ей по голове и ограбил дом. Полицейские у меня дознавались: где Донни? Я говорю: «Он давно тут не живет, выехал». Короче, говорю им, Донни бы на такое не пошел. Он ей всегда помогал. И не стал бы на старуху с кулаками лезть.

Когда-то они держались за руки в пабе. Он подстригал старухину лужайку. Лоррейн отказывалась верить, что Лэйнг – исчадье зла.

– Предполагаю, ваша соседка не смогла описать преступника? – спросил Страйк.

Лоррейн помотала головой:

– Она сюда не вернулась. Умерла в доме сестринского ухода. А в «Нортфилде» теперь семья живет. С тремя малыми детьми. Уж такие шумные, а еще хватает наглости на собаку жаловаться!

Расследование зашло в тупик. Лоррейн не представляла, куда направился Лэйнг. Не могла вспомнить, упоминал ли он какие-нибудь города, кроме Мелроуза; не знала его друзей. Когда до нее дошло, что он исчез с концами, она даже стерла номер его мобильного. Страйк и Робин попросили у нее фотографии Лэйнга, но никакой другой помощи она предложить не смогла.

Собака громко запротестовала, когда Робин вытащила из-под нее свои теплые колени; судя по всем признакам, псина решила выплеснуть свое недовольство на поднявшегося со стула Страйка.

– Уймись, Тиггер, – проворчала Лоррейн, с трудом удерживая на диване рассвирепевшую собаку.

– Не провожайте нас! – прокричала Робин, перекрывая оголтелый лай. – Спасибо огромное за помощь!

Лоррейн, немного печальнее и несчастнее, чем до их прихода, осталась сидеть с поднятой кверху забинтованной ногой в захлавленной, прокуренной гостиной. Истеричный собачий лай сопровождал их до мостовой.

– Надо было хотя бы чаю ей заварить или еще как-нибудь помочь, – виновато сказала Робин, когда они сели в машину.

– Она не понимает, как легко отделалась, – жестко возразил Страйк. – Вспомни ту старуху, – он указал на «Нортфилд», – которая получила по голове за свои грошовые сокровища.

– Думаешь, это Лэйнг сделал?

– Конечно Лэйнг, скотина! – взорвался Страйк, когда Робин прогревала двигатель. – Все спланировал под видом помощи. И заметь: вроде как артритом мучился, а сам газонокосилкой орудовал, старух калечил – и ничего.

Голодная и уставшая, с головной болью от прокуренной затхлости гостиной, Робин сочла за лучшее кивнуть и сказать, что, наверное, он прав. Она была удручена этим разговором, и перспектива провести два с половиной часа в дороге уже не казалась заманчивой.

– Ну что, поехали? – спросил Страйк, посмотрев на часы. – Я обещал Элин, что вечером буду.

– Конечно, – ответила Робин.

Но по какой-то причине – возможно, из-за головной боли, возможно, из-за зрелища немолодой женщины, прозябающей в «Саммерфилде» наедине с воспоминаниями об ушедших от нее любимых людях, – Робин вновь оказалась на грани слез.

Иногда он тяготился общением с гопниками, которые считали себя его друзьями; к ним его толкало только безденежье. Основным их занятием было воровство, главным развлечением субботнего вечера – пьянство; а они к нему тянулись, думали, он им кореш, дружбан, ровня. Надо же: ровня!

В тот день, когда обнаружили ее тело, ему хотелось просто побыть одному, чтобы окунуться в газетные репортажи. Почитывать такие материалы – одно удовольствие. Его переполняла гордость: впервые он сумел убить в уединении, без суеты, на свой вкус. И с Секретуткой намеревался сделать то же самое; насладиться ею живой, а потом прикончить.

И только одно капитально портило настроение: нигде не упоминались письма, которые должны были навести полицию на Страйка: пусть бы этого гада таскали на допросы, гнобили, пусть бы замарали его имя, пусть бы тупая серая масса решила: дыма без огня не бывает. Однако на глаза попадались только репортажи, сообщения, фотографии квартиры, где он ее прикончил, интервью со смазливой мальчишкой-копом. Все материалы требовалось сохранить на память, вместе с частицами самой девушки, которые добавились к его заветной коллекции.

Разумеется, Чудо не должно было заметить его ликования и гордости – терять бдительность не следовало. Оно было недовольно, очень недовольно. Жизнь складывалась не так, как Чудо планировало, а он, хоть ему и насрать, вынужденно притворялся, что и сам обеспокоен, что он белый и пушистый, – а все потому, что без Чуда было не обойтись: оно его кормило и могло в самом крайнем случае предоставить алиби. Как знать, когда тебе понадобится алиби. Один раз он уже чуть не спалился.

Дело было в Милтон-Кинс, где он убил во второй раз. Не гадить у себя на пороге – он всегда придерживался этой заповеди. В Милтон-Кинс его не заносило ни до, ни после; с этой дырой ничто его не связывало. Машину угнал сам, без посторонней помощи. Фальшивыми номерами обзавелся заранее. А потом просто поехал наобум, куда глаза глядят. После первого убийства ему хронически не везло. Как он ни старался заклеить девчонку в баре, в клубе, увести подальше от толпы – ничего не получалось, хотя

в прежние времена ни одного сбоя не бывало. Естественно, по молодости он выглядел хоть куда, но даже сейчас не стоило регулярно скатываться до проституток. Если западаешь на один и тот же тип, копы начинают шевелить мозгами. Однажды ему повезло выследить подвыпившую девушку, но не успел он выхватить нож, как в переулок откуда ни возьмись с гоготом выпала компания каких-то малолеток – ловить уже было нечего. После того случая он отказался от привычных способов снять телку. Оставалось только действовать силой.

Ехал он, ехал и все больше расстраивался: никого подходящего в Милтон-Кинс не наблюдалось. В десять минут двенадцатого он был близок к тому, чтобы сдать и присмотреть себе проститутку, но тут заметил ее. Коротко стриженная брюнетка в джинсах и ее парень устроили свару на островке безопасности посреди проезжей части. Он проехал мимо, но все время смотрел в зеркало заднего вида. Девушка сорвалась с места, будто опьяненная собственными слезами и гневом. Оставшись в одиночестве, ее парень что-то кричал, а потом, с отвращением махнув рукой, побрел в противоположном направлении.

Чтобы поехать за ней, пришлось развернуться. Девушка на ходу плакала, вытирая глаза рукавом.

Он опустил стекло:

– Что случилось, милая?

– Отвали!

Она предрешила свою судьбу, когда со злости нырнула в кусты, чтобы отделаться от человека в ползущей рядом машине. Еще метров сто – и оказалась бы под ярким светом.

Ему нужно было просто свернуть с дороги и припарковаться. Прежде чем выйти из машины, он натянул балаклаву и, с ножом наготове, спокойно потопал к тому месту, где она исчезла. Было слышно, как она продирается сквозь плотные заросли, посаженные вдоль широкой серой дороги с разделительной полосой. Фонарей поблизости не было. Для проезжающих мимо водителей он оставался невидимкой на фоне темной листвы. Когда же девчонка выбралась на тротуар, он, угрожая ножом, без труда заставил ее вернуться в кусты.

Прежде чем бросить тело, он битый час возился в зарослях. Вырвал у нее из ушей серьги, а потом принялся остервенело махать ножом, отсекая от нее кусочки. Когда потоки транспорта стихли, он, тяжело дыша и даже не сняв балаклаву, суетливо побежал сквозь темноту к угнанной машине.

На обратном пути он каждой клеткой своего тела ощущал ликование и насыщение, а из карманов текло. И только тогда туман рассеялся.

В прошлый раз он использовал машину с работы, которую потом тщательно вычистил на глазах у сотрудников. Но в этот раз у него возникли сомнения, что удастся замыть от крови тканевую обивку сидений и уничтожить следы собственной ДНК. Что же делать? В тот момент он был как никогда близок к панике.

Он долго ехал на север, прежде чем бросить машину в стороне от главной дороги, в чистом поле, вдали от всяких строений. Здесь он, дрожа от холода, открутил фальшивые номера, окунул один носок в бензобак, бросил его на окровавленное переднее сиденье и поджег. Машина долго не разгоралась; пришлось сделать еще несколько попыток и наконец в три часа ночи, когда он в ознобе наблюдал из-за деревьев, тачка взорвалась. И только тогда он убежал.

Была зима, а потому балаклава не вызывала подозрений. Он закопал фальшивые номера в лесу и быстро ушел, опустив голову и сжимая в карманах драгоценные сувениры. Вначале подумал было их тоже закопать, но не смог с ними расстаться. Кровавые пятна на брюках замазал грязью, балаклаву на станции снимать не стал, забился в угол вагона и прикинулся пьяным: бормотал что-то нечленораздельное, изображая признаки агрессивности и безумия, служившие неплохим прикрытием.

К тому моменту, когда он добрался домой, тело уже нашли. В тот вечер за ужином он смотрел телевизор, держа на коленях поднос с едой. Сгоревшую машину тоже нашли, а номера – нет, и это стало доказательством небывалого везения, какого-то защитного благословения, данного ему вселенной. Хахаля, с которым ругалась та девица, арестовали, отдали под суд и, даже в отсутствие веских доказательств, признали виновным! Мысль о том, что этот дебил сидит за него, до сих пор временами поднимала ему настроение...

И все же те часы, когда он ехал на машине сквозь темноту и знал, что встреча с полицией может оказаться роковой, боялся требования вывернуть карманы, боялся, что в вагоне какой-нибудь не в меру бдительный пассажир заметит на нем засохшую кровь, стали для него хорошим уроком. Предусматривай все до мелочей. Не оставляй ничего на волю случая.

А значит, сейчас нужно тащиться за ментоловым бальзамом. Теперь самое главное – сделать так, чтобы Чудо не встряло со своими новыми дурацкими замыслами.

I am gripped, by what I cannot tell...

Blue Öyster Cult. «Lips in the Hills»^[57]

В интересах следствия Страйк привык чередовать судорожную деятельность с вынужденным бездельем. Тем не менее выходные после поездки в Барроу, Маркет-Харборо и Корби повергли его в странную напряженность.

Постепенное погружение в гражданскую жизнь, произошедшее в последние пару лет, принесло с собой давление, от которого в армии он был защищен. Его сводная сестра Люси, единственная из братьев и сестер, с кем в детстве он жил вместе, позвонила рано утром в субботу, чтобы узнать, почему он оставил без ответа приглашение на день рождения своего среднего племянника. Он объяснил, что уезжал и не имел доступа к почте, но она почти не слушала.

– Джек молится на тебя как на героя, ты же знаешь, – сказала она. – Он спит и видит, чтобы ты пришел.

– Извини, Люси, – ответил Страйк, – не смогу. Я ему подарок пришлю.

Когда Страйк служил в ОСР, Люси чувствовала себя не вправе включать эмоциональный шантаж. Тогда, разъезжая по всему миру, он с легкостью избегал родственных обязанностей. Сестра видела в нем незаменимый винтик огромной и неумолимой армейской машины.

После того как он устоял перед рисуемой ею картиной, на которой его безутешный восьмилетний племянник напрасно ждет появления дяди Корморана, она сдалась и вместо этого спросила, как идет охота за злодеем, приславшим ногу. Ее тон намекал, что получать ногу – это нечто постыдное. Страйк очень хотел, чтобы разговор закончился, и соврал, что отдал все на откуп полиции.

Как бы он ни любил свою младшую сестру, он уже смирился с тем, что их отношения почти полностью строились на общих воспоминаниях – в основном неприятных. Он никогда не откровенничал с Люси, если на то не было внешних причин, просто потому, что эти откровения обычно вызывали в ней беспокойство или тревогу. Люси жила в состоянии постоянного разочарования оттого, что он в свои тридцать семь лет не имел всего того, что, как она считала, должно принести ему счастье:

ни постоянной работы, ни солидной зарплаты, ни жены, ни детей.

Радуюсь, что ему удалось от нее избавиться, Страйк заварил себе уже третью за утро кружку чая и с пачкой газет лег обратно в кровать. В некоторых газетах напечатали фотографию убитой Келси Платт, на которой она была одета в темно-синюю школьную форму, с улыбкой на простом угриватом лице.

В одних трусах, над которыми нависал волосатый живот, не убавившийся от многочисленных готовых обедов навынос и шоколадок, съеденных за последние две недели, он сжевал пачку печенья и просмотрел несколько статей, но не нашел в них ничего нового и вместо этого обратился к анонсу матча «Арсенала» с «Ливерпулем», который должен был состояться на следующий день.

Пока он читал, у него зазвонил мобильник. Он и не осознавал, насколько взвинчен: он среагировал мгновенно. Уордл даже удивился:

– Ни хрена себе, ты быстрый. Сидел, что ли, на телефоне?

– Что случилось?

– Мы съездили к сестре Келси – зовут Хейзел, медсестра. Мы изучаем круг общения Келси, обыскали ее комнату и забрали ноутбук. Она заходила на форумы для людей, которые хотят себе что-нибудь оттяпать, и там спрашивала о тебе.

Страйк запустил пальцы в густые кучерявые волосы, уставился в потолок и слушал.

– У нас есть личные данные нескольких людей, с которыми она регулярно общалась на форуме. К понедельнику должны появиться фотографии – ты где будешь?

– Здесь, в конторе.

– Парень ее сестры, бывший пожарный, говорит, что Келси постоянно расспрашивала о людях, застрявших в зданиях, и об автомобильных авариях, и всяком таком. Она очень хотела избавиться от ноги.

– Господи, – пробормотал Страйк.

После того как Уордл положил трубку, Страйк обнаружил, что не может сосредоточиться на перестановках в составах на стадионе «Эмирейтс». Через несколько минут он перестал притворяться, что его захватывает судьба тренерского штаба Арсена Венгера, и снова уставился на трещины в потолке, рассеянно крутя в руках телефон.

Ослепленный облегчением оттого, что нога не принадлежала Бриттани Брокбэнк, он намного меньше думал о жертве, чем обычно. Теперь он впервые задумался о Келси и присланном ею письме, которое не потрудился прочесть.

Мысль о том, что кто-нибудь хочет пережить ампутацию, вызывала у Страйка отвращение. Он снова и снова крутил в руке мобильник, приводил в порядок все, что знает о Келси, пытался построить в уме образ, собранный из ее имени и смеси жалости с неприязнью. Ей было шестнадцать; она не ладила с сестрой; изучала уход за детьми... Страйк потянулся за блокнотом и начал писать: парень в колледже? Преподаватель? Она интересовалась им в интернете. Почему? Откуда у нее взялась мысль, что он, Страйк, сам ампутировал себе ногу? Или же это была фантазия, порожденная газетными статьями о нем?

Психическое заболевание? Фантазерка? – написал он.

Уордл уже изучал ее собеседников в интернете. Страйк прекратил писать, вспомнив фотографию головы Келси, ее полных щек в морозилке, взгляда замерзших глаз. Детский жирок. Он все время думал, что она выглядит слишком молодо для двадцати четырех. На самом деле она выглядела слишком молодо и для шестнадцати.

Он бросил карандаш и, продолжая крутить мобильник в левой руке, стал размышлять дальше...

Был ли Брокбэнк «настоящим» педофилом, как выразился психолог, с которым Страйк познакомился в армии, расследуя другое изнасилование? Был ли он из тех, кого привлекают только дети? Или же он был другим типом жестокого агрессора, который избирал девочек в качестве своей мишени просто потому, что они доступны и их легко заставить молчать, но проявлял более широкие сексуальные предпочтения, если подворачивалась другая жертва? Если коротко, была ли похожая на ребенка шестнадцатилетняя девочка слишком старой, чтобы возбудить Брокбэнка, или он изнасиловал бы любую женщину, которую можно заставить молчать? Однажды Страйку пришлось столкнуться с девятнадцатилетним солдатом, который пытался изнасиловать семидесятисемилетнюю. Некоторым мужчинам для пробуждения их жестокой сексуальной природы нужна только возможность.

Страйк пока не звонил по номеру Брокбэнка, который ему дала Ингрид. Его темные глаза скользнули на крошечное окно, из которого виднелось залитое слабым солнцем небо. Возможно, стоило бы дать номер Брокбэнка Уордлу. Возможно, стоит сейчас его набрать...

Но, едва начав листать список контактов, Страйк передумал. Чего он достиг, делаясь своими подозрениями с Уордлом? Ничего. Полицейский сидел в оперативном пункте, несомненно перебирал зацепки, прорабатывал свои версии, а версиям Страйка – как считал сам частный детектив – доверял немногим больше, чем домыслам первого встречного, у которого

были предчувствия, но не было доказательств. То, что обладавший обширными ресурсами Уордл пока не нашел Брокбэнка, Лэйнга или Уиттекера, указывало на то, что он не считал задачу первостепенной.

Нет, если Страйк хотел найти Брокбэнка, то ему, конечно, следовало поддерживать созданное Робин прикрытие: адвоката, который ищет бывшего майора, чтобы выбить ему компенсацию. Прослеживаемая предыстория, которую они создали для его сестры в Барроу, может оказаться ценной. И вообще, подумал Страйк, садясь на кровать, может быть, стоит прямо сейчас позвонить Робин и дать ей номер Брокбэнка. Он знал, что она одна в квартире в Илинге, а Мэтью находится дома в Мэссеме. Он мог бы позвонить и, наверное...

Ну нет, ты тупой ушлепок.

У него в голове появилась картинка: они с Робин сидят в «Тотнэме» – картинка, к воплощению которой в реальность мог привести звонок. У них обоих были нерешенные проблемы. Они пойдут в паб, чтобы обсудить дело...

В субботу вечером? Размечтался.

Страйк резко вскочил, как будто ему стало больно лежать на кровати, оделся и направился в супермаркет.

Возвращаясь на Денмарк-стрит с набитыми пакетами, он, как ему показалось, заметил присланного Уордлом полицейского в гражданском, поставленного в этом районе, чтобы следить за появлением мужчин крупного телосложения в вязаных шапках. Молодой человек в плотной шерстяной куртке был чересчур насторожен, его взгляд чуть дольше положенного задержался на проходящем мимо него сыщике, размахивающем пакетами.

Элин позвонила Страйку намного позже, уже когда он поужинал в одиночестве у себя в мансарде. Как обычно, субботним вечером о свидании не стоило и думать. Во время разговора он слышал фоном игру ее дочери. У них была предварительная договоренность насчет воскресного ужина, но Элин предлагала встретиться пораньше. Ее муж намеревался ускорить продажу дорогостоящих апартаментов на Кларенс-террас, и она уже начала подыскивать новое жилье.

– Не хочешь составить мне компанию? – спросила она. – Я договорилась завтра посмотреть две квартиры.

Он знал – или так думал, – что ее предложение родилось не из какой-то пылкой надежды на совместную жизнь – встречались они всего три месяца, – а просто потому, что она избегала одиночества. Производимое ею впечатление самодостаточности было обманчивым. Они бы никогда

не познакомились, если бы Элин, вместо того чтобы пойти на собрание незнакомых ей коллег и друзей брата, решила провести несколько часов в одиночестве. Конечно, ничего предосудительного в этом не было, общительность вообще неплохое качество, просто Страйк уже год как подгонял свою жизнь под себя и с трудом отказывался от этой привычки.

– Не могу, – сказал он, – извини. Работаю до трех.

Уверенно произнесенная ложь. Элин восприняла ее относительно спокойно. Они условились встретиться в кафе вечером, как и договаривались, что сулило ему возможность спокойно посмотреть матч «Арсенал» – «Ливерпуль».

Повесив трубку, он снова подумал, как Робин одна сидит в квартире, которую делит с Мэтью. В темноте он взял сигарету, включил телевизор и снова опустился на подушки.

У Робин получились странные выходные. Настроившись не впадать в мрачность из-за того, что сама она осталась в одиночестве, а Страйк уехал к Элин (откуда появилась такая мысль? Конечно уехал; в конце концов, это выходные, а уж как он их проводит – не ее дело), она несколько часов сидела за ноутбуком, упорно раскручивая одно старое направление расследования и одно новое.

Поздно вечером в субботу она сделала в интернете открытие, от которого проскакала три победных круга по тесной гостинице и едва удержалась, чтобы не набрать Страйка. У нее перехватывало дыхание и бешено колотилось сердце; лишь через несколько минут она успокоилась и убедила себя, что новости подождут до понедельника. Будет намного приятнее сообщить ему лично.

Зная, что Робин одна, ее мать позвонила ей дважды за выходные, оба раза настойчиво выясняя, когда можно будет приехать в Лондон.

– Не знаю, мам, не сейчас, – вздыхала Робин в воскресенье утром. Она сидела на диване еще в пижаме, снова уткнувшись в ноутбук, и пыталась поддерживать беседу с членом интернет-сообщества лиц, страдающих от синдрома невосприятия целостности собственного тела – тот именовал себя <<Δēvōtēē>>^[58]. Трубку она взяла только потому, что боялась неожиданного визита матери.

<<Δēvōtēē>>: покуда ты хочешь отрезать?

TransHopeful^[59]: по середину бедра

<<Δēvōtēē>>: обе ноги?

– Может, завтра? – спросила Линда.

– Нет, – выпалила Робин, а потом соврала легко и убедительно, как Страйк: – У меня дело в самом разгаре. Лучше через неделю.

TransHopeful: Да, обе. Не знаешь никого, кто это сделал?

<<Δēvōtēē>>: Тут рассказывать не могу. Ты где живешь?

– Я его не видела, – сказала Линда. – Робин, ты что, печатаешь?

– Нет, – снова соврала Робин, и ее пальцы зависли над клавиатурой. – Кого ты не видела?

– Мэтью, кого же еще!

– А... Ну да, я и не думала, что он заедет в эти выходные.

Она старалась не лупить по клавишам.

TransHopeful: В Лондоне

<<Δēvōtēē>>: Я тоже. Фотка есть?

– Вы ходили на день рождения мистера Канлиффа? – спросила Робин, чтобы только заглушить щелканье клавиш.

– Конечно нет! – воскликнула Линда. – Ты сообщи мне, когда лучше приехать на следующей неделе, чтобы я успела забронировать билет. Пасха же, народу будет много.

Робин согласилась, ответила на нежное прощание Линды и полностью переключилась на <<Δēvōtēē>>. К сожалению, после того, как Робин отказалась отправить ему или ей (впрочем, она была почти уверена, что это мужчина) фотографию, <<Δēvōtēē>> потерял интерес к их разговору на форуме и затих.

Она ожидала, что Мэтью вернется от отца в воскресенье вечером, но этого не произошло. Когда в восемь часов она посмотрела на кухонный календарь, ей вспомнилось, что в ближайший понедельник он давно собрался взять выходной. Ориентировочно Робин согласилась запланировать совместный отдых и сказала Мэтью, что тоже попросит у Страйка отгул. Как же повезло, что мы разбежались, бодро сказала она себе: хотя бы избежала очередной свары по поводу своей непомерной загрузки на работе.

Но позже она плакала в одиночестве среди останков их общего прошлого: тут был пушистый слон, которого он подарил ей на первый

совместный День святого Валентина (Мэтью тогда еще не поднаторел в светских условностях и покраснел, когда доставал эту игрушку), и шкатулка для драгоценностей – его же подарок ей на двадцать один год. А еще было множество фотографий, на которых они сверкали улыбками во время отпусков в Греции и Испании или же стояли, нарядные, на свадьбе сестры Мэтью. На самой большой фотографии, сделанной по случаю выпуска Мэтью, они держались за руки. Он был в мантии, а Робин стояла рядом в летнем платье, светилась от счастья и праздновала достижение, которого ее лишил человек в маске гориллы.

*Nighttime flowers, evening roses,
Bless this garden that never closes.*

Blue Öyster Cult. «Tenderloin»^[60]

На следующий день Робин немного повеселела от изумительного весеннего утра, встретившего ее на пороге дома. Она была начеку, пока ехала в метро до Тотнэм-Корт-роуд, но не заметила никого похожего на рослого мужчину в вязаной шапке. Зато во время этой утренней поездки ей в глаза бросились восторги журналистов по поводу королевской свадьбы. Казалось, с первой полосы каждой газеты смотрит Кейт Миддлтон. От этого Робин особенно остро ощутила обнаженный, чувствительный участок безымянного пальца, на котором в течение года сверкало кольцо. Но печали не было: Робин не терпелось поделиться со Страйком результатами своих поисков. Только она вышла со станции, как услышала мужской голос, окликавший ее по имени. На мгновение она струхнула, что нарвалась на Мэтью, но тут сквозь толпу пробился Страйк с рюкзаком на плече. Робин вычислила, что ночевал он у Элин.

– Доброе утро. Хорошо провела выходные? – спросил он. А потом, пока она не успела ответить, добавил: – Извини. Нет. Дерьмово, конечно.

– Местами неплохо, – сказала Робин, когда они преодолевали уже привычную полосу препятствий из барьеров и ям на тротуаре.

– Что нашла? – громко спросил Страйк, перекрикивая неумолкающие отбойные молотки.

– Ничего не слышу! – крикнула она.

– Что. Ты. Нашла?

– Как ты понял, что я что-то нашла?

– У тебя такое лицо бывает, – ответил он, – только когда тебе не терпится чем-то поделиться.

Она улыбнулась:

– Чтобы показать, нужен компьютер.

При повороте на Денмарк-стрит они заметили, что у входа в агентство маячит человек в черном с огромным букетом алых роз.

– Господи, – выдохнула Робин.

Спазм страха отступил: ее сознание мгновенно убрало цветы и оставило только злодея в черном, конечно же не курьера. Как она смогла разобрать, когда они подошли ближе, это был длинноволосый юноша из службы доставки компании «Интерфлора», даже без шлема. Страйк подумал, что этому мальчику, наверно, еще не доводилось вручать пятьдесят красных роз такому подавленному адресату.

– Это отец его подбил, – мрачно приговаривала Робин, протискиваясь в открытую Страйком дверь и не щадя трепыхавшегося букета. – «Все женщины любят розы» – наверняка что-то такое сказал. «Охапку цветов сунуть – и больше ничего не надо».

Страйк следовал за ней по металлической лестнице. Его рассмешила эта ситуация, но он сдержался и молча открыл дверь офиса. Робин прошла к своему столу и бесцеремонно бросила на него розы, которые дрожали в перехваченной лентами зеленоватой упаковке. В букете была открытка. Читать ее в присутствии босса Робин не спешила.

– Ну? – спросил он, вешая рюкзак на крючок рядом с дверью. – Что ты раскопала?

Но до того как Робин успела ответить, в дверь постучали. Сквозь матовое стекло легко узнавался силуэт Уордла: волнистая шевелюра, кожаная куртка.

– Я тут мимо проходил. Не слишком рано? Сосед снизу меня пропустил. – Взгляд Уордла сразу же перескочил на розы. – День рождения?

– Нет, – коротко ответила Робин. – Кто-нибудь хочет кофе?

– Я приготовлю. – Не прекращая разговора с Робин, Страйк взялся за чайник. – Уордл хотел нам кое-что показать.

Робин упала духом: а вдруг полицейский ее опередит? Почему она не позвонила Страйку в субботу вечером, когда сделала свое открытие?

Уордл сел на обитый искусственной кожей диван, который, как всегда, отозвался на солидный вес пукающим звуком. Полицейского это застигло врасплох: он осторожно поерзал, чтобы изменить положение, и раскрыл папку.

– Оказывается, Келси писала на сайте для людей, которые хотят лишиться конечностей, – сказал Уордл, обращаясь к Робин.

Робин села на свое место за рабочим столом. Розы закрывали ей полицейского; она нетерпеливо переложила их на пол.

– Она упоминала Страйка, – продолжил Уордл. – Спрашивала, есть ли у кого-нибудь о нем сведения.

– Девушка использовала ник *Nowheretoturn?* – спросила Робин с нарочито небрежным видом.

Уордл в изумлении поднял глаза, а Страйк обернулся, так и застыв с ложкой кофе.

– Да, именно, – выговорил полицейский, уставившись на нее. – А вы откуда знаете?

– Еще в прошлую субботу обнаружила этот форум, – сказала Робин. – И подумала, что автор известного нам письма, скорее всего, *Nowheretoturn*.

– С ума сойти, – проговорил Уордл, переводя взгляд с Робин на Страйка, – нужно взять ее на работу.

– У нее уже есть работа, – ответил Страйк. – Продолжай. Келси писала...

– Да, короче: в итоге она обменялась адресами электронной почты с этими двумя. Ничего особенно полезного, но мы хотим узнать, встречались ли они... ну, как говорится, в реале, – сказал Уордл.

Странно, подумал Страйк, как эта фраза – в детстве употребляемая, чтобы различать волшебный мир игры и скучный взрослый мир фактов, – теперь обозначает жизнь, которую человек ведет за пределами интернета. Он передал Уордлу и Робин кофе, а потом направился к себе в кабинет за стулом, чтобы оставить пукающий диван в распоряжении Уордла.

Когда он вернулся, Уордл показывал Робин распечатки со страниц этих двух людей в «Фейсбуке». Она внимательно изучила каждое фото, а потом передала Страйку. На одном была крепкая девушка в очках, с круглым, бледным лицом и короткими черными волосами. На второй – светловолосый кривоватый парень чуть за двадцать.

– Вот эта говорит о себе «трансвалид» – как хотите, так и понимайте, а вот этот на всех форумах клянчит, чтобы ему помогли хоть что-нибудь себе ампутировать. Если хотите знать мое мнение, у обоих серьезные проблемы. Никого не узнаете?

Страйк покачал головой, как и Робин. Уордл вздохнул и забрал фотографии:

– Я и не надеялся.

– А как насчет других мужчин? В колледже есть какие-нибудь преподаватели или парни-студенты? – спросил Страйк, припоминая вопросы, возникшие у него в субботу.

– Сестра говорит, что Келси упоминала некоего таинственного парня, которого эта Хейзел в глаза не видела и вообще считает выдумкой. Мы говорили с парочкой подруг Келси из колледжа – ни одна не замечала с ней рядом никакого парня, но мы что-нибудь нароем. Кстати, о Хейзел, – добавил, отпив немного кофе, Уордл, – я обещал передать ее просьбу. Она хочет с тобой встретиться.

- Со мной? – удивился Страйк. – Зачем?
- Не знаю, – ответил Уордл. – Думаю, хочет объясниться с кем только можно. Она совсем никакая.
- Объясниться?
- Ее мучит совесть, потому что вся эта история с ногой вначале представлялась ей нелепой попыткой привлечь внимание, но теперь она убедилась, что Келси действительно нуждалась в помощи.
- Она же понимает, что на письмо я не ответил? Что я никогда с этой девушкой не общался?
- Да-да, я все объяснил. Тем не менее дамочка продолжает настаивать. Не знаю... – Уордл начал терять терпение, – тебе прислали ногу ее сестры... ты же понимаешь, как люди ведут себя после подобного шока. И потом, она же выбрала не кого-нибудь, а тебя, – продолжил Уордл с еле заметным вызовом. – Думает небось, что полиция валяет дурака, зато добрый дядя вмиг раскрутит дело.
- Робин и Страйк избегали встречаться глазами, и Уордл нехотя признал:
- С Хейзел мы слегка перегнули. Один из наших слишком жестко прессанул ее сожителя, а кому такое понравится? Вот она и ушла в оборону. Возможно, ей просто хочется заручиться твоей поддержкой: детектив, уже спасший одну невинную женщину от тюрьмы.
- Страйк решил игнорировать подтекст такого оправдания.
- Конечно, мы должны были допросить мужика, который жил с девчонкой под одной крышей, – добавил Уордл для Робин. – Это обычное дело.
- Да, – сказала Робин. – Конечно.
- В ее жизни не было мужчин, кроме сожителя сестры и этого предполагаемого парня? – спросил Страйк.
- Она ходила к психологу, тощему черному мужику за пятьдесят, который в те выходные, когда ее не стало, навещал родню в Бристоле, а еще есть глава молодежной церковной группы по имени Даррел, – сказал Уордл, – толстяк в комбинезоне. Он проплакал весь разговор. В воскресенье он был в церкви; больше ничего проверить нельзя, но я не могу представить, как он машет тесаком. Больше мы ни о ком не знаем. На курсе у нее почти сплошь девицы.
- А в церковной группе парней нет?
- Там тоже почти сплошь девицы. Самому старшему парню четырнадцать.
- А как полиция отнесется к моей встрече с Хейзел? – спросил Страйк.
- Мы не вправе тебя останавливать, – ответил Уордл, пожимая

плечами. – Я только за – если ты поделишься с нами всеми добытыми сведениями, но вряд ли она что-нибудь расскажет. Мы опросили всех, обыскали комнату Келси, изучили ее ноутбук, и лично я готов поставить, что никто из тех, с кем мы общались, ничего не знает. Они все думали, что она на практике.

Поблагодарив за кофе и особенно тепло улыбнувшись Робин, на что она почти не ответила, Уордл ушел.

– Ни слова о Брокбэнке, Лэйнге или Уиттекере, – проворчал Страйк, когда стихли лязгающие шаги Уордла. – И ты не говорила мне, что роешься в Сети, – добавил он Робин.

– У меня не было доказательств, что это она написала письмо, – сказала Робин, – но я действительно думала, что Келси могла искать помощи в интернете.

Страйк поднялся на ноги, взял ее кружку со стола и направился к двери, когда Робин возмущенно спросила:

– Тебе не интересно, что я собиралась рассказать?

Он удивленно развернулся:

– Это разве не оно?

– Нет!

– Ну?

– По-моему, я нашла Дональда Лэйнга.

Страйк ничего не сказал, а стоял с озадаченным лицом, держа в каждой руке по кружке.

– Ты... Что? Как?

Робин включила компьютер, поманила к себе Страйка и начала печатать. Он повернулся, чтобы смотреть ей через плечо.

– Сперва, – начала она, – нужно было узнать, как пишется «псориатический артрит». А потом... смотри.

Она открыла благотворительную страницу на *JustGiving*^[61]. С маленькой фотографии вверху экрана на нее смотрел мужчина.

– Охренеть, это он! – воскликнул Страйк так, что Робин вздрогнула.

Поставив чашки, он решил подтащить к монитору свой стул. Пока тащил – опрокинул розы.

– Черт... Извини...

– Плевать, – сказала Робин. – Садись сюда, я собираю.

Она отошла, и Страйк занял ее место на вращающемся стуле.

Это была маленькая фотография, которую Страйк, кликнув на нее, увеличил. Шотландец стоял на, казалось, тесном балконе, балюстрада которого была обшита толстым зеленоватым стеклом; он не улыбался

и держал костыль под правой рукой. Короткие, жесткие волосы все еще низко нависали надо лбом, но вроде бы потемнели за все эти годы, уже не были рыжими, как лисья шкура. Чисто выбритая кожа казалась испещренной оспинками. Он был не таким опухшим, как на фотографии Лоррейн, но все равно набрал вес с тех пор, когда был мускулистым, как мраморный Атлас, и укусил Страйка в щеку на боксерском ринге. На нем была желтая футболка, на правом предплечье виднелась татуировка розы, претерпевшая изменения: теперь к ней добавился воткнутый кинжал, и с цветка в сторону запястья капала кровь. За Лэйнгом на балконе виднелся размытый зубчатый контур черно-серебристых окон.

Он использовал свое настоящее имя:

*Благотворительный призыв Дональда Лэйнга.
Я британский ветеран, страдающий от псориатического артрита.
Я собираю деньги на исследования. Пожалуйста, перечислите
сколько сможете.*

Страница была создана три месяца назад. Он собрал ноль процентов от тысячи фунтов, которую надеялся получить.

– Даже не удосужился соврать, как поступит со средствами, – отметил Страйк. – Просто «дайте мне денег».

– Не «мне», – поправила его Робин с пола, где она вытирала бумажными полотенцами разлитую воду. – Он отдает деньги на благотворительность.

– Если этому можно верить.

Прищурившись, Страйк рассматривал ступенчатые контуры за фигурой Лэйнга.

– Тебе это ничего не напоминает? Эти окна позади него?

– Я сперва подумала, что это «Корнишон», – ответила Робин, выбрасывая промокшие полотенца и распрямляясь, – но узор другой.

– Тут не написано, где он живет, – сказал Страйк, щелкая везде, где только можно, в поисках новой информации. – Но у администрации должны быть его данные.

– Почему-то никогда не ждешь такого, чтобы злодей болел, – сказала Робин. Она посмотрела на часы. – Мне через пятнадцать минут нужно садиться Платине на хвост. Пора выходить.

– Да, – ответил Страйк, не отрывая глаз от фотографии Лэйнга. – Держим связь и... Я тебя попрошу кое-что сделать. – Он достал из кармана телефон: – Брокбэнк.

– Ты все же думаешь, что это может быть он? – спросила Робин,

надевая пальто.

– Не исключаю. Хочу, чтобы ты ему позвонила и представилась как Венеция Холл, адвокат.

– А, ясно, – сказала она, доставая свой мобильный и вводя в него указанный номер, но сама под маской спокойствия ликовала. Венеция была ее идеей, ее творением, и теперь Страйк поручал ей целое направление расследования.

Робин уже прошла половину залитой солнцем Денмарк-стрит, когда вспомнила, что к увядшим теперь уже розам была приложена открытка, которую она оставила в офисе непрочитанной.

*What's that in the corner?
It's too dark to see.*

Blue Öyster Cult. «After Dark»^[62]

Из-за шума транспорта и громких голосов Робин долго не могла позвонить Ноэлу Брокбэнку и собралась сделать это лишь в пять часов вечера. Убедившись, как обычно, что Платина пришла на работу, Робин завернула в японский ресторанчик рядом со стрип-клубом, взяла себе зеленый чай и устроилась в углу. Она выждала пять минут, чтобы решить, сойдет ли такой звуковой фон за шум людного офиса, расположенного на одной из центральных улиц, и скрепя сердце набрала номер Брокбэнка.

Номер не устарел. Секунд двадцать она слушала длинные гудки, а когда почти потеряла надежду, на звонок ответили. В трубке послышалось сопение. Робин замерла, прижимая телефон к уху. И вздрогнула: на другом конце раздался пронзительный детский крик:

– АЛЛО!

– Алло? – настороженно отозвалась Робин.

Приглушенный женский голос где-то в стороне произнес:

– Захара, ты что там балуешься?

Какой-то скрежет – и опять тот же взрослый голос, но гораздо громче:

– Это Ноэла трубка, он как раз ее ис...

Связь прервалась. Робин медленно опустила мобильный. Сердце колотилось. Она воочию представляла себе липкий пальчик, случайно нажавший на разъединение.

Трубка у нее в руке завибрировала: звонили с номера Брокбэнка. Робин отдышалась и ответила:

– Венеция Холл. Я вас слушаю.

– Что? – переспросил женский голос.

– Венеция Холл, фирма «Хардэйкр и Холл», – сказала Робин.

– Что? – повторила женщина. – Вы сейчас звонили по этому номеру? –

Говорила она с лондонским акцентом.

У Робин пересохло во рту.

– Да-да, – ответила Робин – Венеция. – Мне нужен мистер Ноэл

Брокбэнк.

– Для чего?

После едва заметной паузы Робин спросила:

– Простите, можно узнать, с кем я говорю?

– А вам зачем? – Женский голос звучал все более воинственно. – Вы кто такая?

– Меня зовут Венеция Холл, – ответила Робин, – я адвокат, специализируюсь на компенсациях за телесные повреждения.

Перед ней уселась супружеская пара и громко заговорила по-итальянски.

– Что-что? – повторила женщина.

Молча проклиная горластых соседей, Робин повысила голос и выдала ту же историю, на которую купилась Холли Брокбэнк в городе Бэрроу.

– Ему деньги причитаются? – Незнакомка слегка подобрела.

– Да, если мы выиграем дело, – ответила Робин. – Вы не могли бы передать трубочку?..

– А как вы про него узнали?

– Нам попались архивные материалы во время работы над другими...

– О какой сумме идет речь?

– Это будет зависеть от конкретных обстоятельств. – Робин набрала побольше воздуха. – А мистер Брокбэнк дома?

– На работе.

– Могу я узнать...

– Я ему скажу – он сам перезвонит. По этому номеру, да?

– Да, буду очень признательна, – сказала Робин. – Завтра я на рабочем месте с девяти утра.

– Вене... Венера... как вас там?

Робин произнесла по слогам: Венеция.

– Ага, ладно, ну все тогда. Скажу ему, чтобы перезвонил. Все, пока.

По дороге к метро она позвонила Страйку, чтобы отчитаться, но у него было занято.

На эскалаторе Робин сникла. Мэтью, вероятно, уже вернулся. Ей казалось, она давным-давно не видела своего бывшего. Предстоящая встреча ее страшила. Настроение совсем упало; она бы и рада была где-нибудь задержаться, но вынужденно подчинялась требованию Страйка не болтаться по улицам после наступления темноты.

Через сорок минут она с тяжелым сердцем вышла на станции «Уэст-Илинг». На ходу сделала повторный звонок Страйку. Попытка оказалась успешной.

– Молодчина! – похвалил он, выслушав ее рассказ о звонке на номер Брокбэнка. – По-твоему, у той женщины лондонский говорок?

– Мне так показалось, – ответила Робин, беспокоясь, как бы Страйк не упустил из виду кое-что поважнее. – Еще у нее малолетняя дочь, если судить по голосу.

– Так-так. Пустили козла в огород.

Робин ожидала от него хоть какого-то сочувствия к ребенку, оказавшемуся в непосредственной близости от педофила, но нет: Страйк резко сменил тему.

– Я только что побеседовал по телефону с Хейзел Ферли.

– Это кто?

– Сестра Келси, помнишь? Которая хочет со мной познакомиться. Встречаюсь с ней в субботу.

– Вот как, – сказала Робин.

– Раньше не смогу: Папа-Злодей вернулся из Чикаго. Нам это на руку. Мистер Повторный не будет кормить нас до скончания века.

Робин не ответила. Все ее мысли были о маленькой девочке, которая подошла к телефону. Реакция Страйка ее просто убила.

– Что с тобой? – спросил Страйк.

– Ничего, – ответила Робин уже в конце Гастингс-роуд. – Ладно, до завтра тогда.

Он без возражений повесил трубку. Это был тот редкий случай, когда после разговора со Страйком ей стало еще тяжелее. С некоторым трепетом Робин подошла к дверям.

Беспокойство ее оказалось напрасным. Мэтью вернулся из поездки не тем человеком, который ежечасно умолял Робин о разговоре. Спал он теперь на диване. В течение следующих трех дней они старательно избегали друг друга: Робин – с ледяной вежливостью, Мэтью – с показной преданностью, иногда доходившей до пародии. Он кидался мыть кружки, как только она допивала чай, а в четверг утром с пиететом осведомился, как продвигается расследование.

– Ой, я тебя умоляю, – только и ответила Робин, проходя мимо него к дверям.

Родня, очевидно, советовала ему пойти на уступки, дать Робин время подумать. Они с Мэтью еще не обсуждали, как лучше всего известить приглашенных об отмене свадьбы: Мэтью избегал этой темы. А Робин не решалась поднять ее первой. Порой ей приходило в голову, что такая трусость выдает тайное желание вновь надеть кольцо. А иногда думалось,

что ее уклончивость просто свидетельствует о полном упадке сил, о стремлении уйти от конфронтации, которая грозила оказаться самой болезненной, и о необходимости собраться с силами перед окончательным разрывом. Пусть Робин и не приветствовала запланированный матерью визит, но втайне надеялась зарядиться от Линды силами и спокойствием, чтобы завершить неизбежное.

Розы на ее рабочем столе увядали. Без воды они тихо умирали в нарядной упаковке, но Робин в конторе не бывала, а Страйк, заходивший туда лишь по мере необходимости, считал себя не вправе выбрасывать ее цветы, да еще с нераспечатанной открыткой.

После истекшей недели, которую Робин и Страйк провели бок о бок, они вернулись к режиму работы, не предполагавшему частых контактов: чередуясь, они следили за Платиной и Папой-Злодеем, который, вернувшись из Штатов, тут же стал подбираться к малолетним сыновьям. В четверг вечером Страйк и Робин по телефону обсудили вопрос о том, не стоит ли ей вторично позвонить Ноэлу Брокбэнку – тот до сих пор себя не обнаруживал. По зрелом размышлении Страйк решил, что Венеция Холл, адвокат высокого уровня, не должна суетиться.

– Вот если он не позвонит тебе до завтрашнего вечера, тогда можешь сделать еще одну попытку – по прошествии полной рабочей недели. Нужно, кстати, учитывать, что его подруга могла потерять твой номер телефона.

После этого разговора Робин отправилась в Кенсингтон и стала бродить по Эдж-стрит, где жила семья Папы-Злодея. Вид этого района не улучшил ее настроения. Она уже начала присматривать себе по интернету какое-нибудь жилье, но те варианты, на которые хватило бы ее доходов, оказались еще хуже, чем можно было ожидать: комнатухи в общих квартирах.

Сейчас ее обступали прекрасные, увитые плющом, сверкающие оконными стеклами малоэтажные викторианские дома с глянцевыми дверями и наличниками. Здесь все говорило о комфортабельном, обеспеченном существовании, на какое рассчитывал Мэтью, когда еще лелеял надежду, что Робин найдет для себя более высокооплачиваемую работу. Она постоянно твердила, что не гонится за деньгами и не думает сравняться с ним, но странно было бы, оказавшись в таком районе, среди красоты и спокойствия, не сопоставлять здешние дома с другими, где предлагались «небольшие комнаты в сугубо веганских апартаментах, с возможностью пользоваться мобильным телефоном исключительно при закрытых дверях» – вот это было ей по карману, равно как и чулан

в Хэрни, «в приветливом, достойном квартале, готовом ПРИНЯТЬ ВАС НА БОРТ!».

У нее опять зазвонил мобильный. Она ожидала, что ей перезвонит Страйк, и содрогнулась, увидев: БРОКБЭНК.

Набрав полную грудь воздуха, она ответила:

– Венеция Холл.

– Адвокат, что ли?

Робин не задумывалась, какой у него окажется голос. Сам Брокбэнк виделся ей чудовищем: извращенец, вооруженный зазубренной «розочкой», длинномордый урод, симулянт. Тембр голоса оказался глубоким, а говор, не столь ярко выраженный, как у единоутробной сестры, все же напоминал о Бэрроу.

– Да-да, – подтвердила Робин. – Это мистер Брокбэнк?

– Он самый...

В его молчании было нечто угрожающее. Робин торопливо отбарабанила свою легенду о компенсации, возможность назначения которой будет согласована при личной встрече. Когда она умолкла, он не отреагировал. Робин, взяв на себя роль Венеции Холл, запаслась самоуверенностью и не торопила собеседника, но ее нервировало потрескивание в трубке.

– А как вы на меня вышли?

– Заметки по вашему делу попались нам в архиве, когда мы расследовали...

– Чего это вы расследовали?

Почему в каждой его фразе ей мнилась угроза? Он же не стоял рядом с ней? На всякий случай Робин огляделась. На залитой солнцем фешенебельной улице было безлюдно.

– Расследовали подобные случаи телесных повреждений, полученных военнослужащими в ситуациях, не связанных непосредственно с боевыми действиями. – Робин, к своему неудовольствию, заговорила на тон выше.

И снова пауза. Из-за угла выехал автомобиль. Черт, как некстати, подумала Робин, узнав в водителе настырного Папу-Злодея, за которым должна была скрытно следить. Он смотрел на нее в упор. Робин, опустив голову, побрела прочь от школы.

– Дык что от меня требуется? – рявкнул ей в ухо Брокбэнк.

– Мы сможем встретиться, чтобы обсудить ваш случай? – спросила Робин; у нее защемило в груди.

– Вы ж говорите, что читали про мой случай, или как?

У Робин от ужаса зашевелились волосы.

– Есть один мудень, Камерон Страйк зовут, – он мне башку проломил.
– Да, я видела эти сведения в ваших документах, – едва не задохнулась Робин, – но нам необходимо получить от вас...

– Заяву, что ли? – В наступившей паузе опять замаячила опасность. – А ты, часом, не архангел?

Робин Эллакотт, северянка, поняла; Венеция Холл, столичная адвокатесса, осталась в неведении. В Кумбрии архангелами называли полицейских.

– Как вы сказали, простите? – Она изобразила вежливую растерянность.

Папа-Злодей припарковался у дома отлученной жены. Вот-вот могли появиться его сыновья, идущие с няней на игровую площадку. Робин должна была зафиксировать любую попытку сближения. За это ей платили деньги.

– Легавая! – агрессивно выплюнул Брокбэнк.

– Легавая? – Робин постаралась включить недоверчивые, а потом смешливые нотки. – Да что вы, конечно нет!

– Не врешь?

Из подъезда показалась рыжеволосая нянька. Робин услышала, как открывается дверца автомобиля. Пришлось изобразить оскорбленную добродетель.

– Не имею такой привычки. Если вас не заинтересовало наше предложение, мистер Брокбэнк...

У нее слегка вспотели ладони. И тут, к ее удивлению, он сказал:

– Ладно, можно и встретиться.

– Отлично. – На глазах Робин нянька выводила на тротуар двух мальчиков. – Где вы базируетесь?

– В Шордиче, – ответил Брокбэнк.

Нервы у Робин были натянуты как струны. Значит, он в Лондоне.

– В каком месте вам будет удобно?..

– Что там за кипеж?

Это нянька заверещала при виде Папы-Злодея, который приближался к ней и детям. Один из мальчишек заголосил.

– По правде говоря, сегодня моя очередь забирать сына из школы, – сказала Робин, перекрывая крики и вопли.

На другом конце вновь повисла пауза. Непринужденная Венеция Холл нарушила бы ее не задумываясь, но Робин сковала беспричинная, как она пыталась себе внушить, тревога. И тут Брокбэнк, к ее ужасу, спросил нараспев, дыша ей в ухо:

– Мы знакомы, девочка?

Робин хотела ответить, но у нее перехватило горло. Связь прервалась.

Then the door was open and the wind appeared...

Blue Öyster Cult. «(Don't Fear) The Reaper»^[63]

– С Брокбэнком полный провал, – выдавила Робин. – Я жутко виновата... Сама не понимаю, как можно было так сплеховать! Да к тому же Папу-Злодея не сфотографировала, потому что стояла слишком близко.

В пятницу Страйк появился в агентстве ровно в девять утра, но не сверху, из мансарды, а снизу, с улицы, – при полном параде и с рюкзаком за спиной. Опять. Робин слышала, как он, поднимаясь по лестнице, напевал себе под нос. После ночи, проведенной у Элин. Робин позвонила ему накануне, чтобы доложить о звонке Брокбэнка, однако Страйк не мог долго разговаривать и перенес обсуждение на завтра.

– К черту Папу-Злодея. Щелкнем его в другой раз, – говорил Страйк, хлопотавший над чайником. – А с Брокбэнком ты отлично управилась. Мы теперь знаем, что он в Шордиче, что затаил на меня злобу и что заподозрил в тебе легавую. Интересно, почему он насторожился: потому, что лапал детишек во всех концах страны, или потому, что недавно зарезал юную особу?

С тех пор как Брокбэнк прошипел ей в ухо свои три прощальных слова, Робин ходила как пришибленная. Вчера вечером они с Мэтью не перекинулись и парой слов; не зная, как преодолеть внезапное и не до конца понятное чувство незащитности, Робин возлагала все надежды на встречу со Страйком, который – единственный – мог истолковать зловещий вопрос: «Мы знакомы, девочка?»

Сегодня она хотела бы видеть Страйка серьезным и собранным, каким он был, когда запретил ей расхаживать по улицам в темноте, потому что расценил посылку с отсеченной ногой как угрозу. Но человек, который сейчас бодро заваривал себе кофе и балагурил насчет педофила и убийцы, при всем желании не мог привести ее в равновесие, а тем более представить, каково ей было слышать в ухе дыхание Брокбэнка.

– Мы теперь знаем о Брокбэнке и кое-что другое, – сдавленным голосом выговорила Робин. – Там, где он живет, есть маленькая девочка.

– Совсем не обязательно. Мало ли где он мог забыть свой телефон.

– Что ж, – сказала Робин, – если уж ты поборник точности, скажу иначе: мы теперь знаем, что он находится в тесном контакте с маленькой девочкой.

Она отвернулась, делая вид, будто разбирает корреспонденцию, прихваченную с коврика под дверью. Робин кольнуло, что Страйк напевал, поднимаясь по лестнице. По всей вероятности, ночь, проведенная с Элин, дала ему возможность забыться, отдохнуть и набраться сил. Робин тоже хотела бы отключиться от своей гипертрофированной бдительности и холодных молчаливых вечеров. Пусть даже она рассуждала непоследовательно – это не уменьшало ее обиду. Она сгребла со стола умирающие розы и сунула их в корзину для мусора черенками кверху.

– Этой маленькой девочке мы все равно ничем не поможем, – сказал Страйк.

Робин захлестнул гнев.

– Хорошо, давай я тоже не буду о ней переживать, – бросила она.

В руках у нее был конверт с присланным счетом; она нечаянно разорвала пополам и то и другое.

– По-твоему, это единственная малышка, рискующая стать жертвой педофила? Таких в данный момент сотни, причем только в Лондоне.

Ожидавшая, что он смягчится, заметив ее гнев, Робин резко обернулась. Страйк смотрел на нее с прищуром, без малейшего сочувствия.

– Переживай сколько влезет, но это пустая трата душевных сил. Мы с тобой не в состоянии помочь этому ребенку. Брокбэнк даже не состоит на учете. Срок не отбывал. Мы понятия не имеем, где находится эта девочка и что...

– Нам известно ее имя – Захара, – сказала Робин.

У нее сорвался голос, щеки вспыхнули, на глаза навернулись слезы. Стыдясь, она вновь отвернулась, но недостаточно быстро.

– Эй! – мягко окликнул Страйк, но она только отмахнулась, чтобы он не продолжал.

Она не распускалась; ее удерживала способность двигаться дальше, погружаться в работу.

– Я в полном порядке, – процедила она. – Точно говорю. Забудь.

Теперь-то она и подавно не могла признаться, как напугала ее прощальная фраза Брокбэнка. Он обратился к ней «девочка». Она далеко не девочка. Она не надломлена, не страдает излишней доверчивостью... излечилась... а вот неведомая Захара...

Она услышала, как Страйк вышел на лестничную площадку, и через мгновение перед ее затуманенным взглядом появился большущий ком

туалетной бумаги.

– Спасибо, – хрипло сказала Робин, поспешно приняла его у Страйка из рук и высморкалась.

В течение нескольких минут она периодически вытирала глаза и нос, избегая смотреть на босса, который, как назло, торчал в приемной и не уходил к себе в кабинет.

– Ну что еще?! – вскинулась Робин: Страйк стоял без дела и не сводил с нее глаз.

Он ухмыльнулся. Несмотря ни на что, ей тоже стало смешно.

– Ты все утро будешь стоять? – Она напустила на себя строгость.

– Нет, – ответил Страйк с той же ухмылкой. – Просто жду, когда можно будет кое-что тебе показать.

Порывшись в рюкзаке, он вытащил оттуда глянцевого буклет с рекламой недвижимости.

– Забрал у Элин, – объяснил он. – Вчера ездила по адресам. Хочет прикупить там квартиру.

Всякое желание смеяться пропало. Уж не надеялся ли Страйк приободрить ее байками о том, как его подруга присматривает себе абсурдно дорогую квартиру? Или готовился сообщить (настроение у Робин опустилось до нижней отметки), что они с Элин решили съехаться? Как в кино, Робин увидела пустую мансарду, купающегося в роскоши Страйка, себя в каком-то чулане на окраине Лондона, шепчущую в телефон, чтобы не услышала хозяйка-веганша.

Страйк положил буклет ей на стол. На обложке была изображена современная высотка, а над ней – нелепая, похожая на щит маска с тремя глазами-ветряками. Подпись гласила: «Strata SE1, самый востребованный жилой квартал в Лондоне».

– Видишь? – спросил он.

Его торжествующий вид совсем выбил Робин из колеи: это было совершенно не в духе Страйка – упиваться перспективой пожить за чужой счет, но не успела она ответить, как у него за спиной кто-то постучал в стеклянную дверь.

– Чтоб я сдох! – Страйк не сумел скрыть изумление при виде Штыря, который, щелкая суставами, ввалился в приемную и, как всегда, принес с собой миазмы сигаретного дыма, марихуаны и немытого тела.

– Я тут мимо проходил, – сказал Штырь словами Эрика Уордла, сам того не зная. – Нашел я его, Бунзен.

Штырь плюхнулся на диван из кожзаменителя, вытянул перед собой ноги и достал пачку «Мейфэрс».

– Неужели Уиттекера нашел? – уточнил Страйк, более всего пораженный столь ранним появлением Штыря.

– А ты меня подряжал кого другого выпепить? – Глубоко затянувшись сигаретой, Штырь наслаждался произведенным эффектом. – Кэтфорд-Бродвей. Квартира над забегаловкой. И мочалка с ним живет.

Страйк без слов пожал ему руку. Невзирая на золотую фикса и шрам через всю щеку, у его собеседника была совершенно мальчишеская улыбка.

– Кофейку выпьешь? – предложил Страйк.

– Наливай, – ответил Штырь, гордый своими успехами. – А ты чего скусилась? – оживленно поинтересовался он у Робин.

– Все нормально, – ответила она с натянутой улыбкой и вернулась к неразобранной корреспонденции.

– Разом густо, разом пусто, – тихо сказал Страйк, обращаясь к Робин, пока в приемной шумно закипал чайник, а Штырь рассеянно проверял свой мобильный. – Вся троица в Лондоне. Уиттекер в Кэтфорде, Брокбэнк в Шордиче, а теперь, оказывается, Лэйнг в Элефант-энд-Касл – точнее, обретался там три месяца назад.

Она покивала, но тут же задумалась.

– А откуда мы знаем, что Лэйнг обретался в Элефант-энд-Касл?

Страйк постучал пальцем о брошюру:

– Как по-твоему, зачем я это тебе показал?

Робин понятия не имела. Она тупо смотрела на буклет – и наконец до нее дошло. По всей высоте башни между длинными ступенчатыми рядами затемненных окон поблескивали серебристые панели: на этом фоне был в свое время сфотографирован Лэйнг, стоявший на узком бетонном балконе.

– Ох, – слабо пискнула Робин.

Значит, Страйк не съезжается с Элин. Почему-то Робин снова вспыхнула. Ей даже показалось, что она перестала владеть своими чувствами. Да что же с ней творится? Пряча лицо от мужчин, она крутанулась на своем офисном стуле и вернулась к почте.

– Даже не знаю, хватит ли у меня налички, Штырь, – сказал Страйк, заглядывая в свой бумажник. – Пройдусь с тобой до банкомата.

– И правильно сделаешь, Бунзен. – Штырь нагнулся над корзиной для мусора, чтобы стряхнуть пепел. – Захочешь разобраться с Уиттекером – токо скажи.

– Ага, спасибо. Но вначале попробую сам справиться.

Робин взялась за последний конверт, жесткий, с утолщением в одном углу, – видимо, к открытке крепился какой-то сувенир. В последний момент

Робин заметила, что конверт адресован ей, а не Страйку. Ее имя и адрес агентства были напечатаны на принтере. Судя по штемпелю, письмо отправили накануне из центра Лондона.

Страйк трепался со Штырем, но Робин не разбирала слов.

«Еще ничего не произошло, – убеждала она себя. – Это все от перенапряжения. Дважды такого случиться не может...»

Проглотив застрявший в горле ком, она распечатала конверт и осторожно извлекла открытку.

Это была репродукция с картины Джека Веттриано: в кресле сидит закутанная в покрывало блондинка в профиль с чайной чашечкой в руке; ноги в черных чулках и туфлях на тонком каблуке подняты на невысокую скамеечку. Никакого сувенира снаружи не оказалось. Нашлепка, которая прощупывалась сквозь конверт, была прихвачена клейкой лентой внутри открытки.

Страйк и Штырь не умолкали. Робин в нос ударил трупный запах, которого не мог перешибить даже дух немытого тела Штыря.

– Господи... – выдохнула Робин, но мужчины этого не услышали.

Она раскрыла открытку с репродукцией.

В углу скотчем крепился полуразложившийся палец ноги. На пустой стороне было аккуратно выведено печатными буквами:

She's as Beautiful as a Foot^[64].

Выронив открытку, она вскочила и – как ей показалось, будто в замедленном кадре, – повернулась к Страйку. Тот перевел взгляд с ее искаженного лица к той жути, что валялась на столе.

– Отойди.

Робин повиновалась. Ее трясло. Присутствие Штыря было совершенно лишним.

– Чё там? – повторял Штырь. – Чё такое? А?

– Мне прислали отрезанный палец ноги, – отчетливо проговорила Робин чужим голосом.

– Без балды? – С нескрываемым любопытством Штырь бросился вперед, но, прежде чем он успел схватить выпавшую открытку, Страйк пригвоздил к столу его пятерню.

Фразу «She's as Beautiful as a Foot» он узнал: так называлась еще одна песня *Blue Öyster Cult*.

– Надо звонить Уордлу, – сказал Страйк, но вначале написал на листке четыре цифры и достал из бумажника кредитку. – Робин, сними весь

остаток, отдай Штырю и возвращайся.

Взяв записку и банковскую карту, Робин с благодарностью осознала, как необходим ей сейчас глоток свежего воздуха.

– А ты, Штырь, – резко приказал Страйк, – проводишь ее обратно, понял? До самой двери.

– Понял, не дурак, – ответил Штырь и словно подзарядился – как от любых непоняток, предстоящей разборки или малейшей опасности.

The lies don't count, the whispers do.

Blue Öyster Cult. «The Vigil»^[65]

В тот вечер Страйк сидел один за кухонным столом у себя в мансарде. Стул был неудобный, колено над протезом болело после многочасовой слежки за Папой-Злодеем, ушедшим среди дня с работы, чтобы подкараулить младшего сына, которого повели на экскурсию в Музей естествознания. Этот папаша определенно был владельцем фирмы, иначе его давно бы уволили за прогулы, которые требовались ему для давления на родных детей. Что же до Платины, та была предоставлена самой себе и в объектив не попадала. Узнав, что к Робин вечером приезжает мать, Страйк не стал слушать никаких возражений, настоял, чтобы его помощница взяла трехдневный отпуск, проводил ее до метро и потребовал, чтобы она прислала ему сообщение, когда войдет к себе в квартиру целой и невредимой.

Страйка клонило в сон, но от усталости он даже не мог заставить себя встать со стула и перебраться на кровать. Второе послание от убийцы взбудоражило его больше, чем он готов был признать вслух. При всей омерзительности посылки с отсеченной ногой у него все же оставалась тень надежды, что стоявшее на упаковке имя Робин было добавлено спонтанно. Но тот факт, что второе почтовое отправление убийца адресовал ей же, причем ехидно подмигнув Страйку («She's as Beautiful as a Foot»), однозначно указывал, что под прицелом оказалась именно Робин. Даже воспроизведенная на открытке картина – одинокая длинноногая блондинка – носила угрожающее название: «С мыслями о тебе».

Застывший в неподвижности Страйк бурлил от злости и гнал от себя усталость. Вспоминая бескровное лицо Робин, он понимал: у нее умерла последняя надежда на то, что это была случайная выходка безумца. И все же Робин в полный голос требовала не отправлять ее в отпуск, указывая, что их два оплачиваемых задания – слежка за Папой-Злодеем и за Платиной – часто пересекались, а потому Страйку неизбежно пришлось бы делать выбор. Он стоял на своем: Робин приступит к работе не раньше, чем ее мать вернется к себе в Йоркшир.

Злоумышленник уже преуспел: бизнес Страйка сократился до двух

клиентов. Только что в офис вторично нагрянула полиция; в прессе вот-вот грозила разорваться бомба, хотя Уордл обещал не разглашать историю с открыткой и отрезанным пальцем. Он соглашался со Страйком, что убийце хочется натравить на детективное агентство журналистов и полицию, а потому шумиха в прессе была бы ему только на руку.

В тесной кухне звонок мобильного прозвучал особенно резко. Страйк посмотрел на часы: двадцать минут одиннадцатого. Он даже не обратил внимания на имя, потому что его мысли были заняты Робин.

– Хорошая новость, – сказал в трубку Уордл. – Ну, относительно, конечно. Новой жертвы нет. Это палец Келси. С другой ноги. Чего добру пропадать, верно?

Не настроенный шутить, Страйк ответил грубо.

После окончания разговора он не встал из-за кухонного стола и опять погрузился в мысли, не слыша шума транспорта на Черинг-Кросс-роуд. И, только вспомнив, что завтра утром ему предстоит ехать в Финчли для встречи с сестрой Келси, он принялся отстегивать протез.

Страйк хорошо ориентировался в Лондоне вследствие бродячего образа жизни матери, но какие-то белые пятна все же оставались, и Финчли был одним из них. От тамошнего избирательного округа, насколько ему было известно, в восьмидесятые годы баллотировалась Маргарет Тэтчер, а Страйк с матерью и Люси в ту пору скитался из одного сквота в другой – то в Уайтчепеле, то в Брикстоне. Финчли, лежащий слишком далеко от центра, не подходил их семье, которая могла полагаться только на общественный транспорт и забегаловки, торгующие навывнос; а кроме того, район этот был дороговат для женщины, которой зачастую даже не хватало монеток, чтобы включить электричество; его населяли, как когда-то мечтательно говорила Люси, приличные семьи. Выйдя замуж за инженера-сметчика и произведя на свет троих примерных сыновей, Люси получила то, к чему всегда стремилась: чистоту, порядок, стабильность.

Доехав на метро до станции «Уэст-Финчли», Страйк вынужденно проделал долгий путь пешком по Саммерс-лейн, вместо того чтобы взять такси: с финансами стало совсем напряженно. Слегка вспотев на легком холодке, он двигался между спокойными особняками, проклиная тишину зеленой зоны и отсутствие каких бы то ни было ориентиров. Наконец через добрых полчаса после выхода из метро он отыскал дом Келси Платт, побеленный, с чугунной калиткой, размерами уступавший соседним.

Страйк позвонил и тут же услышал голоса за дверью матового стекла – такой же, как у него в офисе.

– По-мойму, это детектив, сонце. – Акцент выдавал уроженца Ньюкасла.

– Ты как в воду глядел! – отозвался пронзительный женский голос.

За стеклом замаячила какая-то красная масса. Дверь открылась; прихожую загораживал грузный босой мужчина в ярко-алом купальном халате. Голова сверкала лысиной, но окладистая седая борода вкупе с красным халатом делала его похожим на Санта-Клауса, правда непривычно грустного. Он неистово тер лицо рукавом халата. Сквозь стекла очков смотрели глаза-щелочки, румяные щеки были мокры от слез.

– Извиняюсь, – хрипло сказал он, пропуская Страйка в дом. – Я после ночной смены, – добавил он в оправдание своего внешнего вида.

Страйк протиснулся мимо него. От хозяина дома пахло камфорой и одеколоном «Олд спайс».

У лестницы стояли, крепко обнявшись, две женщины средних лет: одна блондинка, другая брюнетка; обе рыдали. При появлении Страйка они разомкнули объятия и утерли слезы.

– Простите, – выдохнула темноволосая. – Это Шерил, соседка наша. Она в Магалуфе отдыхала, только что узнала про Келси.

– Простите, – эхом повторила заплаканная Шерил. – Я вас оставляю. Если что понадобится – дай знать, Хейзел. Любая помощь. Любая, Рэй... все, что угодно.

Шерил протиснулась мимо Страйка («Извините») и обняла Рэя. Они, оба тучные, несколько раз качнулись туда-обратно, соприкасаясь животами и обхватив друг друга за шею. На мощном соседкином плече Рэй вновь зарыдал.

– Заходите, – икнула Хейзел, промокая глаза, и повела Страйка в гостиную.

Она смахивала на брейгелевскую крестьянку: те же круглые щеки, выступающий подбородок и широкий нос, над припухшими глазами – мохнатые гусеницы бровей.

– Вот так всю неделю. Знакомые прослышат – и сразу к нам... извините... – всхлипнула она.

За две минуты он выслушал с полдюжины извинений. Есть народы, которые стыдятся недостаточного проявления скорби; а обитатели тихого Финчли стыдились проявлять свою скорбь в присутствии постороннего.

– И никто не знает, что говорить. – Хейзел утерла слезы и жестом предложила Страйку присесть на диван. – Она ведь не под машину попала, не заболела. Люди не знают, что говорить, когда...

Она замаялась, но так и не смогла выдать нужные слова; фраза

завершилась громким всхлипом.

– Вы уж меня простите, – сказал в свой черед Страйк. – Я понимаю, как вам тяжело.

В гостиной было безупречно чисто, но как-то неприветливо – вероятно, из-за холодной цветовой гаммы. Мебельный гарнитур из трех предметов, обитых гобеленом в серебристую полоску, белые обои в тонкую серую полоску, диванные подушки с острыми углами, симметрично расставленные статуэтки на каминной полке. На незапыленном экране телевизора бликовал проникающий через окно дневной свет.

За тюлевыми занавесками проплыла размытая фигура вытирающей глаза Шерил. Ссутулившийся Рэй прошлепал босиком мимо двери в гостиную, промакивая лицо поясом халата. Словно читая мысли Страйка, Хейзел объяснила:

– Рэй получил перелом позвоночника, когда пытался вызволить одну семью из горящего пансионата. Стена рухнула, и он упал с лестницы. На три этажа вниз.

– Боже! – вырвалось у Страйка.

У Хейзел дрожали руки и губы. Страйк вспомнил, что сказал ему Уордл: полиция перегнула палку с Хейзел. Жесткий допрос Рэя, видимо, показался ей, впавшей в состояние шока, непростительным зверством, непозволительным усугублением их мучений. Страйк немало знал о грубом вторжении облеченных властью на территорию людского отчаяния. Он побывал по обе стороны баррикад.

– Кому чайку заварить? – хрипло выкрикнул Рэй, по предположению Страйка – из кухни.

– Ступай в постель! – крикнула в ответ Хейзел, комкая промокшие бумажные салфетки. – Я сама заварю! Ложись иди!

– Точно?

– Ложись, говорю. Я тебя в три часа разбужу!

Хейзел вытерла лицо свежей салфеткой, как полотенцем.

– Он инвалидность не стал оформлять, а на нормальную работу никто его не берет, – вполголоса поведала она Страйку, когда Рэй прошаркал назад мимо двери в гостиную. – Спина больная, возраст, сами понимаете, да и легкие никуда не годятся. Черная зарплата... работа посменная...

Голос ее замер, губы задрожали, и она в первый раз посмотрела Страйку прямо в глаза.

– Сама не знаю, зачем я вас позвала, – призналась она. – В голове все перепуталось. Я слышала, она вам писала, да вы не ответили, а потом вам прислали ее... ее...

– Должно быть, для вас это стало ужасным потрясением. – Страйк понимал, что ее состояние не описать словами.

– Это... это сущий кошмар! – возбужденно зачастила хозяйка. – Кошмар. Мы же ничего не знали, вообще ничего. Думали, ей от колледжа работу предложили. А тут полицейские... она сказала, что уезжает на практику, и я поверила. Якобы при какой-то школе ей жилье предоставили. Все правдоподобно... кто бы мог подумать... но ведь она была такой лгуньей. Ни слова правды не могла сказать. Она у меня три года прожила, а я так и не... то есть... я не смогла ее перевоспитать.

– А о чем она лгала? – спросил Страйк.

– Да обо всем, – ответила Хейзел с каким-то произвольным жестом. – Могла черное белым назвать. И ведь не из корысти, нет-нет. А для чего – сама не знаю. Ума не приложу.

– Почему она жила с вами? – спросил Страйк.

– Да она мне... она мне была сводной сестрой. По матери. Отец мой умер, когда мне двадцать лет исполнилось. Мама вышла замуж за своего коллегу и от него родила Келси. Между нами разница была – двадцать четыре года... Я тогда уже из родительского гнезда уехала... Была ей скорее теткой, чем сестрой. А три года назад Малькольм с мамой нашей разбились в Испании. Водитель пьян был. Малькольм на месте погиб, а мама четверо суток в коме пролежала и тоже скончалась. У Келси другой родни не было, вот и пришлось мне ее к себе взять.

Поразительная аккуратность обстановки, подушки с острыми уголками, отполированные поверхности без единого пятнышка никак не вязались с образом совсем юной девушки.

– Мы с Келси плохо уживались, – сказала Хейзел, будто в очередной раз читая мысли Страйка. Она ткнула пальцем вверх, куда ушел Рэй, и у нее хлынули слезы. – Он-то куда снисходительнее был к ее капризам, к обидчивости. Рэй легко с молодежью общий язык находит – у него взрослый сын, за границей работает. А когда полицейские нагрянули, – продолжила она с внезапной злостью, – и сказали, что она... что ее... Рэю так досталось... будто он какой-то... да ему тыщу лет не... Я ему тогда сказала: это что же делается, такое в страшном сне не приснится... В новостях показывают, как люди умоляют детей вернуться домой... как невиновных судят... кто бы мог подумать... вам бы в голову не пришло... а мы откуда знать могли, что она пропала? Уж мы бы на розыски бросились. Откуда нам было знать?.. А полицейские Рэю такие вопросы задавали... где он находился и все такое...

– Я слышал, он непричастен, – сказал Страйк.

– Да, это они *теперь* так запели. – Хейзел душили злые слезы. – После того, как три человека поклялись, что он с ними на мальчишнике гулял и никуда не отлучался. Даже фотографии какие-то паршивые в подтверждение представили...

У нее не укладывалось в голове, что человека, жившего под одной крышей с Келси, подозревают в ее убийстве. Страйк, которому довелось слышать показания Бриттани Брокбэнк, Роны Лэйнг и им подобных, знал, что насильники и убийцы чаще всего – не чужаки в масках, караулящие в темноте под лестницей. Обычно это отец, муж, сожитель матери или сестры...

Хейзел быстрыми движениями вытерла слезы, а потом спросила:

– А как вы, кстати, поступили с ее дурацким письмом?

– Моя ассистентка убрала его в ящик для нестандартной корреспонденции, – ответил Страйк.

– В полиции сказали, вы ей не ответили. А письма, которые у нее нашли, – фальшивки.

– Так и есть, – подтвердил Страйк.

– Выходит, злоумышленник наверняка знал, что у нее был к вам интерес.

– Да, верно, – сказал Страйк.

Хейзел шумно высморкалась. а потом спросила:

– Чаю-то выпьете?

Он согласился лишь для того, чтобы дать ей возможность прийти в себя. Но как только она вышла из комнаты, он не таясь осмотрелся. На сдвинутых вместе маленьких столиках стояла единственная фотография улыбающейся женщины за шестьдесят в соломенной шляпке. Страйк предположил, что это мать Хейзел и Келси. Рядом с этим портретом осталась темная полоска, которая свидетельствовала о том, что совсем недавно здесь стояло еще одно фото, загоревшее в этом месте дешевую столешницу от прямых солнечных лучей. Страйк подумал, что то была школьная фотография Келси, которая обошла все газеты.

Хейзел вернулась, неся поднос с чайными кружками и тарелкой печенья. После того как она аккуратно опустила поднос на салфетку рядом с портретом матери, Страйк спросил:

– Я слышал, у Келси был друг?..

– Чушь! – отрезала Хейзел и рухнула в свое кресло. – Вранье, как и все остальное.

– Почему вы так уверены?..

– Она говорила, что его зовут Найалл. Найалл. Господи прости.

У нее опять навернулись слезы. Страйк, не понимавший, почему друг Келси не мог носить имя Найалл, не смог скрыть недоумения.

– *One Direction*, – сказала она сквозь ком салфеток.

– Простите? – Страйк окончательно запутался. – Я не совсем...

– Да группа эта... они третье место заняли в программе «Икс-фактор». Она по ним с ума сходит... сходила... а Найалл был ее кумиром. Поэтому, когда она рассказала, что у нее появился знакомый мальчик восемнадцати лет по имени Найалл, который гоняет на мотоцикле... как по-вашему, что нам было думать?

– Вот оно как. Понимаю.

– Сказала, что познакомилась с ним у психолога. Она ходила наблюдаться у психолога, понимаете? Утверждала, что познакомилась с Найаллом в приемной и что его туда привела гибель отца и матери – в точности как у нее. Мы его в глаза не видели. Я говорила Рэю: снова она за свое, все врет, а Рэй: «Чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало», но я терпеть не могла ее обманы, – фанатично сверкая глазами, продолжала Хейзел. – Каждую минуту врал. Приходит домой – на запястье пластырь; говорит «порез», а оказалось – наколку *One Direction* сделала. Подумать только: плела, что уезжает от колледжа на практику, подумать только... обман на обмане сидит и обманом погоняет. И вот пожалуйста, чем это кончилось!

Заметным напряжением всех сил она подавила новые ручьи слез, стиснула дрожащие губы, промокнула глаза и, набрав побольше воздуха, сказала:

– У Рэя есть своя версия. Он хотел ее полицейским изложить, а они даже слушать не стали, их больше интересовало, где он сам в тот день находился... так вот: у Рэя приятель есть, Ричи, молодой еще, халтурку Рэю подкидывает – садовые работы, и Келси познакомилась с этим Ричи...

Версия грешила бесчисленными повторами и маловажными деталями. Страйк, привыкший к путаным речам неопытных свидетелей, слушал внимательно, не перебивая. Из ящика комода появилась фотография, которая сослужила двойную службу: она была призвана доказать Страйку, что, во-первых, в те выходные, когда погибла Келси, Рэй с тремя приятелями находился в городке Шорем-бай-Си на мальчишнике, а во-вторых, что молодой Ричи недавно получил увечье. Ричи и Рэй сидели с пивом на гальке у куста чертополоха, улыбались и шурились против солнечного света. От покрытой испариной лысины Рэя отражался свет, который падал на опухшее лицо молодого Ричи, все в синяках и наложенных швах. Одна нога у него была в гипсе.

– ...понимаете, когда после той аварии Ричи заглянул к нам, тогда, по мнению Рэя, у нее и созрела одна мысль. Он считает, она задумала кое-что сотворить со своей ногой, а потом обставить дело так, будто попала в аварию.

– А не мог ли Ричи быть тем самым бойфрендом? – спросил Страйк.

– Ричи! Он, знаете ли, малость простоват. Уж он бы нам рассказал. Да к тому же она его почти не знала. Это все были фантазии. Мне кажется, Рэй прав. Она опять же собиралась что-то сотворить со своей ногой, а потом сказать, будто упала с мотоцикла.

Эта версия была бы вполне убедительна, думал Страйк, если бы Келси лежала в больнице, говорила всем, что попала в мотоциклетную аварию, и отказывалась сообщать подробности о своем вымышленном бойфренде, чтобы его не подставить. Нужно было отдать должное Рэю: у шестнадцатилетней фантазерки, скорее всего, созрел бы именно такой план, опасный своим сочетанием масштабности и близорукости. Впрочем, никакой роли это не играло. Не исключено, что Келси действительно планировала запустить слух о мотоциклетной аварии, однако впоследствии она так или иначе передумала и обратилась к Страйку за советом по ампутации ноги.

Важнее оказалось другое: впервые кому-то пришло в голову провести связь между Келси и байкером, и Страйк поинтересовался, откуда у Хейзел такое твердое убеждение, что любой ухажер был не более чем выдумкой.

– Понимаете, среди тех, кто вместе с ней учился на воспитателя, юношей, можно считать, не было, – сказала Хейзел. – А где еще она могла его подцепить? *Найалла*. У нее даже в школе мальчиков не водилось. Потом она стала ходить к психологу, иногда в церковь – там есть молодежная группа, но никакого байкера Найалла в ее составе нет, – сказала Хейзел. – Полиция проверяла, опрашивала ее подружек. Руководитель группы, Даррелл, страшно расстроился. Рэй видел его сегодня утром по дороге домой. Тот заметил его на другой стороне улицы и расплакался.

Страйку не терпелось кое-что взять на карандаш, но он опасался, что это разрушит с таким трудом созданную атмосферу доверия.

– Кто такой Даррелл?

– Он тут ни при чем. В церкви координирует работу с молодежью. Сам из Брэдфорда, – туманно добавила Хейзел. – Рэй убежден, что он голубой.

– А дома она заговаривала о своей... – Страйк помедлил, не зная, как выразиться, – о своей проблеме с ногой?

– При мне – нет, – твердо сказала Хейзел. – Я такие разговоры

не поощряла, терпеть их не могла. В четырнадцатилетнем возрасте она попыталась завести об этом речь, но я высказала все, что думала. Она норовила привлечь к себе внимание, вот и все.

– У нее на ноге был застарелый шрам. Откуда?

– Она это отмочила сразу после маминой смерти. Мало мне забот было. Стянула ногу проволокой, чтобы нарушить кровообращение. – У нее на лице, как показалось Страйку, отразилась брезгливость, смешанная с гневом. – Когда мама с Малькольмом разбились, она тоже была в машине. На заднем сиденье. Мне пришлось ее к психологу записать. Он счел, что эта манипуляция с ногой – крик о помощи или что-то в таком духе. Скорбь. Комплекс выжившего... уже не помню. А она и говорит: нет, давно, мол, хочу от этой ноги избавиться. Ну не знаю... – Хейзел энергично затрясла головой.

– А еще с кем-нибудь она об этом заговаривала? С Рэем?

– Пыталась, да. Во всяком случае, он на ее счет не заблуждался. Когда он сюда переехал и мы стали жить все вместе, она ему таких небылиц наплела – к примеру, что папа у нее был разведчиком и ту аварию ему подстроили. Так что он ее знал как облупленную, но не сердился. Бывало, сменит тему, заговорит с ней о школе, еще о чем-нибудь... – Хейзел побагровела. – Я вам скажу, чего она добивалась! – вырвалось у нее. – Чтобы сидеть в инвалидной коляске, чтобы ее катали, как ребенка, чтобы баловали, чтобы внимание обращали. Ради этого все и делалось. Год с лишним назад я у нее дневник нашла. Видели бы вы, что она там понаписала, что напридумывала, нафантазировала. И смех и грех!

– Например? – спросил Страйк.

– Например, как ее с ампутированной ногой сажают в инвалидную коляску и подвозят к самой сцене на концерте *One Direction*, а потом музыканты окружают ее и носятся с ней как с писаной торбой, поскольку она инвалид, – на одном дыхании выпалила Хейзел. – Подумать только! Гадость какая. Инвалиды все бы отдали, чтобы только здоровыми стать. Я знаю, что говорю. Как-никак медсестрой работаю. Всякого насмотрелась. Ладно, – она бросила взгляд на ступни Страйка, – не мне вам рассказывать. Вы же не сами это над собой сотворили? – вдруг спросила она без обиняков. – Вы же не... не отрез... не того... не своими руками?

Не ради этого ли она позвала его к себе домой? – задумался Страйк. В смятении, подсознательно, пытаясь удержаться на поверхности моря, которое куда-то ее понесло, она хотела утвердиться в своей правоте: пусть у ее сестры ум зашел за разум, но люди так не поступают, во всяком случае в реальном мире, где подушки аккуратно стоят на уголках, а инвалидность

наступает только по роковой случайности – когда рушатся стены или взрываются автомобили.

– Нет, – ответил он, – я подорвался на mine.

– Ну вот видите! – восторжествовала она, вновь заливаясь слезами. – Я бы ей и сама это сказала... да только она... она меня не спрашивала... а знай свое твердила... – Хейзел сглотнула ком в горле, – что нога эта ей мешает. Что не должно ее там быть, что нужно от нее избавиться... как будто это опухоль, что ли... Я и слушать не стала. Бред такой. Рэй говорит, он пытался ее образумить. Сказал, что она сама не понимает, чего добивается, что месяцами в больнице лежать, как он валялся с переломом позвоночника, – радости мало: под гипсом язвы образуются, в них инфекция попадает и все такое прочее. При этом он зла на нее не держал. Скажет ей, бывало: идем, поможешь мне в саду или как-то так, чтобы только ее отвлечь от дурных мыслей. В полиции нам сказали, что она по интернету связывалась с себе подобными. Мы знать не знали. Ей шестнадцать было, как тут пойдешь ноутбук ее проверять? Да откуда я знаю, что там искать.

– А меня она когда-нибудь упоминала? – спросил Страйк.

– Вот и полицейские тоже интересовались. Нет, не припоминаю, чтобы она о вас спрашивала, да и Рэй такого не помнит. Не в обиду будь сказано... дело Лулы Лэндри я хорошо запомнила, а ваше имя как-то упустила, да и вас бы в лицо не узнала. Если бы сестра про вас заговорила, я бы запомнила. Имя-то у вас непростое... не в обиду будь сказано.

– А компания у нее была? Она куда-нибудь ходила?

– Да нет, компании не было. Ее недолгоблюдали. Она ведь одноклассникам тоже врала, а кому такое понравится? Дразнили ее. Считали, что она не от мира сего. Нет, никуда она не ходила. А уж когда умудрялась встречаться с этим Найаллом – даже не представляю.

Страйк не удивлялся ее гневу. Келси стала незапланированным добавлением к их беспорочному семейству. А теперь Хейзел обречена до конца своих дней носить в себе вину и скорбь, ужас и жалость, потому что сестра ее так и не переросла те причуды, что развели их в разные стороны.

– Можно воспользоваться туалетом? – спросил Страйк.

Промокнув глаза, она кивнула:

– Прямо и вверх по лестнице.

Опорожняя пузырь, Страйк читал вставленную в рамку и подвешенную над сливным бачком почетную грамоту «За храбрость и особые заслуги», которой награждался боец противопожарной службы

Рэй Уильямс. У Страйка возникло серьезное подозрение, что повесила ее здесь Хейзел, а не Рэй. В остальном туалетная комната не сулила ничего интересного. Все то же пристальное внимание к чистоте и аккуратности, наблюдавшееся в гостиной, распространилось и на аптечку, посредством которой Страйк узнал, что у Хейзел еще не прекратился цикл, что зубную пасту здесь покупают упаковками и что супруги (или по крайней мере один из них) страдают геморроем.

Из туалетной комнаты Страйк вышел бесшумно. Из-за закрытой двери раздавалось мерное сопение, указывающее на то, что Рэй спит. Сделав два шага вправо, Страйк оказался в чуланчике, где до недавних пор жила Келси.

Здесь все детали интерьера были подобраны по цвету: обои, пуховое одеяло, абажур, занавески – все сиреневое. Страйк чувствовал: в этой комнатухе порядок внедрили в хаос грубой силой; чтобы это понять, даже не нужно было видеть весь дом.

Большая пробковая настенная доска предохраняла стены от неприглядных булавочных отметин. Келси увешала доску фотографиями пятерки смазливых юнцов, которые, как догадался Страйк, и составляли группу *One Direction*. Их ноги и головы выходили за пределы доски. Особенно часто встречалось изображение одного блондина. Помимо фотографий участников *One Direction*, Келси навыврезала щенков (главным образом породы ши-тцу) и произвольно выбранные слова и сокращения: «оккупай», «FOMO», «шедевральный», а также множество упоминаний Найалла, в том числе обрамленных сердечками. Этот небрежный коллаж совершенно не вписывался в общую картину порядка, где даже пуховое одеяло идеально ровно лежало на кровати, а сиреневый коврик – на полу.

На узкой книжной полке выделялось новое, похоже, издание «*One Direction: вечно молодые. Официальная история нашего участия в конкурсе „Икс-фактор“*». Основное место на полках занимали многотомная сага «Сумерки», шкатулка для украшений, скопление безделушек, в которое даже Хейзел не сумела внедрить симметрию, пластмассовый подносик с дешевой косметикой и пара мягких игрушек.

Делая ставку на то, что Хейзел слишком грузная и неслышно подняться по лестнице не сможет, Страйк быстро открыл выдвижные ящики. Разумеется, всё сколько-нибудь интересное уже забрала полиция: ноутбук, записки, бумажки с именами и номерами телефонов, любые дневниковые записи – если, конечно, она продолжала вести дневник после того, как Хейзел сунула туда нос. Остались только разрозненные вещи: пачка бумаги, примерно такой, на которой было написано присланное ему

письмо, старая игровая приставка «Нинтендо», упаковка накладных ногтей, коробочка гватемальских кукол-утешительниц ручной работы и – в самом нижнем ящике прикроватной тумбочки, внутри пушистого пенала, – несколько твердых аптечных пластинок из фольги. Он вынул их все: капсулы горчично-желтого цвета носили название «аккутан». Одну пластинку он сунул в карман и, задвинув ящик, перешел к платяному шкафу, в котором царил беспорядок и слегка пахло затхлостью. Келси питала слабость к черному и розовому. Страйк быстро прощупал все складки, обшарил карманы, но ничего не нашел, пока не добрался до мешковатого платья, в кармане которого лежал смятый бумажный квадратик с номером 18: то ли лотерейный билет, то ли номерок из гардероба.

Хейзел в отсутствие Страйка даже не сдвинулась с места. Он подумал, что вполне мог бы задержаться и дольше – она бы не заметила.

При его появлении хозяйка дома слегка вздрогнула. Она опять плакала.

– Спасибо, что зашли, – хрипло выговорила она, вставая. – Вы уж извините, я...

И тут она разрыдалась в голос. Страйк положил руку ей на локоть; не успел он опомниться, как Хейзел бросилась ему на грудь и без тени кокетства, из неприкрытого отчаяния вцепилась в лацканы его пиджака. Страйк приобнял ее за плечи; так они постояли с минуту, после чего она, тяжело всхлипнув, сделала шаг в сторону, и Страйк бессильно уронил руки.

Хейзел покачала головой и пошла провожать его к выходу; слов больше не осталось.

Страйк еще раз выразил свои соболезнования. В мрачноватой прихожей дневной свет подчеркивал призрачную бледность ее заплаканного лица.

– Спасибо, что зашли. – Она сглотнула слезы. – У меня прямо потребность была вас повидать. Сама не знаю, откуда что взялось. Вы уж меня простите...

После отъезда из родных краев у него было три сожительницы, но это Чудо его уже достало. Все три грязные сучки клялись ему в любви, а что подразумевали – черт их знает. Так называемая любовь сделала первых двух покладистыми. На самом-то деле каждая баба – лживая хлызда, так и норовит побольше хапнуть да поменьше дать, но нынешнее Чудо обскакало первых двух. А ему приходилось терпеть, потому как оно было важнейшей частью его плана.

При этом он все время воображал, как прикончит это Чудо. Как обмякнет тупая физиономия, когда лезвие войдет ей в живот. Она не поверит, что Малыш (так Чудо его называло – Малыш) ее убивает, даром что по рукам у него потечет горячая кровь, а в воздухе, дрожащем от ее воплей, поплывет ржавый запах...

Изображать пай-мальчика было ему поперек организма. Включать шарм, втираться к ним в доверие, держать на коротком поводке – легко и приятно, всегда получалось само собой. Но подолгу сохранять позу – это уже другой коленкор. От притворства он порой доходил до ручки. Случалось, даже от ровного дыхания Чуда его так и подмывало схватиться за нож и всадить его, на фиг, прямо ей в легкие...

Если вскорости не дать себе выхода, можно и взорваться.

В понедельник с утра пораньше он под надуманным предлогом ускользнул из дому, пришел на Денмарк-стрит, чтобы засечь Секретутку на подходе, и что-то в нем дрогнуло, словно крысиный ус. Остановившись у телефонной будки напротив агентства, он прищурился и рассмотрел фигуру, топтавшуюся на углу Денмарк-стрит, прямо у аляповато размазанного, как на ярмарке, магазина музыкальных инструментов.

Легавых он чуял за версту, знал их подходцы, их игры. Парень стоял с отсутствующим видом, засунув руки в карманы «донки», изображал из себя обычного бездельника...

Но он-то сам, черт подери, тоже поиграть не прочь. Давно научился становиться невидимкой. А этот тупица «донку» напаялил и рад: замаскировался... да только на каждую хитрую задницу найдется болт с резьбой, приятель!

Он не спеша укрылся за телефонной будкой и сдернул с головы вязаную шапку... В ней он был, когда за ним увязался Страйк. Хмырь в «донке» на сто процентов получил ориентировку. Это следовало, конечно, предусмотреть – что Страйк наложит в штаны и привлечет своих дружков-легавых...

А фоторобота покамест нету, шагая назад по улице, думал он, отчего самооценка повышалась на глазах. Страйк, сам того не ведая, был от него в десяти шагах и даже не допер, кто он такой. Господи, до чего же славно будет прикончить Секретутку и понаблюдать, как агентство покатится под откос, как задохнется под лавиной осуждения, а Страйка замордуют полицейские и журналюги – на него, не сумевшего защитить даже свою подчиненную, несмываемым пятном ляжет подозрение в ее гибели; вот тогда-то и настанет ему полный трындец.

А у него уже созрел ближайший план. Секретутку можно выцепить возле школы экономики, где она обычно пасет ту блондинистую шмару. А перед тем сменить шапку и, возможно, очки. Он пошарил в карманах. Мать твою, как всегда – одна мелочовка. Пора Чудо гнать на заработки. А то ноет, блеет, чего только не придумывает, лишь бы дома сидеть.

Все же наскреб на две новые шапки – на бейсболку и серую шерстяную взамен той, черной, – ту пришлось выбросить в урну на Кембридж-Серкус. А потом на метро поехал в Холборн.

Там ее не оказалось. И студентов тоже. Безрезультатно поискав глазами золотисто-рыжую голову, он вспомнил: сегодня же понедельник, второй день Пасхи. Школа экономики не работала.

Через пару часов он вернулся на Тотнэм-Корт-роуд, искал ее в «Корте» и некоторое время побродил у «Мятного носорога», но все без толку.

До этого он несколько дней кряду не имел возможности выйти на улицу и теперь расстроился почти до боли. В волнении он заметался по окрестным переулкам в надежде, что ему попадется какая-нибудь мокрощелка, да любая баба, не обязательно Секретутка; ножи сами просились на свет из потайных карманов.

А вдруг от его поздравительной открытки Секретутка закатила истерику и уволилась? Он-то рассчитывал совсем на другое: что она перепугается до смерти, будет сходить с ума, но останется у Страйка – тогда через нее можно будет раздавить этого гнуса.

Ближе к вечеру он в глубоком разочаровании вернулся к Чуду. Им предстояло провести двое суток вместе, и от такой перспективы он полностью утратил самообладание. Заменить бы Секретутку Чудом –

прибежал домой, ножи наготове, мгновенное избавление – и дело с концом, но нет, нельзя. Чудо требовалось ему живьем и в полном повиновении.

Да за эти двое суток он лопнет от ярости и ожесточения. В среду вечером он предупредил Чудо, что наутро уйдет с рассветом, поскольку ему халтурку одну предложили, и напрямик сказал, чтобы Чудо тоже на работу собиралось. Тут нытье началось, сопли-вопли – он и не стерпел. Чудо струхнуло и давай его успокаивать. Мол, оно ж без него никуда, оно к нему привязано, оно его хочет, оно виновато...

Лег спать он отдельно – якобы довело его это Чудо. Спокойно подрочил, но какая-то неудовлетворенность осталась. Ему хотелось, до невозможности хотелось другого: контакта с женской плотью через острую сталь, ощущения своей властности, фонтана крови, полного подчинения, криков, мольбы, судорожных всхлипов и завываний. Перетряхивание прошлого опыта облегчения не приносило, а только разжигало желание. Он сгорал от потребности сделать это заново: он грезил только о Секретутке.

В четверг он вскочил без четверти пять, оделся, напялил бейсболку и отправился на другой конец Лондона, где она жила в квартире с Красавчиком. Когда он добрался до Гастингс-роуд, солнце уже было высоко. Неподалеку от дома стоял древний «лендровер»; за ним он и укрылся. Прислонился к двери и через лобовое стекло наблюдал за окнами ее квартиры. Часов в семь утра в гостиной началось какое-то шевеление, и вскоре из подъезда вышел Красавчик в деловом костюме. Унылый, как в воду опущенный. *Думаешь, тупица, тебе сейчас плохо... погоди, вот я позабавлюсь с твоей подругой, тогда...*

Наконец появилась и она – а с ней тетка, с которой они были похожи как две капли воды.

Принесла нелегкая.

Что она задумала – прогуляться с мамашей? Как назло. Иногда весь мир ополчается против него, чтобы остановить, чтобы опустить.

Он не выносил, когда всесилие утекало сквозь пальцы, когда путь преграждали люди и обстоятельства, когда его превращали в униженное, kloкочущее быдло. Ну ничего, кое-кто за это поплатится.

I have this feeling that my luck is none too good...

Blue Öyster Cult. «Black Blade»^[67]

В четверг утром, проснувшись по звонку, Страйк протянул могучую ручищу и прихлопнул кнопку, да так, что старенький будильник свалился на пол. Прищурившись от солнечного света, который пробивался сквозь тонкие занавески, Страйк удостоверился, что часы не врут. Ему стоило больших усилий не перевернуться на другой бок, чтобы еще поспать. Накрыв глаза согнутой в локте рукой, он с полминуты повалялся в постели, а потом с полустоном-полурыком отбросил одеяло. Нашаривая ручку двери в ванную, он прикинул, что последние пять суток спал не более чем по три часа.

Как и предвидела Робин, босс, отослав ее домой, оказался перед выбором: следить за Платиной или за Папой-Злодеем. Поскольку второй недавно у него на глазах бросился к своим сыновьям, чем перепугал их до слез, Страйк решил отдать предпочтение папаше. Забив на дисциплинированную Платину, он почти всю неделю скрытно фотографировал бездельника, который шпионил за своими детьми втайне от их матери.

Все остальное время Страйк занимался собственными расследованиями. Полиция, на его взгляд, проявляла преступную медлительность. Не располагая никакими доказательствами причастности Брокбэнка, Лэйнга или Уиттекера к гибели Келси Платт, Страйк в течение последних пяти суток отдавал каждый свободный час кропотливой сыскной работе, какой прежде занимался только в армии.

Балансируя на одной ноге, он до упора отвернул холодный кран и подставил лицо и тело под колючие струи; грудь, руки и ноги покрылись гусиной кожей. Хорошо еще, что в тесной душевой кабинке не страшно было поскользнуться – для падения не оставалось места. Страйк попрыгал обратно в спальню, растерся докрасна жестким полотенцем и включил телевизор.

По всем новостным каналам сообщали о приготовлениях к назначенной на завтра королевской свадьбе. Пока Страйк пристегивал протез, одевался и жевал тосты, запивая их чаем, комментаторы без умолку

сыпали восторженными рассказами о том, что по всему маршруту следования и вокруг Вестминстерского аббатства люди сутками ожидают в палатках, и уточняли количество туристов, стекающихся в Лондон, чтобы увидеть свадебный кортеж. Страйк выключил телевизор и спустился в контору, широко зевая и пытаясь понять, насколько вся эта предсвадебная эфирная трескотня действует на Робин, которую он не видел с минувшей пятницы, когда ей пришла открытка с мрачным сюрпризом.

Несмотря на только что выпитую кружку чая, Страйк машинально поставил чайник и положил на рабочий стол начатый в свободные часы список стрип-баров, клубов эротического танца и массажных салонов. С появлением Робин он планировал поручить ей завершить список значных мест Шордича и обзвонить все по порядку – эту работу она вполне могла выполнять из дому. Будь его воля, отправил бы ее вместе с матерью в Мэссем. У него всю неделю не шло из головы бледное лицо помощницы. Подавив следующий зев, он опустил на рабочий стул Робин, чтобы проверить электронную почту. Хотя Страйк намеренно отослал Робин домой, встречи он ждал с нетерпением. В офисе было пусто без ее увлеченности, готовности к любому делу, доброжелательности и легкости характера; ему не терпелось поделиться с ней теми немногими достижениями, которые появились у него в результате упорных розысков той пресловутой троицы.

В общей сложности двенадцать часов он проторчал в Кэтфорде, высматривая Уиттекера, который мог появиться возле своей квартирки над забегаловкой, на оживленной пешеходной улице позади театра «Кэтфорд». Театр окружали рыбные лавки, магазины парфюмерии, кафе и кондитерские. Над каждой торговой точкой находилась жилая квартира с тремя расположенными клином арочными окнами. Хлипкие занавески того жилища, где, по сведениям Штыря, обретался Уиттекер, постоянно были задернуты. Днем на улице вырастал целый базар, который обеспечивал Страйку надежное прикрытие. В нос ударяли запахи ладана из шаманской лавки и разделанных тушек свежей рыбы на льду; обоняние вскоре переставало их воспринимать.

Три вечера кряду Страйк топтался у служебного входа в театр, напротив нужной квартиры, но видел только неясные тени, мелькавшие за занавесками. Наконец в среду вечером дверь рядом с забегаловкой отворилась, и оттуда вышла изможденная девочка-подросток. Ее давно не мытые черные волосы были зачесаны назад и открывали кроличье лицо со впалыми щеками и лиловато-бледной кожей, какая свидетельствует о вредных привычках. На девчонке была фуфайка с капюшоном

и застежкой-молнией поверх куцего топики. На ногах-спичках – обтягивающие легинсы. Сложив руки на груди, она поднажала плечом на дверь забегаловки и ввалилась внутрь. Страйк ринулся туда с такой скоростью, что даже смог удержать незакрытую дверь, и встал в очередь за девчонкой.

Продавец обратился к ней по имени:

– Жива-здорова, Стефани?

– Ага, – тихо выговорила она. – Дайте две кока-колы.

У нее на ушных раковинах, ноздрях и губах не было живого места от пирсинга. Она отсчитала сумму мелочью и понуро вышла, не взглянув на Страйка.

Он вернулся в затемненную подворотню на другой стороне улицы и стал уминать купленную рыбу с картошкой, не сводя глаз с освещенных окон над кулинарией. Покупка двух банок кока-колы говорила о том, что Уиттекер торчит дома и, скорее всего, валяется нагишом на тюфяке – в юности Страйк постоянно лицезрел такую сцену. Ему казалось, это давно поросло быльем, но, стоя в очереди, он неотвязно думал о том, что отделен от этого гада лишь хлипким перекрытием и слоем штукатурки. С неистово бьющимся сердцем он упрямо наблюдал за квартирой, пока около часу ночи в окнах не погасили свет. Уиттекер так и не появился.

С Лэйнгом повезло не больше. На «Гугл-стрит-вью» с трудом удалось найти балкон, откуда рыжий Лэйнг позировал для сайта *JustGiving*: приземистое облезлое здание в микрорайоне Уолластон-Клоуз, недалеко от квартала «Страта». Ни в телефонных справочниках, ни в местных списках избирателей Лэйнг не фигурировал, но Страйк предполагал, что тот может кантоваться у знакомых или снимать жилье негласно. Во вторник он весь вечер наблюдал за домом сквозь очки ночного видения, позволявшие с наступлением темноты заглядывать в незанавешенные окна, но шотландец себя не обнаружил. Чтобы его не спугнуть, Страйк отказался от мысли расспрашивать соседей. Вместо этого он наутро пришел к железнодорожному мосту, под которым имелись отдельные кирпичные ниши. Там ютился мелкий бизнес: парикмахерская, эквадорское кафе. Перекусывая среди веселых латиноамериканцев, Страйк выделялся своей мрачностью и молчаливостью.

Новый зевок сопровождался стоном изнеможения. Страйк потянулся на рабочем стуле Робин и не сразу расслышал шаги на лестнице. Когда он сообразил, что кто-то поднимается к нему в контору (часы подсказали: для Робин еще слишком рано; та предупредила, что к одиннадцати поедет на вокзал проводить мать), по стеклянной двери уже ползла тень. В контору

постучали, и Страйк с удивлением узнал мистера Повторного.

Средних лет бизнесмен, уже с брюшком, он был намного состоятельнее, чем предполагал его затрапезный вид. Неказистая физиономия без особых примет сегодня выглядела непривычно суровой.

– Она меня бросила, – без предисловий сообщил он Страйку.

Посетитель рухнул на диван и был тут же застигнут врасплох пулеметной очередью ложных газов. Вот тебе второй сюрприз за одно утро, без слов сказал ему Страйк. Как видно, бизнесмен пережил настоящий шок, когда его бросили: обычно он долго копил факты, прежде чем уличить очередную блондинку в неверности и разорвать отношения. Страйк понимал, что Повторный, в котором уживались мазохист, вуайерист и самодур, ловил от этого особый интимный кайф.

– Да быть такого не может. – Страйк встал из-за стола и направился к чайнику: организм требовал кофеина. – Мы не спускали с нее глаз, но никаких ухаживаний не зафиксировали.

На самом деле Платину он не видел уже неделю и полагался только на звонки Вороненка, но даже эти сигналы порой направлял в голосовую почту, если вел Папу-Злодея. Теперь он спохватился, что мог о них и забыть. Оставалось только надеяться, что Вороненок не сообщала ему о присутствии рядом с Платиной какого-нибудь богатея, готового взять на себя часть ее расходов на образование в обмен на эксклюзивные привилегии. Если такое допустить, то можно было сразу распрощаться с Повторным и его гонорами в звонкой монете.

– Почему же тогда она мне отказала? – потребовал ответа Повторный.

Да потому, что ты козлина драный.

– Понимаете, я не могу поручиться, что у нее в принципе никого нет. – Размешивая в кружке растворимый кофе, Страйк тщательно подбирал слова. – Могу только утверждать, что она чертовски изворотлива, если ведет двойную игру. Мы же следим за каждым ее шагом, – солгал он. – Кофе?

– Мне рекомендовали вас как лучшего в своем деле, – буркнул Повторный. – Нет, растворимый не пью.

У Страйка зазвонил мобильный. Он проверил: Уордл.

– Простите, должен ответить, – сказал он раздосадованному клиенту. – Привет, Уордл.

– Мэлли исключается, – с места в карьер начал полицейский.

Только полным упадком сил Страйк мог объяснить, что не сразу въехал. Вскоре до него дошло: Уордл сообщал о том гангстере, который некогда отрезал своему врагу половой член и потому числился у Уордла

первым подозреваемым в деле об отрезанной ноге.

– А, Диггер, – выговорил Страйк, показывая, что внимательно слушает. – Исключается, стало быть?

– У него алиби. Во время убийства оттягивался в Испании.

– В Испании, – эхом повторил Страйк.

Мистер Повторный барабанил пальцами по искусственной коже дивана.

– Вот-вот, – подтвердил Уордл. – На Менорке отдыхал, фу-ты ну-ты.

Страйк сделал большой глоток кофе, такого крепкого, будто всыпал на одну порцию целую банку. У него начиналась головная боль. Такое бывало редко.

– Зато мы продвинулись в отношении двоих других, чьи фотки я тебе показывал, – продолжал Уордл, – парня и девицы, которые слали посты на тот придурочный форум, где Келси наводила о тебе справки.

Страйк с большим трудом припомнил фото кривого парня и черноволосой девицы в очках.

– Мы их допросили: они лично с ней не знакомы, общались только в Сети. Плюс у него железное алиби: в день убийства он отработал две смены в универсаме «Асда» аж в Лидсе. Мы проверили. Но, – продолжил Уордл, и Страйк понял, что за этим последует нечто более существенное, – на форуме ошивается один тип, который называет себя *Devotee*, и всем форумчанам от него как-то не по себе. Его тянет к ампутанткам. Расспрашивал теток, какую часть тела они хотят ампутировать, и, похоже, кое с кем даже встречался лично. А в последнее время затихарился. Хотим его вычислить.

– Угу, – пробормотал Страйк, кожей чувствуя нарастающее раздражение Повторного. – Это обнадеживает.

– Вот именно. Кстати, ты не думай, я не забыл про письмо, которое тебе прислал этот тип, запавший на твою культу, – продолжал Уордл. – По нему тоже работаем.

– Это просто здорово, – сказал Страйк, плохо понимая смысл своих слов, но вскинул ладонь, показывая мистеру Повторному, уже готовому встать с дивана и уйти, что конец разговора близок. – Послушай, Уордл, я сейчас не могу разговаривать. Давай попозже.

Когда Уордл отсоединился, Страйк попытался успокоить Повторного, который начал закипать, пока дожидался своей очереди. Какие именно сыскные услуги он рассчитывал получить в ситуации, когда его бросила возлюбленная, частный детектив спросить не решился – не отфутболивать же за здорово живешь повторных клиентов. Глотая

угольно-черный кофе и мучась от нарастающей головной боли, Страйк едва сдерживался, чтобы не послать Повторного куда подальше.

– Итак, – обратился к нему клиент, – что вы намерены предпринять?

Страйк не понимал, чего от него хотят: чтобы он вернул Платину в лоно прежних отношений, чтобы таскался за ней по всему городу и в конце концов накрыл ее с новым любовником или чтобы вернул клиенту деньги? Не успел он сам себе ответить на эти вопросы, как в очередной раз услышал на лестнице шаги, а вместе с ними – женские голоса. Повторный только бросил на детектива удивленный, негодующий взгляд – и тут же открылась стеклянная дверь.

Робин показалась Страйку более рослой, чем прежде, причем не только более рослой, но и более миловидной и более застенчивой. У нее за спиной – в других обстоятельствах его бы это насмешило и заинтересовало – стояла женщина, в которой безошибочно угадывалась ее мать. При более скромном росточке и определенно более внушительной ширине у нее были те же землянично-рыжеватые волосы, те же серо-голубые глаза и то же выражение сочувственной проницательности, так хорошо знакомые боссу ее дочери.

– Прошу прощения. – Заметив Повторного, Робин остановилась как вкопанная. – Мы подождем внизу... Давай спустимся, мам...

Выйдя из себя, незадачливый клиент в гневе вскочил:

– Нет-нет, не трудитесь. Я пришел без предварительной договоренности. Не смею задерживать. Вот мой последний взнос, Страйк.

И вылетел из приемной.

Через полтора часа Робин с матерью молча сидели в такси, уносившем их на вокзал Кингз-Кросс, в ногах у них слегка покачивался чемодан Линды.

Перед возвращением в Йоркшир Линда настояла на знакомстве со Страйком.

– Ты у него сколько уже, год с лишним? Он ведь не станет возражать, если я просто забегу поздороваться? Должна же я посмотреть, где ты работаешь, чтобы лучше понимать твои рассказы...

Сколько могла, Робин сопротивлялась. Ее смущала сама идея маминого визита. Эта затея представлялась ей детской, неуместной и попросту глупой. К тому же Страйк, увидев свою помощницу в сопровождении мамы, мог бы усомниться в ее профессиональной пригодности.

Как же горько сожалела Робин, что не сумела скрыть свой ужас

при виде вложения в открытку с репродукцией Веттриано. Как можно было дать слабину, особенно после того, как она посвятила Страйка в свою собственную историю. Выслушав ее исповедь, он тогда сказал, что это не будет иметь никакого значения, но она-то знала: что ей можно, а чего нельзя – всегда решали за нее другие.

Такси катилось вдоль кольцевой линии метро; Робин убеждала себя, что мама не виновата в этой неловкости. Она сама должна была заранее позвонить Страйку и тогда не спугнула бы Повторного. Если уж честно, Робин понадеялась, что Страйк уйдет по делам или будет сидеть в мансарде, а она спокойно покажет Линде свое рабочее место, не отвлекаясь на церемонии. Она просто-напросто опасалась, что после ее звонка Страйк, в силу своей природной любознательности и вредности, специально задержится в конторе, чтобы познакомиться с ее мамой.

Линда со Страйком мило болтали, пока Робин молча заваривала чай. Она подозревала, что Линда так рвалась познакомиться со Страйком именно для того, чтобы оценить градус теплоты в отношениях дочери и ее босса. Из-за постоянного недосыпа Страйк выглядел хуже некуда: на добрый десяток лет старше своего возраста, с щетиной на подбородке и ввалившимися глазами. Взглянув на него, Линда всяко отбросит подозрения, что дочь тайно сохнет по такому экземпляру.

– Должна сказать, он произвел на меня хорошее впечатление, – заговорила Линда, когда впереди возникло похожее на дворец кирпичное здание вокзала Сент-Панкрас. – Красавцем его не назовешь, но что-то в нем есть.

– Пожалуй, – холодно ответила Робин. – Сара Шедлок тоже так считает.

Перед их отъездом на вокзал Страйк отозвал Робин в сторону и вручил ей самое начало списка, в котором значились массажные салоны, стриптиз-бары и клубы эротических танцев Шордича; ей предстояло завершить их перечень, а потом обзвонить эти заведения одно за другим и выяснить, не работает ли в каком-нибудь из них Ноэл Брокбэнк.

– Я почти уверен, – добавил Страйк, – что он опять пошел в охранники или вышибалы. На что еще годен этот громила с пробитой головой и такой биографией?

Из уважения к Линде, которая навестила уши, Страйк решил не уточнять, что Брокбэнк, по его мнению, будет обеими руками держаться за работу в секс-индустрии, где проще всего найти беззащитных женщин.

– Хорошо, – ответила Робин и оставила список на своем рабочем столе, куда положил его Страйк. – Я только провожу маму и сразу

вернусь...

– Нет, лучше будет, чтобы ты звонила из дому. Помечай каждый звонок. Все расходы я возмещу.

Перед глазами у Робин мелькнули *Destiny's Child* с постера их альбома «Survivor».

– А на работу когда выходить?

– Когда управишься, – ответил он и, правильно истолковав ее выражение лица, добавил: – Ты же знаешь: мы, скорее всего, навсегда лишились Повторного, так что Папой-Злодеем займусь я сам...

– А как насчет Келси?

– Твое дело – розыск Брокбэнка, – сказал Страйк, потрясая списком, и добавил (у него раскалывалась голова, о чем Робин не догадывалась): – А вообще завтра официальный выходной, королевская свадьба...

Он недвусмысленно дал понять, что просит ее не путаться под ногами.

За время ее отсутствия что-то неуловимо изменилось. Возможно, Страйк вспомнил, что она не прошла подготовку в рядах военной полиции, что никогда не видела отсеченных конечностей, пока не получила ту посылку, а следовательно, будет совершенно лишней в этих чрезвычайных обстоятельствах.

– Я только что брала отпуск на пять дней...

– Неужели не понятно, – он начал выходить из себя, – твое дело – составить список и всех по нему обзвонить. Для этого не нужно торчать в конторе.

Твое дело – составить список и всех по нему обзвонить.

Ей тут же вспомнилось, как Элин назвала ее секретаршей Страйка.

В такси на Робин нахлынула волна гнева и обиды, которая смыла все здравые мысли. В присутствии Уордла Страйк назвал ее партнером – тогда ему требовалось ознакомить ее со снимками расчлененного тела. Однако никакого нового контракта не предложил, официально не переоформил их трудовые отношения. Набирала текст она быстрее, чем Страйк, тыкавший в клавиатуру расплощенными волосатыми пальцами; она обрабатывала почти все счета-фактуры, отвечала на обращения по электронной почте. Она же наводила порядок в документации. Не исключено, подумала Робин, что Страйк сам рассказывал о ней Элин как о своей секретарше. Не исключено, что назвал ее партнером для красного словца, только чтобы подольститься. Вполне возможно (Робин понимала, что сама себя накручивает), Страйк и Элин мусолили ее недостатки, когда устраивали тайные свидания за спиной у обманутого мужа. Весьма вероятно, он признавался Элин, что напрасно взял на работу «эту женщину», которая,

вообще говоря, пришла к нему временной секретаршей. Да и про изнасилование, наверно, выболтал.

Знаешь, мне тоже пришлось нелегко.

Твое дело – составить список и всех по нему обзвонить.

С чего она вдруг расклеилась? По щекам текли слезы злости и отчаяния.

– Робин? – встревожилась Линда.

– Ничего, ничего, – мстительно выговорила Робин, вытирая глаза ладонями.

После пяти дней безделья, которые она провела дома с мамой и Мэтью, после неловких пауз, то и дело повисавших в тесной гостиной, после шепотков, которыми обменивались мама и Мэтью, пока Робин была в ванной, она просто на стенку лезла. Ей совсем не улыбалось снова засесть в квартире. Как ни странно, ей было спокойнее мерить шагами улицы в центре Лондона, где в любой момент мог появиться тип в вязаной шапке, чем томиться в своей квартире на Гастингс-роуд.

Наконец такси остановилось у вокзала Кингз-Кросс. Когда они шли к нужной платформе, Робин, чувствуя на себе косые взгляды матери, всеми силами старалась держать себя в руках. Сегодня вечером им с Мэтью опять предстояло остаться наедине; не за горами был окончательный, решающий разговор. Вначале Робин и слышать не хотела о приезде Линды, но теперь, перед скорым расставанием, невольно признавала, что мать держалась совершенно ненавязчиво и создавала в доме атмосферу покоя.

– Вот и славно, – сказала Линда, когда, благополучно водрузив чемодан на багажную полку, вышла на перрон проститься с Робин. – А это тебе.

Она протягивала дочери пятьсот фунтов.

– Мам, я не могу...

– Можешь, можешь, – заверила ее Линда. – Либо побереги на новое жилье, либо купи свадебные туфли от Джимми Чу.

Во вторник они прошли по Бонд-стрит и поглазели на выставленные в витринах роскошные ювелирные изделия, на сумочки, приближающиеся по цене к подержанному автомобилю, на одежду известных брендов, недоступную ни одной из них. В Харрогейте магазины были куда скромнее. Как зачарованная Робин любовалась обувью. Мэтью не любил, когда она надевала туфли на слишком высоком каблуке; но в этот раз у нее возникло дерзкое желание встать на пятидюймовые шпильки.

– Я не могу, – повторила Робин среди вокзального шума.

Ее родители обещали ближе к концу года взять на себя часть расходов

на бракосочетание Стивена, брата Робин. Мало того, они внесли солидный аванс за свадебный банкет Робин, который один раз уже пришлось перенести; задаток за свадебный кортеж и вовсе пошел прахом. Ко всему прочему, отец с матерью купили ей подвенечное платье и оплатили его подгонку по фигуре.

– Я настаиваю, – строго сказала мать. – Либо заложи основу своей одинокой жизни, либо купи свадебные туфли.

Глотая слезы, Робин не ответила.

– Мы с отцом поддержим любое твоё решение, – заверила Линда, – Но задайся вопросом и сама ответь: по какой причине ты никому, кроме нас, не сообщила об отмене свадьбы? Ваша теперешняя жизнь – это ад для обоих. Деньгами распорядишься сама. Решение за тобой.

Она крепко обняла дочь, поцеловала прямо под ухом и поднялась в вагон. Робин выдавила улыбку и помахала, но когда поезд отошел от платформы, увозя мать в Мэссем, к отцу, к лабрадору Раунтри, ко всему, что знакомо и мило сердцу, Робин опустилась на холодную металлическую скамью, закрыла лицо руками и беззвучно зарыдала, уткнувшись в даренные банкноты.

– Гляди веселей, дорогуша. На нем свет клином не сошелся.

Она подняла глаза. Перед ней стоял какой-то неопрятный субъект. Живот нависал над ремнем, губы изогнулись в похотливой ухмылке.

Робин медленно поднялась. Они были одного роста. Их взгляды встретились.

– Отвали! – бросила она.

Незнакомец заморгал. Ухмылка сменилась оскалом. Робин зашагала прочь, засовывая материнские деньги в карман. Ей вслед понеслись какие-то выкрики, но она не прислушивалась. В ней закипала безотчетная злость – против мужчин, которые расценивали проявление эмоций как призывно распахнутую дверь, которые пялились на женскую грудь, делая вид, что выбирают вино, которые даже простое физическое присутствие женщины рассматривали как скабрёзное приглашение.

Ее злость распространилась и на Страйка; тот отправил ее домой к Мэтью, потому что счел обузой; работая в одиночку, он сознательно ставил под удар свой бизнес (созданный, кстати сказать, не без ее участия), лишь бы не подпускать ее к работе, в которой она давала ему сто очков вперед. А все потому, что на ней, с его точки зрения, лежало вечное клеймо: семь лет назад она оказалась на самой неподходящей лестничной клетке в самое неподходящее время.

Ладно, она возьмется обзванивать все эти мерзкие стрип-бары и клубы

эротических танцев, чтобы разыскать урода, шепнувшему ей в ухо «девочка». Впрочем, у нее наметились и свои планы. Она хотела поделиться ими со Страйком, но вначале не успела, поскольку провожала маму на поезд, а потом утратила всякое желание, поскольку он приказал ей сидеть дома. Потуже затянув пояс, Робин размашистым шагом пошла дальше и ни на миг не усомнилась, что имеет полное моральное право без посторонней помощи проверить одну версию, не докладывая об этом Страйку.

This ain't the garden of Eden.

Blue Öyster Cult. «This Ain't the Summer of Love»^[68]

Если уж сидеть дома, рассуждала Робин, можно хотя бы королевскую свадьбу посмотреть.

Рано утром, с открытым ноутбуком на коленях и с мобильным под рукой, она застолбила себе место на диване в гостиной и фоном включила телевизор. У Мэтью тоже был выходной, но он сидел на кухне, чтобы не пересекаться с ней. Сегодня он не приставал к ней с заботливыми предложениями чая, не расспрашивал о работе, не заискивал. Робин после отъезда мамы чувствовала в нем перемену. В нем появилась тревога, настороженность, серьезность. Вероятно, Линда во время их приглушенных разговоров убедила Мэтью, что возврат к старому невозможен. Робин хорошо понимала, что теперь сама должна поставить точку. Ее подхлестывали сказанные при расставании материнские слова. Она еще не подыскала себе жилье, но уже чувствовала, что необходимо предупредить Мэтью о скором разъезде и подобрать формулировки для извещения друзей и родных. Но пока что она сидела на диване и работала, вместо того чтобы заняться вопросом, который заполнял всю их квартирку, распирали стены, постоянно электризовал атмосферу.

Комментаторы с бутоньерками в петлицах и букетиками на жакетах без умолку описывали, как украшено Вестминстерское аббатство. К входу змеилась очередь именитых гостей. Слушая репортажи вполуха, Робин записывала телефонные номера клубов эротического танца, стрип-баров и массажных салонов в пределах и окрестностях Шордича. Время от времени она скролила страницу вниз, чтобы ознакомиться с отзывами посетителей – вдруг кто-нибудь упомянул вышибалу по имени Ноэл, – но находила только имена работавших там девушек. Завсегдатаи обращали особое внимание на качество предоставляемых услуг. Мэнди из некоего массажного салона «честно отрабатывает свои полчаса», причем «безо всякой спешки», великолепная Шерри из «Белтуэй стрипперс» всегда «азартна, услужлива и весела». «Настоятельно рекомендую Зоуи, – писал один клиент, – роскошная фигура, „счастливый конец“!!!»

В другом настроении (или, наверное, в другой жизни) Робин развеселилась бы от этих похвал в адрес жриц любви. Многие мужчины, готовые платить за секс, верили, что девушки и в самом деле встречают их с восторгом, наслаждаются неспешными ласками, от души смеются любым шуткам, с радостью делают массаж обнаженным телом или помогают клиенту ручкой. Один такой даже посвятил своей любимице стихи.

Добросовестно расширяя список, Робин думала, что Брокбэнк, с его сомнительным прошлым, вряд ли пустят на порог какого-нибудь элитного заведения, которое размещало на своем сайте художественно выполненные снимки выгодно подсвеченных девушек с развевающимися волосами и приглашало к посещению супружеские пары. По сведениям Робин, бордели были вне закона, однако киберпространство пестрело всевозможными объявлениями. За время работы у Страйка она научилась извлекать информацию из самых отдаленных уголков интернета и вскоре уже методично делала перекрестные отсылки на заштатные форумы, созданные для обмена соответствующими сведениями. Здесь, в самом дешевом сегменте рынка, стихами не изъяснялись. «Анал за 60 – вполне себе приемлемо»; «Девочки из заграницы, английского не знают»; «Молодые, с виду чистенькие. А то, бывает, глядишь и думаешь: я свой член не на помойке нашел». В некоторых случаях указывалось только приблизительное местонахождение. Робин знала, что Страйк никогда не позволит ей соваться в эти подвалы и развалюхи, где работали «девочки только из восточной европы» или «одни китаёзы».

Сделав перерыв и подсознательно рассчитывая успокоиться, она посмотрела на экран. По проходу бок о бок шагали принцы Уильям и Гарри. Но тут в гостиную вошел Мэтью с кружкой чая. Заварить чай для Робин он даже не предложил. Молча устроившись в кресле, он уставился на экран. Робин вернулась к работе, но обостренным чутьем ощущала присутствие своего бывшего. Сидеть рядом с ней без единого слова – это уход. Признание ее отдельности – не перебивать, не предлагать чая – это тоже нечто новое. Равно как и то, что он не взял пульт и не переключился на другой канал.

Камеры устремили свои взоры на отель «Горинг», чтобы не упустить миг первого появления Кейт Миддлтон в подвенечном наряде. Робин исподтишка поглядывала поверх ноутбука, медленно скроля серию более или менее грамотных отзывов о борделе близ Коммершл-роуд.

Шквал возбужденных комментариев заставил ее оторваться от работы – и как раз вовремя: Кейт Миддлтон садилась в лимузин. Длинные кружевные рукава, какие Робин предпочла отрезать

от собственного подвенечного платья...

Лимузин медленно тронулся с места. Кейт Миддлтон, сидящую в автомобиле рядом с отцом, было едва видно. Значит, она решила пойти под венец с распущенными волосами. Робин тоже так планировала. Мэтью нравилось. Впрочем, теперь это не играло никакой роли...

Толпы приветствовали кортеж, по всему пути следования были вывешены государственные флаги.

Когда Мэтью повернулся, Робин сделала вид, что поглощена работой на компьютере.

– Чаю хочешь?

– Нет, – сказала она и нехотя добавила «спасибо», понимая, что в последнее время разговаривала с ним агрессивно.

На диване пискнул мобильный. Мэтью часто хмурился и дулся, если такое случалось в выходные: он подозревал, что это Страйк, и порой оказывался прав. Сегодня он лишь молча отвернулся к телевизору. Робин прочла сообщение:

Откуда я знаю что вы не из газеты?

Эту линию она разрабатывала без ведома Страйка и уже придумала, что скажет ему в оправдание. Толпы, не смолкая, приветствовали медленно движущийся лимузин, а она тем временем набрала ответ:

Газетчики уже осаждали бы ваш дом. Я же советовала вам найти меня в сети. Напр., мое фото у входа в суд, где я была свидетелем по делу об убийстве Оуэна Куайна. Посмотрели?

Она опустила мобильный. У нее участился пульс.

Перед Вестминстерским аббатством Кейт Миддлтон выходила из лимузина. Кружевное платье подчеркивало ее осиную талию. Лицо светилось счастьем... Неподдельным счастьем... У Робин колотилось сердце, когда она смотрела на эту прекрасную девушку в тиаре, идущую к входу в аббатство.

Мобильный опять подал голос.

Ну посмотрел. И что?

Уставясь в кружку, Мэтью издал характерный звук. Робин предпочла этого не заметить. Не иначе как он решил, что она переписывается со Страйком – обычно именно это вызывало у него гримасы

и раздраженное фырканье. Робин перешла в режим фотокамеры, поднесла мобильный к лицу и сделала селфи.

От вспышки Мэтью вздрогнул и огляделся. Он плакал.

Когда Робин прикрепляла к сообщению свое фото, у нее задрожали пальцы. Потом, не желая смотреть на Мэтью, она опять уставилась в телевизор.

Сейчас отец Кейт Миддлтон медленно вел свою дочь по красной ковровой дорожке, разделявшей надвое море дамских шляпок. Перед глазами у Робин разыгрывалась кульминация миллиона сказок и легенд: простолюдинка неторопливо двигалась навстречу своему принцу, красота неудержимо близилась к верхам...

Робин невольно вспомнила, что Мэтью сделал ей предложение на площади Пиккадилли, под статуей Эроса. Бродяги, облепившие пьедестал, ослабли, когда Мэтью опустился на колени. Эта сцена застала Робин врасплох: Мэтью рисковал испортить свой выходной костюм на мокрых, грязных каменных плитах; исходившие от бомжей алкогольные миазмы перешибали запах выхлопных газов. А потом появился маленький футлярчик из синего бархата, откуда подмигивал сапфир, скромнее и бледнее, чем у Кейт Миддлтон. Мэтью объяснил, что выбирал камень под цвет глаз Робин. Когда она ответила «да», один из бездомных, пошатываясь, привстал и заплодировал. Робин как сейчас помнила отблески неоновых огней Пиккадилли на сияющем лице Мэтью.

Девять лет совместной жизни, общая юность, ссоры и примирения, любовь. Девять неразлучных лет, куда вошла и трагедия, способная их разлучить.

Вспомнила она и день, последовавший за предложением руки и сердца, – тот самый день, когда бюро по временному трудоустройству направило ее к Страйку. Казалось бы, так давно. Тогда она была совсем другой... во всяком случае, ощущала себя совсем по-другому – до тех пор, пока Страйк не отослал ее домой переписывать номера телефонов и не ответил, когда же ей выходить на работу в качестве его напарницы.

– А ведь *они* расходились.

– Что? – не поняла Робин.

– Они расходились, – дрогнувшим голосом повторил Мэтью и кивнул на телеэкран; принц Уильям как раз повернулся к невесте. – Была у них пауза в отношениях.

– Знаю, – ответила Робин.

Она старалась говорить холодным тоном, но Мэтью совсем сник.

Возможно, меня просто гложет мысль, что ты заслуживаешь

лучшего.

– У нас... между нами все кончено? – спросил он.

У алтаря Кейт Миддлтон поравнялась с принцем Уильямом.

Глядя на экран, Робин понимала, что ее ответ будет воспринят как окончательный. Кольцо, знак помолвки, лежало там, где было оставлено, – в книжном шкафу, на стопке старых пособий по бухгалтерскому учету. С того дня, когда Робин его сняла, никто из двоих к нему не прикасался.

– Возлюбленные братия... – заговорил настоятель Вестминстера.

Вспомнила Робин и тот день, когда Мэтью впервые пригласил ее на свидание; она бежала домой из школы, полыхая волнением и гордостью. Вспомнила, как хихикала Сара Шедлок, приваливаясь к Мэтью в пабе города Бат, а Мэтью слегка хмурился и отстранялся. Ей на ум пришли Страйк и Элин... *а они-то при чем?*

Она вспомнила, как Мэтью, мертвенно-бледный, дрожащий, приехал в больницу, где ее продержали в течение суток после изнасилования. В тот день он не пошел на экзамен, чтобы сидеть подле нее, – даже не поставил в известность деканат. Его мать была недовольна. Переэкзаменовку назначили на лето.

В 21 год я не понимал того, что знаю сейчас: другой такой, как ты, нет на целом свете и я никого не смогу полюбить так, как тебя...

А Сара Шедлок повисла у него на шее, когда он – без сомнения, пьяный – изливал на нее откровения насчет Робин, которая страдала агорафобией и не давала к себе прикасаться...

Звякнул мобильный. Робин машинально подняла его с дивана и прочла:

Так и быть, поверю.

Смысл прочитанного до нее не доходил; она опустила телефон, оставив сообщение без ответа. До чего же трагическое зрелище представляет собой плачущий мужчина. У Мэтью покраснели глаза. Плечи вздрагивали.

– Мэтт, – тихо выговорила Робин, тронутая этими беззвучными рыданиями. – Мэтт...

И протянула руку.

Небо окрасилось цветом розового мрамора, но народ не спешил расходиться. На тротуары высыпал миллион лондонцев и приезжих в красно-бело-синих шляпах, пластмассовых коронах, с флагами Соединенного Королевства; надувшиеся пивом шуты тащили за руки детишек с размалеванными физиономиями, и все эти толпы подпрыгивали и плыли на волнах слезливых сантиментов.

В подземке было не пробиться, на улицах – и того хуже; выискивая то, что нужно, он прокладывал себе путь под звуки национального гимна, выводимого безголосой пьянью, и только раз припев не резанул ухо: когда его всем выводком затащили развеселые валлийки, преградившие ему дорогу на выходе из метро.

Чудо при расставании обливалось слезами. Оно на время приободрилось от зрелища королевской свадьбы, размякло и пожалело себя, стало отпускать жалостливые намеки о верных и неразлучных. Сдержался он единственно потому, что каждым нервом, каждым атомом был нацелен выполнить то, что спланировал на вечер. Высвобождение приближалось, он проявил терпение и ласку, а что получил в награду? Чудо вконец распоясалось и стало требовать, чтобы он остался.

А он уже и куртку надел, и ножи приладил, ну как тут было сдержаться? Он хорошо это умел – даже пальцем никого не трогая, нагнать страху одними лишь словами, жестами, внезапным оскалом сидящего внутри зверя. Хлопнув дверью, он вылетел из дому, оставив позади униженное и запуганное Чудо.

Потом нужно будет напрячься и обставиться, рассуждал он, пробиваясь сквозь запьянцовскую компанию на тротуаре. Букетик вшивый принести, изобразить покаяние, туфту какую-нибудь про стресс на уши навесить... От этих мыслей его перекосило.

Никто не посмеет встать ему поперек дороги, при его-то росте и комплекции, хотя какая-то мелюзга путалась под ногами. Но это не более чем болванки, кегли из мяса – так к ним и следует относиться. Для него только те люди что-нибудь значили, которые могли пригодиться ему для дела. Потому-то Секретутка и стала для него столь важной персоной.

Никогда еще он не преследовал женщину так долго.

Впрочем, с предыдущей тоже пришлось повозиться, но там было другое. Та дурища очертя голову бросилась к нему в капкан, будто всю жизнь мечтала быть порубленной на куски. А ему еще и лучше...

Он даже заулыбался. Персиковые полотенца и густой запах крови... На него мало-помалу накатывало знакомое чувство – чувство всесилья. Сегодня все повторится, он уже знал...

Headin' for a meeting, shining up my greeting... [\[70\]](#)

Выискивал он девчонку, отделившись от компании, подшофе, размякшую, но все они, как назло, брели стадами, и он уже стал подумывать, что на безрыбье и шлюха рыба.

Нынче – не то что в прежние времена – проститутки по улицам не слонялись: все обзавелись мобилами, интернетом. Купить телку – все равно что заказать еду на дом, но ему не улыбалось наследить в Сети или засветиться по мобильному. На улицах оставалось одно отребье, он знал все закоулки, но нужно было выбрать место, с которым его ничто не связывало, – подальше от Чуда. Без десяти двенадцать ночи он, в низко надвинутой на лоб шапке, дошел до Шеклуэлла и стал кружить по улицам, пряча подбородок в воротник куртки и при каждом шаге ощущая ножи: прямой разделочный и небольшой тесак. В окнах пабов и индийских ресторанчиков горел свет, повсюду мотылялись британские флаги... Он готов был хоть всю ночь бродить, чтобы только добиться своего...

На неосвещенном углу стояли три бабешки в мини-юбках, курили и о чем-то болтали.

Он прошел по другой стороне улицы, и одна из них окликнула его, но он не ответил и нырнул в темноту. Три – это перебор: зачем ему две свидетельницы?

Пешая охота представляла собой легкую и одновременно трудную задачу. Можно не волноваться, что номер заснимут на камеру, но вот вопрос: куда ее завести? Да и смываться от копов намного сложнее. Битый час он нарезал круги по улицам, пока не очутился на том же самом углу, где стояли проститутки. Сейчас их осталось всего две. Уже проще. Одна свидетельница. Его лицо почти целиком скрывал воротник. Нужно было решаться, но тут к бабешкам подъехала машина, водитель перебросился с ними парой фраз, посадил приглянувшуюся девицу к себе в автомобиль и умчался.

Дурман ликования устремился по венам в мозг. Точно так все сложилось в первый раз: тогда, как и сейчас, он остался один на один с самой страшенькой, чтобы сделать с ней все, что заблагорассудится.

Нужно было спешить, пока рядом не оказалось любопытных глаз.

– А, вернулся, сладкий?

Голос у нее был сиплый, хотя сама выглядела молодо: крашенные хной волосы собраны в короткий пучок, в ушах пирсинг, в носу тоже. Ноздри розоватые, влажные, будто насморочные. Кожаная куртка, мини-юбка из латекса, туфли на запредельно высоком каблуке – странно, как еще ногу не подвернула.

– Сколько? – спросил он, даже не слушая, что она говорит. Какая, на хрен, разница.

– Хочешь – можно ко мне пойти.

Он дал согласие, но не расслаблялся. Хорошо, если у нее комната с отдельным входом или однокомнатная квартирка и на пустой лестнице есть какой-никакой грязный, темный закуток, готовый принять тело. А вдруг она его приведет в людное место, скажем в бордель, где будут другие проститутки, а с ними старая жирная сука-мамка или еще того хуже – сутенер...

Девушка вывалилась на дорогу раньше, чем загорелся зеленый сигнал светофора. Пришлось схватить ее за руку и дернуть назад, потому что мимо с ревом несли белый фургон.

– Спаситель мой! – захихикала она. – Спасибо тебе, сладкий.

Чем-то закинулась, не иначе. Таких он видел множество. Сопливый нос внушал ему гадостное чувство. В темных витринах магазинов их отражения смотрелись как папа с дочкой: она – тощая коротышка, он – высоченный здоровяк.

– Видал свадьбу? – полюбопытствовала она.

– Чего?

– Свадьбу принца видал? Невеста – до чего миленькая.

Даже эта ничемная дрянь сходилась с ума по пресловутой свадьбе. На ходу ни на минуту не затыкала фонтан и постоянно хохотала, цокая своими дешевыми шпильками; он между тем не проронил ни слова.

– Жаль, что маменька его до этого дня не дождала, верно? Нам сюда, – сказала девушка, указывая на многоэтажку в квартале от них. – Тут моя хата.

Издали было видно, что у освещенного подъезда кучкуются люди, а один парень сидит прямо на ступеньках.

Он остановился как вкопанный.

– Нет.

– Чё такое? Не стесняйся, сладкий, тут все свои, – убежденно выговорила она.

– Нет, – повторил он, крепко взял ее за плечо и внезапно разъярился.

Что она затевает? Думает, он вчера на свет родился?

– Туда, – указал он на темный проход между домами.

– Сладкий, у меня постелька...

– Туда, – не скрывая раздражения, повторил он.

Она уставилась на него, хлопая густо намалеванными ресницами, немного обеспокоенная, но утратившая – тупая корова – способность ясно мыслить, и тогда одной лишь силой воли он молча заставил ее подчиниться.

– Ладно, сладкий, как скажешь.

Каждый шаг отзывался хрустом, как будто они шли по гальке. Он переживал, как бы в проулке не оказалось сенсорных уличных фонарей или датчиков, но в двадцати ярдах от дороги их поглотила густая, непроглядная тьма.

Он был в перчатках. Протянул ей деньги. Она расстегнула ему штаны. Еще вялый. Пока она, стоя на коленях, во мраке занималась своим делом, пытаясь хоть как-то его завести, он бесшумно достал из потайного кармана ножи.

Легкое скольжение по нейлону; потные ладони обеих рук удобно легли на рукоятки.

Он пнул ее в живот с такой силой, что она отлетела назад. Судорожные вдохи, свистящий хрип и хруст гравия подсказали ему, куда она приземлилась. В расстегнутых брюках, которые уже сползли на бедра, он рванулся вперед, споткнулся о проститутку и всем своим весом обрушился на нее.

Разделочный нож раз за разом погружался в плоть, скреб по кости – возможно, по ребру. Он выдернул и снова вогнал в нее нож. Из ее легких вылетел свист – и вдруг, к его невероятному удивлению, она закричала. Он пригвоздил ее к земле, но она рыпалась, и он никак не мог нащупать ее горло, чтобы перерезать. Пришлось посильнее рубануть ее зажатым в левой руке тесаком... невероятно, но в ней еще оставалось достаточно сил, чтобы заверещать снова...

У него с языка хлынул поток грязной брани... удар, удар, удар, еще удар; разделочный нож пронзил ее ладонь, которой она пыталась заслониться... У него родилась идея: он придавил ее руку к земле коленом и занес нож...

– Сосулька поганая...

– Эй, кто там?

Да твою ж мать.

Мужской голос доносился сквозь темноту со стороны улицы:

– Кто там?

Он слез с нее, натягивая трусы и брюки, и попытался бесшумно отползти назад; левая рука сжимала ножи, а правая, как ему хотелось верить, два ее пальца... еще теплые, костлявые, окровавленные... она все по-прежнему скулила и кряхтела... а после, издав длинный хриплый вздох, затихла...

Он заковылял прочь в неизвестном направлении, подальше от ее бездвижного тела. Все чувства обострились до предела, как у кошки, издали почуявшей собаку. Перед ним оказалась глухая стена. Ощупью он двигался вдоль нее, пока не наткнулся на проволочную сетку. В удаленном свете уличного фонаря по ту сторону забора он увидел нечто похожее на старую автомастерскую с жутковатыми, размытыми очертаниями автомобилей во мраке. Где-то там, откуда он только что унес ноги, слышались шаги: мужик пошел разведать, кто голосил.

Паниковать нельзя. Бежать нельзя. Малейший шум – и кирдык. Медленно он подобрался к металлическому ограждению, за которым стояли старые машины, и полез к сгустку темноты, который мог оказаться как выходом на прилегающую улицу, так и тупиком. Окровавленные ножи скользнули обратно в куртку, пальцы легли на дно кармана. Затаив дыхание, он крался вперед.

Из переулка до него эхом долетел вопль:

– Черт! Энди... ЭНДИ!

Он побежал. Сейчас уже можно: они не слышали ничего, кроме своих гулких криков, и вселенная вновь оказалась к нему благосклонна: за очередным сгустком темноты она расстелила у него под ногами мягкий травяной покров...

Тупик... двухметровая стена.

С той стороны слышался рев моторов.

Что было делать? Задыхаясь и суча ногами, проклиная себя за потерю былой спортивной формы, он пытался подтянуться и нащупывал ногами хоть какую-нибудь опору; мышцы во всем теле стонали и отказывались подчиняться...

Но паника творит чудеса. Он забрался на стену и приземлился на другой стороне. Свалился как мешок, колени отозвались болью, но, пошатнувшись, он все же смог удержать равновесие.

Вперед, вперед... Вот так... Хорошо... Молодец...

Мимо проносились автомобили. Он незаметно вытер окровавленные руки о куртку. С расстояния доносились крики, слишком глухие, чтобы разобрать слова... нужно убираться отсюда как можно дальше. У него есть

на примете место, о котором Чудо даже не подозревает.

Автобусная остановка. Он пробежался и встал в очередь. Не важно, куда ехать, главное – подальше отсюда. На билете остался кровавый отпечаток его пальца. Засовывая билет поглубже в карман, он нащупал отрезанные пальцы. Автобус, тарахтя, уносил его с места происшествия. Чтобы успокоиться, он несколько раз сделал глубокий вдох и полный выдох.

Наверху кто-то снова заорал национальный гимн. Автобус набирал скорость. Сердце стучало быстро и громко. Вскоре он отдышался.

Глядя на свое отражение в грязном оконном стекле, он поигрывал в кармане еще теплыми женскими пальцами. Паника улеглась; ее тут же сменил неподдельный восторг. Он улыбнулся своему темному отражению, ибо только оно могло постичь и разделить с ним сегодняшний триумф.

The door opens both ways...

Blue Öyster Cult. «Out of the Darkness»^[71]

– Иди сюда, – позвала в понедельник утром Элин, в ошеломлении застывшая перед телевизором с вазочкой мюсли в руках. – Ты не согласишься!

Только что принявший душ и, как всегда, уже полностью одетый, Страйк вошел на кухню после их ночного воскресного свидания. Безукоризненное бело-кремовое пространство, освещенное невидимыми источниками света, поблескивало стальными поверхностями, как операционная космического века. Над столом к стене крепилась плазменная панель. Стоявший на трибуне президент Обама делал какое-то заявление.

– Усама бен Ладен убит! – сказала Элин.

– Ни фиги себе! – вырвалось у Страйка, следившего за бегущей строкой внизу экрана.

После бритья, в чистой одежде он выглядел немногим лучше, чем вчера, – долгие часы охоты за Лэйнгом и Уиттекером давали о себе знать: глаза налились кровью, лицо посерело. Он подошел к кофемашине, налил себе большую чашку и залпом выпил. Ночью он едва не заснул прямо на Элин и счел одним из достижений минувшей недели, что художественно довел дело до конца. Сейчас, облокотившись на стальную поверхность островка, он не сводил глаз с лощеного президента и завидовал ему черной завистью. Тот хотя бы поразил свою мишень.

Элин подбросила Страйка до метро; ставшие известными подробности смерти бен Ладена дали им пищу для разговоров.

– Интересно, откуда они точно знали, что это он, прежде чем штурмовать здание, – рассуждала, притормаживая у входа, Элин.

Над этим же вопросом размышлял и Страйк. Разумеется, Усама бен Ладен был заметной личностью: под два метра ростом... тут Страйк мысленно вернулся к Брокбэнку, Лэйнгу и Уиттекеру, но Элин вывела его из раздумий.

– У меня на работе в среду фуршет, если тебя это хоть как-то интересует, – полузастенчиво сообщила она. – Мы с Данканом утрясли практически все вопросы. Мне надоело таиться.

– Прости, не смогу, – сказал он. – На мне слезка висит, я же тебе говорил.

Ему пришлось напустить туману, чтобы она подумала, будто слезка за Брокбэнком, Лэйнгом и Уиттекером – это оплачиваемые заказы, иначе она не поняла бы его бесплодной пока настойчивости.

– Ничего страшного. Тогда буду ждать твоего звонка, – сказала Элин, и Страйк уловил в ее голосе холодные нотки.

Зачем все это? – спрашивал он себя, спускаясь в метро с рюкзаком на плече и подразумевая не тех, за кем охотился, а исключительно Элин. Связь, которая начиналась как приятное развлечение, переросла в почетную обязанность. Предсказуемые свидания – те же рестораны, те же ночи – уже приелись, а когда она предложила нечто новое, никакого восторга это не вызвало. Страйк мог навскидку перечислить с десятков занятий, которые были бы куда предпочтительнее фуршета с командой «Радио-3», но приоритетную позицию занимал сон.

Вскоре – если и дальше так пойдет – она захочет познакомить его с дочкой. Всю свою жизнь Страйк успешно избегал статуса «маминого друга». Те мужчины, которые прошли через жизнь Леды (одни – достойные, другие – совсем наоборот, и среди этих вторых, коих было большинство, пальму первенства удерживал Уиттекер), вызывали у него стойкую неприязнь, граничившую с отвращением. Он не имел ни малейшего желания читать в глазах чужого ребенка страх и недоверие, какие читал в глазах своей сестры Люси всякий раз, когда в дверь входил очередной незнакомец. А какое выражение принимало его собственное лицо, он и думать не хотел. По мере сил и возможностей он отгораживался от этой части бытия матери и был благодарен ей за ласку, смех и гордость его достижениями.

Выйдя из метро на станции «Ноттинг-Хилл-Гейт», чтобы двинуться к опостылевшей школе, он услышал сигнал сообщения: писала отлученная жена Папы-Злодея:

Напоминаю: сегодня общевыходной, мальчики в школу не пошли. Они у бабушки с дедом. Туда он не сунется.

Страйк вполголоса чертыхнулся. Действительно, он и думать забыл, что этот день объявили выходным. Но был и положительный момент: теперь он мог вернуться в контору, разобрать скопившиеся бумаги, а потом для разнообразия наведаться в район Кэтфорд-Бродвей при свете дня. Жаль только, что пришлось дать крюк до Ноттинг-Хилл-Гейт.

Через сорок пять минут Страйк уже взбирался по металлической лестнице к себе в агентство и в который раз задавался вопросом: почему он до сих пор не потребовал, чтобы управляющий починил лифт? Впрочем, перед стеклянной дверью у него возник вопрос посерьезнее: почему в приемной горит свет?

Страйк толкнул дверь с такой силой, что Робин, хотя и слышала его тяжелые шаги, резко вздрогнула. Они уставились друг на друга: она – вызывающе, он – обличительно.

– Ты чем тут занимаешься?

– Работаю, – ответила Робин.

– Тебе было сказано работать дома.

– У меня все готово, – заявила она, постукав пальцем по стопке листов с рукописными пометками и телефонными номерами. – Вот все телефоны, которые я нашла в Шордиче.

Страйк проследил за ее жестом, но его внимание привлекло не обилие записей, а кольцо с сапфиром.

Наступило молчание. Робин сама не понимала, почему у нее так заколотилось сердце. С какой стати она должна занимать оборону?.. Выходить ей за Мэтью или нет – это ее личное дело... перед собой и то нелепо оправдываться...

– На исходные позиции? – спросил Страйк, отворачиваясь, чтобы снять рюкзак и куртку.

– Да, – ответила Робин.

Возникла еще одна короткая пауза. Страйк повернулся лицом к Робин:

– У меня нет возможности загрузить тебя работой. Бизнес сократился до одного заказа. С Папой-Злодеем я управлюсь сам.

Она сощурила серо-голубые глаза:

– А как же Брокбэнк, и Лэйнг, и Уиттекер?

– В смысле?

– Ты поставил на них крест?

– Нет, но...

– И хочешь управиться с четырьмя делами в одиночку?

– Это не дела. За них нам никто не...

– Стало быть, это хобби? – спросила Робин. – И ради этого я убила выходные, составляя списки телефонов?

– Послушай... да, хотелось бы их выследить, – Невзирая на усталость и какое-то другое, не столь четкое ощущение (возобновление помолвки... этого следовало ожидать... сам отправил ее домой, под крыло к Мэтью), он тщательно подбирал аргументы. – Но я не намерен...

– Ты ведь не возражал, когда я вызвалась отвезти тебя в Бэрроу, – сказала она, явно продумав собственные доводы, коль скоро босс определенно надумал от нее отделаться. – Ты не возражал, когда я разговорила Холли Брокбэнк и Лоррейн Макнотон, правда? Так что же изменилось?

– Да то, что тебе, нахер, снова прислали отрезанную часть тела – вот что, мать-перемать, изменилось, Робин!

Он не собирался переходить на крик, но его голос эхом отразился от конторских стеллажей.

Робин и бровью не повела. Ей уже доводилось наблюдать Страйка в гневе, слышать его сквернословие, видеть, как он стучит кулаком по тем же металлическим стеллажам. Это ее не трогало.

– Да, – спокойно согласилась она, – и я струхнула. Думаю, многие бы струхнули, увидев внутри открытки отрезанный палец. Тебя самого чуть не вырвало.

– Вот-вот, именно поэтому...

– ...ты и пытаешься взвалить на себя четыре дела и отсылаешь меня домой. Я не просила отгула.

В эйфории оттого, что она вновь надела кольцо, Мэтью, по сути, помог ей перед возвращением к работе отрепетировать предстоящий спор. Оглядываясь назад, она видела в этом нечто из ряда вон выходящее: Мэтью играл роль Страйка, а она излагала ему свои доводы, но Мэтью был уже готов на все, лишь бы второго июля повести ее под венец.

– Мне хотелось сразу возобновить...

– Если бы ты сразу возобновила работу, – подхватил Страйк, – это не пошло бы тебе на пользу.

– Кто бы мог подумать, что ты такой опытный специалист по трудотерапии, – с легким сарказмом заметила Робин.

– Послушай... – Даже истерика и слезы (сапфир опять холодно поблескивал у нее на пальце) не вызвали бы у Страйка такого бешенства, как эта трезвая рассудительность. – Я твой работодатель и сам буду решать...

– У меня было впечатление, что мы – партнеры, – не сдержалась Робин.

– Без разницы, – сказал Страйк. – Я один отвечаю за...

– Значит, ты скорее загубишь бизнес, чем допустишь меня к работе? – возмутилась Робин и вспыхнула; Страйк безотчетно порадовался, что она начала злиться. – А ведь я тоже участвовала в его создании! Ты играешь на руку преступнику, когда отодвигаешь меня в сторону, спускаешь

на тормозах заказы, которые приносят деньги, и загоняешь себя...

– Почему ты решила, что я себя загоняю?

– Да потому, что выглядишь ты дерьмово, – без обиняков заявила Робин, и Страйк, не ожидавший такой прямооты, засмеялся – впервые за последние дни.

– Либо мы партнеры, – снова начала она, – либо нет. Если я для тебя – фарфоровая кукла, которую достают только по праздникам, чтобы не разбить, то мы... обречены. Бизнес обречен. Тогда мне лучше принять предложение Уордла...

– Какое еще предложение? – встрепенулся Страйк.

– Перейти на работу в полицию. – Робин смотрела на него в упор. – Для меня это не игрушки, поверь. Я не девочка. И видела кое-что похуже отрезанного пальца от ноги. Поэтому... – она собралась с духом, надеясь, что ее слова не прозвучат как ультиматум, – решай. Решай: я для тебя партнер или... или обуза. Если на меня нельзя положиться... если я не могу рисковать наравне с тобой... то лучше... – у нее чуть не сорвался голос, но она заставила себя договорить, – лучше я уволюсь.

От избытка чувств Робин слишком резко крутанулась на своем рабочем стуле и уставилась не в компьютер, а в стену. Из последних сил сохраняя достоинство, она развернулась к монитору и в ожидании решения босса занялась электронной почтой.

Насчет обнаруженной зацепки она умолчала. В зависимости от своего положения Робин собиралась либо обсудить со Страйком добытые сведения, как положено восстановленному в правах партнеру, либо оставить ему всю информацию в качестве прощального подарка.

– Этот гад кромсает ножами девушек для собственного удовольствия, – негромко сказал Страйк, – и дает понять, что ты – следующая.

– Представь, до меня дошло, – не отрываясь от монитора, сдавленным голосом ответила Робин. – А вот дошло ли до *тебя*, что коль скоро он разнюхал, где я работаю, то уж, наверное, не преминул узнать мой домашний адрес и при желании может следить за каждым моим шагом? Неужели ты не понимаешь, что в моих интересах не ждать нападения, а ускорить его поимку?

Робин не собиралась умолять. Прежде чем Страйк ответил, она успела просмотреть и отправить в спам двенадцать писем.

– Ладно. – У него сел голос.

– Что «ладно»? – Она настороженно обернулась.

– Ладно... приступай.

Робин просияла. Страйк не ответил.

– И нечего дуться, – сказала она, вставая из-за стола.

У Страйка мелькнула безумная мысль, что Робин сейчас бросится его обнимать – уж очень она ликовала (а надев защитное кольцо с сапфиром, определенно видела в своем работодателе безопасного, бесполого истукана), но ей всего лишь приспичило поставить чайник.

– У меня появилась зацепка, – сообщила она.

– Серьезно? – Он еще не примирился с новой расстановкой сил. (Где, собственно говоря, можно ее задействовать, не подвергая опасности? На какое задание направить?)

– Вполне, – ответила она. – Все на том же форуме я законтила с тем, кто переписывался с Келси.

Широко зевая, Страйк опустился на диван, откликнувшийся на его массу непристойными звуками, и попытался вспомнить, о ком идет речь. От хронического недосыпа его стала подводить память, обычно цепкая и надежная.

– С которым – с мужиком или с женщиной? – Он смутно припомнил фотографии, которые показывал Уордл.

– С мужиком, – ответила Робин, заваривая две кружки чая.

Впервые за все время их знакомства Страйку захотелось ее обломать.

– Значит, ты заходила на сайты без моего ведома? Вела свою игру, связалась черт знает с кем – и язык проглотила?

– Почему это язык проглотила? – взвилась Робин. – Ты прекрасно знаешь: я увидела, что на доске объявлений Келси наводит о тебе справки, забыл? Она еще называла себя *Nowheretoturn*. Я обо всем рассказала в присутствии Уордла. И он это оценил, – добавила Робин.

– Кстати, Уордл тебя обошел, – не удержался Страйк. – Он допросил обоих участников, с которыми Келси общалась по интернету. Это тупик. С ней лично они не встречались. В данный момент у него в разработке один парень под ником *Devotee*: пытался автономно заводить знакомства с девушками.

– Про *Devotee* я уже знаю.

– Откуда?

– Он попросил у меня аватарку, но остался ни с чем и умолк...

– Выходит, ты еще и флитовала с этими шизоидами?

– Ох, не начинай. – Робин пришла в раздражение. – Мне приходилось делать вид, что я страдаю тем же недугом, что и они, а это вряд ли может сойти за флирт, да и вообще *Devotee* не заслуживает внимания.

Она поставила перед ним кружку с чаем, именно таким, какой он

предпочитал: креозотового цвета. Как ни странно, это его не успокоило, а только подхлестнуло.

– То есть, по-твоему, *Devotee* не заслуживает внимания? Откуда такая уверенность?

– Когда тебе пришло то письмо – помнишь, от мужика, который заиклился на твоей ноге? – я взялась изучать вопрос об акротомофилах. В сравнении с прочими парафилами эти не склонны к насилию. Скорее всего, *Devotee* потихоньку мастурбирует за клавиатурой, мечтая о будущих ампутантках.

Не придумав, что на это ответить, Страйк отпил чая.

– Так вот, – продолжила Робин (задетая отсутствием благодарности за чай), – парень, который общался с Келси по интернету и сам стремится к ампутации, обманул Уордла.

– То есть как это «обманул»?

– Он встречался с Келси в реале.

– Ну-ну. – Страйк напустил на себя равнодушие. – Откуда же такие сведения?

– Он сам мне рассказал. Когда на него вышла полиция Большого Лондона, он был в ужасе – друзья и родные не в курсе его желания избавиться от ноги, поэтому он пришел в панику и заявил, что в глаза не видел Келси. Побоялся, что в противном случае поднимется шумиха и его вызовут в суд как свидетеля. Но когда я ему внушила, что я – это я, не журналистка, не полицейская...

– Ты сказала ему правду?

– Да, и это было правильное решение, потому что он, убедившись, что я – это я, сразу согласился на встречу.

– А почему ты думаешь, что он всерьез намерен прийти? – спросил Страйк.

– Потому что у нас с тобой есть инструмент воздействия, а у полиции нет.

– Какого типа?

– Типа тебя, – холодно ответила Робин и пожалела, что иного ответа у нее нет. – Джейсон до безумия хочет с тобой познакомиться.

– Со мной? – поразился Страйк. – Но почему?

– Потому что он считает, будто ты сам отрезал себе ногу.

– Что?!

– Келси его убедила. И теперь он хочет узнать, как именно ты это сделал.

– Он что, на голову больной? – спросил Страйк и тут же сам ответил: –

Конечно больной. Решил ногу себе отхватить нахер... Это же кому рассказать...

– Понимаешь, в науке нет единого мнения, что такое этот синдром невосприятия целостности собственного тела: то ли психическое заболевание, то ли какое-то мозговое явление, – начала Робин. – При сканировании мозга пациентов...

– Избавь, избавь, – отмахнулся Страйк. – А почему ты решила, что этот шизоид будет нам полезен?

– Он встречался с Келси! – нетерпеливо повторила Робин. – Которая, по всей видимости, его и убедила, что ты – один из них. Парню девятнадцать лет, работает в супермаркете «Асда» в Лидсе, а в Лондоне у него живет тетка, у которой он остановится, когда придет для встречи со мной. Сейчас мы пытаемся назначить дату, которая устроит обоих. Он должен узнать, когда ему дадут выходной. Послушай, от него два шага до человека, внушившего Келси, что ты – добровольный ампутант. – Разочарованная и огорченная тем, что Страйк не оценил ее личных усилий, она все же исподволь надеялась, что он сменит гнев на милость. – А тот человек и есть убийца, почти наверняка!

Страйк отхлебнул еще чая и выждал, чтобы рассказ Робин отложился в его усталом мозгу. Рассуждала она здраво. Склонить Джейсона к личной встрече – это немалое достижение. За такое и похвалить не грех. Тем не менее он сидел молча и попивал чай.

– Если ты считаешь, что я должна позвонить Уордлу и передать ему эту информацию... – с обидой начала Робин.

– Нет-нет, – перебил Страйк и своим незамедлительным ответом доставил Робин некоторое удовлетворение. – Пока мы не услышим рассказ этого... давай не будем отвлекать Уордла от дел. Вот узнаем, какими сведениями располагает этот Джейсон, тогда и сообщим. Как ты сказала, когда он появится в Лондоне?

– Еще не знаю. Сейчас он должен организовать себе выходные.

– Один из нас мог бы навестить в нем в Лидс.

– Нет, он хочет встретиться в Лондоне, подальше от знакомых.

– В таком случае, – хрипло выговорил Страйк и потер красные глаза, пытаясь придумать для Робин какое-нибудь задание, не связанное с риском, – ты пока держи его под колпаком, а сама начинай обзванивать зланные места – глядишь, и нападешь на след Брокбэнка.

– Уже начала, – сообщила Робин, и по ее скрытно-бунтарскому тону он понял, что она будет добиваться выхода на улицы.

– И еще, – лихорадочно додумывал он, – съезди-ка в Уолластон-Клоуз.

– На поиски Лэйнга?

– Точно. Не высовывайся, после наступления темноты не задерживайся, а если увидишь здоровяка в черной шапке – тут же уноси ноги или жми на тревожную кнопку. А еще лучше – и то и другое.

Даже мрачность Страйка не могла умерить восторга Робин оттого, что она вновь оказалась при деле, как и положено равноправному партнеру.

Знала бы она, что Страйк намеренно отправляет ее в тупик. Днем и ночью он не сводил глаз с подъезда небольшого дома, то и дело меняя диспозицию и надевая очки ночного видения для осмотра балконов и окон.

Ничто не указывало на присутствие Лэйнга в квартире: за занавесками не шевелилась широкая тень, на подходе к дому не мелькали черные хорьковые глазки и низко заросший лоб, мощная фигура не покачивалась на костылях и (в том, что касалось Дональда Лэйнга, Страйк ничего не принимал на веру) не щеголяла боксерской походочкой. Все жильцы уже были пристально изучены Страйком на предмет возможного сходства с Лэйнгом, запечатленным на фото с сайта *JustGiving*, или с безликим типом в черной шапке – ни один не подходил под его описание.

– Да, – продолжил он, – займись Лэйнгом... и отдай мне половину телефонных номеров... разделим обязанности поровну. Я буду заниматься Уиттекером. Не забывай регулярно выходить на связь, о'кей?

Он тяжело поднялся с дивана.

– А как же! – Робин воспрянула духом. – Да, кстати, Корморан... – (Он обернулся с порога своего кабинета.) – Скажи, что это такое?

У нее в руке были таблетки аккутана, которые он нашел в ящике прикроватной тумбочки Келси и оставил на подносе для входящей корреспонденции, предварительно почитав про них в интернете.

– А-а, это, – протянул он. – Так, ерунда.

Робин сникла. Страйку стало немного совестно. Он знал за собой некоторое хамство. Она не заслуживала такого обращения. Он постарался взять себя в руки.

– От угрей, – сказал он. – У Келси нашел.

– Ну конечно... ты же был у нее дома – встречался с сестрой! И что там? Что она рассказала?

У Страйка не было желания вдаваться в подробности встречи с Хейзел Ферли. Ему казалось, что их беседа осталась далеко в прошлом, он падал с ног от усталости и еще не переступил через свой неоправданный антагонизм.

– Да ничего нового, – ответил он. – Ничего существенного.

– А зачем тогда ты прихватил это лекарство?

– Подумал, что это противозачаточные таблетки... Возможно, сестра не все о ней знала.

– Да, ты прав, – сказала Робин. – И в самом деле ерунда.

Она бросила таблетки в корзину для бумаг.

Страйком двигало самолюбие, голое самолюбие. Она раскопала важную зацепку, а он – ничего, кроме смутных подозрений насчет аккутана.

– Я, кстати, еще билетик нашел, – сказал он.

– Что-что?

– Какие в гардеробе выдают.

Робин выжидала.

– Номер восемнадцать, – сказал Страйк.

Больше разъяснений не последовало. Страйк зевнул и признал свое поражение.

– Ладно, до скорого. Сообщай как и что.

Он ушел в кабинет, закрыл за собой дверь, сел за стол и бессильно откинулся на спинку стула. Больше он ничего не мог сделать, чтобы удержать ее в четырех стенах. И сейчас ему больше всего хотелось, чтобы она поскорее ушла.

*...love is like a gun
And in the hands of someone like you
I think it'd kill.*

Blue Öyster Cult. «Searchin' for Celine»^[72]

Робин была на десять лет моложе Страйка. Она пришла к нему в офис, когда в жизни у него настала черная полоса, и была принята без особой охоты и радости. Временная секретарша требовалась ему не более чем на неделю, но, из-за того что в первый же день Страйк чуть не угробил ее, сбив с ног на металлической лестнице, ему казалось, что он ей должен. Каким-то образом получилось так, что она осталась еще на неделю, затем на месяц и наконец стала постоянной напарницей. По ходу дела набираясь опыта, она помогла ему избежать почти неминуемого банкротства, способствовала подъему его агентства и не просила ни о чем, разве что о возможности оставаться рядом и быть полезной, когда его бизнес снова стал рушиться.

Робин нравилась всем. Робин и ему нравилась. Да и как могло быть иначе после всех перипетий, выпавших на их долю? Однако с самого начала он сказал себе: стоп. Нужно сохранять дистанцию. Рубежи должны оставаться там, где они есть.

Она появилась в его жизни в день окончательного разрыва с Шарлоттой, с которой они то встречались, то разбегались в течение шестнадцати лет. Страйк до сих пор не мог с уверенностью сказать, что преобладало в их отношениях: блаженство или мучения. Помощь Робин, ее внимание, ее увлеченность тем, чем занимался он сам, ее восхищение им лично (если уж говорить без ложной скромности и называть вещи своими именами) стали бальзамом на раны, которые нанесла ему Шарлотта, – на эти глубинные травмы, намного пережившие оставленные ею прощальные сувениры в виде фингала под глазом и царапин на лице.

Сапфировое колечко невесты на безымянном пальце Робин тогда показалось полезным дополнением, своего рода предохранителем, запретительным знаком. Преграждая путь к чему-то большему, оно давало

ему возможность рассчитывать... на что? На ее поддержку? На дружбу? На незаметное преодоление барьеров? Задним числом он понимал, что они оба имели доступ к личной информации, которой владели очень и очень немногие. Робин была в числе трех (по его прикидкам) человек, знавших о мнимом ребенке, которого Шарлотта, по ее словам, потеряла, но от которого – если он вообще существовал, – скорее всего, избавилась в результате аборта. В свою очередь, Страйк, один из немногих, знал об измене Мэтью. Несмотря на решение Страйка сохранять дистанцию, их что-то притягивало друг к другу. Он точно помнил ощущения того вечера, когда держал Робин за талию и после бесцельного шатания по городу привел к отелю «Хэзлиттс». Она была достаточно рослой, идти с ней в ногу оказалось легко. Ему не нравилось, когда приходилось наклоняться. Он никогда не любил миниатюрных женщин. Она тогда сказала: «Мэтью этого бы не одобрил».

Знай он, как это понравилось Страйку, – не одобрил бы еще сильнее.

В плане внешности она даже близко не стояла к Шарлотте. Шарлотта обладала такой красотой, от которой мужчины забывали себя и лишались дара речи. Робин, как он не мог не заметить, когда она наклонялась выключить компьютер, была вполне аппетитной девушкой, но в ее присутствии мужчины не теряли дара речи. Наоборот, если вспомнить Уордла, при ней у них только развязывались языки. И все же ему был приятен ее вид. Ее голос. Ему нравилось быть с ней рядом.

Не то чтобы он хотел *быть* с ней; до такого безумства он не доходил. Невозможно вместе заниматься бизнесом и одновременно крутить роман. Да и вообще она была не из тех, с кем легко замутить. С первого дня их знакомства он понимал, что она обручена и для него не предназначена, а потому смотрел на нее как на женщину, созданную для брака.

Едва ли не злясь, он складывал знакомые детали, указывающие на то, что она коренным образом от него отличается, олицетворяя более надежный, более уединенный, более привычный мир. У нее был этот заносчивый бойфренд, еще из выпускного класса (хотя сейчас-то Страйк немного лучше понимал, отчего так), была хорошая семья среднего класса в Йоркшире, причем родители прожили в браке не один десяток лет, и, по-видимому, счастливо; был и «лендровер», и лабрадор, и пони, перечислял Страйк. Пони, это же обалдеть!

Затем всплывали новые воспоминания, и от картинке надежного и размеренного прошлого отделилась другая: теперь перед ним стояла женщина, которая не сплеховала бы в Отделе специальных расследований. Эта новая Робин прошла углубленные водительские курсы, не побоялась

преследовать убийцу, куском своего плаща спокойно перевязала кровоточащую от ножевой раны руку Страйка, сделала подобие шины и отвезла его в больницу. Наделенная даром импровизации, теперешняя Робин с легкостью вытягивала из подозреваемых такие сведения, какие и не снились блюстителям закона; она сама придумала и успешно сыграла роль Венеции Холл, которая расположила к себе отчаявшегося молодого человека, грезившего об ампутации ноги; она продемонстрировала Страйку столько примеров инициативы, изобретательности и смелости, что давно уже могла бы служить в полиции под прикрытием. Неужели это была та же самая девушка, которая зашла на темную лестничную клетку, куда заманил ее ублюдок в маске?

И теперь она собиралась выйти за Мэтью! За Мэтью, который толкал ее на денежную работу в отделе кадров, чтобы умножить семейные доходы, который брюзжал и исходил желчью по поводу ее ненормированного графика и скудной зарплаты... Разве она не понимала, что творит какую-то глупость, просто чертовщину? Какого хера было снова натягивать это кольцо? Разве она не ощутила вкуса свободы во время поездки в Бэрроу, о которой Страйк вспоминал с теплотой и волнением?

Она совершает большую, черт побери, ошибку, вот и все.

Вот и все. Ничего личного. Будь она помолвлена, замужем или одинока, разницы нет: из этой его слабости, которой он, надо признать, позволил в себе развиться, так и так ничего бы никогда не вышло. Он заново выстроит профессиональную дистанцию, которая как-то сократилась из-за ее хмельных признаний и дружеской привязанности, установившейся между ними во время их путешествия на север, а также уберет в долгий ящик свой наполовину обдуманый план разорвать отношения с Элин. В данный момент было надежнее иметь рядом другую женщину, притом красивую, чей жар и опыт в постели, безусловно, восполняли их неоспоримую несовместимость в остальном.

Интересно знать, думал он, сколько продержится у него на службе Робин, став миссис Канлифф? Мэтью, конечно, использует весь свой супружеский авторитет и натиск, чтобы освободить ее от профессии столь же опасной, сколь и низкооплачиваемой. Ладно, ей самой решать: что посеет, то и пожнет.

Единожды разорвав отношения, сделать это повторно гораздо проще. Ему ли не знать. Сколько раз они с Шарлоттой расставались? Сколько раз их отношения разбивались вдребезги, сколько раз они пытались собрать осколки? В конце концов трещин стало больше, чем выдерживал материал: они увязли в мутной паутине, сплетенной из надежд, мучений и обманов.

До свадьбы Робин и Мэтью – два месяца.
Время еще есть.

See there a scarecrow who waves through the mist.

Blue Öyster Cult. «Out of the Darkness»^[73]

Как-то само собой получилось, что в течение следующей недели Страйк почти не видел Робин. Они работали на разных участках и общались почти исключительно по мобильному. Как Страйк и ожидал, ни в Уолластон-Клоуз, ни в его окрестностях не оказалось ни следа бывшего «погранца», но он добился не большего успеха в поисках этого человека в Кэтфорде. Изнуренная Стефани еще несколько раз приходила и уходила из квартиры над кулинарией. Хотя он не мог находиться там круглосуточно, Страйк был вполне уверен, что уже видел весь ее гардероб: несколько грязных свитеров и одна потрепанная фуфайка с капюшоном. Если, как уверял Штырь, Стефани проститутка, то работала она нечасто. Страйк принял все меры к тому, чтобы она его не заметила, однако сомневался, что в ее ввалившихся глазах останется какой-либо четкий образ, даже если показаться ей в открытую. Глаза ее закрылись, наполнились внутренней темнотой и больше не воспринимали внешний мир.

Страйк уже пробовал выяснить, торчит Уиттекер безвылазно в четырех стенах на Кэтфорд-Бродвей или, наоборот, почти все время отсутствует, но телефонной линии по этому адресу зарегистрировано не было, а квартира, согласно информации, найденной в интернете, числилась за неким мистером Дэршеком, который либо сдавал ее, либо не мог избавиться от сквоттеров.

Однажды вечером детектив стоял и курил у служебного входа в театр, наблюдая за каким-то движением в освещенных окнах, как вдруг у него зазвонил его мобильник; на экране появилось имя Уордла.

– Страйк слушает. Что там?

– Вроде кое-что прояснилось, – сказал полицейский. – Кажется, наш друг снова засветился.

Страйк приложил мобильник к другому уху, чтоб не мешали прохожие:

– Ну?

– Кто-то пырнул шлюху в Шеклуэлле и отрезал у нее два пальца –

на память. Резали старательно: зафиксировали руку и отрубили.

– Господи... Когда это было?

– Десять дней назад, двадцать девятого апреля. Ее только что вывели из искусственной комы.

– Она выжила?! – Страйк не поверил своим ушам и даже оторвал взгляд от окон, за которыми, возможно (но вовсе не обязательно), прятался Уиттекер; его вниманием полностью завладел Уордл.

– Чудом, хочешь верь, хочешь нет, – ответил полицейский. – Он пырнул ее ножом в брюшную полость, пробил легкое, да еще и два пальца отрубил. По чистой случайности не задел жизненно важные органы. Наверняка он был уверен, что ее прикончил. Она отвела его в переулок между домами, чтобы отсосать, а дальше ему помешали: двое студентов, гулявших по Шеклуэлл-лейн, прибежали на ее крик. Опоздай они на пять минут, ее бы, скорее всего, уже не было в живых. Понадобилось два переливания крови, чтобы вытащить ее с того света.

– Ну и?.. – поторопил Страйк. – Что она говорит?

– Да ее накачали всякими препаратами по самые уши и момента нападения она не помнит. Говорит, мужик, вроде белый, здоровенный, в шапке. Куртка темная. Воротник поднят. Морду особо не разглядела, но заподозрила, что сам он – с севера.

– Заподозрила? – переспросил Страйк; никогда еще у него так не колотилось сердце.

– Это ее слова. Но она еще малость не в себе. Да, вот еще что: он буквально вытащил ее из-под колес автомобиля – это последнее, что она вспомнила. Оттянул с дороги, когда проезжал фургон.

– Джентльмен, – сказал Страйк, выдыхая дым в звездное небо.

– Вот-вот, – сказал Уордл. – Чтобы, значит, части тела не попортить, да?

– Фоторобот удастся сделать?

– Завтра попробуем, но рассчитывать особо не на что.

Стоя в темноте, Страйк напряг все извилины. Судя по всему, Уордл был изрядно потрясен новым нападением.

– О моих гавриках есть новости? – спросил он.

– Пока нет, – скупно ответил Уордл.

Страйк пришел в замешательство, но решил не давить. Без этого канала связи ему было не обойтись.

– А что насчет *Devotee*? – спросил Страйк, снова повернувшись к окнам квартиры Уиттекера, где, по-видимому, ничего не изменилось. – Есть подвижки?

– Пытаюсь натравить на него отдел киберпреступности, но мне говорят, у них сейчас есть дела поважнее, – сказал Уордл не без горечи в голосе. – Все считают, это обычный извращенец.

Страйк вспомнил, что такого же мнения была и Робин. Казалось, добавить больше нечего. Он попрощался с Уордлом, снова нырнул под арку в холодной стене и, затягиваясь сигаретой, продолжил вглядываться в зашторенные окна Уиттекера.

На следующее утро Страйк и Робин случайно встретились в агентстве. Страйк только что вышел из квартиры с папкой фотографий Папы-Злодея и не собирался заходить в офис, но, увидев за стеклянной дверью размытый силуэт Робин, передумал.

– Доброе утро.

– Привет, – сказала Робин.

Ей было приятно его видеть, а еще приятнее – видеть его улыбающимся. В прошлый раз их общение получилось каким-то скованным. Сегодня Страйк надел свой лучший костюм и как будто даже постройнел.

– Ты чего такой нарядный? – спросила она.

– Срочно вызывают в адвокатскую контору. Жена Папы-Злодея хочет, чтобы я предъявил все, что у меня есть, все снимки, на которых он ошивается возле школы и бросается к детям. Позвонила мне на ночь глядя; муженек появился к ней с пьяными угрозами, так что она решила наказать его по всей строгости закона.

– Выходит, слежку надо прекращать?

– Не думаю. Папа-Злодей по-тихому не уйдет, – сказал Страйк, посмотрев на часы. – Короче, забудь, у меня десять минут и обалденные новости.

Он рассказал ей о покушении на убийство проститутки в Шеклуэлле. Выслушав, Робин помрачнела и задумалась.

– Он забрал пальцы?

– Да.

– Ты сказал, когда мы были в «Фезерс», что Келси, по-твоему, у него не первая жертва. Ты утверждал, что он должен был потренироваться.

Страйк кивнул.

– А полиция проверяла другие случаи, когда у жертвы отрезали часть тела?

– Наверняка, – сказал Страйк, надеясь, что прав, и делая в уме зарубку, чтобы спросить Уордла. – Теперь так или иначе проверят, – добавил он.

– Но девушка сможет его опознать?

– Как я уже говорил, лица она не разглядела. Белый мужик, здоровенный, в черной куртке.

– У нее взяли пробу ДНК? – спросила Робин.

Оба они одновременно подумали о том, что пришлось пережить самой Робин после нападения. Страйк, которому и раньше доводилось расследовать изнасилования, знал формальную процедуру. А у Робин промелькнули мучительные воспоминания: как у нее после избиения не открывался один глаз; как ее первым делом заставили помочиться в баночку для анализов; как уложили на смотровой стол и женщина-врач осторожно раздвинула ей колени...

– Нет, – сказал Страйк. – Он не... изнасилования не было. Короче, мне пора. На Папу-Злодея пока забей: он замарал свою репутацию и вряд ли появится у школы. А ты поезжай в Уолластон...

– погоди! То есть если можешь еще задержаться... – добавила она.

– Буквально на пару минут. – Страйк еще раз посмотрел на часы. – В чем дело? Ты уже вычислила Лэйнга?

– Нет, – сказала она. – Я о другом: кажется, появилась зацепка с Брокбэнком.

– Шутишь?

– Поблизости от Коммершл-роуд есть один стрип-клуб; я глянула в «Гугл-стрит-вью». Выглядит довольно мерзко. Я туда позвонила и спросила Ноэла Брокбэнка, а женщина говорит: «Кого? Найла, что ли?», а потом прикрыла трубку рукой и стала обсуждать с другой теткой, зачем кому-то понадобился новый вышибала. Он, очевидно, только что приступил к работе. В общем, я описала, как он выглядит, а она: «Ну да, говорю же: Найл». Конечно, – сказала Робин самокритично, – это не на сто процентов он, возможно даже, это какой-нибудь темнокожий, которого действительно зовут Найл, но стоило мне упомянуть длинный подбородок – и она тут же...

– Ты вновь на высоте, – отметил Страйк, снова глядя на часы. – Надо идти. Сбрось мне на мобильный все данные по стрип-клубу, ладно?

– Я подумала, что смогу...

– Нет, у меня в планах отправить тебя в Уолластон-Клоуз, – перебил Страйк. – Будь на связи.

Когда стеклянная дверь закрылась и с лестницы донесся металлический лязг ступеней, Робин стала себя убеждать, что рада похвалам Страйка. И все же она рассчитывала заняться чем-нибудь более осмысленным вместо многочасового наблюдения за квартирами

в Уолластон-Клоуз. У нее закралось подозрение, что Лэйнга там нет и, более того, что Страйк это знает.

Встреча с адвокатом оказалась краткой, но полезной. Он остался доволен наглядными свидетельствами того, как Папа-Злодей постоянно нарушает судебное предписание об опеке.

– О, великолепно, – лучезарно улыбался поверенный в делах, изучая увеличенное изображение, на котором младший сын со слезами на глазах прятался за няней, а отец с раскрытым в крике ртом наседавал на стойкую женщину. – Просто великолепно...

И, только заметив выражение лица своей клиентки, адвокат умерил восторги от зрелища страданий ее ребенка и предложил посетителям чая.

Через час Страйк, все еще в выходном костюме, но уже без галстука, при первой же возможности засунутого в карман, незаметно шел за Стефани в торговый центр «Кэтфорд». Путь лежал под гигантской фибергласовой скульптурой улыбающегося черного кота, сидевшего на переброшенной через дорогу перекладине у входа в торговый центр. В два этажа величиной, от свисающей лапы до кончика изящного хвоста, задранного к небу, он словно изготовился прыгнуть и подмять под себя ничего не подозревающих покупателей.

Решение последовать за Стефани возникло спонтанно; Страйк надумал сперва узнать, куда она идет и с кем встречается, а уж потом вернуться к слежке за квартирой. Девчонка шла, почти как всегда, обхватив себя руками за пояс, словно боялась рассыпаться, одетая в неизменную серую фуфайку, черную мини-юбку и легинсы. Массивные кроссовки подчеркивали удобу ее ног. Она зашла в аптеку.

Сквозь витрину Страйк видел, как Стефани, съжившись на стуле в ожидании своего заказа, прячет глаза и смотрит в пол. Когда ей выдали белый бумажный пакет, она пошла обратно той же дорогой, под свесившим лапу гигантским котом, направляясь, как можно было подумать, к себе в квартиру. Но нет: миновав забегаловку на Кэтфорд-Бродвей, она свернула направо у магазина «Афрокарибские продукты» и исчезла в небольшом пабе под вывеской «Баран Кэтфорда», пристроенном к заднему фасаду торгового центра. Паб с единственным окном был снаружи обшит деревом, отчего мог бы сойти за постройку Викторианской эпохи, если бы не облепившие его таблички, рекламирующие фастфуд, телеканал «Скай спортс» и бесплатный вайфай.

Вокруг простиралась мощенная камнем пешеходная зона, однако у входа в паб был припаркован серый грузовой фургон, за которым

и остановился Страйк, чтобы спланировать дальнейшие действия. В этой ситуации ему совершенно не улыбалось столкнуться лицом к лицу с Уиттекером, а паб, на вид слишком тесный, не оставлял возможности укрыться от глаз бывшего отчима – если именно с ним должна была встретиться Стефани. Страйку требовалось одно: сопоставить внешность Уиттекера с той фигурой в вязаной шапке и, возможно, с мужиком в камуфляже, который наблюдал за «Кортом» из японского ресторанчика.

Прислонившись к фургону, Страйк закурил. Только он решил найти выгодную позицию чуть подальше, чтобы увидеть, с кем Стефани уйдет из паба, как задние дверцы вдруг распахнулись.

Страйк попятился; на мостовую спрыгнули четверо, окутанные едкой дымкой с вонью жженого пластика, незамедлительно подсказавшей бывшему оловцу, что это крэк.

Все четверо, неопределенного возраста, в засаленных джинсах и футболках, выглядели отталкивающе; у всех были осунувшиеся, изрезанные морщинами физиономии. У двоих ввалились рты, обнажив беззубые десны. На мгновение сбитые с толку видом безупречно одетого, растерянного незнакомца, они, вероятно, решили, что такого лоха можно не опасаться, и захлопнули двери.

Трое степенно проследовали в паб, но четвертый не уходил. Он уставился на Страйка, а Страйк на него. Это был Уиттекер.

Он оказался крупнее, чем помнилось Страйку. Хотя Страйк знал, что Уиттекер, весь покрытый наколками, примерно одного с ним роста, но успел забыть, насколько тот массивен, плечист и широк в кости. На груди лопалась футболка с символикой – равно милитаристской и оккультной – группы *Slayer*.

Желтушное лицо усохло, как прошлогоднее яблоко, кожа обтягивала скулы, под которыми темнели впалые щеки. На висках появились залысины, жидкие пряди крысиными хвостами свисали вдоль длинных ушей, каждую мочку украшал серебряный тоннель. Так и застыли эти двое: Страйк, не к месту элегантный в своем итальянском костюме, и пропахший крэком Уиттекер, таращивший золотистые глаза священника-еретика из-под дряблых век. Страйк затруднялся определить, сколько прошло времени, но в голове у него пронеслась вереница четких рассуждений.

Если Уиттекер и в самом деле убийца, он, возможно, запаниковал, но не слишком удивился этой встрече. Если же он не убивал, столкновение со Страйком у дверей фургона должно было повергнуть его в шок. Однако Уиттекер никогда не реагировал как все. В любой обстановке он напускал на себя невозмутимость и всезнание.

Через некоторое время Уиттекер отреагировал, и Страйк понял, что другой реакции быть не могло. Обнажив гнилые зубы, тот просто ухмыльнулся, и Страйка мгновенно захлестнула ненависть двадцатилетней давности, смешанная с желанием двинуть Уиттекеру по морде.

– Вот так встреча, – спокойно протянул Уиттекер. – Сержант Шерлок, мать твою, Холмс.

Он отвернулся; под жидкими прядями Страйк заметил розовый скальп и позлорадствовал, что Уиттекер лысеет. Убогий мудила. Так ему и надо.

– Банджо! – окликнул Уиттекер последнего из трех дружков, уже взявшегося за ручку двери. – Тащи ее сюда!

Его ухмылка оставалась надменной, хотя безумный взгляд метался между Страйком, фургоном и пабом. Грязные пальцы сжались в кулаки. При всей своей напускной безмятежности он задержался. Почему он не спросил, что тут делает Страйк? Или уже знал?

Приятель, которого Уиттекер назвал Банджо, появился из паба, ведя Стефани за хилое запястье. В свободной руке она сжимала белый аптечный пакет, ослепительно чистый по контрасту с поношенной, засаленной одежкой и грязным тряпьем Банджо. На шее у нее прыгала золотая цепочка.

– Ты что?.. Куда?.. – скулила Стефани, не понимая, что происходит.

Банджо поставил ее рядом с Уиттекером.

– Сбегай за пивом, – приказал Уиттекер, и Банджо послушно зашаркал обратно в паб.

Уиттекер обхватил рукой тонкую шею Стефани, и та посмотрела на него с раболепным обожанием, видя в нем, как в свое время Леда, нечто магическое, совершенно недоступное Страйку. Уиттекер сжал пальцы на девичьей шее, да так, что кожа под ними побелела, и начал трясти – незаметно для постороннего взгляда, но достаточно сильно, чтобы на лице у Стефани отразился смертельный ужас.

– Что-нибудь знаешь об этом?

– О чем? – захрипела она. В бумажном пакете постукивали таблетки.

– О нем! – прошипел Уиттекер. – О нем, на которого ты запала, сучка дешевая...

– Отпусти ее, – сказал Страйк, впервые подав голос.

– Ты мне приказываешь? – сверля его безумным взглядом, тихо спросил Уиттекер с широкой ухмылкой – и вдруг с невероятной силой вцепился обеими руками в девчоночью шею и оторвал Стефани от земли; она попыталась вывернуться и уронила пакет на мостовую; ноги-спички задержались в воздухе, лицо побагровело.

Без раздумий, без малейшего колебания Страйк двинул Уиттекера кулаком под дых, и отчим рухнул, увлекая за собой Стефани. Страйк даже не успел этому помешать: он только услышал, как ее голова ударилась о тротуар. Еще не переведя духа, Уиттекер попытался подняться, глухо изрыгая из своей грязной пасти поток брани, и Страйк краем глаза увидел, как из паба выходят трое дружков во главе с Банджо: они наблюдали эту сцену через единственное закопченное окно. У одного в руке был короткий ржавый нож.

– Валяйте! – подначивал Страйк, твердо стоя на ногах и широко разведя руки. – Приведите копов к своему притону на колесах!

Не до конца очухавшийся, поверженный Уиттекер жестом приказал дружкам держаться подальше; это было самым явным проявлением здравого смысла, какое только знал за ним Страйк. У окна паба сгрудились зеваки.

– Охерел совсем... мать твою... – просипел Уиттекер.

– Ага, кстати, о матери, – сказал Страйк, рывком поднимая Стефани на ноги. В ушах у него пульсировала кровь. Руки чесались отделать Уиттекера так, чтобы желтушная морда превратилась в кашу. – Он убил мою мать, – обратился он к девчонке, глядя в ее ввалившиеся глаза. Его пальцы легко смыкались вокруг ее тонких запястий. – Ты слышала? Он уже убил одну женщину. А может, и не одну.

Уиттекер попытался схватить Страйка за ноги и повалить; Страйк ответил ему пинком, не отпуская от себя Стефани. У нее на шее краснели пятна от пальцев Уиттекера и еще следы от вдавленной цепочки с подвеской в форме плетеного сердца.

– Так что пошли со мной, – сказал ей Страйк. – Он подлый убийца. Я устрою тебя в женский приют. Спасайся.

Ее глаза были как шахты, ведущие в неведомую тьму. Страйк мог с таким же успехом предложить ей единорога – какой-то запредельный бред. И хотя Уиттекер чуть ее не задушил, она – в это трудно было поверить – вырвалась от Страйка, как от похитителя, доковыляла до Уиттекера и заботливо склонилась над ним; на цепочке покачивалось плетеное сердце.

Стефани помогла Уиттекеру встать на ноги, и тот повернулся к Страйку, потирая живот в том месте, куда пришелся удар, а потом, в своей шутовской манере, зашелся старушечьим хохотом. Уиттекер победил – это было ясно как день. Стефани льнула к нему, словно к спасителю. Он запустил свои грязные пальцы ей в волосы, с силой притянул ее к себе и стал целовать, залезая языком ей в глотку, а сам жестом приказывал

наблюдающим за этой сценой дружкам идти обратно в фургон. Банджо забрался на водительское сиденье.

– Покеда, маменькин сынок, – прошипел Уиттекер Страйку, заталкивая Стефани в задний отсек фургона.

Прежде чем захлопнуть дверцы под брань и улюлюканье дружков, Уиттекер посмотрел Страйку прямо в глаза и, ухмыляясь, изобразил свой фирменный жест, как будто перерубал горло. Фургон тронулся.

Внезапно Страйк понял, что его окружают люди с бесстрастными, но в то же время испуганными лицами, какие бывают у зрителей киношки, где внезапно зажегся свет. Из паба по-прежнему глазели любопытные. Страйку больше ничего не оставалось, кроме как запомнить номер старого битого фургона, еще не скрывшегося за углом. Когда он в ярости покидал место происшествия, собравшиеся бросились врассыпную, чтобы только не оказаться у него на пути.

I'm living for giving the devil his due.

Blue Öyster Cult. «Burnin' for You»^[74]

Дерьмо случается, говорил Страйк самому себе. Военная служба приучила его держать удар. Как ты ни готовишься, как ни проверяешь все снаряжение, как ни обдумываешь каждую мелочь, все равно какая-нибудь случайность тебя обломает. Как-то раз в Боснии у него сдох бракованный мобильник, что повлекло за собой целую череду сбоев, которые в итоге едва не стоили жизни его товарищу, зарулившему по ошибке не на ту улицу в Мостаре.

Оправдываться было нечем: окажись на месте Страйка его подчиненный из Отдела специальных расследований, который вздумал бы на задании прислониться к небрежно припаркованному фургону, не проверив сначала, нет ли кого внутри, Страйк взгрел бы такого разгильдяя по первое число, да так, чтобы другим неповадно было. Сейчас он убеждал себя, что не предвидел возможной стычки с Уиттекером, но по зрелом размышлении вынужден был признать, что его действия говорили о другом. Раздосадованный многочасовым наблюдением за квартирой Уиттекера, он даже не особо скрывался от завсегдатаев паба. Хотя он не допер, что Уиттекер может оказаться в том фургоне, но чувствовал животную радость оттого, что все-таки врезал этому гаду.

А ведь как хотелось его размазать. Этот ехидный смешок, эти крысиные хвосты волос, эта футболка с эмблемой *Slayer*, едкий запах, пальцы, стиснувшие тонкую девчоночью шею, да еще намеки на Леду: чувства, всколыхнувшиеся при неожиданной встрече с Уиттекером, словно вернули Страйка на двадцать лет назад, когда он готов был драться, не думая о последствиях. Если отвлечься от того, что он с радостью врезал Уиттекеру, никакой пользы это столкновение не принесло. При всем желании Страйк не смог бы на основании одной лишь внешности ни подтвердить, ни опровергнуть, что Уиттекер и был тем громилой в вязаной шапке. У темной фигуры, которую Страйк преследовал по Сохо, не было спутанных прядей, но длинные волосы нетрудно стянуть резинкой или спрятать под шапку; тот тип выглядел здоровее Уиттекера, но стеганные куртки зрительно добавляют массы. Да и реакция Уиттекера на появление

бывшего пасынка возле фургона не давала никаких подсказок. Чем больше Страйк об этом думал, тем больше сомневался, видел ли он торжество в злорадном выражении лица Уиттекера и был ли последний жест, когда тот провел грязными пальцами по горлу, обычным позерством, беззубой угрозой или наивным запугиванием со стороны того, кто любой ценой хочет казаться самым опасным, самым жестоким.

Короче, встреча показала, что Уиттекер остался самовлюбленным и коварным, а помимо этого, дала Страйку еще два повода для размышлений. Во-первых, Стефани разозлила Уиттекера тем, что проявила какой-то интерес в отношении Страйка, но Страйк, полагая, что заинтересовал ее только как пасынок Уиттекера, вместе с тем допускал, что Уиттекер заговаривал при ней о жажде возмездия, а то и о прямом намерении отомстить. Во-вторых, Уиттекер сумел завести друзей среди мужчин. Несмотря на свою необъяснимую, на взгляд Страйка, популярность среди определенного сорта женщин, Уиттекер был почти повсеместно ненавидим и презираем мужчинами. Представители одного с ним пола не прощали ему фиглярства, сатанинских измышлений, страсти быть в центре внимания и, естественно, магнетической власти над женщинами. Теперь же Уиттекер, как видно, окружил себя какой-никакой шайкой голодранцев, которые вместе с ним баловались наркотой и были у него на побегушках. Страйк заключил, что вся польза от этой стычки ограничится сообщением Уордлу о случившемся и передачей ему регистрационного номера фургона. Оставалось только надеяться, что полиция не погнушается проверить фургон, а еще лучше – квартиру над забегаловкой на наличие наркоты и других улик.

Уордл без всякого энтузиазма выслушал настойчивые заверения Страйка в том, что детектив почуял запах крэка. Когда разговор закончился, Страйк и сам понял, что на месте Уордла не увидел бы в таком рассказе оснований для обыска. Полицейский четко сознавал, что Страйк имеет зуб на своего бывшего отчима, и никакие указания на связь Уиттекера и Страйка через тексты *Blue Öyster Cult* не заставили Уордла изменить свое мнение.

Когда в тот же вечер позвонила Робин с привычным отчетом о проделанной работе, Страйк тут же вылил на нее свой рассказ, чтобы облегчить душу. Хотя у Робин тоже были новости, она сразу переключилась на дела Страйка и сосредоточенно выслушала его, ни разу не перебив.

– Я рада, что ты ему врезал, – сказала она, когда Страйк закончил каяться, что допустил потасовку.

– Правда? – смутился он.

– Конечно. Он же душил девушку!

Робин тут же пожалела о сказанном. Она не хотела лишней раз напоминать о своих собственных нечаянных признаниях.

– Как защитник униженных и слабых я полностью облажался. Падая вместе с ним, она ударилась головой. Одного не могу понять, – добавил он, поразмыслив, – о чем она вообще думает? Это был ее шанс. Она могла уйти. Я бы нашел для нее пристанище, я бы о ней позаботился. Какого дьявола она вернулась к нему? Почему женщины так поступают?

Не успела Робин ответить, как Страйк понял, что его слова могли быть истолкованы в сугубо личном плане.

– Я думаю... – начала Робин, а Страйк одновременно выпалил:

– Я не имел в виду...

Оба замолчали.

– Извини, продолжай, – сказал Страйк.

– Я только хотела сказать, что униженные и слабые тянутся к своим мучителям, знаешь ведь? У них так устроены мозги: им кажется, что выбора нет.

«Черт подери, я же стоял прямо перед ней – чем не выбор?»

– Лэйнг сегодня не показывался? – спросил он вслух.

– Не показывался, – ответила Робин. – Знаешь, я *серьезно* считаю, что его там нет.

– А я считаю, все равно стоит...

– Слушай, я уже знаю жильцов всех квартир, кроме одной, – сказала Робин. – Все выходят на улицу и возвращаются обратно. И только в одной квартире либо пусто, либо лежит труп, потому что дверь никогда не открывается. Ни сиделок, ни медсестер там не бывает.

– Надо понаблюдать еще с неделю, – решил Страйк. – Для нас это единственная возможность выйти на Лэйнга. Послушай, – с раздражением перебил он, когда Робин попыталась возразить, – я сам буду в таком же положении, когда начну следить за стрип-клубом.

– С поправкой на то, что Брокбэнк, по нашим сведениям, там бывает, – резко сказала Робин.

– Поверю, когда увижу, – стоял на своем Страйк.

Через пару минут они распрощались с плохо скрываемым взаимным недовольством.

У каждого расследования бывают тупиковые стадии, когда иссякает информация и угасает азарт, но у Страйка не получалось философски смотреть на нынешнее дело. По милости анонима, приславшего

отрезанную конечность, бизнес сошел на нет. Последняя клиентка, которая платила хоть какие-то деньги, жена Папы-Злодея, больше не нуждалась в услугах Страйка. Чтобы только убедить судью не выписывать запретительный ордер, ее муженек сидел тише воды ниже травы.

Агентство дышало на ладан: на нем лежало клеймо порока и неудачи. Как и предвидел Страйк, фамилию его все чаще трепали на самых разных сайтах в связи с убийством и расчленением Келси Платт, причем кровавые подробности не только перечеркивали любое упоминание о былых достижениях, но и сводили на нет обычную рекламу его профессиональных услуг. Никто не хотел обращаться к скандально известному сыщику, не сумевшему раскрыть громкое убийство.

Потому-то Страйк с отчаянной решимостью отправился в стрип-клуб, где надеялся разыскать Ноэла Брокбэнка. Клуб этот – как водится, переоборудованный из старого паба – находился в переулке близ Коммершл-роуд в Шордиче. Кирпичный фасад местами раскрошился, а над плотно задрапированными окнами были намалеваны белым силуэты голых женщин. Сверху от двустворчатой двери еще сохранилась облезлая вывеска – крупными золотыми буквами на черном фоне – с прежним названием: «Сарацин».

В этом районе проживало много мусульман. Страйк шел мимо хиджабов и тюбетеек, которые кучковались возле дешевых лавчонок с названиями типа «Мода интернешнл» и «Мейд ин Милан», где из витрин печально смотрели облаченные в нейлон и полиэстер манекены в синтетических париках. На Коммершл-роуд ютились бангладешские банки, убогие агентства по недвижимости, курсы английского языка и обшарпанные продуктовые лавки с лежалыми фруктами в запыленных витринах, но нигде не было ни скамьи, ни даже парапета, пусть низкого и холодного. Притом что Страйк не застаивался на одном месте, у него от длительного напряжения и невозможности присесть вскоре разболелась нога. Он понапрасну терял время: Брокбэнк так и не появился.

У входа стоял коренастый, без намека на шею швейцар; на глазах у Страйка никто не входил и не выходил, за исключением клиентов и стриптизерш. Девушки приезжали и уезжали; под стать своему заведению, выглядели они классом пониже, чем их сестры из «Мятного носорога». У одних были татуировки или пирсинг; другие набрали жирок, а около одиннадцати утра в дверь вошла подвыпившая, неряшливая девица откровенно нездорового вида. Три дня Страйк наблюдал за «Сарацином» через витрину кебабной прямо напротив клуба. Если поначалу – что бы он ни говорил Робин – у него и были определенные надежды, то теперь стало

ясно: либо Брокбэнк никогда здесь не работал, либо потерял место.

Наступило утро пятницы, и безрадостная тенденция наконец переломилась. Когда Страйк прятался в дверях особенно убогого магазина одежды под названием «Изюминка мира», у него зазвонил мобильный, и на том конце линии Робин сказала:

– Завтра в Лондон приезжает Джейсон. Насчет ноги. С сайта кандидатов на ампутацию.

– Отлично! – сказал Страйк, почувствовав облегчение от перспективы хоть кого-нибудь допросить. – Где мы с ним встречаемся?

– С ними, – сдержанно ответила Робин. – Мы встречаемся с Джейсоном и Бурей. Она...

– Прости? – перебил Страйк. – Что еще за Буря?

– Вряд ли это ее настоящее имя, – сухо сказала Робин. – Это женщина, с которой Келси общалась по интернету. Черные волосы и очки.

– А, да, помню, – произнес Страйк, удерживая мобильник между щекой и плечом, чтобы закурить.

– Я только что говорила с ней по телефону. Она крупная активистка в организации трансвалидов, совершенно невыносимая особа, но Джейсон перед ней благоговееет и только рядом с ней чувствует себя уверенно.

– Понятно, – сказал Страйк. – Так где же мы встречаемся с Джейсоном и Бурей?

– Они выбрали «Гэллери Месс». Это ресторан при галерее «Саатчи».

– Неужели? – Страйк смутно помнил, что Джейсон работает в супермаркете «Асда», и удивился, что первым его желанием по прибытии в Лондон стало посетить выставку-продажу современного искусства.

– Буря передвигается в инвалидной коляске, – сообщила Робин. – а в галерее, видимо, хорошее оборудование для инвалидов.

– Ладно, – сказал Страйк. – В какое время?

– В час дня, – сказала Робин. – Она... м-м-м... интересуется, сможем ли мы заплатить.

– А куда мы денемся?

– Послушай... Корморан... Можно я выйду на работу не с самого утра?

– Конечно, конечно. Надеюсь, ничего не случилось?

– Все хорошо, мне просто... надо разобраться с некоторыми свадебными делами.

– Без проблем. Эй, – окликнул он, пока она не положила трубку, – может, нам с тобой предварительно встретиться? Согласовать стратегию

вопросов?

– Было бы просто здорово! – сказала Робин, и Страйк, тронутый ее воодушевлением, предложил место встречи – закусочную на Кингз-роуд.

Freud, have mercy on my soul.

Blue Öyster Cult. «Still Burnin'»^[75]

На следующий день Страйк, пять минут просидев в кофейне «Pret A Manger» на Кингз-роуд, увидел Робин с белым пакетом через плечо. Отставнику совершенно ни к чему разбираться в женской моде, но даже ему была знакома фирма «Джимми Чу».

– Туфли. – Заказав ей кофе, он ткнул пальцем в пакет.

– Молодец, – улыбнулась Робин. – Туфли. Да. Свадебные, – добавила она, потому что в конце концов настало время признать очевидное.

С тех пор как она возобновила помолвку, вокруг этой темы словно висело некое табу.

– Ты ведь придешь, да? – добавила она, когда они устроились за столиком у окна.

Разве мы договаривались? – подумал Страйк. Ему прислали напечатанное заново приглашение, которое, как и первое, представляло собой жесткую карточку кремового цвета с нанесенным на нее черным текстом, однако он не помнил, чтобы обещал прийти. Робин выжидающе смотрела на босса, чем напомнила ему Люси, которая пыталась затащить его на день рождения своего сына – его племянника.

– Приду, – нехотя выдавил он.

– Может, поручишь мне подтвердить твое присутствие? – предложила Робин.

– Не надо, – сказал он. – Я сам.

А для этого, вероятно, придется позвонить ее матери. Вот как женщины тебя и охмуряют, подумал он. Включают в списки, вынуждают согласиться на свои требования. Убеждают, что негоже будет оставлять закуски на тарелке нетронутыми, стул с золоченой спинкой – пустым, а именную табличку – стыдливо лежащей на столе в знак твоей бестактности. Он не мог навскидку придумать, чего бы ему хотелось еще меньше, чем смотреть, как Робин выходит замуж за Мэтью.

– А хочешь... может, мне и Элин пригласить? – предложила Робин, надеясь, что у него на один-два градуса поднимется настроение.

– Нет, – отрезал Страйк без колебаний, но в ее предложении он

прочитал что-то вроде просьбы и смягчился. – Давай, что ли, посмотрим туфли.

– Тебе нельзя!..

– Прошу же как человека.

С трепетом, позабавившим Страйка, Робин вынула из пакета коробку, сняла крышку и развернула оберточную бумагу. Внутри оказались закрытые туфли на шпильке, гладкие и блестящие, цвета шампанского.

– Не слишком рок-н-рольно, для свадьбы-то? – заметил Страйк. – Я думал, они должны быть... не знаю... с цветочками.

– Их даже не видно будет, – сказала Робин, поглаживая пальцем одну из шпильек. – Там еще были на платформе, но...

Она осеклась. Правда заключалась в том, что Мэтью не хотелось, чтобы его невеста выглядела слишком высокой.

– А как мы будем строить беседу с Джейсоном и Бурей? – спросила она, закрывая коробку крышкой и убирая в пакет.

– Возьмешь инициативу на себя, – распорядился Страйк. – Ведь только ты с ними общаешься. А я при необходимости вклинюсь.

– Ты должен понимать, – смущенно сказала Робин, – что Джейсон поинтересуется насчет твоей ноги. Он же думает, что ты... ты соврал ему о том, как ее потерял.

– Да, я помню.

– Ладно. Я просто не хочу, чтобы это тебя задело и все такое.

– Надеюсь, я смогу держаться в рамках, – сказал Страйк, которого даже обрадовала такая забота. – И руки распускать не собираюсь, если ты об этом.

– Тогда хорошо, – сказала Робин. – Судя по фотографиям, такого одним пальцем перешибить можно.

Страйк закурил; они прошли бок о бок по Кингз-роуд до того места, где в стороне от проезжей части, за скульптурой, изображающей сэра Ганса Слоуна^[76] в парике и чулках, виднелся вход в галерею. Пройдя под аркой в стене светлого кирпича, они оказались в зеленом внутреннем двореке, который, если бы не шум оживленного уличного движения, мог бы принадлежать загородному особняку. Дворик с трех сторон обрамляли здания девятнадцатого века. Впереди – вероятно, в бывшей казарме – располагался «Гэллери Месс».

Страйк, который изначально представлял себе кафе, втиснутое в галерею, теперь понял, что это заведение гораздо выше классом, и с некоторыми опасениями вспомнил и свою задолженность по кредиту, и обещание заплатить за обед, причем на четыре персоны.

К ресторанному залу, длинному и узкому, слева примыкало второе, более просторное помещение, отделенное арочными проемами. Белые скатерти, лощеные официанты, высокие сводчатые потолки и развешенные по стенам произведения современной живописи только усиливали тревогу Страйка насчет предстоящих расходов, когда метрдотель провожал их в центр зала.

Пара, которую они высматривали, выделялась среди элегантно одетой, в основном женской публики. Джейсон, высокий, худосочный, длинноносый парень, явился в бордовой фуфайке и джинсах; весь его вид говорил о том, что при малейшей опасности он обратится в бегство. Вперившийся взглядом в расстеленную на коленях салфетку, он смахивал на цаплю. Буря, чьи черные, коротко подстриженные волосы явно были крашеными, носила очки с толстыми линзами в квадратной черной оправе и в физическом плане была противоположностью своего спутника: бледная, низенькая и рыхлая, с маленькими, глубоко посаженными глазками, похожими на изюмины в кексе. В черной футболке с растянутым на мощной груди ярким мультяшным пони, она сидела в придвинутой к столу инвалидной коляске. Оба уже изучали меню. Буря успела заказать себе бокал вина.

При виде Страйка и Робин она просияла и коротким указательным пальцем ткнула Джейсона в плечо. Парень с опаской огляделся по сторонам; Страйк отметил ярко выраженную асимметрию его бледно-голубых глаз: один на добрый сантиметр выше другого. Из-за этого у парня была странно беспомощная физиономия, будто слепленная наспех.

– Привет, – сказала Робин, улыбаясь и протягивая руку Джейсону. – Рада наконец-то увидеться.

– Здравствуйте, – пробормотал он, протягивая ей вялые пальцы.

Бросив мгновенный взгляд на Страйка, он покраснел.

– Ну привет! – сказала Буря, протягивая руку Страйку и все еще улыбаясь. Она ловко сдвинула коляску на несколько дюймов в сторону и предложила, чтобы Страйк взял себе стул от соседнего стола. – Место просто дивное. Тут легко передвигаться, персонал очень предупредительный. Извините! – громогласно обратилась она к проходящему официанту. – Можно нам еще два меню, будьте добры.

Страйк сел рядом с ней, а Джейсон подвинулся, чтобы освободить возле себя место для Робин.

– Милое заведение, да? – сказала Буря, пригубив вина. – Официанты весьма тактичны по поводу инвалидной коляски. Так участливы, лучшего и желать нельзя. Буду рекомендовать это место на моем сайте; я делаю

обзоры заведений с инфраструктурой для инвалидов.

Джейсон ссутулился над своим меню, избегая встречаться взглядом с остальными.

– Я сказала ему: ты заказывай, не стесняйся, – преспокойно сообщила Буря Страйку. – Он не понимал, сколько вы зарабатываете, распутывая эти случаи. А я ему прямо сказала: пресса их озолотит за такую историю. Видимо, на это вы сейчас и делаете ставку – на расследование самых резонансных дел?

Страйку не давали покоя стремительно тающие средства, аренда однокомнатной квартиры над офисом и сокрушительный удар, который нанесла его бизнесу посылка с отрезанной ногой.

– Мы работаем, – сказал он, избегая взгляда Робин.

Его помощница выбрала самый дешевый салат и воду. Буря заказала и закуску, и горячее, убедила Джейсона последовать ее примеру, а потом собрала у всех меню, чтобы с видом щедрой покровительницы отдать их официанту.

– Итак, Джейсон... – начала Робин.

Буря тут же заговорила одновременно с ней, обращаясь к Страйку:

– Джейсон нервничает. Он даже не успел просчитать последствия от встречи с вами. Пришлось ему разъяснять; мы говорили по телефону день и ночь, видели бы вы счета; надо будет потребовать у вас компенсацию, ха-ха! Но если серьезно... – она вдруг помрачнела, – мы хотим сразу получить гарантию, что у нас не будет проблем из-за сокрытия фактов от полиции. Правда, мы не располагаем особо ценными сведениями. С этой девушкой мы встречались только раз и даже не догадываемся, кто мог ее убить. Наверняка вы осведомлены гораздо лучше. По правде сказать, меня обеспокоило, что Джейсон вступил в контакт с вашей напарницей, поскольку люди, с моей точки зрения, просто не понимают, как нас третирует общество. Мне самой угрожали убийством, впору нанимать вас для расследования, ха-ха.

– Кто же угрожал вам убийством? – спросила Робин, проявляя вежливое удивление.

– Понимаете, это *мой* сайт... – Буря обращалась к Страйку, игнорируя Робин. – Я его админю. Вроде как многодетная приемная мать или мать-настоятельница, ха-ха... В общем, мне все доверяют, обращаются за советом, поэтому очевидно, что именно с *меня* и спрашивают, когда на нас идут нападки бездушных людей. Думаю, самой себе я ничем не способна помочь. Но зато часто решаю чужие проблемы, верно, Джейсон? Короче, – подытожила она, сделав паузу для изрядного глотка

вина, – я не могу советовать Джейсону с вами откровенничать, пока вы не дадите гарантий, что у него не будет неприятностей.

Страйк не понимал, каким авторитетом он в их глазах обладает по этой части. На самом деле и Джейсон, и Буря скрыли информацию от полиции, а это, вне зависимости от причин утайки и от ценности сведений, довольно глупо и небезопасно.

– Думаю, неприятности вам не грозят, – с легкостью соврал он.

– Ну, о'кей, приятно слышать, – сказала Буря с видимым удовлетворением. – Мы, *естественно*, хотим быть полезны. Я сказала Джейсону: если этот злодей охотится на людей с синдромом невосприятия целостности собственного тела, что весьма вероятно, то мы, черт побери, *не имеем права* оставаться в стороне. Меня такое отношение не удивляет: эти оскорбления через сайт, ненависть. Просто уму непостижимо. То есть, очевидно, это проистекает от невежества, но мы терпим оскорбления от тех, кто должен был бы принимать нашу сторону, кто сам знает, каково это – подвергаться дискриминации.

Принесли напитки. К негодованию Страйка, официант, парень славянского вида, откупорил его бутылку «Спитфайра» и перелил пиво в стакан со льдом.

– Эй! – окоротил его Страйк.

– Пиво не охлажденное, – сказал официант, не ожидавший такой эмоциональности.

– Так какого ж хера... – пробормотал Страйк, вылавливая из стакана кубики льда.

Ему страшно было подумать, в какую сумму обойдется угощение. Официант с обиженным видом принес Буре второй бокал вина. Робин не упустила свой шанс:

– Джейсон, когда ты впервые законтачил с Келси...

Но Буря опустила бокал и заглушила ее голос:

– Да, я проверила свои записи: Келси впервые посетила сайт в декабре. Да, я это рассказала следователям, предоставила им переписку. Келси, между прочим, спрашивала о вас, – сообщила она Страйку таким тоном, будто упоминание на ее сайте было крайне лестным, – а потом вышла на Джейсона, они обменялись адресами электронной почты и с тех пор писали друг другу в приват, так ведь, Джейсон?

– Да, – шепнул он.

– Потом она предложила встретиться, и Джейсон связался со мной, так ведь, Джейсон? И вообще, в моем присутствии ему спокойнее, поскольку личная встреча – совсем не то, что интернет, да? Как знать – ведь

сюда мог заявиться кто угодно. К примеру, мужчина.

– Что побудило тебя встретиться с Кел... – хотела было обратиться к Джейсону Робин, но Буря вновь перебила.

– Их, вероятно, объединял интерес к *вам*, – сказала она Страйку. – Келси заинтриговала Джейсона, правда, Джейсон? Она знала о вас *все*, – добавила Буря и улыбнулась так, словно у них со Страйком были общие постыдные тайны.

– И что же Келси тебе про меня рассказала, Джейсон? – спросил Страйк парнишку.

От этого прямого обращения Джейсон побагровел, и Робин заподозрила в нем гея. В результате долгого, внимательного изучения досок объявлений она научилась распознавать скрытый эротический смысл в некоторых, хоть и не во всех, фантазиях пользователей, и самым вульгарным оказался *Devotee*.

– Она сказала, – пробубнил Джейсон, – что с вами был знаком ее брат. Что он с вами работал.

– Правда? – удивился Страйк. – Прямо так и сказала: «мой брат»?

– Да.

– У нее братьев не было. Только сестра.

Кривые глаза Джейсона нервно забегали по столовым приборам, а потом снова уставились на Страйка.

– Я уверен: она говорила про своего брата.

– Который познакомился со мной в армии, да?

– Нет, не в армии. Вроде нет. Позже.

Она все время лгала... Черное называла белым.

– А мне кажется, она имела в виду своего парня, – вклинилась Буря. – Она же рассказывала, что у нее есть парень по имени Нил, помнишь, Джейсон?

– Найалл, – буркнул Джейсон.

– Разве? Ну, пусть будет Найалл. Он еще заехал за ней, когда мы пили кофе, помнишь?

– Погодите-ка. – Страйк поднял руку, и Буря послушно умолкла. – Вы *видели* Найалла?

– Видели, – подтвердила Буря. – Он за ней заехал. На мотоцикле.

Повисла короткая пауза.

– Человек на мотоцикле забрал ее из... где вы встречались? – спросил Страйк, пряча внезапное волнение под маской спокойствия.

– В «Кафе-Руж» на Тотнэм-Корт-роуд, – сказала Буря.

– Это недалеко от нашего офиса, – отметила Робин.

Джейсон побагровел еще сильнее.

– Между прочим, Келси и Джейсон это знали, ха-ха! Вы надеялись, что Корморан туда заглянет, правда ведь, Джейсон? Ха-ха-ха, – весело рассмеялась Буря, когда официант подавал ей закуску.

– Ее увез байкер, так, Джейсон?

Буря сосредоточилась на еде, и Джейсон наконец-то заговорил без помех.

– Ну да, – ответил он, с хитрецей глядя на Страйка. – У тротуара поджидал.

– Ты его хорошо разглядел? – спросил Страйк, точно предугадав ответ.

– Нет, он типа... типа... за углом остановился.

– И шлем не снимал, – добавила Буря и, отпив вина, поспешила вернуться к разговору.

– Какого цвета был мотоцикл, не припомните? – спросил Страйк.

Буря назвала черный цвет, а Джейсон – красный, но оба согласились, что мотоцикл стоял слишком далеко, чтобы можно было разглядеть марку.

– Не вспомните ли какие-нибудь еще рассказы Келси об этом парне? – спросила Робин.

Оба покачали головами.

В середине длинного повествования Бури о консультативных услугах, предоставляемых сайтом, и об оказании реальной помощи перед ней поставили горячее. Только когда она набила рот картофелем, Джейсон набрался смелости, чтобы обратиться к Страйку напрямую.

– Это правда? – неожиданно выпалил он. Его лицо снова вспыхнуло.

– Что именно? – уточнил Страйк.

– Что у вас... что вы...

Энергично работая челюстями, Буря подъехала на коляске к Страйку, положила руку ему на локоть и проглотила еду.

– Что вы сделали это сами, – прошептала она, едва заметно подмигнув.

Приподнявшись над инвалидной коляской, она незаметно передвинулась, но толстые бедра не повисли безвольно под корпусом, а удержали собственный вес. Страйк проходил лечение в госпитале «Селли-Оук», где видел солдат, которые в результате ранения утратили подвижность нижних, а то и всех конечностей, и наблюдал способы координации тела с мертвым грузом парализованных ног и рук. Его как молнией поразила истина. Коляска Буре не требовалась. Паралич был фикцией.

Одним лишь выражением лица Робин заставила Страйка сохранять спокойствие и вежливость: он перехватил ее презрительный,

уничтожающий взгляд, брошенный на Бурю, и обратился к Джейсону:

– Тебе придется поведать мне все, что тебе рассказали, – только тогда я смогу определить, правда это или нет.

– Ну... – начал Джейсон, почти не прикоснувшись к своему бургеру «Блэк Ангус», – Келси сказала, что вы пошли с ее братом в паб, там напились и... и раскололись. Мол, в Афганистане вы прихватили винтовку, ушли из расположения своей части, в потемках забрались в горы и прострелили себе ногу, а в госпитале вам ее ампутировали.

Страйк сделал внушительный глоток пива.

– А зачем я так поступил?

– Что? – Джейсон смущенно заморгал.

– Я хотел, чтобы меня уволили из армии, или...

– Да нет же! – Джейсон даже слегка возмутился. – Нет, вы были... – он так густо покраснел, что, казалось, вся его кровь прилила к лицу, – как мы. Вы к этому стремились, – прошептал он. – Вы стремились к ампутации.

Робин вдруг поняла, что не может поднять глаза на Страйка, и притворилась, что ее увлекло забавное полотно: рука, держащая туфельку; а может, впрочем, бурый цветочный горшок с розовым кактусом.

– А... брат... который выложил Келси все мои грехи... он знал, что она сама тоже стремилась к ампутации?

– Думаю, нет. Нет. Она сказала, что знаю только я.

– Так, значит, он как бы между прочим...

– Люди о таком не болтают. – При первой же возможности Буря опять встряла в разговор. – Этого стыдятся, *страшно* стыдятся. Взять хотя бы меня, – оживленно продолжала она, указывая на свои ноги. – Я лишена возможности работать, но вынуждена говорить, что у меня травма позвоночника. А признайся я, что сделала это по своей воле, меня бы осудили. А уж предрассудки медиков просто уму непостижимы. Я дважды меняла участковых врачей – не потерпела, что меня снова и снова направляли к треклятому психиатру. Нет, Келси, бедная девочка, говорила нам, что помалкивает. Ей не к кому было обратиться. Никто ее не понимал. Вот она и обратилась к нам... и к вам, конечно, – сказала она Страйку и снисходительной улыбкой напомнила, что он, в отличие от нее, отмахнулся от нужд Келси. – Нужно всегда себе говорить: знай, что ты не одинок. Как только люди добиваются своего, они покидают нашу организацию. Мы их прекрасно понимаем, но было бы очень полезно, согласись они просто рассказать, каково наконец оказаться в том теле, в котором тебе предначертано было родиться.

Робин беспокоилась, как бы Страйк не вспыхнул прямо здесь, в элитном заведении, где велись приглушенные разговоры об искусстве. И тогда насмарку пойдет самоконтроль, который выработал у себя бывший сотрудник Отдела специальных расследований за долгие годы допросов, думала она. Возможно, в его вежливой улыбке, обращенной к Буре, и сквозила мрачность, но он вновь обратился к Джейсону и спросил:

– Как по-твоему, это брат надоумил Келси мне написать?

– Нет, – сказал Джейсон, – По-моему, это была полностью ее идея.

– И чего же конкретно она от меня хотела?

– Это же *очевидно*, – вмешалась Буря, чуть не смеясь, – она хотела посоветоваться, как сделать то, что провернули вы!

– Ты тоже так думаешь, Джейсон? – спросил Страйк, и мальчишка кивнул:

– Да... она хотела уточнить, насколько серьезно придется повредить ногу, чтобы ее потом отняли, и, наверное, рассчитывала попасть к вашему доктору.

– Извечная проблема, – сказала Буря, явно не замечая, как ее слова действуют на Страйка, – где взять надежного хирурга. Эта братия обычно не знает сострадания. Люди умирали, пытаясь сделать ампутацию самостоятельно. В Шотландии был один чудесный хирург, который произвел пару ампутаций страдающим от нашего синдрома, но затем его схватили за руку. С тех пор прошло уже десять лет. Люди едут за границу, но кто не может заплатить, кто не может покрыть транспортные расходы... сами видите, почему Келси хотела заручиться вашей протекцией!

От обиды за Страйка его помощница со звоном выронила вилку и нож. *Заручиться протекцией!* Как будто его ампутация была дефицитным товаром, купленным из-под полы...

Страйк опрашивал Джейсона и Бурю еще пятнадцать минут, прежде чем заключил, что больше ничего полезного они не знают. Судя по очерченному ими портрету Келси, девушка была инфантильной и неуверенной в себе, а потребность в ампутации оказалась у нее настолько сильна, что с одобрения обоих своих друзей из интернета она пошла бы на все, чтобы только добиться своего.

– Да, – вздохнула Буря, – она была одной из наших. Первую попытку сделала в детстве, при помощи какого-то шнура. У нас ведь некоторые доходили до такой крайности, что ложились на рельсы. Один парень пробовал заморозить ногу жидким азотом. В Америке одна лыжница специально плохо приземлилась, прыгая с трамплина, но здесь есть опасность получить не ту степень увечья, на которую рассчитываешь...

– А на какую степень рассчитываете *вы*? – спросил Страйк и поднял руку, чтобы ему принесли счет.

– Я рассчитываю на перелом позвоночника, – хладнокровно ответила Буря. – Паралич нижних конечностей, да. Идеальным было бы хирургическое вмешательство. А пока привыкаю. – Она еще раз указала на свою коляску.

– Используя туалетные комнаты для инвалидов и лестничные подъемники, да? – спросил Страйк.

– Корморан! – сказала Робин с предостережением в голосе.

Она предвидела, что этого не миновать. У него был стресс и недосып. Ей казалось, сейчас можно удовлетвориться тем, что они получили всю нужную им информацию.

– Мне это необходимо, – спокойно продолжила Буря. – Я знала это с самого детства. Я живу в чужом теле. А должна быть парализована.

Подошел официант; Робин протянула руку за счетом, которого Страйк даже не заметил.

– Нельзя ли побыстрее, – сказала она насупленному официанту, которому досталось от Страйка за пиво со льдом.

– Много знаете инвалидов, а? – спрашивал Страйк Бурю.

– Знаю парочку, – сказала она. – У нас с ними, конечно, много...

– Да у вас все общее, черт подери! Один хер!

– Так я и знала, – пробормотала Робин, выхватив у официанта аппарат для кредиток, чтобы воспользоваться своей «Визой».

Страйк встал, возвышаясь над Бурей, которая сохраняла удивительное спокойствие, тогда как Джейсон сжался на стуле и готов был исчезнуть внутри своей фуфайки.

– Ладно тебе, Корм... – сказала Робин, выдергивая карту из аппарата.

– К вашему сведению, – обратился Страйк и к Буре, и к Джейсону, когда Робин, схватив свое пальто, пыталась оттащить босса от стола, – я подорвался в боевой машине. – (Джейсон спрятал багровое лицо в ладони, едва сдерживая слезы. У Бури отвисла челюсть.) – Водителя разорвало пополам – *вот это* было бы достойно вашего внимания, правда? – с яростью сказал он Буре. – Да только умер он, черт возьми, экая незадача. Другой парень потерял пол-лица, а я – ногу. Отнюдь не по своей воле...

– Пошли. – Робин тянула его за руку. – Давай. Спасибо, Джейсон, что согласился на эту встречу...

– Тебе помощь нужна, – сказал Страйк в полный голос и ткнул пальцем в сторону Джейсона, чем привлек внимание посетителей

и официантов, но Робин уже вела его к выходу. – Тебе, черт возьми, помощь требуется. Ты с головой не дружишь.

Они прошли целый квартал под густыми кронами деревьев; только тогда у Страйка восстановилось дыхание.

– Ладно, – сказал он, хотя Робин молчала. – Ты меня предупреждала. Извини.

– Все в порядке, – сказала она мягко. – Мы получили, что хотели.

Им навстречу шли хорошо одетые мужчины и женщины, все деловые, торопливые. Сбоку проплыла богемного вида девица с дредами, в узорчатом платье, но сумочка за пятьсот фунтов доказывала, что вся эта атрибутика хиппи – такая же фальшь, как инвалидность Бури.

– Хорошо еще, что ты ее не ударил, – заметила Робин. – По коляске. На глазах у ценителей искусства.

Страйк засмеялся. Робин покачала головой.

– Как чувствовала, что тебя нельзя пускать в приличное общество, – вздохнула она с усмешкой.

Он думал, что она испустила дух. Его не волновало, что это не прогремело в новостях, поскольку она была шлюхой. О первой, которую он грохнул, тоже ничего не сообщалось. Проституток никто на фиг не считал, они – пустое место, никому до них нет дела. Секретутка – единственная, из-за которой раздуют шумиху, потому как она работает на этого уroda... порядочная девушка, завидный жених – журналюги забегают как нахлестанные...

Одного он не понимал: как та потаскушка вообще сумела выжить. Он помнил, как входил нож в ее тело, как лопалась кожа под лезвием, как сталь скребла по костям, как хлынула кровь... Ее нашли какие-то студенты – так в газете написано. Чтоб им самим сдохнуть, этим соплякам.

Спасибо, что хоть пальцы у него остались.

Фоторобот составила. Курам на смех, мать ее! Полицейские – бритые обезьяны в форме, большинство по крайней мере. И они думали, эти каракули им помогут? Да совсем ведь не похоже, ни капли; это вообще мог быть кто угодно, хоть белый, хоть черный. Он бы вслух заржал, кабы рядом не топталось Чудо, но оно не хотело, чтобы он смеялся над мертвой девкой и фотороботом...

В тот момент Чудо было настроено агрессивно. Он изрядно потрудился, чтобы загладить вину за свою жесткость: пришлось извиняться, лебезить.

– Я был расстроен, – приговаривал он. – Сильно расстроен.

Ему пришлось обнимать Чудо, покупать цветы и сидеть дома, просить прощения за свою несдержанность, и теперь Чудо этим пользовалось, как баба, которая стремится урвать побольше.

– Не люблю, когда ты исчезаешь.

Это ТЫ у меня исчезнешь к чертям собачьим, если не заткнешься.

Он кормил Чудо баснями, что его, дескать, зовут на работу, но впервые за все время оно, дерьмо этокое, осмелилось спросить: а кто тебя зовет? Долго ли тебя не будет?

Он смотрел, как шевелятся эти губы, и представлял, как заносит кулак и бьет Чудо по мерзкой гребаной морде, да так, что кости хрустят...

Но сейчас рановато; Чудо могло еще пригодиться, по крайней мере на то время, пока он не разделается с Секретуткой.

Оно все еще его любило, и это была козырная карта: он знал, что может поставить Чудо на место, пригрозив, что уйдет с концами. Но тут важно не перегнуть палку. Так что он продолжил осыпать это Чудо цветами, поцелуями, нежностью, чтобы стереть и вытравить из этой тупой, одурманенной башки воспоминание о его приступе ярости. Ему нравилось подмешивать Чуду в питье анальгетики и кое-что покруче, чтобы оно шаталось, как сомнамбула, чтобы плакало у него на шее, чтобы прижималось всем телом.

Он ведь такой терпимый, добрый, решительный.

В конце концов Чудо сдалось: отпустило на неделю, предоставило свободу делать все, что ему нравится.

Harvester of eyes, that's me.

Blue Öyster Cult. «Harvester of Eyes»^[78]

Инспектор уголовной полиции Эрик Уордл совсем не обрадовался тому, что Джейсон и Буря солгали его сотрудникам, но Страйк, придя в понедельник вечером в «Фезерс», куда Уордл пригласил его на пинту пива, нашел полицейского, как ни странно, в благодушном настроении. Отходчивость его объяснялась довольно просто: сведения о том, что из «Кафе-Руж» Келси забрал некий байкер, идеально вписывались в новую, любовно вынашиваемую версию Уордла.

– Помнишь парня с их сайта, взявшего себе ник *Devotee*? Он тащился от инвалидов и залег на дно после убийства Келси.

– Был такой, – ответил Страйк, припоминая, что Робин, по ее словам, когда-то с ним общалась.

– Мы его вычислили. Угадай, что мы нашли у него в гараже?

Страйк рассудил, что, раз этот крендель не арестован, расчлененки у него не нашли, и предположил единственно возможное:

– Мотоцикл?

– «Кавасаки-ниндзя», – уточнил Уордл. – Нет, понятно, что мы ищем «хонду», – предвосхитил он вопрос Страйка, – но этот урод прямо обделался, когда мы к нему пришли.

– Как, впрочем, и все, к кому приходят из уголовного розыска. Продолжай.

– Мутный тип, зовут Бакстер, торговый агент, на выходные второго и третьего числа алиби не представил, равно как и на двадцать девятое. Разведен, детей нет, говорит, сидел дома, смотрел королевскую свадьбу. Стал бы ты смотреть королевскую свадьбу, если бы над душой не стояла женщина?

– Нет, – ответил Страйк, который застал лишь краткий отчет в новостях.

– Он утверждает, что мотоцикл принадлежит его брату и просто хранится у него в гараже, но после недолгой беседы признался, что и сам пару раз прокатился. А раз он умеет водить, то мог и взять напрокат или одолжить у кого-нибудь ту «хонду».

– Как он отзывается о сайте?

– Пошел в несознанку: говорит, просто дурью мается и никогда не западает на обрубки, но когда мы захотели проверить его компьютер – уперся рогом. Сказал, что сперва должен посоветоваться с адвокатом. На этом мы пока остановились, но завтра хотим еще разок к нему наведаться. Поболтать о том о сем.

– Он не отрицает, что общался с Келси по интернету?

– Попробовал бы он отрицать! Нам же Буря передала все записи. Он спросил Келси, что она планирует делать с ногой, и предложил ей встречу, а она его отшила – в онлайн, ясное дело. Черт побери, надо его раскрутить, – ответил Уордл на недоверчивый взгляд Страйка. – У него нет алиби, но есть мотоцикл, тяга к ампутанткам, да к тому же было желание встретиться с этой Келси!

– Да, верно, – согласился Страйк. – Другие зацепки есть?

– Насчет этого я тебя и выдернул. Нашли мы твоего Дональда Лэйнга. В Уолластон-Клоуз, возле Элефант-энд-Касл.

– Неужели? – искренне изумился Страйк.

Смакуя тот факт, что ему в кои-то веки удалось обойти Страйка, Уордл самодовольно ухмыльнулся:

– Да, причем он чем-то болен. Мы нашли его через страницу фонда *JustGiving*. Связались с администрацией и получили его адрес.

В этом-то и состояла разница между Страйком и Уордлом: у последнего были и звание, и авторитет, и власть, которых Страйк лишился, уйдя из армии.

– Ты его видел? – спросил Страйк.

– Отправил к нему пару ребят, но они его не застали. Правда, соседи подтвердили, что это его квартира. Он ее снимает, живет один и, похоже, совсем плох. Говорят, сейчас ненадолго уехал домой, в Шотландию. На похороны друга. Скоро вернется.

– Ну и дела, – пробормотал Страйк в свой стакан. – Если у Лэйнга остались друзья в Шотландии, я съем этот стакан.

– Не подавись, – отозвался Уордл, отчасти смешливо, отчасти раздраженно. – Я думал, ты будешь рад, что мы вышли на твоих подозреваемых.

– Я рад, – сказал Страйк. – Совсем плох, говоришь?

– Со слов соседа – передвигается на костылях. Часто попадает в больницу.

Экран под потолком без звука показывал месячной давности запись матча «Арсенал» – «Ливерпуль». Страйк поморщился, когда ван Перси

промазал с одиннадцатиметрового, который, как было ясно еще при первом просмотре, мог бы принести «Арсеналу» столь необходимую победу. Разумеется, матч ребята слили. Удача «канониров» постепенно тонула вместе с его собственной.

– Ты с кем-нибудь встречаешься? – внезапно спросил Уордл.

– Что? – вздрогнул от неожиданности Страйк.

– Коко интересуется, – сказал Уордл, удостоверившись, что Страйк отметил для себя его ухмылку. – Подруга жены, Коко. Рыженькая, помнишь?

Страйк вспомнил, что Коко – танцовщица бурлеска.

– Я обещал навести справки, – продолжил Уордл. – Предупредил ее, что ты жуткий зануда. А она: ну что ж поделаешь!

– Передай, что я польщен, – отозвался Страйк, и это была чистая правда. – Но, вообще говоря, да, я кое с кем встречаюсь.

– Не с напарницей ли? – съязвил Уордл.

– Нет. Она замуж выходит.

– А ты не щелкай клювом, дружище, – сказал, позевывая, Уордл. – Даже я бы такую прибрал к рукам.

– Так, давай уточним, – говорила Робин, появившись на следующее утро в офисе. – Стоило выяснить, что Лэйнг на самом деле живет в Уолластон-Клоуз, и я должна прекратить слежку?

– Послушай, – сказал Страйк, заваривая чай, – он сейчас в отъезде, если верить соседям.

– Но ты сам только что сказал, что не веришь в эту шотландскую историю!

– Если дверь его квартиры постоянно заперта, значит есть основания полагать, что куда-то он все же свинтил. – Страйк бросил по чайному пакетику в каждую из двух кружек. – Я не поведусь на сказки о похоронах друга. Но не удивлюсь, если он метнулся обратно в Мелроуз, чтобы выбить денег из слабоумной мамы. Такая увеселительная поездка вполне в духе нашего Донни.

– Один из нас должен быть там, когда он вернется, а иначе...

– Один из нас будет там, – успокоил ее Страйк, – но сейчас я хочу переключить твоё внимание на...

– Брокбэнк?

– Нет, им занимаюсь я сам. А тебе поручаю прощупать Стефани.

– Кого?

– Стефани, подружку Уиттекера.

– Зачем? – Робин повысила голос, когда чайник возвестил о закипании дребезжанием крышки и громким бульканьем, затуманивая окно паром.

– Хочу проверить, не расскажет ли она, что делал Уиттекер в тот день, когда была убита Келси, и в ту ночь, когда отрубили пальцы той девушке в Шеклуэлле. Точные даты – третье и двадцать девятое апреля.

Страйк залил кипятком чайные пакетики, плеснул молока и стал размешивать, звякая ложкой о кружку. Робин не могла сказать, обрадована она или огорчена предложенной сменой деятельности. По большому счету, решила она, скорее рада, однако развеять недавние подозрения, что Страйк пытается ее оттеснить, было не так-то просто.

– Ты все еще считаешь, что убийца – Уиттекер?

– Ага, – ответил Страйк.

– Но у тебя нет никаких...

– У меня нет никаких улик против кого бы то ни было, это ты хочешь сказать? Значит, я буду продолжать делать свое дело, пока не найду доказательства или пока не сниму подозрения со всех.

Он передал Робин кружку с чаем и устроился на диване из искусственной кожи, который почему-то не отозвался канонадой неприличных звуков: не ахти какая победа, но за неимением лучшего – уже кое-что.

– Я надеялся, что смогу вычеркнуть Уиттекера, глянув, как он нынче выглядит, – продолжил Страйк. – Но он вполне мог быть тем хмырем в черной шапке. Несомненно одно: каким он был ублюдком, таким и остался. Я позорно облажался со Стефани, теперь она будет от меня шарахаться, но ты еще можешь чего-нибудь от нее добиться. Если она сумеет обеспечить ему алиби на эти даты или указать на того, кто способен это сделать, нам придется начинать все сначала. Если нет, он останется в списке подозреваемых.

– А ты что будешь делать, пока я разбираюсь со Стефани?

– Следить за Брокбэнком. Я намерен, – сообщил Страйк, вытянув ноги и отхлебнув чая для укрепления сил, – пойти сегодня в тот стрип-клуб и выяснить, куда подевался новый вышибала. Мне надоело жевать кебаб и топтаться без дела по одежным лавкам.

Робин промолчала.

– Что? – спросил Страйк, заметив выражение ее лица.

– Ничего.

– Говори.

– Ладно... Что, если он вдруг окажется на рабочем месте?

– Не думай: махать руками я не собираюсь, – ответил Страйк, верно

истолковав ее мысли.

– О'кей, – сдалась Робин, но тут же добавила: – Однако Уиттекера ты приложил.

– Не сравнивай, – ответил Страйк и, не дождавшись ее ответа, продолжил: – Уиттекер на особом положении. Почти родня.

Робин выдавила смешок.

Когда Страйк снял пятьдесят фунтов в банкомате у входа в «Сарацин» на Коммершл-роуд, машина безапелляционно зафиксировала отрицательный баланс его текущего счета. В дверях Страйк с мрачной миной сунул десятку вышибале и прошел сквозь черные полосы пластика, маскирующие интерьер, тусклое освещение которого не скрывало, впрочем, общей неприглядности заведения.

Бывший паб изменился до неузнаваемости. Новая отделка оставляла впечатление бездушного, загнивающего центра досуга. В покрытых лаком сосновых половицах отражалась широкая полоска неоновой света, бегущая вдоль барной стойки, которая занимала целую стену помещения.

Было слегка за полдень, но на небольшой сцене в дальнем конце зала уже извивалась под *The Rolling Stones* – «Start Me Up»^[79] – одна девица. Подсвеченная красными лучами, она снимала с себя лифчик напротив зеркала, чтобы ни один дюйм шершавой кожи не укрылся от мужских глаз. Посетителей было всего четверо: они сидели на высоких табуретах, каждый за отдельным столиком, и переводили взгляды от девицы, теперь неуклюже крутящейся на шесте, к большому телевизору, транслирующему спортивный канал.

Страйк направился напрямик к бару, где наткнулся на табличку «Мастурбация запрещена. Виновные будут удалены из зала».

– Что будем заказывать, дорогой? – спросила длинноволосая барменша с сиреневыми веками и кольцом в носу.

Он заказал пинту пива «Джон Смит» и сел за стойку. Не считая вышибалы, единственным работником мужского пола был человек за диджейским пультом позади стриптизерши. Блондин средних лет, он даже отдаленно не походил на Брокбэнка.

– Я надеялся здесь приятеля встретить, – обратился Страйк к барменше, которая в отсутствие посетителей облокотилась на стойку, сонно поглядывала на экран и ковыряла длинные ногти.

– Н-да? – отозвалась она скучающим тоном.

– Да, – подтвердил Страйк. – Он сказал, что тут работает.

К стойке подошел мужчина в неоновом пиджаке, и барменша молча

отошла его обслужить.

«Start Me Up» закончилась, и вместе с ней завершился стриптиз. Голая стриптизерша спрыгнула со сцены, обернулась какой-то тряпицей и исчезла за занавеской в дальнем конце зала. Ей никто не хлопал. Из-за той же занавески выскользнула женщина в куцем нейлоновом кимоно и чулках; с пустой пивной кружкой в руках она стала обходить посетителей, и те бросали туда мелочь. К Страйку она подошла в последнюю очередь. Он тоже бросил пару фунтовых монет. Затем женщина направилась напрямик к сцене, где аккуратно поставила кружку с монетами рядом с диджейским пультом, высвободилась из кимоно и, стуча высокими каблуками, поднялась на сцену в лифчике, трусиках и чулках.

– Господа, вам это понравится... Перед вами выступит милая Миа!

Gary Numan запел «Are „Friends“ Electric?»^[80], и Миа стала раскачиваться, не попадая в такт. Буфетчица приняла все ту же скучающую позу около Страйка: отсюда удобнее всего было смотреть телевизор.

– Так вот, – продолжил Страйк, – мой приятель вроде тут работает.

– Угу, – отозвалась девушка.

– Зовут Ноэл Брокбэнк.

– Н-да? Не знаю такого.

– Не знаешь, – повторил Страйк, нарочито озираясь по сторонам, хотя уже было очевидно, что Брокбэнк здесь нет. – Значит, ошибся адресом.

В это время первая стриптизерша выскочила из-за занавески в облегающем бледно-розовом платице, едва прикрывающем зад. Голая она и то выглядела не так похабно. Приблизившись к мужчине в неоновом пиджаке, она задала какой-то вопрос, но посетитель только покачал головой. Оглядываясь вокруг, она поймала взгляд Страйка и с улыбкой направилась к нему.

– Приветик, – сказала она с ирландским акцентом.

Ее волосы, в красных лучах рампы показавшиеся Страйку белыми, на самом деле оказались медно-рыжими. Под толстым слоем грима и накладными ресницами скрывалось лицо девочки-школьницы.

– Меня зовут Арла, – продолжала она. – А тебя как?

– Камерон, – ответил Страйк: так обычно называли его те, кому не под силу было запомнить его настоящее имя.

– Станцевать тебе приватный танец, Камерон?

– Где?

– А вон там. – Она ткнула пальцем в сторону занавесок. – Что-то я тебя раньше у нас не видала.

– Да я тут ищу кое-кого.

– Как ее зовут?

– Не ее, а его.

– Э, да ты не в том месте ищешь, миленький, – ответила Арла.

Девушка была так юна, что от этого «миленький» Страйк будто запачкался.

– Выпить хочешь? – предложил он.

Арла помедлила. Приватный танец стоил дороже выпивки, но некоторым вначале требовалось разогреться.

– Ну давай, – согласилась она.

Страйк выложил непомерную сумму за водку с лаймом, которую Арла чопорно цедила, сидя рядом с ним и выставя напоказ почти обнаженную грудь. Ее кожа, по-детски гладкая и упругая, напомнила ему об убитой Келси. На плече у нее были выколоты три голубые звездочки.

– Может, ты знаешь моего приятеля? – спросил Страйк. – Ноэл Брокбэнк зовут.

Крошка Арла оказалась не глупа. В ее беглом взгляде, искоса брошенном на Страйка, читалась смесь подозрения и расчета. Как та массажистка из Маркет-Харборо, она прикидывала, не из полиции ли этот жук.

– Он мне денег должен, – сказал Страйк.

Еще некоторое время поизучав незнакомца, Орла нахмурила гладкий лобик и сделала вид, что проглотила эту наживку.

– Ноэл, – повторила она. – Вроде он уехал. Обожди-ка... Эй, Эди!

– Мм? – промычала скучающая барменша, не отрываясь от экрана.

– Как звали того мужика – его еще Дэс турнул на прошлой неделе? Всего ничего тут отработал.

– Без понятия, как его звали.

– Да, сдается мне, это Ноэла как раз и турнули, – сказала Арла Страйку и вдруг продолжила с очаровательной прямоотой: – Дашь десятку – поточней узнаю.

Мысленно вздохнув, Страйк вручил ей банкноту.

– Жди здесь, – оживилась Арла.

Соскользнув с табурета, она сунула десятку под резинку трусиков, кое-как одернула платье и не спеша направилась к диджею, который во время разговора бросал недобрые взгляды на Страйка. Наконец он коротко кивнул, блестя в красном свете широкой физиономией, и Арла, явно довольная собой, заскользила обратно.

– Так я и думала! – сообщила она Страйку. – Это не в мою смену было: у него припадок случился.

– Припадок?

– Ну да, всего-то неделю отпахал. Такой громила, длинномордый, да?

– Все сходится, – подтвердил Страйк.

– Ага, он еще и опаздывал, а Дэсу это не нравилось. Дэс – вон он, там, – зачем-то добавила она, указывая на диджея, который подозрительно взирал на Страйка, пока снимал с вертушки сингл «Are „Friends“ Electric?» и ставил «Girls Just Wanna Have Fun»^[81] Cyndi Lauper.

– Дэс устроил Ноэлу разнос за опоздания, а тот вдруг бах на пол и давай корчиться. Говорят, – с удовольствием добавила Арла, – даже в штаны напрудил.

По мнению Страйка, Брокбэнк был не из тех, кто стал бы мочиться под себя, чтобы только избежать нагоняя. Похоже, у него действительно случился эпилептический припадок.

– И что было потом?

– А потом прибежала подруга дружка твоего...

– Что за подруга?

– Обожди-ка. Эди!

– Мм?

– Как ее зовут, черненькую эту? Волосы нарощенные, сиськи здоровенные? Дэс ее шпыняет.

– Алисса, – отозвалась Эди.

– Алисса, – передала Орла Страйку. – Прибежала и давай орать, чтоб Дэс «скорую» вызвал.

– А он что?

– Вызвал. Того увезли, и Алисса с ним поехала.

– И Брок... Ноэл с тех пор не объявлялся?

– Да какой он, к черту, вышибала, если падает и в штаны ссытается, чуть на него прикрикнули? Я слышала, Алисса за него просила, да только Дэс два раза повторять не привык.

– Тогда Алисса его скупердяем обозвала, – вдруг очнулась от спячки Эди, – а он и ее выпер под зад коленом. Тупой мудак. Ей деньги ох как нужны. У нее ж дети.

– И когда это было? – спросил их Страйк.

– Да недели две как, – ответила Эди. – Но парень-то был – гнус порядочный, так что скатертью дорожка.

– Чем же он гнус? – поинтересовался Страйк.

– Да это сразу видать, – отозвалась Эди с каким-то скучающим упрямством. – Сразу. Алисса вечно со всякими охламонами путается.

В это время вторая стриптизерша в одних прозрачных трусиках

энергично двигала бедрами перед немногочисленной публикой. В бар вошли двое мужчин в возрасте. Перед тем как подойти к стойке, они поглазели на трусики, которые готовилась снять стриптизерша.

– Стало быть, ты не знаешь, где мне найти Ноэла? – спросил Страйк у Эди, которой, казалось, было лень даже требовать денег за выдачу информации.

– Он с Алиссой живет, где-то в Боу, – отозвалась барменша. – Ей квартиру дали в муниципальном доме, а она все недовольна. Я точно не знаю, где это, – добавила она, предвидя вопрос Страйка. – Никогда у них не бывала.

– А я думала, ей там нравится, – возразила Арла. – Она говорила, там детсад хороший.

Стриптизерша сняла трусики и теперь вертела их над головой, как лассо. Удовлетворив свой интерес, двое новых посетителей медленно поплыли к стойке бара. Один из них, годившийся Арле в деды, уставился своими слезящимися глазами на вырез ее платяишка. Деловито смерив претендента взглядом, она повернулась к Страйку:

– Будешь приватный танец заказывать или как?

– Нет, вряд ли, – ответил Страйк.

Тогда Арла поставила стакан, соскользнула с табурета и направилась к шестидесятилетнему. Тот осклабился; во рту у него оказалось больше дырок, чем зубов.

Рядом со Страйком возник массивный силуэт – это был тот вышибала без шеи.

– Дэс поговорить хочет, – сообщил он с угрожающим видом, хотя голос у него был на удивление писклявым для такой комплекции.

Страйк огляделся. Сверлящий его взглядом через весь зал диджей подозвал его кивком.

– Что-то не так? – осведомился Страйк у вышибалы.

– Дэс тебе сам скажет. – Ответ вышибалы не предвещал ничего хорошего.

Страйк пересек зал и остановился перед диджеем, как второгодник, вызванный к директору. Сознывая абсурдность положения, он ждал, пока третья стриптизерша осторожно поставит рядом с диджейским пультом свой стакан с монетами, выскользнет из сиреневой туники и взойдет на сцену в черном кружевном белье и на каблуках из оргстекла. Все ее тело покрывали татуировки, а лицо – под толстым слоем грима – прыщи.

– Господа, вашему вниманию – грудь и задница от Жаклин-красавицы! Заиграла «Africa» в исполнении *ToTo*. Жаклин начала крутиться

на шесте, причем куда более умело, чем все предыдущие. Дэс прикрыл микрофон рукой и подался вперед.

– Итак. – Сейчас он выглядел одновременно и старше, и крепче, нежели в красном свете рамп; взгляд его был пронизателен, а подбородок пересекал глубокий, как у Штыря, шрам. – На кой тебе сдался тот вышибала?

– Да это кореш мой.

– Он без контракта работал.

– А мне-то что?

– Ну как же: незаконное, мать твою, увольнение. Хоть бы заранее сказал, черт его дери, что припадочный. Не иначе как тебя эта стерва Алисса подослала?

– Нет, – сказал Страйк. – Просто мне сказали, что Ноэл здесь работает.

– Вот овца драная.

– Мне-то что: я ее знать не знаю.

Почесывая под мышкой, Дэс мрачно пялился на Страйка, а на расстоянии вытянутой руки от них Жаклин плавно сняла лифчик и теперь бросала через плечо взгляды-молнии на дюжину зрителей.

– Да еще брешет как собака. Никогда этот паразит в спецназе не служил, никогда! – со злостью выпалил Дэс.

– Это он тебе наплел?

– Нет, она, Алисса. Кому он там нужен, пень трухлявый? – Он сузил глаза. – Да если б только это.

– А что еще? К примеру?

– Это уж мое дело. Так ей и передай. Припадок – это фигня. Пусть Миа ей расскажет, почему я его обратно не взял. И еще скажи: если она снова что-нибудь с моей машиной сделает или дружков своих ко мне подошлет, я ее, гадину, по судам затаскаю. Так и передай!

– Резонно, – заметил Страйк. – А адрес есть?

– Слушай, отвали, а? – рявкнул Дэс. – Катись отсюда!

Склонившись к микрофону, диджей с профессиональной ухмылкой провозгласил: «Супер!» – когда Жаклин в алом свете начала трясти грудью в такт музыке, потом жестами велел Страйку убираться и повернулся к стопке винила. Смирившись с неизбежным, Страйк позволил довести себя до дверей. Никто этого не заметил: вниманием публики по-прежнему владели Жаклин и экранный Лионель Месси. В дверях Страйк посторонился, пропуская в бар группу явно подвыпивших молодых людей в костюмах.

– Сиськи! – заорал один, указывая на стриптизершу. – Сиськи!!!

Вышибала не стерпел такого нарушения приличий; возникла небольшая перепалка. Страйк терпеливо ждал, пока улягутся страсти. Когда молодым людям наконец позволили войти, он вышел под первые аккорды «The Only Way Is Up»^[82] певицы Yazz.

Один на один со своими трофеями он чувствовал себя великолепно. Вот доказательство его превосходства, его поразительной способности скользить мимо обезьян-полицейских и людского стада; он, как полубог, может брать все, что ни пожелает.

Разумеется, у всего есть обратная сторона.

Почему-то у него никогда не бывало стояка в момент убийства. На стадии планирования – да, сколько угодно; порой он возбуждался от одних лишь мыслей о предстоящем деле, отсеивая и воссоздавая разные варианты. Да и после тоже проблем не было, вот как сейчас, когда он сжимал в руке остывшую, резиновую на ощупь, съезжившуюся грудь Келси, которая хранилась у него уже не в холодильнике, а на воздухе. Сейчас-то он был тверд как камень. В морозилке у него лежали пальцы новой жертвы. Он достал первый попавшийся, поднес ко рту и с силой куснул. Представил, что пальцы все еще принадлежат жертве, которая вопит в агонии. Укусил сильнее, смакуя расслоение холодной плоти, неподатливость кости. Все это время он теребил другой рукой резинку своих спортивных штанов... Затем убрал свои трофеи обратно в холодильник, закрыл дверцу и похлопал по ней ладонью, мысленно скалясь: скоро сюда кое-что прибавится. Секретутка была рослой: по его прикидкам, где-то под метр восемьдесят. Но вот загвоздка: она как сквозь землю провалилась. С концами. На работу сегодня не вышла. Он и к Высшей школе экономики подходил, где засек эту платиновую стерву, но в этот раз Секретутки там не было; и в «Корт» заглядывал, и в «Тотнэм». Впрочем, это все временные трудности. Уж он-то ее выследит. В крайнем случае завтра утром на станцию «Уэст-Илинг» сгоняет.

Он приготовил себе кофе и плеснул туда виски из бутылки, которая стояла у него не один месяц. Больше ничего в его убежище, в его святилище, где хранились трофеи, считай, и не было, разве что чайник, пара щербатых кружек, тот самый холодильник – его профессиональный алтарь, старый матрас и порт для айпода. Это все важно. Это составные части ритуала.

Впервые их услышав, он решил: дерьмо, но по мере того, как росла его одержимость низвергнуть Страйка, росла и его любовь к их музыке. Ему нравилось слушать ее в наушниках, когда он следил за Секретуткой, когда чистил ножи. Теперь музыка эта стала для него священной. Строчки из их текстов также стали его религией. Чем больше он слушал, тем острее чувствовал, что эти парни его понимают.

При виде ножа женщины становились очень простыми. Их словно омывало страхом. Была в них какая-то чистота, когда они умоляли сохранить им жизнь. Казалось, что «Культ», как он про себя называл эту группу, все понимает. Все.

Он положил свой айпод на порт и включил одну из самых любимых песен – «Dr. Music»^[84]. Потом направился к раковине с треснувшим зеркалом, к бритве и ножницам – все это инструменты, необходимые для полного преображения.

Эрик Блум пел из динамика айпода:

*Girl don't stop that screamin'
You're sounding so sincere...*^[85]

I sense the darkness clearer...

Blue Öyster Cult. «Harvest Moon»^[86]

Сегодня, первого июня, Робин впервые смогла сказать: «Через месяц я выхожу замуж». Вдруг стало казаться, что второе июля уже очень близко. Портниха в Харрогейте настаивала на завершающей примерке, но Робин понятия не имела, когда сможет вырваться домой. Хорошо хоть с туфлями все было в порядке. Ее мать принимала ответы на свадебные приглашения и постоянно оповещала дочь об изменениях в списке гостей. У Робин было такое ощущение, словно она и не причастна к этой кухне. Утомительные часы наблюдения за квартирой над забегаловкой в Кэтфорд-Бродвей проходили словно в параллельной вселенной, бесконечно далеко от забот о выборе цветов, рассадке гостей и получении двухнедельного отпуска для медового месяца (об этом переживал Мэтью, который втайне от нее готовил поездку и хотел устроить сюрприз).

Робин никак не могла взять в толк, как это она не заметила, что свадьба подкралась так близко. Уже в следующем месяце она станет Робин Канлифф – по крайней мере, так это предполагала. Мэтью, разумеется, не сомневался, что она возьмет его фамилию. В эти дни он был невероятно весел, молча обнимал ее при каждой встрече, не говорил ни слова против ее постоянных задержек на работе, которые подчас отбирали у них и выходные.

Последние несколько дней он подбрасывал ее до Кэтфорда, ему как раз было по пути: компания, в которой он проводил аудит, располагалась в Бромли. Мэтью больше не критиковал презируемый доселе внедорожник, даже когда с трудом переключал передачи или глох на перекрестках: наоборот, он восторгался, как мило было со стороны Линды преподнести им такой замечательный подарок, незаменимый для поездок за город. Вчера, когда они ехали на работу, Мэтью сам предложил вычеркнуть Сару Шедлок из их свадебного списка гостей. Робин догадалась, что ему пришлось собраться с духом уже для того, чтобы затронуть эту тему, ведь одно упоминание имени Сары могло спровоцировать ссору. Какое-то время Робин пыталась разобраться в своих ощущениях, но в конце концов ответила отрицательно.

– Не стоит ее вычеркивать, пусть приходит, – сказала она. – Все нормально.

Если ни с того ни с сего убрать Сару из списка приглашенных, та решит, что Робин только-только прознала о той давней истории, но Робин из гордости предпочитала делать вид, будто Мэтью признался ей давным-давно и это для нее ровным счетом ничего не значило. Однако же когда ее мать (тоже, между прочим, считавшая, что в приготовлениях к свадьбе от Робин мало толку) задалась вопросом, кого бы посадить рядом с Сарой на место Шона – приславшего вежливый отказ университетского друга Мэтью, Робин в свою очередь спросила:

– А Корморан на приглашение откликнулся?

– Нет, – ответила мать.

– А говорил, что откликнется.

– Не хочешь ли ты посадить его с Сарой?

– Да ты что? Конечно нет! – вскинулась Робин.

Наступила тишина.

– Прости, – выдавила Робин. – Прости, мам... Это нервы... Корморана можно посадить с... даже не знаю...

– А его девушка будет?

– Он говорит, что нет. Посади его с кем хочешь, только не с этой стервой... Ну в смысле не с Сарой.

Итак, в самое теплое утро этого сезона Робин томила в ожидании Стефани. Продавцы на Кэтфорд-Бродвей переоделись в футболки и сандалии; темнокожие женщины проходили мимо в ярких головных платках. Робин, в старой джинсовке поверх сарафана, пряталась в давно облюбованном закутке в стене театра и делала вид, будто разговаривает по телефону и приценивается к ароматическим палочкам и свечам на ближайшем лотке.

Сосредоточиться непонятно на чем было сложно. Страйк твердил, что в убийстве Келси подозревает Уиттекера, однако у Робин оставались сомнения. Она все больше склонялась к точке зрения Уордла: Страйк имеет зуб на своего бывшего отчима и вынашивает старые обиды. Время от времени поглядывая на неподвижные занавески в квартире Уиттекера, Робин вспомнила, что Стефани последний раз видели в грузовом фургоне, куда ее силой затолкал Уиттекер; не было никакой гарантии, что сейчас Стефани находится здесь, в квартире.

Робин посокрушалась, что день снова пройдет впустую, и естественным образом переключилась на размышления об истинной причине своего недовольства Страйком, который самолично занимался

поисками Ноэла Брокбэнка. Но ведь Робин подспудно ощущала свою причастность к розыску Брокбэнка. Не изобрази она с таким успехом Венецию Холл, они бы так и не узнали, что Брокбэнк живет в Лондоне; не догадайся она, что Найл – это и есть Ноэл, их поиски никогда не привели бы в «Сарацин». Даже тот жутковатый низкий голос («Мы знакомы, девочка?») был своего рода связующим звеном между ними.

В ноздри лезла смесь запахов сырой рыбы и ладана, которая теперь ассоциировалась у Робин с Уиттекером и Стефани. Подобно тому как лиса возвращается к мусорному баку, ее мысли неумолимо возвращались к Захаре – маленькой девочке, ответившей на мобильный Брокбэнка. С той поры Робин не могла выбросить ее из головы и, когда Страйк вернулся из стрип-клуба, в деталях расспросила его о матери этой девочки. Он рассказал, что пассия Брокбэнка, Алисса, – негритянка, так что, по всей вероятности, Захара тоже темнокожая. Видимо, она была похожа на девчушку с тугими косичками, которая сейчас не спеша брела по улице, крепко держась за мамин указательный палец, и смотрела на Робин серьезными темными глазами. Робин ей улыбнулась, но малышка не ответила тем же, а по-прежнему внимательно разглядывала Робин, проходя мимо. Робин продолжала улыбаться, но девочка, выворачивая шею чуть ли не на сто восемьдесят градусов, чтобы не потерять зрительного контакта, вдруг споткнулась о свои же сандалии, упала и расплакалась. Мать невозмутимо подхватила ее на руки и куда-то понесла. Чувствуя свою вину, Робин продолжила наблюдение за окнами Уиттекера под затихающие в отдалении всхлипы девочки.

Захара почти наверняка жила в той квартире в Боу, о которой рассказывал Страйк. По-видимому, ее мать была недовольна этой квартирой, хотя Страйк сказал, что одна из девушек...

– Ну конечно! – прошептала Робин в волнении. – Конечно же!..

Страйку, разумеется, такое бы и в голову не пришло, ведь он мужчина! Робин сжала в руке телефон и ключи.

В Боу было семь детских садов. Машинально теребя в кармане телефон, взбудораженная своими мыслями, она снова начала бродить от лотка к лотку, время от времени бросала взгляды на окно Уиттекера и его намертво закрытую дверь, но при этом думала только о розыске Брокбэнка. Она рассмотрела не один вариант: можно понаблюдать за каждым из семи детских садов и дожидаться, когда темнокожая женщина придет за девочкой по имени Захара (и как, интересно, узнать, та ли это женщина и та ли девочка?), или... или... Робин рассеянно остановилась у лотка, торгующего

этническими украшениями; все ее мысли занимала Захара.

Вдруг, совершенно случайно подняв глаза от пары сережек, украшенных перьями и бусами, Робин увидела, как из соседней с забегаловкой двери выходит Стефани, которую Страйк в свое время описал очень точно. Бледная, с красными, как у кролика, глазами, моргая от яркого света, Стефани нажала на дверь, ввалилась внутрь и двинулась к прилавку. Пока Робин собиралась с мыслями, Стефани, слегка ее задев, уже прошла обратно с банкой колы и исчезла за белой дверью.

Дьявольщина!

– Ну ничего, – час спустя сказала Робин по телефону Страйку. – Она все еще там. У меня не было возможности что-либо сделать. Она зашла и через пару минут вышла.

– Не расслабляйся. Она может снова выйти. По крайней мере, мы теперь знаем, что она в сознании.

– Есть подвижки с Лэйнгом?

– Пока нет. Мне пришлось вернуться в офис. Грандиозная новость: мистер Повторный меня простил. Только что ушел. Нам нужны деньги – не мог же я отказаться.

– Боже! Как ему удалось так скоро найти себе подругу?

– Пока не удалось. Он хочет, чтобы я проверил одну приглянувшуюся ему танцовщицу и узнал, есть ли у нее ухажер.

– Почему он не может просто спросить у нее сам?

– Он спрашивал. Она говорит, что ни с кем не встречается, но женщины, Робин, – это коварные, лицемерные твари, пора бы знать.

– Ну да, конечно, – вздохнула Робин. – Слушай, совсем забыла... У меня есть идея насчет Бр... Постой, тут что-то происходит.

– Все в порядке?

– Да. Подожди-ка...

Рядом с ней затормозил грузовой фургон. С прижатым к уху телефоном Робин обошла его вокруг. Насколько она заметила, у водителя была стрижка ежиком, но солнечные блики, отражавшиеся от лобового стекла, не давали разглядеть черты лица. На тротуаре появилась Стефани; крепко обхватив себя руками, она перебежала улицу и забралась в фургон через заднюю дверцу. Изображая разговор по телефону, Робин посторонилась. Ее глаза встретились с темными полуприкрытыми глазами водителя.

– Стефани уехала в старом фургоне, – сообщила она Страйку. – Водитель не похож на Уиттекера. Он какой-то смешанной расы, тут было плохо видно.

– Значит, мы убедились, что Стефани при деле. Наверное, отправилась заработать для Уиттекера денег.

Робин старалась не обращать внимания на его будничные тон. Страйк, напомнила она себе, в свое время освободил Стефани из тисков Уиттекера одним ударом под дых. Она помедлила, глядя в окошко газетного киоска. Мимолетная, казалось бы, королевская свадьба все еще маячила перед глазами. За спиной продавца-азиата висел британский флаг.

– На что мне переключиться? Могу подменить тебя в Уолластон-Клоуз, если ты обессилел после встречи с новой подружкой мистера Повторного. Это всего... Ой! – вырвалось у Робин.

Едва она повернулась, собираясь уйти, как на нее налетел рослый мужчина с козлиной бородкой, который смачно выругался в ее адрес.

– Прошу прощения, – на автомате произнесла Робин, когда верзила отпихнул ее, чтобы пройти к газетному киоску.

– Что там у тебя? – спросил Страйк.

– Ничего – я в кого-то врезалась. Слушай, я собираюсь в Уолластон-Клоуз.

– Хорошо, – отозвался Страйк, выдержав внушительную паузу. – Но если объявится Лэйнг, попробуй его сфотографировать. Только не увязывайся за ним.

– Я и не собиралась.

– Звони, если будут новости. И если не будет.

Не успела Робин добраться до станции «Кэтфорд», как ее энтузиазм улетучился при мысли о возвращении в Уолластон-Клоуз. Она не могла понять, отчего ей вдруг стало так грустно и тревожно. Может быть, это с голодухи. Решительно настроившись побороть любовь к шоколаду, серьезно угрожавшую ее возможности влезть в свадебное платье, Робин купила на станции неаппетитный энергетический батончик.

В поезде до «Элефант-энд-Касл», жуя эти опилки, Робин вдруг обнаружила, что бессознательно потирает ребра в том месте, куда ее толкнул верзила с козлиной бородкой. То, что на тебя орут случайные прохожие, – обычная цена за жизнь в Лондоне. В Мэссеме на нее никогда бы не повысили голоса.

Вдруг что-то заставило Робин оглянуться по сторонам, но верзила ни поблизости, ни вообще в вагоне с редкими пассажирами не было; из соседних вагонов за ней тоже никто не наблюдал. Она задумалась об утреннем происшествии: ей, безусловно, изменила обычная бдительность, усыпленная примелькавшимся районом и мыслями

о Брокбэнке и Захаре. Робин мучилась от мысли, что недосмотрела, не заметила того, кто, как ей показалось, следил за ней самой... Но это уже паранойя. В то утро Мэтью подкинул ее на «лендровере»; каким образом убийца мог увязаться следом? Разве что поджидал в автомобиле на Гастингс-роуд...

Как бы то ни было, решила Робин, впредь нельзя допускать подобной беспечности. Сойдя с поезда, она заметила высокого темноволосого мужчину, идущего чуть позади; она нарочно остановилась, давая ему пройти вперед; он на нее даже не взглянул. «У меня точно паранойя», – подумала Робин, выбрасывая в урну недоеденный батончик.

К подъезду нужного многоквартирного дома в Уолластон-Клоуз Робин добралась в половине второго. Квартал «Страта» возвышался над этой развалиной, как посланник из будущего. Длинный сарафан Робин и ее старая джинсовка отлично подходили для рынка в Кэтфорде, но сейчас придавали ей студенческий облик. Тем не менее она, снова изображая разговор по мобильному, по привычке глянула вверх, и сердце у нее дрогнуло.

Что-то изменилось. Занавески были отдернуты. Стараясь теперь быть сверхвнимательной, Робин не останавливалась – на случай, если он смотрит из окна, – а сама искала затемненное место, откуда можно будет продолжить наблюдение за балконом. Она была так поглощена выбором места и поддержанием непринужденного вида, что совершенно не смотрела под ноги.

– А-а-ай! – пронзительно закричала Робин, потому что правая нога заскользила куда-то вперед, левая запуталась в длинном сарафани, а сама она едва не села на шпагат и в конце концов выронила мобильный. – Вот черт! – простонала Робин.

Она вляпалась то ли в блевотину, то ли – еще того хуже – в понос. Теперь эта гадость, вязкая, комковатая, желтовато-коричневая, осталась на сарафани, на босоножках и даже на руке.

Поблизости заржал какой-то мужик. Робин, униженная, злая, не сразу посмотрела в ту сторону: она пыталась встать, не запачкавшись еще больше.

– Прости, детка, – сказал позади нее мягкий голос с шотландским акцентом.

Она обернулась – и словно получила удар током.

Несмотря на теплую погоду, прохожий был в шапке-ушанке, в красно-черном клетчатом пиджаке и джинсах. Своим солидным весом он опирался

на два металлических костыля. Мужчина смотрел на Робин, все еще скаля зубы. Его бледные щеки, подбородок и мешки под маленькими темными глазками уродовали глубокие оспины; толстая шея переваливалась через воротник. На одной руке у него висел полиэтиленовый мешок, вроде как с овощами. Робин увидела кончик татуировки-кинжала, который – как ей уже было известно – пронзал желтую розу на предплечье. Татуированные капли крови сбегали по запястью, как настоящие.

– Тебе бы себя в порядок привести, – заметил он, еще шире оскалившись и указывая на ее босоножки и подол сарафана.

– Да, – ответила Робин; ее затрясло. Она нагнулась за телефоном: экран был разбит.

– Я тут близко живу, – сказал мужчина, кивком указывая на квартиру, за которой Робин наблюдала уже месяц. – Хочешь – заходи, почисти перышки.

– Ой нет, что вы! – запротестовала Робин, ни жива ни мертва. – Но все равно спасибо.

– Да не за что, – отозвался Дональд Лэйнг.

Его взгляд скользнул по телу Робин. Оно покрылось гусиной кожей, словно от его прикосновения. Повернувшись на костылях, Лэйнг собрался уходить, нелепо болтая пакетом. Робин приросла к месту, чувствуя, как к лицу приливает кровь. Он не обернулся. Уши его шапки болтались, как у спаниеля, пока он, удручающе медленно, уходил из поля зрения.

– О господи, – прошептала она.

Рука и колено пульсировали от боли; Робин бессознательно убрала с лица волосы и по запаху только теперь с облегчением поняла, что желто-коричневая кучка – это всего лишь карри. Поспешив завернуть за угол, чтобы из окна ее не увидел Дональд Лэйнг, она достала свой разбитый телефон и позвонила Страйку.

Жара, опустившаяся на Лондон, была его врагом. Когда ходишь в футболке, негде спрятать ножи, а шляпа и высокий воротник, которые он использовал для маскировки, просто исключаются. Оставалось только схорониться в том месте, о котором Чудо не знало, и в бессильной злобе ждать.

В воскресенье погода наконец переменилась. Искушенные солнцем парки умывал дождь; на лобовых стеклах машин танцевали дворники; туристы надели пластиковые накидки и перешагивали через лужи.

Взволнованный и решительный, он по самые брови натянул шляпу и облачился в свою особую куртку. При ходьбе ножи, вложенные в глубокие самодельные карманы за подкладкой, толкали его в ребра. На столичных улицах народу оказалось не меньше, чем в тот раз, когда он прирезал путану, чьи пальцы сейчас хранились в морозильнике. Туристы и лондонцы сновали повсюду, как муравьи. Накупили себе зонтов и шляп с изображением британского флага. Несколько ротозеев он оттолкнул прочь с дороги, чисто для забавы.

Зуд убийства становился нестерпимым. Прошло уже несколько дней, отлучка от Чуда постепенно заканчивалась, а Секретутка все еще разгуливала целой и невредимой. Он часами искал, выслеживал – и надо же: она возникла прямо перед ним средь бела дня, эта бесстыжая стерва; но вокруг было полно лишних глаз.

Отсутствие самоконтроля, как сказал бы этот сраный психиатр, узнай он, каково ему было на нее наткнуться. Отсутствие самоконтроля! Да он при желании мог отлично контролировать свои действия (нечеловеческий ум позволил ему прикончить трех и покалечить одну, а легавые и не разнюхали, так что пошел ты в жопу со своими диагнозами, тупорылый мозгоправ), но когда, после стольких пустых дней, он увидел ее прямо перед собой, им овладело желание нагнать на нее страху: подойти ближе, *очень* близко, так близко, чтобы учуять запах, сказать пару ласковых, заглянуть в перепуганные глаза.

Между тем она с важным видом уплыла, а он в этот раз не решился двинуться следом, но упустить ее было бы смерти подобно. Ей место у него

в холодильнике, расфасованной по сверткам. А ему давно пора бы увидеть ее физиономию, перекошенную от исступленного, смертельного ужаса, какой настигает всех, кто оказывается безраздельно в его власти, становится его игрушками.

И вот он брел под прохладным дождем, а внутри все горело, потому как было уже воскресенье и она снова ускользнула, умотала туда, где он не мог ее достать, ведь рядом все время ошивался Красавчик. Сейчас требовалось больше свободы маневра, гораздо больше. А дома постоянно торчит это Чудо: следит, докапывается – вот где настоящая помеха. Пора все менять. Он и так уже пинками отправил Чудо на заработки. Навесил лапшу, что, дескать, ему халтурку предложили. Если совсем припрет, он и воровать пойдет, чтоб наличка была, а вид сделает, что заработал, – уже сто раз так делал. Развяжет себе руки, не пожалеет времени, чтобы уж точно быть рядом, когда Секретутка окажется без охраны, без посторонних глаз и свернет не туда.

Прохожие виделись ему безжизненными, как торговые автоматы. Тупые, тупые, тупые... А он, куда бы ни шел, присматривал себе ту, которая сгодится для следующего раза... Не Секретутку, нет, потому что эта стерва укрылась за белой входной дверью вместе с Красавчиком, а какую-нибудь подвыпившую дуреху, чтоб согласилась на небольшую прогулку с мужчиной, у которого за подкладкой ножи. Перед возвращением к Чуду ему требовалось замочить еще одну, настоятельно требовалось. Только это могло дать ему точку опоры, когда он перед Чудом будет изображать любимого мужчину. Его глаза поблескивали из-под шапки, выискивая что-нибудь подходящее, но женщины шли с мужчинами, женщины вели за руку детей, а одиноких все не попадалось...

До наступления сумерек он отмахал приличный путь мимо пабов, где смеялись и флиртовали мужчины и женщины, мимо ресторанов и кинотеатров, высматривая, выслеживая с терпением охотника. В этот воскресный час заканчивался короткий рабочий день, но труженики погоды не делали: на улицах и без того было полно народу – туристов и провинциалов, привлеченных историей и загадками Лондона...

Близилась полночь, когда его наметанный взгляд выхватил их, словно грибы из высокой травы: на тротуаре выписывала кренделя кучка горластых, подвыпивших девиц. Убогая, обшарпанная улочка, где никого не удивляли пьяная толкотня и бабьи крики, была для него как подарок. С расстояния нескольких метров он следил, как они проходят под уличными фонарями, толкают друг дружку и хохочут – все, кроме одной. С виду самая молодая, та напилась больше всех: вот-вот блеванет,

определил он. Безмозглая шлюха ковыляла на шпильках, отставая от подруг, которые даже не понимали, в каком она состоянии. Гоготали, толкались локтями, все пьяные в хлам. Он как ни в чем не бывало плыл следом.

Если бы ее вывернуло прямо на тротуаре, подружки заметили бы и остановились. А так она даже не могла их окликнуть – мешали рвотные позывы. Расстояние между нею и всей компашкой постепенно увеличивалось. Она шаталась из стороны в сторону, напоминая ему о последней жертве: та тоже щеголяла на высоких каблуках. И должна была бы сдохнуть, чтобы неповадно было составлять фотороботы.

Рядом проезжало такси. Сценарий напрашивался сам собой. Девуцы, вереща и размахивая руками, остановили машину и одна за другой впихнули туда свои толстые задницы. Тогда он втянул голову в плечи и, скрывая лицо, ускорил шаг. В лужах отражались уличные фонари. Зеленый огонек погас, взревел двигатель...

Девуцу бросили одну. Ее качало; она придерживалась рукой за стену дома. Времени было в обрез. Подружки в любой момент могли ее хватиться.

– Что с тобой, милая? Тебе плохо? Иди сюда. Умница. Все будет нормально. Вот сюда.

Как только он потянул девуцу за собой, ее вырвало. Она согнулась пополам от спазма и слабо попыталась высвободиться; рвотные массы брызгали на одежду и мешали говорить.

– Грязная тварь, – прорычал он; одна рука уже сжимала под курткой нож.

Он с силой тащил ее в темный проем между секс-шопом и секонд-хендом.

– Нет, – выдохнула она, но захлебнулась рвотой и опять согнулась.

Через дорогу открылась какая-то дверь, и на ступени крыльца упал свет. На тротуар, смеясь, высыпали люди.

Он толкнул ее к стене и стал целовать, не давая вырваться. От нее мерзко воняло блевотиной. Дверь на противоположной стороне улицы закрылась, людской гогот прошел мимо, голоса эхом растворились в тишине ночи, свет погас.

– Вот засранка! – с отвращением бросил он, отрываясь от зловонных губ, но все так же прижимая ее к стене.

Она сделала вдох, чтобы закричать, но он уже вонзил приготовленный нож глубоко между ее ребер, причем с легкостью, не то что в прошлый раз, когда девка упорно сопротивлялась. Крик так и застыл на слюнявых губах;

перчатка у него на руке мгновенно пропиталась кровью. Девушка конвульсивно дернулась, попыталась что-то сказать, глаза закатились, и все тело, насаженное на нож, обмякло.

– Хорошая девочка, – шепнул он, выдергивая разделочный нож, когда она, умирая, упала ему на руки.

Затащив ее подальше в проем, где скопился приготовленный для вывоза мусор, он раздвинул ногой черные мешки, бросил тело в угол и вытащил тесак. Без сувениров никак нельзя – только время поджимало. В любой момент могла открыться еще одна дверь, шлюшки-подружки могли вернуться на такси...

Он резал и пилил, чтобы наконец положить в карман теплые, сочащиеся кровью трофеи, а потом завалил труп мешками.

На все про все ушло меньше пяти минут. Он ощутил себя королем, богом. И заспешил прочь, надежно спрятав ножи и тяжело дыша прохладным, чистым ночным воздухом; перед возвращением на главную дорогу немного пробежался. Уже в квартале от того места до него издали донеслись хриплые женские выкрики:

– Хизер! Ты где? Вот коза!

– Хизер вас не слышит, – прошептал он в темноту.

Зарываясь лицом в воротник, он кое-как сдерживал хохот, но ликования сдержать не мог. Глубоко в карманах перепачканные пальцы играли с эластичными хрящами и мочками, на которых уцелели пластмассовые серги в виде маленьких рожков с мороженым.

It's the time in the season for a maniac at night.

Blue Öyster Cult. «Madness to the Method»^[88]

Шла вторая неделя июня, погода оставалась прохладной, дождливой и ветреной. Великолепие и пышность королевской свадьбы отступили на второй план; головокружительная волна романтики улеглась, с витрин магазинов исчезли свадебные сувениры и постеры, а столичные газеты вернулись к более приземленным материям, как, например, надвигающаяся забастовка работников метро.

Однако в среду на первых полосах разразился ад. Под мусорными мешками обнаружился труп молодой женщины, и через несколько часов после первого обращения в полицию общественность узнала, что по улицам Лондона рыскает Джек-потрошитель двадцать первого века.

Убийства отличались особой жестокостью, а у столичной полиции, судя по всему, не было никаких зацепок. Сбиваясь с ног, чтобы осветить все подробности дела – отмеченные на картах Лондона места нападений, фотографии трех жертв, – журналисты, видимо, наверстывали упущенное. Ранее они преподнесли убийство Келси Платт как единичный случай безумия и садизма, а следующее нападение, на восемнадцатилетнюю проститутку Лайлу Монктон, и вовсе не получило огласки. Не могла же девчонка, торговавшая собой в день королевской свадьбы, оттеснить с первых полос и экранов новоиспеченную герцогиню.

То ли дело убийство Хизер Сمارт, двадцатидвухлетней работницы ноттингемского жилищно-строительного кооператива. Заголовки напрашивались сами собой, ведь Хизер была сугубо положительной героиней: имела постоянную работу, горела невинным желанием увидеть столичные достопримечательности, встречалась с учителем начальных классов. Накануне того рокового дня Хизер сходила на мюзикл «Король-лев», поела дим-сум в Чайнатауне и сфотографировалась в Гайд-парке на фоне конных гвардейцев. Из этого длинного уик-энда удалось выжать не одну статью о том, как празднование тридцатилетия ее сводной сестры закончилось кровавым убийством на задворках секс-шопа. Раздерганная на цитаты, как и положено самым ходким сюжетам, эта история множилась, подобно амебе, порождая к жизни нескончаемую череду новых

репортажей, очерков и аналитических материалов, каждый из которых встречался протестами общественности. Если кто-то критиковал тягу молодых женщин к алкоголю, то в ответ звучали отповеди за возложение вины на жертву. Если кто-то публиковал леденящую кровь статью о сексуальном насилии, ему тут же напоминали, что в других странах такие нападения случаются гораздо чаще. Если безутешные подружки каялись, что случайно бросили Хизер одну, это вызывало шквал критики в адрес ее непосредственного окружения, что, в свою очередь, вызывало хор голосов в защиту скорбящих девушек.

И за каждой публикацией маячила тень неизвестного убийцы, этого безумца, расчлняющего женские трупы. Представители прессы снова слетелись на Денмарк-стрит в поисках человека, которому прислали отрезанную ногу Келси. Страйк решил, что сейчас самое время отправить Робин в Мэссем на последнюю примерку свадебного платья – давно запланированная поездка ежедневно откладывалась; а сам он, взвалив на себя рюкзак и разрушительное чувство собственного бессилия, перебрался к Нику с Илсой. На случай поступления новых подозрительных почтовых отправлений у агентства на Денмарк-стрит остался полицейский в штатском. Уордл беспокоился, как бы на имя Робин не прислали еще какую-нибудь часть тела.

Придавленный грузом дополнительных обязанностей, связанных с пристальным вниманием средств массовой информации к этому расследованию, Уордл смог встретиться со Страйком один на один только через шесть суток после обнаружения трупа Хизер. Ближе к вечеру Страйк отправился в «Фезерс» и убедился, что Уордл сильно вымотан, но вполне готов поговорить о деле с тем, кто одновременно и стоит в стороне, и разбирается, что к чему.

– Всю неделю дикая запара, – вздохнул Уордл, принимая пинту пива, купленную Страйком. – Веришь: я опять закурил. Эйприл просто в бешенстве.

Сделав большой глоток лагеря, он рассказал Страйку всю правду о том, как нашли тело Хизер. Журналисты, по наблюдениям Страйка, часто противоречили друг другу даже в существенных деталях; все были единодушны лишь в осуждении полиции, неизвестно чем занимавшейся в течение первых двадцати четырех часов.

– И она сама, и подружки ее были в говно, – начал полицейский, со всей прямоотой описывая случившееся. – Четверо втиснулись в такси – ужратые до такой степени, что забыли про Хизер. Проехали всю улицу и только тогда доперли, что ее с ними нет. Таксиста достали: горланили,

вели себя как свиньи. Одна его чуть не убила, когда он отказался разворачиваться посреди дороги. Ругались они долго, минут пять наверное, и только потом он согласился вернуться за Хизер. Приезжают они на ту улицу, где вроде бы ее оставили, но сами-то они из Ноттингема – Лондона, считай, вообще не знают. Хизер как сквозь землю провалилась. Они медленно проезжают по улице, зовут ее из машины. Потом одной померещилось, что вдалеке Хизер садится в автобус. Две вылезают из такси – мозгов-то нету – и во всю прыть за автобусом, орут водителю, чтобы остановился, а две другие этим из машины орут, чтоб возвращались, – надо, мол, гнаться за автобусом на такси. Потом та, что ругалась с таксистом, обзывает его тупым чуркой; он их высаживает на фиг из машины и уезжает. Так что, по сути, – устало заключил Уордл, – причиной тому, что мы не нашли ее по горячим следам, стали алкоголь и расизм. Эти курицы талдычили, что Хизер села в автобус, и мы целый день угробили на поиски женщины в похожей одежде. А потом владелец секс-шопа идет выносить мусор – и видит под грудой мешков труп с отрезанными ушами и носом.

– Ага, значит, это правда, – сказал Страйк.

Изуродованное лицо было единственной подробностью, на которой сошлись все газеты.

– Да, это правда, – уныло отозвался Уордл. – «Шеклуэллский Потрошитель». Один к одному.

– А свидетели?

– Ни одна собака ни фи́га не видела.

– А что с *Devotee* и его мотоциклом?

– Отпадает. – Уордл помрачнел. – У него железное алиби на момент убийства Хизер – гулял у родственников на свадьбе... а насчет двух других – нам нечего им предъявить.

Страйк выжидал: ему показалось, Уордл хочет сказать что-то еще.

– Чтобы только не пронюхали журналисты... – предупредил Уордл, понизив голос, – мы думаем, он совершил еще два убийства.

– Господи... – Страйк не на шутку встревожился. – Когда?

– Давненько, – сказал Уордл. – В две тысячи девятом – нераскрытое убийство в Лидсе. Проститутка из Кардиффа. Зарезана. Расчлененки не было, но забрали цепочку, которую она носила не снимая. Труп выбросили в кювет за городом. Обнаружен только через две недели. Далее: в прошлом году в Милтон-Кинс убита и изуродована некая Сейди Роуч. Арестовали ее бойфренда. Я поднял дело. Родня стояла на ушах, и после рассмотрения апелляции его отпустили. На него нечего было повесить:

выяснили только, что у этой парочки бывали ссоры и что он однажды угрожал какому-то чуваку ножом. Во всех пяти случаях мы посылали запросы психологам и криминалистам. По их мнению, черты сходства позволяли предположить, что это дело рук одного человека. Похоже, у него два ножа: разделочный и тесак. Все жертвы были легкой добычей: проститутки, пьяные, с психическими проблемами... и всех подцепили на улице, кроме Келси. В каждом случае он забирал себе трофеи. Пока рано говорить, даст ли что-нибудь анализ ДНК. Скорее всего, нет. Непохоже, чтобы с кем-либо из них он занимался сексом. Он получает кайф другим способом.

Страйку хотелось есть, но что-то ему подсказывало не прерывать угрюмое молчание Уордла. Полицейский отхлебнул еще пива и сказал, отводя глаза:

– Я сейчас прощупываю твоих злодеев. Брокбэнк, Лэйнга и Уиттекера.

Своевременно, мать твою.

– Брокбэнк – интересный тип, – продолжал Уордл.

– Вы его нашли? – Страйк застыл, не донеся пиво до рта.

– Пока нет, но мы знаем, что еще месяц с небольшим тому назад он регулярно появлялся в одной брикстонской церкви.

– В церкви? Ты уверен, что это один и тот же мужик?

– Рост высокий, бывший военный, бывший регбист, подбородок вытянутый, ушная раковина изуродована, один глаз вдавлен, волосы темные, стрижка короткая, – отбарабанил Уордл. – Зовут Ноэл Брокбэнк. Где-то под два метра. В речи заметен северный говор.

– Он, – подтвердил Страйк. – Но какая, нахрен, церковь?

– Я сейчас, – вставая, сказал Уордл. – Отлить надо.

«А почему бы, собственно, и не церковь?» – думал Страйк, направляясь к стойке за двумя следующими пинтами. В пабе прибывало народу. Вместе с пивом он отнес за стол меню, но не смог на нем сосредоточиться. «Хористки молоденькие... Не он первый, не он последний».

– Это очень кстати, – сказал Уордл, возвращаясь к столу. – Схожу перекурю, я мигом...

– Закончи сперва про Брокбэнка, – напомнил Страйк, протягивая ему полный стакан.

– Честно сказать, мы на него случайно вышли, – признался Уордл, садясь на прежнее место и ставя пинту перед собой. – Наш человек следил за мамашей местного наркобарыги. Мы считаем, у нее тоже рыльце в пуху.

Так вот, наш парень пошел за ней в церковь, а там Брокбэнк: стоит в дверях и молитвенники раздаёт. Зацепился языком с нашим парнем, а тот ни сном ни духом, что Брокбэнк в розыске. Проходит месяц. Я в присутствии этого парня завожу разговор насчёт Ноэла Брокбэнка в связи с делом Келси Платт – и он вдруг говорит, что с месяц назад в Брикстоне видел мужика с таким именем. Представляешь? – Уордл изобразил нечто похожее на свою обычную ухмылку. – Как видишь, я к твоим наводкам прислушиваюсь, Страйк. А после дела Лэндри – особенно.

Прислушиваешься, когда с Диггером Мэлли и с *Devotee* у тебя полный облом, подумал Страйк, но восхищенно и благодарно поцокал языком, прежде чем вернуться к основной теме:

– Говоришь, Брокбэнк перестал ходить в церковь?

– В том-то и дело, – вздохнул Уордл. – Я туда вчера наведалься, побеседовал с викарием. Молодой, да ранний, приход в центре города – ну, тебе такие знакомы. – Уордл ошибался: контакты Страйка со служителями культа ограничивались армейскими капелланами. – Сказал, что для Брокбэнка не жалел времени. Якобы у того судьба тяжелая.

– Травма головы, комиссован из армии, потерял семью – вся эта плешь? – спросил Страйк.

– Если коротко, то да, – ответил Уордл. – Еще сетовал, что тоскует по своему сыну.

– Так-так, – мрачно выговорил Страйк. – А викарий знает адрес Брокбэнка?

– Нет, но его сожительница, вероятно...

– Алисса?

Слегка нахмурившись, Уордл полез во внутренний карман куртки, вытащил блокнот и сверился с записями.

– По ходу, так и есть. Алисса Винсент. А ты откуда знаешь?

– Их одновременно выперли из стрип-клуба. Я потом объясню, – заторопился добавить Страйк, пока Уордл опять не отвлекся. – И что там насчёт этой Алиссы?

– Она выбила себе муниципальную квартиру в восточном Лондоне, чтобы жить поближе к матери. Брокбэнк поделился с викарием, что хочет съехаться с ней и с детишками.

– С детишками? – Мысли Страйка метнулись к Робин.

– Вроде у нее две маленькие дочки.

– Нам известно, где находится это муниципальное жилье? – спросил Страйк.

– Пока нет. Викарий сокрушается, что его подопечный больше

не приходит. – Уордл нетерпеливо посматривал в окно на тротуар, где курили двое. – Я из него вытянул, что Брокбэнк был в церкви в воскресенье третьего апреля: в те выходные погибла Келси.

Видя, что Уордл совсем извелся, Страйк предложил вместе выйти и перекурить.

Они зажгли сигареты и пару минут дымили молча. Мимо них в обоих направлениях шли служащие, отсидевшие рабочий день в своих офисах. Сгущались сумерки. Прямо у них над головой, между густой синевой надвигающейся ночи и коралловым неоном заходящего солнца, оставалась узкая полоса бесцветного неба, пресного и пустого воздуха.

– Господи, я уж забыл, что это такое, – сказал, затягиваясь сигаретой, Уордл, как будто речь шла о молоке матери, а потом продолжил начатый разговор: – Стало быть, Брокбэнк приперся в церковь на выходных и стал изображать бурную деятельность. У него, говорят, особый подход к детям.

– Кто бы сомневался, – пробормотал Страйк.

– Это ведь какую наглость нужно иметь, прикинь? – Уордл выпустил дым в сторону противоположного тротуара, не сводя глаз со скульптуры «День» работы Эпстайна, украшавшей старое здание лондонского Транспортного управления; фигурка мальчика, странно искривленная, стояла перед сидящим на троне мужчиной; получалось, что ребенок одновременно и обнимает находящегося позади него короля, и выставляет на всеобщее обозрение свой пенис. – Чтобы убить и расчленив девчонку, а потом как ни в чем не бывало заявиться в церковь?

– Ты католик? – поинтересовался Страйк.

Уордл опешил.

– Допустим, – ответил он. – А что?

Страйк с легкой улыбкой помотал головой.

– Я знаю, что психопату было бы все равно, – сказал Уордл с оттенком настороженности. – Просто... короче, наши ребята сейчас устанавливают адрес. Поскольку дом муниципальный, это не составит особого труда, если, конечно, Алисса Винсент – не вымышленное имя.

– Супер, – сказал Страйк.

Полиция располагала возможностями, какие и не снились им с Робин; хотелось бы надеяться, что теперь наконец поступят полезные сведения.

– А что насчет Лэйнга?

– Ты знаешь, – затоптав окурок первой сигареты, Уордл тут же закурил вторую, – на этого у нас кое-что имеется. Проживает один в Уолластон-Клоуз уже полтора года. Получает пособие по инвалидности. На выходных, второго и третьего, мучился бронхитом и даже не мог выйти в магазин.

К нему приезжал помочь его друг, Дикки.

– Тоже красиво, – сказал Страйк.

– Может, так оно и было, – сказал Уордл. – Этого Дикки мы опросили. Он подтверждает каждое слово Лэйнга.

– А Лэйнг не удивился, что полиция задает вопросы о его перемещениях?

– Вначале прибалдел.

– Он что, впустил вас в квартиру?

– Этого не потребовалось. Мы его перехватили, когда он на костылях выходил с парковки, а под конец сводили в ближайшее кафе.

– В эквадорское, под железнодорожным мостом?

Уордл впился в Страйка пристальным взглядом; детектив сохранял хладнокровие.

– Ты и этого пасешь, так, что ли? Не переходи нам дорогу, Страйк. Он наш.

Страйк мог бы ответить, что к розыску троицы его подозреваемых Уордл отнесся всерьез лишь тогда, когда попал под обстрел прессы и облажался со своими собственными версиями. Но он прикусил язык.

– Лэйнг не так уж глуп, – продолжал Уордл. – Он очень быстро смекнул, что к чему. Допер, что это ты нас на него навел. Из газет он знал, что тебе прислали отрезанную ногу.

– И как отреагировал?

– Зачем, дескать, хорошего мальчика обидели? – усмехнулся Уордл. – Но в принципе – как и следовало ожидать. В меру любопытства, в меру настороженности.

– По нему видно, что он нездоров?

– Еще как! – сказал Уордл. – Он же не знал, что мы приедем, но опирался на костыли. Вблизи довольно плох. Глаза красные. Кожа вроде как потрескалась. Развалина, можно сказать.

Страйк не ответил. Он не верил в этот затяжной недуг. Вопреки однозначному фотосвидетельству приема стероидов, признаков кожного заболевания и бляшек, которое Страйк видел собственными глазами, его почему-то не убеждала мысль о тяжелом состоянии Лэйнга.

– Чем он занимался, когда были убиты три другие женщины?

– Говорит, сидел дома один, – сказал Уордл. – Ни подтвердить, ни опровергнуть.

– Ну-ну.

Они вернулись в паб. Их столик заняла парочка, так что они нашли другой, у большого окна, выходящего на улицу.

– А что насчет Уиттекера?
– Пересекались вчера вечером. Он типа роуди у какой-то группы.
– Ты в этом уверен? – недоверчиво переспросил Страйк, вспоминая, как Штырь утверждал, что Уиттекер только вид делает, а на самом деле живет за счет Стефани.

– Да, уверен. Мы навестили его подружку-наркоманку...
– Заходили в квартиру?
– Она говорила с нами у двери, что неудивительно, – сказал Уордл. – В квартире воняет. Короче, она сказала, что его нет, что он куда-то с ребятами пошел, и дала нам адрес точки, где мы его и нашли. Снаружи припаркован древний грузовой фургон, а группа еще древнее. Слышал о *Death Cult*?^[89]

– Не имел счастья, – сказал Страйк.
– И хорошо: фуфло полное, – сказал Уордл. – Мне пришлось полчаса слушать, как они рубятся, прежде чем удалось добраться до Уиттекера. Подвал паба в Уондсворте. У меня потом сутки в ушах гудело. Можно было подумать, Уиттекер нас ожидал, – продолжил Уордл. – Тем более что пару недель назад он столкнулся с тобой у своего фургона.

– Я же сам тебе об этом рассказывал, – напомнил Страйк. – Дым от крэка...

– Да-да, – сказал Уордл. – Слушай, я бы с ним держал ухо востро, если один раз его уже чуть не закрыли, но Стефани подтверждает его алиби на день королевской свадьбы, так что проститутку в Шеклуэлле он порезать не мог, а сам он утверждает, что в дни убийства Келси и Хизер был на гастролях с *Death Cult*.

– Алиби на все три убийства, да? – уточнил Страйк. – Ловко. А *Death Cult* подтверждают, что он был с ними?

– Честно говоря, не уверен, – сказал Уордл. – У вокалиста вообще слуховой аппарат. Не знаю, все ли он понял, о чем я его спрашивал. Не волнуйся, мои ребята проверяют их показания, – добавил он, когда Страйк нахмурился. – Мы выясним, был ли он там, где говорит.

Уордл зевнул и потянулся.

– Мне надо вернуться в управление, – сказал он. – Может, придется и ночью работать. Сейчас к делу подключились журналисты, так что к нам поступает куча информации.

Страйк уже зверски проголодался, но в пабе было шумно, а ему хотелось за едой поразмыслить. Они с Уордлом вместе пошли к проезжей части, на ходу закуривая.

– Психолог кое-что прояснил, – сказал Уордл, пока в небе над ними

разворачивалось темное полотно. – Серийные убийцы, они чаще всего действуют спонтанно, просто используя удобный случай. А у этого четкий почерк: он, похоже, все тщательно планирует, а иначе как ему бы удавалось всякий раз выходить сухим из воды... Однако в случае с Келси замечен отход от привычной схемы. Он точно знал, где она живет. Эти письма плюс его уверенность, что в квартире никого не будет, – все указывает на продуманную подготовку. Беда в том, что картинка у нас сложилась – лучше некуда, а улики, подтверждающих, что один из троих тесно общался с Келси, как не было, так и нет. Мы буквально прошерстили ее ноутбук и ничего не нашли. О твоей ноге она говорила только с этими чудиками – Джейсоном и Бурей. Друзей у нее, считай, не было, разве что немногочисленные подружки. В телефоне тоже не нашлось ничего подозрительного. Насколько нам известно, никто из твоих подозреваемых не жил и не работал ни в Финчли, ни в Шепердс-Буше, не говоря уже о местах рядом с ее школой и колледжем. Нам неизвестно, чтобы они поддерживали знакомство с кем-нибудь из ее окружения. Как, черт возьми, кто-то из них мог сблизиться с ней настолько, чтобы ею манипулировать и чтобы семья при этом ничего не замечала?

– Мы знаем, что она врала как дышала, – сказал Страйк. – Не забывай о вымышленном бойфренде, который оказался вполне себе реальным, когда забирал ее из «Кафе-Руж».

– Да, – вздохнул Уордл. – У нас до сих пор нет ни одной зацепки по этому долбаному байкеру. Мы дали прессе его описание, но без толку... Как твоя напарница? – неожиданно спросил он, остановившись перед стеклянными дверьми своего управления, но явно настроенный докурить сигарету до последнего миллиметра. – Не сильно перепугана?

– Нормально, – ответил Страйк. – В Йоркшир поехала, на примерку свадебного платья. Я заставил ее взять отгулы: она в последнее время много работала по выходным.

Робин уехала безропотно. Ради чего было оставаться, если на Денмарк-стрит торчали журналисты, оплачиваемый заказ в разработке был один-единственный, а полиция сейчас раскручивала Брокбэнка, Лэйнга и Уиттекера эффективнее, чем могло бы агентство?

– Удачи, – сказал Страйк, и они с Уордлом расстались.

На прощание полицейский уважительно поднял руку и скрылся в этом большом здании, перед которым стоял четырехгранный камень с надписью «Новый Скотленд-Ярд».

Страйк зашагал обратно к метро, мечтая съесть кебаб и обдумывая вопрос, которым озадачил его Уордл. Каким же способом кто-то

из подозреваемых мог настолько сблизиться с Келси Платт, чтобы узнать о ее передвижениях?

Он подумал о Лэйнге, одиноко живущем в Уолластон-Клоуз на пособие по инвалидности: грузный, с нестабильной психикой, на вид гораздо старше своих тридцати четырех лет. Когда-то в нем было обаяние. Осталась ли у него харизма, способная так увлечь юную девушку, чтобы она разъезжала с ним на мотоцикле и доверчиво принимала у себя в Шепердс-Буше, в квартире, о которой не знали ее родные? А Уиттекер, провонявший крэком, с черными зубами и редящими спутанными волосами? Пусть он прежде обладал неким гипнотическим очарованием и, кажется, подчинил себе тощую наркоманку Стефани, но для Келси кумиром оставался симпатичный блондин, старше ее всего на несколько лет. И наконец, Брокбэнк. Страйку этот грузный, мрачный экс-регбист сразу показался отталкивающим – полная противоположность милашке Найаллу. Брокбэнк жил и работал далеко от дома и работы Келси, и хотя оба посещали службы, их церкви стояли на разных берегах Темзы. Полиция, безусловно, уже нашла бы любые контакты между двумя приходами.

Неужели отсутствие связи между Келси и тремя подозреваемыми Страйка исключало, что кто-то из них и есть убийца? Хотя логика и говорила «да», какой-то упрямый внутренний голос продолжал нашептывать Страйку «нет».

I'm out of my place, I'm out of my mind...

Blue Öyster Cult. «Celestial the Queen»^[90]

Для Робин поездка домой окрасилась чрезвычайно странным ощущением нереальности. Казалось, она ни с кем не может шагнуть в ногу, даже с матерью, которая с головой ушла в свадебные приготовления и, сочувствуя дочери, то и дело проверявшей мобильный на предмет новых сообщений о Шеклуэллском Потрошителе, все же была изрядно замотана.

В знакомой кухне, где ей в ноги уткнулся Раунтри, на выскобленном до белизны деревянном столе между Робин и Линдой был разложен план рассадки; только сейчас Робин прочувствовала, до какой же степени халатно относилась к свадебным приготовлениям. Линда без умолку бомбардировала дочку вопросами насчет розеток, тостов, туфель подружек невесты, ее прически, когда будет удобно переговорить с викарием, по какому адресу им с Мэттом направлять подарки, приглашать ли тетюшку Сью со стороны жениха за главный стол или нет. Робин надеялась, что дома ее будет ждать покой. Вместо этого ее одолевала, с одной стороны, лавина мешанских маминых вопросов, а с другой – канонада расспросов ее брата Мартина, который въедливо изучал все сообщения о найденном теле Хизер Сمارт. В конце концов Робин взбунтовалась от его патологического интереса ко всяким зверствам, после чего измученная Линда запретила в доме любые упоминания убийцы. Мэтью злился, хотя старался этого не показывать, что Робин до сих пор не удосужилась попросить у Страйка двухнедельный отпуск для медового месяца.

– Я уверена, с этим проблем не будет, – говорила ему Робин за ужином. – Текущей работы у нас практически нет, а все наводки забрала полиция.

– Он, между прочим, еще не подтвердил, – сказала Линда, неодобрительно отмечая, как мало Робин ест.

– Кто? – не поняла Робин.

– Страйк. Не прислал официального подтверждения.

– Я ему напомню, – пообещала Робин, делая большой глоток вина.

Никому, даже Мэтью, она не признавалась, что ее преследуют ночные кошмары, от которых она, задыхаясь, просыпается в темноте, когда

вынуждена спать на той же кровати, что и после изнасилования. В этих кошмарах на нее нападает грузный злодей. Иногда он врывается к ним в агентство. Но чаще маячит в сумерках на окраинах Лондона, пряча под курткой начищенные ножи. В то утро он собирался выколоть ей глаза, а когда она, задыхаясь, вскочила, Мэтью сонно спросил, что она сказала.

– Ничего, – ответила она, убирая со лба мокрые волосы. – Ничего.

Мэтт должен был выйти на работу в понедельник. Судя по всему, он с удовольствием оставлял Робин в Мэссеме, чтобы она помогла Линде с приготовлениями к свадьбе.

В понедельник после обеда мать и дочь встретились с викарием для окончательного обсуждения церемонии. Робин честно старалась сосредоточиться на жизнерадостных предложениях, ободряющих духовных речах, но все время косилась на большого каменного краба, припавшего к церковной стене справа от прохода.

Этот краб завораживал ее с детства. Она не понимала, почему по каменной стене их церкви должен ползать резной краб, и ее любопытство передалось Линде, которая пошла в приходскую библиотеку, изучила архивные документы и торжественно объявила дочери, что краб – это древний геральдический знак рода Скрупов, чей мемориальный щит висел на стене как раз над крабом.

Девятилетнюю Робин такой ответ разочаровал. Вообще говоря, объяснение было для нее не главным. Ей просто нравилось, что она единственная хотела дознаться до истины.

На следующий день она стояла в примерочной, где было зеркало в золоченой раме и пахло новым ковром, когда позвонил Страйк. Робин сразу поняла, что это Страйк, потому что поставила на его номер особый рингтон. Она бросилась к сумке, отчего раздосадованная портниха даже вскрикнула: складки шифона, которые она ловко укладывала заново, вырвались у нее из рук.

– Алло?

– Привет.

По этому скупому приветствию Робин сразу поняла, что случилась какая-то неприятность.

– Господи, неужели еще кто-нибудь умер? – вырвалось у Робин, которая забыла, что портниха сидит на корточках у подола ее платья. Женщина с полным ртом булавок укоризненно посмотрела на Робин.

– Прошу прощения, мне нужно поговорить. Это не тебе, – поспешила добавить она, чтобы Страйк не разъединился. – Прошу прощения, –

повторила Робин, когда за портнихой задернулась портьера примерочной, и, как была в подвенечном платье, присела на табурет. – Я была не одна. Ну, говори: еще кто-нибудь погиб?

– Да, – ответил Страйк. – Но это не то, что ты думаешь. Погиб брат Уордла.

Усталый, перетрудившийся мозг Робин попытался соединить точки, но они отказывались складываться в рисунок.

– К расследованию это не относится, – сказал Страйк. – Его сбил на пешеходном переходе превысивший скорость грузовой фургон.

– Боже... – только и сказала Робин. Она успела позабыть, что смерть наступает вследствие самых разных причин, а не только от руки маньяка, в которой зажат нож.

– У него осталось трое детей и четвертый на подходе. Я только что разговаривал с Уордлом. Кошмарная история.

У Робин, судя по всему, наконец-то включился мозг.

– Значит, Уордл...

– Берет отпуск по семейным обстоятельствам, – ответил Страйк. – Угадай, кого назначили на замену?

– Уж не Энстис ли? – внезапно разволновалась Робин.

– Хуже.

– Неужели... неужели Карвер? – У Робин возникло предчувствие близкого Судного дня.

Один из тех полицейских, кого Страйк умудрился обидеть и обойти в ходе двух своих самых громких расследований, инспектор уголовной полиции Рой Карвер был оставлен позади по всем статьям, а следовательно, обижен больше других. О тех ошибках, которые он допустил в ходе следствия по делу знаменитой фотомодели, выпавшей из окна пентхауса, не писал только ленивый. Многие пресса преувеличила. Вечно потный, с перхотью в волосах и с рябой, багровой, похожей на сосисочный фарш кожей, он питал неприязнь к Страйку еще до того, как частный детектив публично посрамил полицейского, доказав, что тот проглядел убийство.

– Он самый, – ответил Страйк. – Сейчас просидел у меня три часа.

– Господи, в связи с чем?

– Брось, – сказал Страйк. – Ты прекрасно знаешь, в связи с чем. Для Карвера это предел мечтаний: допросить меня по серии убийств. Он разве что не требовал у меня алиби и чуть ли не под микроскопом изучал письма-фальшивки, направленные Келси.

У Робин вырвался стон.

– Но с какой стати Карвера допустили... с его-то послужным списком...

– Как ни трудно в это поверить, но он не всегда был мудаком. Его начальство, видимо, считает, что в деле Лэндри ему просто не повезло. Предполагается, что это временное назначение, пока Уордл не выйдет из отпуска, но Карвер меня уже предупредил, чтобы я не совал свой нос в нынешнее расследование. Когда я спросил, есть ли какие-нибудь подвижки по Брокбэнку, Лэйngu и Уиттекеру, он фактически послал меня подальше с моим сомнением и моими зацепками. Больше мы не сможем получать внутреннюю информацию о ходе расследования, вот увидишь.

– Но он же должен придерживаться той линии, которую начал Уордл, – предположила Робин. – Разве не так?

– Учитывая, что он скорее сам себя оскопит, чем допустит, чтобы я раскрыл какое-нибудь из его дел, следует ожидать, что он использует все мои наработки. Но беда в том, что он, уверяю тебя, объясняет мое раскрытие дела Лэндри чистым везеньем и считает, что троица моих подозреваемых – это чистой воды блеф. Хотелось бы, конечно, разжиться адресочком Брокбэнка до того, как Уордл сдаст дела.

Робин сидела в молчании примерно минуту, пока Страйк излагал ей суть, и портниха сочла, что можно уже и проверить, не готова ли заказчица продолжить подгонку платья, и сунула голову в примерочную. Робин, вдруг сделавшая зверское лицо, нетерпеливо отмахнулась.

– У нас есть адрес Брокбэнка, – торжественно объявила Робин Страйку, когда портьеры примерочной вновь закрылись.

– Что?

– Я не говорила, потому что думала, Уордл с тобой поделится, но на всякий случай обзвонила под именем Алиссы, матери Захары, все районные детские сады. Сказала, что хочу проверить, записан ли у них наш новый адрес. Одна воспитательница зачитала мне адрес по журналу. Живут они на Блонден-стрит, это в Боу.

– Боже правый, Робин, ну и башка у тебя! Супер!

Когда портниха в конце концов смогла вернуться к своей работе, она нашла невесту в куда более радужном настроении, чем ее оставила. Полное равнодушие Робин к подгонке свадебного наряда отравляло портнихе удовольствие от работы. Робин была у нее самой красивой заказчицей, и она надеялась сделать несколько ее фотографий для рекламного буклета.

– Замечательно! – просияла Робин, когда портниха расправила последний шов и они вместе оценили в зеркале, что получилось. – Просто

восторг.

Ей впервые показалось, что платье и вправду выглядит вполне приемлемо.

*Don't turn your back, don't show your profile,
You'll never know when it's your turn to go.*

Blue Öyster Cult. «Don't Turn Your Back»^[91]

Общественность отреагировала очень бурно. «Сейчас мы разрабатываем свыше тысячи двухсот зацепок, и некоторые из них выглядят многообещающими, – заявил инспектор уголовной полиции Рой Карвер. – Нам все еще требуется информация о местонахождении красной „Хонды СВ750“, на которой перевозили часть тела Келси Платт. Мы также готовы побеседовать с теми, кто находился на Олд-стрит ночью 5 июня, когда была убита Хизер Сمارт».

По мнению Робин, короткая заметка, озаглавленная «Полиция ведет активные действия в поисках Шеклуэллского Потрошителя», не оправдывала своего названия, хотя естественно было предположить, что Карвер не станет всерьез делиться с прессой новыми подробностями дела.

Большую часть страницы занимали пять фотографий предполагаемых жертв Потрошителя, с помещенными во врезках подписями, на которых черным шрифтом были напечатаны их имена и подробности их скорбной участи.

Мартина Росси, 28 лет, проститутка, зарезана острым предметом. Похищена цепочка.

Мартина, полная, смуглая женщина, была сфотографирована в белой майке на бретельках. Ее нечеткий снимок выглядел как селфи. С цепочки свисал небольшой талисман в виде сердечка.

Сейди Роуч, 25 лет, помощник администратора, зарезана острым предметом, труп изуродован. Похищены серьги.

Миловидная, со стрижкой под мальчика; серьги в виде тонких колец.

Судя по дате в уголках снимка, он был сделан во время семейного торжества.

Келси Платт, 16 лет, учащаяся, зарезана острым предметом, тело расчленено.

Знакомое невзрачное улыбающееся лицо одетой в школьную форму девушки, которая писала Страйку.

Лайла Монктон, 18 лет, проститутка, порезана острым предметом, отделены пальцы рук. Выжила.

Размытое изображение худощавой девушки, чьи ярко-рыжие, окрашенные хной неопрятные волосы были коротко пострижены, множество пирсингов блестят от вспышки.

Хизер Смарт, 22 лет, сотрудница финансового учреждения, зарезана острым предметом, отделены нос и уши.

Круглолицая, с виду невинная, волнистые волосы неопределенного цвета, веснушки, застенчивая улыбка.

Робин с глубоким вздохом оторвалась от «Дейли экспресс». Мэтью, отправленный с аудиторской проверкой в Хай-Уиком, не смог ее подвезти. Чтобы добраться из Илинга до Кэтфорда, ей пришлось – ни много ни мало – почти полтора часа ехать на перекладных, в поездах, забитых туристами и жителями пригородов, потеющими на лондонской жаре. Сейчас она встала со своего места, направилась к дверям и пошатнулась вместе с остальными пассажирами, когда поезд замедлил ход и сделал очередную остановку – на станции «Кэтфорд-Бридж».

Минувшая неделя в агентстве у Страйка выдалась странной. Детектив, который явно собирался проигнорировать рекомендацию не соваться в расследование Карвера, тем не менее относился к инспектору достаточно серьезно и с осторожностью.

– Если он докажет, что мы ставили палки в колеса полицейскому расследованию, бизнесу нашему конец, – сказал он. – Ясное дело, он в любом случае будет твердить, что я облажался, даже если это не так.

– Почему же мы продолжаем?

Робин выступила в роли провокатора: объяви Страйк, что они бросают свои разработки, она была бы очень сильно расстроена и выбита из колеи.

– А как же иначе: Карвер намерен доказать, что мои подозреваемые – фуфло, а я намерен доказать, что сам он – трепло.

У Робин даже не было возможности от души посмеяться: Страйк приказал ей вернуться в Кэтфорд и проследить за подружкой Уиттекера.

– Опять? – спросила она. – Зачем?

– Ты знаешь зачем. Мне нужно выяснить, сможет ли Стефани обеспечить ему алиби на какие-нибудь из ключевых дат.

– Знаешь что? – сказала Робин, набравшись смелости. – Этот Кэтфорд у меня уже в печенках сидит. Если тебе все равно, я бы лучше занялась Брокбэнком. Давай я попробую вытянуть что-нибудь из Алиссы?

– Есть еще Лэйнг, раз ты так привередлива, – сказал Страйк.

– Он видел меня вблизи, когда я упала, – тут же возразила Робин. – Может, будет лучше, если Лэйнгом займешься ты?

– Я следил за его квартирой, пока тебя не было, – сказал Страйк.

– И?..

– И в основном он сидит дома, но иногда выходит до магазина и обратно.

– Ты ведь уже не считаешь, что он убил, да?

– Я его не сбрасываю со счетов, – сказал Страйк. – Почему тебя так тянет к Брокбэнку?

– Ну, – храбро начала Робин, – мне кажется, я много о нем разузнала. От Холли я узнала его адрес в Маркет-Харборо, а в детском саду – адрес на Блонден-стрит...

– И ты беспокоишься за детей, которые с ним живут, – сказал Страйк.

Робин вспомнила маленькую чернокожую девочку с жесткими косичками, которая споткнулась, пристально глядя на нее на Кэтфорд-Бродвей.

– И что, если так?

– По-моему, лучше тебе заняться Стефани, – сказал Страйк.

Она пришла в такое раздражение, что тут же попросила двухнедельный отпуск, причем несколько грубее, чем планировала.

– Две недели? – Он удивленно вздернул брови. Ему было привычнее слышать, как она просит не уйти, а остаться на работе.

– У меня медовый месяц.

– А, – сказал он. – Точно. Да. Уже скоро?

– Конечно. Свадьба второго.

– И правда, это же... недели через три, что ли?

Ее разозлило, что он забыл.

– Да, – сказала она, встав и потянувшись за курткой. – Если

не затруднит, подтверди, пожалуйста, что приедешь.

Так что она вернулась в Кэтфорд, к людным рыночным рядам, запаху благовоний и сырой рыбы, к тупому многочасовому стоянию под каменными фигурами сидящих медведей над служебным входом в театр «Бродвей».

Робин спрятала волосы под соломенной шляпой и надела темные очки, но все же, заняв позицию напротив тройных окон квартиры Уиттекера и Стефани, не была уверена, что остается неузнанной владельцами палаток. С момента возобновления слежки она дважды увидела девушку, да и то мельком, и в обоих случаях не нашла ни малейшей возможности с ней заговорить. А Уиттекер и вовсе не показывался. Робин прислонилась к прохладной серой каменной стене театра и, зевая, приготовилась к очередному долгому, утомительному дню.

К вечеру ей стало жарко, она вымоталась и пыталась не отвечать матери, которая весь день засыпала ее эсэмэсками с вопросами о свадьбе. В последнем сообщении мать просила ее позвонить флористу, у которого возник еще один сложный вопрос, и пришло оно как раз тогда, когда Робин решила, что ей нужно попить. Представляя, как Линда отреагирует, если ответить ей, мол, невеста решила, пусть везде будут искусственные цветы – у нее на голове, в ее букете, по всей церкви, – что угодно, лишь бы от нее отстали, – Робин дошла до забегаловки, где продавали охлажденные газированные напитки.

Едва она коснулась дверной ручки, как столкнулась с другим покупателем, тоже нацелившимся на эту дверь.

– Извините, – машинально сказала Робин, а потом: – О боже!

Лицо Стефани было припухшим, лиловым, один глаз полностью заплыл.

Столкновение вышло несильным, но сублильную девушку как отбросило. Робин потянулась к ней, чтобы удержать.

– Господи, что с тобой случилось?

Она заговорила со Стефани как добрая знакомая. В каком-то смысле ей казалось, что так и есть. Наблюдая за мелкими, рутинными делами девушки, привыкая к ее телодвижениям и мимике, ее гардеробу и любви к коле, Робин развила в себе некое одностороннее родственное чувство. Сейчас у нее сам собой слетел с языка простой и естественный вопрос, который в Британии не принято задавать чужим:

– Ты в порядке?

Как ей это удалось, Робин сама не поняла, но через две минуты она усаживала Стефани на стул в тенистой прохладе кафетерия «Актерская

дверь», через дом от забежаловки с напитками. Стефани явно мучилась от боли и стыдилась своего вида, но, с другой стороны, так хотела есть и пить, что уже не могла оставаться в квартире. Теперь она просто отдалась на милость незнакомки, пораженная заботой более взрослой женщины и предложением бесплатного перекуса. Пока они шли по улице, Робин несла всякую чушь, поддерживая легенду о том, будто своим альтруистическим предложением бутербродов хотела загладить вину за то, что чуть не сбила Стефани с ног.

Стефани согласилась на холодную «фанту» и бутерброд с тунцом, пробормотала благодарность, но, немного пожевав, прикоснулась рукой к щеке, будто от боли, и отложила бутерброд.

– Зубик? – участливо спросила Робин.

Девушка кивнула. Из ее здорового глаза выкатилась слеза.

– Кто тебя так? – неожиданно спросила Робин, перегнувшись через стол, чтобы взять Стефани за руку.

Она импровизировала и все убедительнее вживалась в роль. Соломенная шляпа и надетый в тот день длинный сарафан безотчетно подсказали ей образ хипповатой человеколюбивой девушки, желающей помочь Стефани. В ответ та слегка сжала ее пальцы, но тут же покачала головой в знак того, что не хочет выдавать обидчика.

– Кто-то из твоих знакомых? – прошептала Робин.

По лицу Стефани слезы хлынули ручьем. Она высвободила руку, отпила немного «фанты» и опять содрогнулась, когда холодная жидкость попала на сломанный, как подумала Робин, зуб.

– Это твой отец? – прошептала Робин.

Такое предположение напрашивалось само собой. Худышке Стефани, почти безгрудой, было не больше семнадцати. Слезы смыли все следы ее привычного макияжа. Чумазое лицо было детским и, казалось, с неправильным прикусом, но в глаза бросались прежде всего синяки – лиловые и серые. Уиттекер отмутузил ее до такой степени, что на правом глазу лопнули сосуды: он превратился в ярко-красную щелочку.

– Нет, – прошептала Стефани. – Парень.

– Где он? – спросила Робин, снова взяв Стефани за руку, которая стала прохладнее от холодной «фанты».

– Уехал, – сказала Стефани.

– Он живет с тобой?

Стефани кивнула и попыталась отпить еще «фанты», стараясь не закрывать рот, чтобы ледяная жидкость не причиняла мучений.

– Я не хоела, чтоы он уходил, – прошептала Стефани.

Робин склонилась еще ближе, и сдержанность девушки вдруг растворилась, подточенная добротой незнакомки и сладким напитком.

– Я прошила оехать ш ним, а он не заотел взять мея ш шобой. Я знаю, что у нео кончилось бухло, я это знаю. У нео кто-то еще, я шлышала, Банджо оворил что-то такое. У нео где-то другая девка.

К удивлению Робин, Стефани больше всего страдала не потому, что у нее сломан зуб и разбито лицо, а потому, что этот грязный наркоторговец Уиттекер спит с другой.

– Я токо хоела оехать ш ним, – повторила Стефани, и слезы покатились сильнее, отчего щелочка на месте глаза стала еще ярче.

Робин знала, что добрая, слегка взбалмошная молодая особа, за которую она себя выдает, стала бы умолять Стефани бросить злодея, который ее избил. Загвоздка была в том, что она боялась ее отпугнуть.

– Он разозлился потому, что ты хотела с ним поехать? – повторила она. – Куда он уехал?

– Говорит, он ш «Культом», как в прошлый раз, – это группа, – пробормотала Стефани, утирая нос тыльной стороной ладони. – Он им гаштроли уштраивает, но это одна видимость... – она зарыдала, – чтоб на одном месте не засиживаться и девок трахать. Я шказала, что поеду, и – он так приказал – всей группе дала ради него.

Робин изо всех сил притворялась, будто вообще не понимает, о чем речь. Однако ее, должно быть, перекосило от злости и отвращения, потому что Стефани – или это только показалось? – вдруг отстранилась. Она не хотела осуждения. Осуждение доставалось ей каждый день.

– Ты не ходила к врачу? – спросила Робин тихо.

– Что? Нет, – сказала Стефани, обхватив себя тонкими руками.

– Когда он должен вернуться, твой парень?

Стефани только покачала головой и пожала плечами. Временная симпатия, которую испытала к ней Робин, пошла на убыль.

– «Культ»... – сказала Робин, соображая на ходу; во рту у нее пересохло. – Это, случайно, не *Death Cult*?

– Да, они самые, – слегка удивилась Стефани.

– А что за концерт? Я ведь их недавно видела!

Умоляю, не спрашивай, где это было...

– В пабе... «Грин-фиддл» или как-то так, в Энфилде.

– А, нет, я на другой концерт ходила, – сказала Робин. – А ваш когда был?

– Надо попихать, – пробубнила Стефани, оглядывая кафе.

Она поплелась в уборную. Когда дверь за ней закрылась, Робин взяла

телефон и стала лихорадочно вбивать поисковые запросы. Нужная информация нашлась не с первой попытки. *Death Cult* выступали в пабе под названием «Фиддлерс-грин» в Энфилде, в субботу четвертого июня, за день до убийства Хизер Смарт.

На улице удлинялись тени; в кафетерии, кроме них двоих, никого уже не осталось. Близился вечер. Кафетерий собирались закрывать.

– Шпашибо за бутерброд и вообще, – сказала Стефани, когда появилась рядом с ней. – Я, пожалуй...

– Съешь что-нибудь еще. Шоколадку, например, – настаивала Робин, хотя официантка, вытирающая со стола, казалось, готова была их вышвырнуть.

– Зачем? – спросила Стефани, выказывая первые признаки подозрения.

– Потому что я правда хочу поговорить о твоём парне, – сказала Робин.

– Зачем? – повторила девчонка, уже немного нервничая.

– Присядь, пожалуйста. Ничего страшного, – уговаривала её Робин. – Я просто переживаю за тебя.

Стефани помешкала, а затем медленно осела на место, которое уже собиралась покинуть. Робин только сейчас заметила глубокий красный след вокруг её шеи.

– Он что, пытался тебя задушить? – встревожилась она.

– Чего?

Стефани потрогала свою тонкую шею; из глаз снова покатились слезы.

– А, это... это моя цепочка. Он мне её подарил, а потом... потому что я мало зарабатываю... – сказала она и расплакалась уже не на шутку, – он её взял да продал.

Не зная, что ещё сделать, Робин взяла обе её ладони в свои, крепко удерживая, будто Стефани ускользала от неё на какой-то движущейся платформе.

– Ты упомянула, что он заставил тебя... со всей группой? – спросила Робин тихо.

– Причём даром, – сказала Стефани, рыдая, и Робин поняла, что Стефани ещё видит в себе способности к зарабатыванию денег. – Я только им отшoshала.

– После концерта? – уточнила Робин, убирая одну руку, чтобы вложить в ладонь Стефани бумажные салфетки.

– Нет, – сказала Стефани, утирая нос, – шледующей ночью. Мы ночевали в фургоне у дома шолишта. Он в Энфилде живет.

Робин ни за что бы не поверила, что можно одновременно испытывать и отвращение, и восторг. Если ночью пятого июня Стефани была

с Уиттекером, Уиттекер не мог убить Хизер Сمارт.

– А он – твой парень – он там был? – спросила она тихим голосом. – Все время, пока ты... ну ты поняла...

– Какого хера тут происходит?

Робин подняла глаза. Стефани с испуганным видом вырвала руку.

Перед ними стоял Уиттекер. Робин сразу узнала его по фотографиям, которые видела в интернете. Он был высок и широкоплеч. Старая черная футболка выцвела практически до серого цвета. Золотистые глаза священника-еретика завораживали своей глубиной. Несмотря на спутанные волосы, осунувшееся желтушное лицо, несмотря на то, что он вызывал у нее отторжение, она все равно чувствовала его странную диковатую ауру, магнетическое притяжение, вроде запаха мертвечины. Он пробуждал тягу – постыдную, но от этого не менее сильную – к неизведанным ощущениям, какую подхлестывает всякая грязь и мерзость.

– Ты кто такая? – спросил он без агрессии, как будто мурлыкая, и без тени смущения заглянул прямо в вырез ее сарафана.

– Я чуть не сбила с ног твою подружку возле забегаловки, – сказала Робин. – И купила ей попить.

– Чего-чего?

– Мы закрываемся, – громко сказала официантка.

Внешность Уиттекера доконала женщину, Робин это заметила. Его тоннели в ушах, наколки, глаза маньяка, запах были бы желанны в крайне малом количестве заведений, продающих еду. Стефани пришла в ужас, хотя Уиттекер даже не смотрел в ее сторону. Его вниманием полностью завладела Робин, которая до смешного смутилась, пока оплачивала счет, а затем встала и вышла на улицу. Уиттекер двинулся следом.

– Ну... пока тогда, – сказала она Стефани слабым голосом.

Ей бы хотелось обладать смелостью Страйка. Он пытался увести Стефани прямо из-под носа Уиттекера, а у Робин вдруг пересохло во рту. Уиттекер буравил ее взглядом с таким видом, будто заметил редкую, причудливую жемчужину в навозной куче. Официантка заперла за ними двери. Закатное солнце разбрасывало холодные тени по улице, которую Робин прежде видела только жаркой и зловонной.

– Сжалилась, да, милая? – негромко спросил Уиттекер, и Робин не могла понять, чего больше в этом вопросе: ехидства или приветливости.

– Скорее, забеспокоилась, – сказала Робин, заставляя себя смотреть прямо в эти широко посаженные глаза, – потому что травмы Стефани выглядят довольно серьезными.

– Это? – Уиттекер коснулся фиолетово-серого лица Стефани. – С велосипеда навернулась, правда, Стеф? Коровенка неуклюжая.

Робин внезапно передалась лютая ненависть Страйка к этому человеку. Она бы тоже с удовольствием ему врезала.

– Надеюсь, еще увидимся, Стефани, – сказала она.

В присутствии Уиттекера она не решилась дать девушке свой номер.

Как самая жалкая трусиха, Робин развернулась и пошла прочь. Стефани готовилась уйти с этим негодяем. Нужно что-то еще для нее сделать, но что? Разве могла Робин хоть как-то изменить положение? Могла ли она подать в полицию заявление о побоях? Как на это посмотрит Карвер?

Пока Робин не скрылась из поля зрения Уиттекера, у нее по спине бегали мурашки. Она вытащила мобильник и позвонила Страйку.

– Я знаю, – сказала она, прежде чем Страйк стал ее отчитывать, – уже поздно, а я только иду к метро, но когда услышишь мои новости, ты поймешь.

Она быстро шагала, дрожа на вечерней прохладе, и пересказывала ему, что услышала от Стефани.

– Так у него алиби? – медленно проговорил Страйк.

– На день убийства Хизер – да, если только Стефани говорит правду, а я искренне думаю, что так оно и есть. Она была с ним – и со всей группой *Death Cult*, как я сказала.

– Стефани однозначно сказала, что Уиттекер там присутствовал, когда она ублажала группу?

– Вроде да. Она только начала отвечать, как появился Уиттекер, и... погоди.

Робин остановилась и поглядела по сторонам. Отвлекаясь на разговор, она свернула где-то не там по пути на станцию. Солнце уже садилось. Ей почудилось, что боковым зрением она уловила тень.

– Корморан?

– Я здесь.

Наверное, показалось. Она стояла в незнакомом переулке, но кое-где горели окна, а вдалеке гуляла парочка. Робин сказала себе, что бояться нечего. Все в порядке. Ей просто нужно вернуться обратно тем же путем.

– Все хорошо? – резко спросил Страйк.

– Нормально, – сказала она. – Я просто не туда свернула, и все.

– Где ты сейчас, конкретно?

– Да все там же, рядом с метро «Кэтфорд-Бридж», – сказала она. – Сама не знаю, как заплутала.

Она не стала упоминать о тени. Осторожно пересекла темнеющую улицу, чтобы не идти мимо стены, за которой вроде бы и видела тень, и, переложив мобильный в левую руку, покрепче сжала тревожный брелок в правом кармане.

– Я возвращаюсь тем же путем, каким пришла, – сказала она Страйку, чтобы он знал, где она.

– Ты что-нибудь видела? – потребовал он.

– Не зн... может быть, – признала она.

Но когда она поравнялась с промежутком между домами, где, как ей показалось, она видела фигуру, там никого не было.

– Я вся на нервах, – сказала она, прибавляя шагу. – Встреча с Уиттекером была не из приятных. Определенно есть в нем что-то... гадкое.

– Где ты сейчас?

– В двадцати футах от того места, о котором ты спрашивал. Погоди-ка, я вижу название улицы. Так, перехожу дорогу, теперь вижу, где неправильно свернула, надо было повернуть...

Она услышала шаги, только когда они были уже прямо за спиной. Вокруг нее сомкнулись две мощные руки в черном, пригвоздив ее к месту и выжимая воздух у нее из легких. Мобильный выскользнул у нее из руки и с треском упал на тротуар.

Do not envy the man with the X-ray eyes.

Blue Öyster Cult. «X-Ray Eyes»^[92]

Страйк, стоявший в тени склада в Боу, наблюдая за Блонден-стрит, услышал в трубке внезапный выдох Робин и стук мобильного о тротуар, а потом звуки борьбы и скольжение ног по асфальту.

Он побежал. Телефонная связь с Робин еще сохранялась, но он ничего не слышал. Пока он бежал в сгущающихся сумерках к ближайшей станции, паника заставила его соображать быстрее и приглушила боль. Ему требовался второй телефон.

– Дай-ка сюда на минуту, приятель! – проорал он паре тощих чернокожих подростков, которые шли навстречу: один, хихикая, болтал по телефону. – Совершается преступление, одолжи телефон!

Он бросился к ним; завидев его габариты и внушительный вид, подросток с боязливым недоумением протянул ему трубку.

– Айда за мной! – гаркнул Страйк, держа курс на более оживленные улицы, где он мог поймать такси, и прижимая к другому уху свой собственный мобильник. – Полиция! – кричал Страйк в чужой телефон; ошарашенные подростки бежали рядом, как телохранители. – У станции метро «Кэтфорд-Бридж» женщина подверглась нападению во время нашего телефонного разговора, вот только что... нет, я не знаю названия улицы, но это один-два квартала от станции – прямо сейчас, я говорил с ней по телефону, когда ее схватили, я слышал, как это случилось... да... быстрее давайте, мать вашу!.. Спасибо, приятель! – тяжело выдохнул Страйк, бросая мобильник его владельцу, который по инерции пробежал рядом еще с десятков метров.

Страйк стремглав влетел за угол; Боу был совершенно незнакомой ему частью Лондона. Он пробежал мимо паба «Колокола Боу», не обращая внимания на резкие толчки в коленных связках, двигаясь неуклюже, поддерживая равновесие одной рукой, а другой прижимая к уху свой молчащий телефон. Потом на другом конце провода завыл сиреной тревожный брелок.

– ТАКСИ! – взревел Страйк, издав издав растущее пятно света. – РОБИН! – заорал он в телефон, уверенный, что она слышит его сквозь вой

сирены. – РОБИН, Я вызвал ПОЛИЦИЮ! ПОЛИЦИЯ УЖЕ ЕДЕТ. ТЫ МЕНЯ СЛЫШИШЬ, ЧЕРТ ПОДЕРИ?

Такси проехало мимо. За порогом «Колоколов Боу» выпивохи устали на придурка с телефоном, ковыляющего что есть мочи, с криками и бранью. Появилось еще одно такси.

– ТАКСИ! ТАКСИ! – проорал Страйк, и автомобиль развернулся, направляясь к нему; в тот же миг у него в ухе раздалось тяжелое дыхание, а потом и голос Робин:

– Ты... ты там?

– БОЖЕ МИЛОСТИВЫЙ! ЧТО С ТОБОЙ?

– Не... кричи...

Неимоверным усилием воли он понизил голос:

– Что случилось?

– Я... не вижу, – сказала она. – Я ничего... не вижу...

Страйк рывком открыл заднюю дверь такси и бросился внутрь.

– Метро «Кэтфорд-Бридж», быстрее! Что значит «не вижу»?.. Что он с тобой сделал? ДА НЕ С ТОБОЙ! – рявкнул он на сбитого с толку водителя. – Давай! Жми!

– Ничего... это все твой дурацкий... сигнал... гадость... по всему лицу... ой черт...

Такси несло по улице, но Страйку приходилось буквально физически себя сдерживать, чтобы не заставить водителя втопить еще сильнее.

– Что случилось? Ты не ранена?

– Н-не страшно... тут люди...

Теперь он их слышал – окруживших ее прохожих, которые перешептывались и возбужденно переговаривались между собой.

– ...в больницу... – слышал он голос Робин как будто издалека.

– Робин?! РОБИН?

– Да не ори ты! – взмолилась она. – Слушай, они вызвали «скорую», так что я...

– ЧТО ОН С ТОБОЙ СДЕЛАЛ?

– Порезал... руку... наверно, придется зашивать... Ох как больно...

– Какая больница? Дай трубку медикам! Я встречу тебя на месте!

Через двадцать пять минут Страйк примчался в травматологическое отделение университетской больницы Луишема, сильно хромя и с таким изможденным видом, что дежурная медсестра пообещала незамедлительно направить его к врачу.

– Нет, – отмахнулся он и с трудом дошел до стола регистрации, – я пришел навестить... Робин Эллакотт, у нее ножевое...

Взгляд его заметался по забитому людьми приемному отделению, где на коленях у матери хныкал маленький ребенок и держался за окровавленную голову стонущий алкаш. Медбрат показывал пожилой даме, как пользоваться ингалятором.

– Страйк... да, есть... мисс Эллакотт предупредила, что вы придете, – сказала регистратор, проверив записи в компьютере с излишней и раздражающей, как показалось Страйку, дотошностью. – По коридору и направо... первая палата.

В суете он слегка поскользнулся на блестящем полу, ругнулся и заспешил дальше. За его крупной, неуклюжей фигурой следили несколько пар глаз: люди гадали, в своем ли он уме.

– Робин? Мать честная!

Ее лицо исказили ярко-красные пятна; оба глаза опухли. Молодой врач, осматривающий рану от запястья до локтя, рявкнул:

– Вон, пока я не закончил!

– Это не кровь! – крикнула Робин, когда Страйк скрылся за занавеской. – Это чертов спрей из твоей сирены!

– Не двигайтесь, пожалуйста, – услышал Страйк слова врача.

Он вышел за порог палаты. Сбоку хранили свои тайны пять других зашторенных коек. По сильно натертому серому полу скрипели подошвы медсестер. Господи, как же он ненавидел больницы: их запах, их казенную чистоту вместе с запашком человеческого разложения, которые немедленно напомнили ему долгие месяцы в «Селли-Оук», куда он угодил, когда потерял ногу.

Что он наделал? *Что он наделал?* Он позволил ей работать, зная, что этот ублюдок на нее нацелился. Она могла погибнуть. Она *должна* была погибнуть. Мимо сновали медсестры в голубых костюмах. За занавеской Робин тихо стонала от боли, и Страйк заскрежетал зубами.

– Что ж, ей чрезвычайно повезло, – сказал через десять минут врач, раздвигая занавески, – что он не перерезал ей плечевую артерию. Однако сухожилие повреждено, и мы только в операционной определим, насколько серьезно.

Он явно посчитал их супружеской парой; Страйк не переубеждал.

– Ей нужна операция?

– Для восстановления сухожилия, – повторил врач Страйку, как слабоумному. – К тому же рану необходимо как следует промыть. И еще сделать рентген грудной клетки.

Он удалился. Взяв себя в руки, Страйк вошел в палату.

– Да, сплеховала по всем статьям, сама знаю, – выдавила Робин.

– Черт подери, уж не думала ли ты, что я буду тебя упрекать?

– Думала, – сказала она, слегка приподнимаясь на койке. Ее рука была временно закреплена на эластичном бинте. – Успело же стемнеть. Забыла об осторожности, да?

Он присел рядом с ней на освобожденный врачом стул и случайно смахнул с тумбочки изогнутый железный лоток. Посудина с лязгом упала и задребезжала на полу, а Страйк наступил на лоток протезом, чтобы унять шум.

– Робин, как ты вообще уцелела?

– Самозащита, – сказала она и в сердцах добавила, правильно прочитав его выражение лица: – Так и знала, ты мне не верил.

– Я-то верил, честно, – сказал он, – но будь я проклят...

– Я брала уроки в Харрогейте у замечательной женщины, которая прошла армию, – сказала Робин, слегка вздрогнув, когда устроилась удобнее на подушках. – После... сам знаешь чего.

– Это было до или после углубленных курсов вождения?

– После, – ответила она, – у меня же некоторое время была агорафобия. На самом деле вождение помогло мне вырваться из своей комнаты, а уже потом я стала брать уроки самообороны. Сначала записалась к мужику одному, но он оказался полным идиотом, – сказала Робин. – Все эти приемы дзюдо – проку от них ноль. А Луиза была великолепна.

– Правда? – только и сказал Страйк.

Из-за ее спокойствия он еще больше нервничал.

– Да, – подтвердила Робин. – Она рассказала нам, что обыкновенной тетке хитрые броски не нужны. Главное – быстро и с умом реагировать. Никогда не давай затащить себя в безлюдный угол. Используй слабое место, а потом беги со всех ног. Он скрутил меня сзади, но я услышала его приближение. Мы тыщу раз тренировали это с Луизой. Если тебя пытаются схватить сзади, надо нагнуться.

– Нагнуться, – бесстрастно повторил Страйк.

– У меня в руке был тревожный брелок с сиреной. Я нагнулась и саданула его этой штуковиной по яйцам. Он был в спортивных штанах. На пару секунд он меня отпустил, но я снова запуталась в этом проклятом сарафане... он выбросил вперед руку с ножом... не помню точно, что случилось потом... знаю, что он меня порезал, когда я пыталась подняться, но мне удалось нажать кнопку, она сработала и спугнула его –

у меня по всему лицу разбрызгались чернила, да и у него, наверно, тоже, потому что он был близко ко мне... на голове у него была балаклава – я плохо разглядела... но когда он надо мной наклонился, я хорошенько приложила к сонной артерии – этому нас тоже научила Луиза, сбоку шеи, можно сбить противника с ног, если правильно ударить, – и он отшатнулся, а потом, кажется, заметил прохожих и убежал.

У Страйка не было слов.

– Ужасно есть хочу, – сказала Робин.

Порывшись в карманах, Страйк вытащил «твикс».

– Спасибо.

Но прежде чем она успела надкусить шоколадную палочку, медсестра, которая вела за собой старичка-пациента мимо изножья ее койки, резко сказала:

– Ни крошки, вам же на операцию!

Закатив глаза, Робин вернула «твикс» Страйку. У нее зазвонил мобильный. Страйк в оцепенении смотрел, как она отвечает на звонок.

– Мам... привет, – сказала Робин.

Их глаза встретились. Страйк прочитал невысказанное желание Робин оградить мать, хотя бы на время, от того, что с ней случилось, но никаких отвлекающих маневров не понадобилось, потому что Линда затараторила, не давая дочери вставить слово. Робин положила телефон на колени, переключила на громкую связь и со страдальческим выражением стала слушать.

– ...сообщи ей как можно скорее, потому что для ландышей сейчас не сезон, так что на них нужно оформлять отдельный заказ.

– Да ну их, – сказала Робин. – Обойдусь без ландышей.

– Хорошо бы ты позвонила ей напрямую и сама сказала, что для тебя предпочтительнее, Робин. Зачем нам испорченный телефон? Она говорит, что оставила тебе кучу голосовых сообщений.

– Извини, мам, – сказала Робин. – Я ей перезвоню...

– Здесь запрещено этим пользоваться! – сказала другая проходящая мимо медсестра.

– Извините, – сказала Робин. – Мне сейчас некогда, мам. Поговорим позже.

– А ты где? – спросила Линда.

– Я... я тебе потом позвоню. – Робин оборвала звонок и взглянула на Страйка. – Не хочешь спросить, кто из них, по моему мнению, это был?

– Думаю, ты не знаешь, – ответил Страйк, – поскольку он был в балаклаве, а тебе залило глаза чернилами.

– В одном я уверена, – сказала Робин. – Это не Уиттекер. Если только он сразу после моего ухода не переоделся в треники. На Уиттекере были джинсы, и он... телосложение не то. Этот злодей был сильный, но какой-то дряблый, понимаешь? Хотя и рослый. Вроде тебя.

– Ты рассказала Мэтью?

– Он скоро...

Лицо Робин исказилось от ужаса. Страйк подумал, что, обернувшись, увидит подступающего к ним мертвенно-бледного Мэтью. Вместо этого у изножья койки Робин появилась всклокоченная фигура инспектора Роя Карвера в сопровождении высокой, элегантно одетой Ванессы Эквензи, сержанта полиции.

Карвер был без пиджака. Под мышками у него проступили большие пятна пота. Из-за постоянно розовых белков его ярко-голубых глаз он всегда выглядел так, словно долго плавал в сильно хлорированной воде. В густых седеющих волосах белели крупные хлопья перхоти.

– Ну, как мы себя... – начала сержант Эквензи, разглядывая руку Робин, но Карвер, не дав ей договорить, обличительно рявкнул:

– А ты что затеял, выкладывай!

Страйк встал со стула. Он сдерживался, но у него давно чесались руки кого-нибудь наказать – кого угодно – за то, что случилось с Робин, найти достойную мишень, на которую можно переложить свое чувство вины и тревоги.

– Надо поговорить, – сказал Карвер Страйку. – Эквензи, сними с нее показания.

Прежде чем кто-либо из них смог ответить словом или движением, между двумя мужчинами безмятежно вклинилась миловидная молодая сестричка, которая с улыбкой обратилась к Робин:

– Пойдемте на рентген, мисс Эллакотт.

Робин с трудом извлекла из койки свое негнущееся тело и взглянула через плечо на Страйка, пытаясь напомнить ему о необходимости сохранять самообладание.

– Сюда, – прорычал ему Карвер.

Детектив последовал за Карвером обратно через травматологическое отделение. Как понял Страйк, Карвер потребовал, чтобы ему отвели небольшой кабинет, где родственникам пациентов сообщали дурные вести. Там было несколько мягких стульев, на тумбочке стояла коробка бумажных носовых платков, а на стене висела абстрактная репродукция в оранжевых тонах.

– Я предупреждал, чтоб ты не совался, – начал Карвер, сложив руки

на груди и прочно расставив ноги.

При закрытых дверях все тесное пространство тут же пропахло его тяжелым духом. От Карвера, впрочем, разило не так, как от Уиттекера: не извечной грязью и наркотой, а всего лишь пóтом, с которым он был бессилён бороться в течение рабочего дня. Его прыщи стали особенно заметными под лампами дневного света. Перхоть, мокрые подмышки, рябая кожа: он зримо разваливался на куски. Несомненно, Страйк приложил к этому руку, когда публично ослабил его в прессе в связи с убийством Лулы Лэндри.

– Девчонку послал Уиттекера отслеживать, точно? – багровея, как ошпаренный, взвился Карвер. – Это ты во всем виноват!

– Да пошел ты! – огрызнулся Страйк.

Только сейчас, вдыхая это потное зловоние, он принял то, что и так было ему известно: Уиттекер – не убийца. Страйк отправил Робин к Стефани потому, что в глубине души считал это задание самым безопасным, но при всем том он поручил ей работать «в поле», хотя не одну неделю знал, что убийца держит ее под прицелом.

Карвер понял, что задел его за живое, и ухмыльнулся:

– Приплетаешь убитых баб, чтоб отчима своего нагнуть, – сказал он, довольный, что Страйк наливается краской и сжимает ручищи в кулаки.

Карвер спал и видел, как бы спровоцировать Страйка на драку; они оба это знали.

– Пробили мы Уиттекера. Всех твоих говнюков пробили. Предъявить им нечего. А теперь слушай меня...

Он сделал шаг по направлению к Страйку. На голову ниже ростом, он дышал властью разъяренного, озлобленного, но действительно властного человека, который еще нуждается в самоутверждении, но уже чувствует за собой поддержку всех органов правопорядка. Целясь пальцем в грудь Страйку, он продолжал:

– Не путайся под ногами. Скажи спасибо, что на тебе нет крови твоей напарницы. Если увижу, что ты суешься в наше расследование, я живо тебя посажу. Усек?

Его короткий, тупой палец уперся в грудину Страйка. Страйк подавил желание отшвырнуть его руку, но на скулах у него заиграли желваки. Несколько секунд мужчины сверлили друг друга взглядом, ухмылка Карвера стала шире, тяжелое дыхание вырывалось свободно, будто после победы в борцовском матче. А потом он шагнул к дверям, оставив Страйка кипеть от ярости и бессилия.

Когда Страйк медленно возвращался тем же путем,

в травматологическое отделение ворвался высокий, красивый, элегантный Мэтью, но с безумным взглядом и растрепанными волосами. Впервые за все время их знакомства Страйк испытал к нему некое чувство, отличное от неприязни.

– Мэтью, – окликнул он.

Мэтью посмотрел на Страйка, будто не узнал.

– Ее на рентген взяли, – сообщил Страйк. – Сейчас уже, наверное, вернулась. Вот сюда, – указал он.

– На какой еще рентген?

– Грудной клетки, – ответил Страйк.

Мэтью оттер его локтем. Страйк не протестовал. Так ему и надо. У него на глазах жених Робин рванулся в палату, а Страйк помедлил, развернулся к двойным дверям и вышел в сумерки.

Чистое небо теперь припорошили звезды. На улице он остановился и зажег сигарету, а потом затянулся, как Уордл, словно никотин был живительным бальзамом. Колено болело. С каждым шагом он относился к себе все хуже.

– РИККИ! РИККИ! – вопила какая-то женщина с неудобным тяжелым пакетом, подзывая к себе убежавшего маленького сына. – РИККИ! ВЕРНИСЬ!

Мальчонка заливался смехом как оглашенный. Страйк машинально наклонился и у самой кромки проезжей части подхватил его на руки.

– Спасибо вам! – чуть не плача, сказала подбежавшая к Страйку молодая мать; из пакета выпали цветы. – Мы папу нашего проведать идем... о господи...

Ребенок неистово брыкался. Страйк опустил его на тротуар рядом с матерью, собиравшей с асфальта нарциссы.

– Держи как следует, – строго наказала она сыну. – Папе подаришь. Смотри не урони! Спасибо, – еще раз обратилась она к Страйку и зашагала дальше, ведя мальчика за свободную ручонку; тот, гордый этим заданием, послушно шел рядом, неся золотистый букет, как скипетр.

Страйк сделал несколько шагов и вдруг остановился посреди тротуара, словно привлеченный невидимой картиной, висящей в воздухе. Легкий прохладный ветер обдувал его лицо, но он, равнодушный к окружающему миру, был полностью устремлен внутрь себя.

Нарциссы... ландыши... сезонные цветы.

Сквозь сумерки до него вновь донесся эхом тот же голос: «Рикки, нет!» – и в голове сработала цепная реакция, осветившая посадочную полосу для теории, которая, как он теперь знал с уверенностью пророка,

должна была привести к убийце. Как при пожаре обнажается металлический каркас здания, так и вспышка озарения открыла Страйку осто́в преступного умысла и допущенные в нем изъяны, не замеченные доселе ни самим Страйком, ни другими, но способные наконец-то остановить убийцу и пресечь его зловещие планы.

You see me now, a veteran of a thousand psychic wars...

Blue Öyster Cult. «Veteran of the Psychic Wars»^[93]

В ярко освещенной больничной палате нетрудно было изображать безмятежность. Робин подпитывалась не только от удивления и восхищения Страйка по поводу ее спасения, но и от своих собственных рассказов о том, как она дала отпор убийце. Непосредственно после нападения она вела себя спокойнее всех: утешала и подбадривала Мэтью, когда он начинал плакать при виде ее забрызганного несмываемыми чернилами лица и длинной раны на руке. Набиралась сил она и от слабости других, надеясь, что ее храбрость, заправленная адреналином, позволит ей благополучно вернуться к нормальному состоянию, обрести твердую почву под ногами и жить дальше как ни в чем не бывало, не увязая в темном болоте, куда ее надолго затянуло после изнасилования...

Однако в течение следующей недели у нее нарушился сон, причем не только потому, что ее изводила дергающая боль в раненой руке, на которую наложили гипс. Как только ей удавалось ненадолго задремать ночью или днем, она чувствовала, как на шее у нее смыкаются мощные руки убийцы, а в ухе шипит его дыхание. Порой глаза, которых она даже не видела, превращались в глаза насильника, смотревшие на нее, девятнадцатилетнюю: блеклые, один зрачок неподвижный. Жуткие фигуры в балаклаве и в маске гориллы сливались, мутировали, росли, день и ночь заполняя ее мысли.

Самыми страшными были те сны, в которых он у нее на глазах творил это с другими, а она ждала, что вот-вот настанет ее черед – и ни помочь другим, ни убежать самой. Однажды жертвой оказалась Стефани с изуродованным лицом. Был и другой невыносимый случай, когда маленькая чернокожая девочка без конца звала маму. От ее криков Робин вскочила ночью, и Мэтью так встревожился, что наутро позвонил на работу и сказался больным, чтобы не оставлять ее одну. Робин не знала, благодарить или обижаться.

К ней, конечно, сразу приехала мама и стала уговаривать на время

перебраться в Мэссем.

– До свадьбы еще десять дней, Робин, поедem домой, ты как раз отдохнешь перед...

– Я останусь здесь, – перебила ее Робин.

Она вышла из юношеского возраста и стала взрослой женщиной, которая вправе сама решать, куда ехать, где находиться и чем себя занимать. У нее было такое чувство, будто она снова и снова борется за те грани своей личности, которых лишил ее незнакомец в маске гориллы, набросившийся на нее из темноты. Из студентки-отличницы она превратилась в дистрофичку, мучимую страхом открытых пространств, из талантливого начинающего психолога-криминалиста – в сломленную девчонку, которая пошла на поводу у властных родственников, решивших за нее, что работа в органах правопорядка только разбередит ее душевные раны. Больше такому не бывать. Она этого не допустит. У нее нарушился сон, пропал аппетит, но она истово билась против своих страхов и ущербности. Мэтью боялся ей перечить. Он вяло согласился, что ей не обязательно ехать домой прямо сейчас, но Робин слышала, как он шушукается на кухне с ее матерью.

От Страйка ждать помощи не приходилось. Он не попрощался с ней в больнице, не пришел навестить и только переговорил с ней по телефону. Ему тоже хотелось отправить ее в Йоркшир, с глаз долой.

– У тебя же перед свадьбой масса дел.

– Нечего на меня давить! – с негодованием отрезала Робин.

– Да кто на тебя давит?

– Извини. – Робин душили беззвучные, невидимые ему слезы; ей стоило немалых трудов контролировать свой голос. – Извини... перенервничала. Домой поеду во вторник, раньше там делать нечего.

Теперь она была не из тех, кто лежит в кровати и таращится на постер *Destiny's Child*. К этому возврата не было.

Никто не понимал ее настойчивого желания остаться в Лондоне, но она не готова была объяснять. Сарафан, который был на ней в момент нападения, Робин выбросила. Когда она запихивала его в пакет с мусором, на кухню вошла Линда.

– Дурацкая тряпка, – сказала Робин, поймав материнский взгляд. – Это послужит мне уроком. Наружным наблюдением не занимаются в длинном платье.

Разговаривала она самоуверенно. *Я вернусь к работе. Это временные трудности.*

– Тебе нельзя нагружать руку, – напомнила ей мать, игнорируя

скрытый вызов. – Врач сказал, надо давать ей отдых и держать в горизонтальном положении:

Ни Мэтью, ни Линда не стремились читать газетные отчеты о состоянии дела, а она тянулась к любым публикациям с маниакальной настойчивостью. Карвер запретил разглашать ее имя. Говорил, что хочет оградить ее от назойливости прессы, но они со Страйком подозревали другое: он боялся, что постоянное присутствие Страйка в репортажах придаст публикациям дополнительную остроту: снова Карвер против Страйка.

– Если честно, – сказал Страйк по телефону (она старалась звонить ему не чаще раза в день), – эта мышьяная возня никого не интересует. И никак не поможет поймать этого гада.

Робин промолчала. Она лежала на их с Мэтью кровати, обложившись газетами, которые покупала, невзирая на протесты Линды и Мэтью. Перед ней был разворот «Миррор», где уже в который раз печатались рядом фотографии пяти предполагаемых жертв Шеклуэллского Потрошителя. Шестое изображение – черный силуэт женской головы и шеи по плечи – намекало на Робин. Подпись под силуэтом гласила: «26-летняя конторская служащая, выжила». Особое внимание уделялось тому, что «26-летняя конторская служащая» сумела опрыскать нападавшего несмываемым красным спреем. Одна женщина, офицер полиции в отставке, особо похвалила потерпевшую за такую предусмотрительность, а на обороте был помещен отдельный материал о тревожных кнопках.

– Ты действительно забросил это дело? – спросила Робин Страйка.

– Вопрос не так ставится. – Робин слышала, как он расхаживает по офису, и всей душой стремилась туда, пусть хотя бы заваривать чай и отвечать на электронные сообщения. – Я оставляю это на усмотрение полиции. Серийный убийца – не наш профиль, Робин. И так было всегда.

Робин изучала изможденное лицо еще одной выжившей. «Лайла Монктон, проститутка». Лайла тоже знала, как звучит дыхание этого борова. Лайле он отрезал пальцы; Робин отделалась шрамом от кисти до локтя. Мозг гневно жужжал в черепной коробке. Даже совестно, что она так дешево отделалась.

– Хоть бы слово...

– Думать забудь, – сказал Страйк – гневно, совсем как Мэтью. – С нас хватит, Робин. Я не должен был посылать тебя к Стефани. Мной двигала злоба на Уиттекера – с момента получения той посылки, а из-за этого тебя чуть не...

– Я тебя умоляю. – Робин не сдержала раздражения. – Не *ты* же

собирался меня убить, а он. Давай не будем брать на себя чужую вину. Ты имел все основания считать, что это Уиттекер, – из-за текстов песен. Как бы то ни было, теперь остаются...

– Карвер прощупал Лэйнга и Брокбэнка. Он считает, это ложный след. Но мы с тобой, Робин, больше не имеем к этому касательства.

Находясь в десяти милях от нее, Страйк надеялся, что смог ее убедить. Он не упомянул об озарении, посетившем его после случайной встречи у больницы. На другое утро он позвонил Карверу; к телефону подошел кто-то из его заместителей, сказал, что Карвер сейчас очень занят и ответить не может, и посоветовал больше не беспокоиться. Но Страйк все же настоял, чтобы раздраженный и слегка агрессивный заместитель передал Карверу суть его звонка. Детектив готов был прозакладывать здоровую ногу, что Карверу ничего не передали.

В кабинете Страйка были открыты окна. Жаркое июньское солнце обогревало оба помещения, ныне совершенно безлюдные, а в ближайшем будущем, надо думать, бесхозные. Даже мистер Повторный утратил интерес к новой исполнительнице эротических танцев. Страйк томился от вынужденного безделья. Как и Робин, он хотел действовать, но об этом помалкивал. Еще он хотел, чтобы она поправилась и больше не подвергалась опасности.

– Копы у дома дежурят?

– Да, – вздохнула она.

Карвер выставил круглосуточный пост на Гастингс-роуд. Мэтью и Линда вздохнули с облегчением, узнав, что возле дома всегда находится полицейский.

– Корморан, послушай, я знаю, что мы не имеем права...

– Робин, никакого «мы» больше не существует. Есть я, и я протираю штаны без работы. Есть ты, и ты будешь сидеть дома, пока не поймают убийцу.

– Я говорю о другом, – сказала Робин. Сердце вновь стучало в ребра. Она должна была произнести это вслух, чтобы не лопнуть. – Есть одно дело, которым мы... ты можешь заняться. Это Брокбэнк. Может, он и не убийца, но мы точно знаем, что он насильник. Ты можешь сходить к Алиссе и предупредить, что она живет с...

– Думать забудь! – резко сказал голос Страйка ей в ухо. – Черт возьми, Робин, последний раз повторяю: всех не спасешь! Он ни разу не отбывал срока! Малейшая оплошность – и Карвер нас уроет!

Наступило долгое молчание.

– Ты плачешь? – забеспокоился Страйк: ему показалось, что ее

дыхание стало прерывистым.

– Нет, я не плачу, – честно ответила Робин.

Ее охватил смертельный холод, когда Страйк отказался защитить двух маленьких девочек, живущих под одной крышей с Брокбэнком.

– Мне надо идти, у нас сейчас обед, – сказала Робин, хотя никто ее не звал.

– Слушай, – начал он, – я понимаю, ты хочешь...

– Потом поговорим. – Робин повесила трубку.

Никакого «мы» больше не существует.

Это случилось вновь. Какой-то мужчина бросился на нее из темноты и отнял у нее не только ощущение безопасности, но и статус. Она была партнером в детективном агентстве...

Была ли? Новый контракт никто ей не предложил. Зарплата оставалась на прежнем уровне. У них было так много работы и так мало денег, что ей не приходило в голову заговорить ни о том ни о другом. Ей было довольно того, что Страйк видел в ней равноправного партнера. Теперь она лишилась даже этого – может, на время, а может, и навсегда.

Никакого «мы» больше не существует.

Погруженная в свои мысли, Робин несколько минут посидела без движения, а потом встала с постели. Зашуршали газеты. Она подошла к туалетному столику, где стояла обувная коробка от Джимми Чу, вытянула руку и погладила белоснежный картон.

В отличие от озарения, посетившего Страйка на тротуаре у больницы, ее план созрел не так внезапно и не обжег ее пламенем. Темный и опасный, он поднимался медленно; он был рожден ненавистным вынужденным бездельем минувшей недели и ледяной злостью на Страйка, упрямо не желавшего действовать. Страйк, ее друг, переметнулся в стан противника. Бывший боксер, почти двухметрового роста. Ему было не понять, что значит быть маленькой, слабой, беспомощной. Ему было не понять, что делает с тобой насилие: оно низводит тебя до безжизненной вещи, до мусора, до презренного куска мяса.

Захаре, судя по ее голосу в телефонной трубке, было года три, не больше. Робин замерла перед своим туалетным столиком. Она смотрела на коробку со свадебными туфлями и раздумывала. Риск был ей предельно ясен, как острые камни и бушующие волны под канатоходцем. Да, ей не под силу спасти всех. Спасать Мартину, Сейди, Келси и Хезер было слишком поздно. Лайле предстояло жить дальше с двумя пальцами на левой руке и с темным шрамом в душе – Робин знала это как нельзя лучше. И все же оставались две девочки, которых – при бездействии

окружающих – ждали неисчислимые страдания.

Робин отвернулась от новых туфель, взялась за мобильный и набрала номер, который никогда не собиралась использовать, хотя он сам пришел к ней в руки.

*And if it's true it can't be you,
It might as well be me.*

*Blue Öyster Cult. «Spy in the House
of the Night»^[94]*

Для планирования у нее было три дня: пришлось ждать, когда сообщник раздобудет машину и найдет свободное время в своем плотном графике. Тем временем она заявила Линде, что туфли фирмы «Джимми Чу» ей жмут, что они безвкусные, и позволила матери сопровождать ее в магазин, где вернула их в обмен на наличные. Теперь оставалось изобрести какую-нибудь легенду для Линды и Мэтью, чтобы выиграть время, необходимое для осуществления плана.

В конце концов Робин придумала, что ее вызывают в полицию для очередного опроса. Для поддержания иллюзии Робин настояла, чтобы Штырь не выходил из машины, когда за ней заедет, и попросила его притормозить возле все еще патрулирующего их улицу полицейского в штатском, которому сказала, что едет снимать швы, хотя на самом деле до этого оставалось еще двое суток.

Сейчас было семь часов вечера, погода стояла ясная; на улице, если не считать прислонившейся к теплой кирпичной стене бизнес-центра «Истуэй» Робин, никого не было. Солнце медленно двигалось на запад, а на туманном горизонте, в конце Блонден-стрит, рождалась скульптура «Орбита». Робин видела эскизы в газетах: вскоре здесь обещало появиться подобие исполинского настенного телефона, опутанного собственным проводом. Позади скульптуры смутно различались очертания олимпийского стадиона. Отдаленные силуэты гигантских построек казались впечатляющими и какими-то неземными, словно из другого мира, не имеющего ничего общего с тайнами, которые, как она подозревала, скрывались за свежепокрашенной парадной дверью, ведущей – сомнений не оставалось – в квартиру Алиссы.

Быть может, из-за цели своего приезда Робин занервничала при виде этой молчаливой вереницы домов. Постройки были новые, современные – и бездушные. Загораживая собой вид на грандиозные здания, строящиеся

вдалеке, они все выглядели одинаково и при этом не создавали ни малейшего ощущения общности. Здесь не было деревьев, которые могли бы сгладить острые углы низких квадратных домов, зачастую с надписью «Аренда»; не было ни углового магазинчика, ни паба, ни даже церкви. На верхних окнах склада, к стене которого прижималась Робин, были задернуты белые, как саван, занавески, а металлические двери гаража покрывали граффити; укрыться было негде.

Сердце у нее колотилось, словно после долгого бега. Пути назад не было, но все равно ее терзал страх.

Поблизости эхом отдались шаги, Робин молниеносно обернулась, сжимая липкими от пота пальцами тревожный брелок. Штырь, долговязый, исполосованный шрамами, размашистой походкой направлялся к ней, в одной руке держа батончик «Марс», а в другой – сигарету.

– Она идет, – глухо сообщил Штырь.

– Ты уверен? – с бешено колотящимся сердцем переспросила Робин, чувствуя головокружение.

– Черная с двумя детьми идет сюда. Я ее засек, когда покупал вот это. – Штырь помахал батончиком. – Хочешь?

– Нет, спасибо, – отозвалась Робин. – Э-э-э... Ты не мог бы где-нибудь затихариться?

– Точно не хочешь, чтобы я пошел с тобой?

– Нет, – ответила Робин. – Только если увидишь... его.

– Ты уверена, что этого пидора нет дома?

– Я звонила два раза. Уверена.

– Буду за углом, – коротко ответил Штырь, пошел в ту сторону, попеременно то затягиваясь сигаретой, то откусывая от батончика, и скрылся из поля зрения Робин.

Та, в свою очередь, торопливо прошла дальше по Блонден-стрит, чтобы Алисса не заметила ее на подходе. Спрятавшись под нависающим балконом одного из темно-красных блочных домов, Робин увидела, как на улице показалась высокая негритянка, держащая за руку малышку и сопровождаемая старшей дочерью, которой Робин дала бы навскидку лет одиннадцать. Алисса открыла парадную дверь, и все трое вошли в подъезд.

Робин поспешила обратно к дому. На этот раз она надела джинсы и кроссовки: сегодня нельзя ни упасть, ни споткнуться. Сердце колотилось до боли, когда она постучала в дверь. В полукруглом окне справа от Робин, стоявшей в ожидании ответа, появилась старшая девочка. Робин нервно улыбнулась. Девочка отошла от окна.

Подошедшая немного погодя молодая женщина была великолепна:

высокая, темнокожая, с фигурой модели, рекламирующей бикини. Волосы, собранные в два хвоста, ниспадали до пояса. В уме у Робин пронеслось: что же она могла натворить, если такую красотку уволили из стрип-клуба?

– Да? – Алисса нахмурилась.

– Добрый день, – сказала Робин пересохшими губами. – Вы Алисса Винсент?

– Допустим. А вы кто?

– Меня зовут Робин Эллакотт. Вы позволите кратко переговорить с вами о Ноэле?

– А на какой предмет? – подозрительно спросила Алисса.

– Можно мне войти?

Настороженный, демонстративно непокорный взгляд Алиссы говорил о том, что ей постоянно приходится отражать удары судьбы.

– Ну пожалуйста. Это важно, – сказала Робин; у нее настолько пересохло во рту, что язык прилипал к нёбу, – иначе бы я не просила.

Их взгляды пересеклись: теплые карамельно-карие глаза Алиссы и светлые серо-голубые глаза Робин. Та была уверена, что Алисса ее не впустит. Но вдруг густо накрашенные глаза собеседницы распахнулись, и в них мелькнула странная искра воодушевления, словно от приятного открытия. Без лишних слов Алисса отступила в слабо освещенную прихожую и церемонно поклонилась, приглашая Робин войти.

У Робин почему-то возникло дурное предчувствие, и только мысль о двух маленьких девочках заставила ее переступить порог.

Крошечная прихожая вела в гостиную, всю обстановку которой составляли телевизор и односпальный диван. На полу стояла настольная лампа. На стене висели две фотографии в дешевых позолоченных рамках: на одной – круглолицая малышка Захара, в бирюзовом платье и с заколками в виде бабочек в волосах, на другой – ее старшая сестра в бордовой школьной форме. Сестра была копией своей красавицы-матери. Фотограф так и не сумел заставить ее улыбнуться.

Робин услышала, как в замке повернулся ключ. Она обернулась, скрипнув по полированному деревянному полу кроссовками. Где-то рядом громкий щелчок микроволновки возвестил, что еда разогрелась.

– Мама! – раздался пронзительный голос.

– Эйнджел, – позвала, входя в комнату, Алисса, – достань ей еду! Итак, – обратилась она к Робин, скрестив руки на груди, – что вы хотели рассказать о Ноэле?

У Робин сложилось впечатление, что Алисса втайне злорадствует по какому-то одному ей известному поводу; это впечатление подкреплялось

язвительной улыбкой, исказившей ее красивое лицо. Бывшая стриптизерша скрестила руки и выставила вперед грудь, отчего стала похожей на носовую фигуру корабля с длинными, свисающими до талии, канатами волос. Она была дюйма на два выше Робин.

– Алисса, я работаю с Кормораном Страйком. Он...

– Я знаю, кто он, – медленно проговорила Алисса. Тайное удовлетворение, которое она, как видно, получила от внешности Робин, внезапно улетучилось. – Он – тот ублюдок, который довел Ноэла до эпилепсии! Черт побери! Ты с ним снюхалась, да? Вы с ним заодно. Почему ж ты не пошла к легавым, ты, лживая тварь, если он действительно...

Она с силой ударила Робин в плечо и, не успела Робин заслониться, принялась бить ее с каждым последующим словом:

– ...тебе... что-то... сделал!

Алисса наносила удары во все места, куда только могла дотянуться. Робин, защищаясь, вскинула левую руку и пнула Алиссу ногой в колено, отчего та завизжала и отскочила. За спиной у Робин пронзительно закричала Захара, и в комнату проскользнула ее старшая сестра.

– Сука! – завизжала Алисса. – Бьешь меня при моих детях!..

Она бросилась на Робин, схватила ее за волосы и ударила головой об оконную раму без занавесок. Худышка Эйнджел пыталась разнять дерущихся женщин. Отбросив всякую сдержанность, Робин врезала Алиссе в ухо, та охнула от боли и отступила. Робин схватила Эйнджел под мышки, оттащила ее с дороги и ударила Алиссу так, что та повалилась на диван.

– Отстань от моей мамы! Оставь ее в покое! – крикнула Эйнджел, хватая Робин за больное предплечье и так его дергая, что та, в свою очередь, тоже закричала от боли. Захара в голос ревела у дверей, держа вверх дном детский рожок с теплым молоком.

– Ты живешь с педофилом! – прогремела Робин, перекрывая этот гам, пока Алисса пыталась подняться с дивана, чтобы продолжить драку.

Робин часто рисовала себе в воображении, как преподнесет эти ужасающие новости шепотом, отчего Алисса у нее на глазах в шоке сползет по стене. Но ей даже в голову не приходило, что Алисса будет смотреть на нее с пола, хрипя:

– Не твое дело. Думаешь, я не знаю, кто ты, стерва? Тебе мало того, что ты его жизнь загубила к чертям собачьим...

Она снова кинулась на Робин; комната была такой маленькой, что Робин снова ударилась о стену. Сцепившись вместе, они врезались в тумбочку с телевизором, которая тут же опрокинулась с ужасающим

грохотом. Робин почувствовала, что рана на предплечье раскрылась, и снова издала вопль боли.

– Мама, мама! – кричала Захара, а Эйнджел схватила Робин сзади за джинсы, не давая ей отразить атаки Алиссы.

– Спроси своих дочерей! – прокричала Робин среди летающих туда-сюда кулаков и локтей, стараясь высвободиться из крепкой хватки Эйнджел. – Спроси своих дочерей, не пытался ли он...

– Не смей. Впутывать. Моих. Детей.

– Спроси их!

– Чертова врунья! Что ты, что твоя мать...

– Моя... мать? – переспросила Робин; от ее сильнейшего удара локтем в живот Алисса согнулась пополам и снова упала на диван.

– Эйнджел, отцепись! – вскричала Робин, пытаясь оторвать детские пальцы от своих джинсов: через несколько секунд Алисса, без сомнения, готовилась напасть снова. Захара в голос плакала в дверях.

– Кто я, по-твоему, такая? – нависла Робин над Алиссой.

– Не смей, черт тебя подери! – выдохнула Алисса. – Ты – гадина Бриттани! Звонишь ему, преследуешь...

– *Бриттани?! – в изумлении произнесла Робин. – Я не Бриттани!*

Она выхватила из кармана пиджака свой кошелек:

– Вот моя кредитка, смотри! Я – Робин Эллакотт и работаю с Кормораном Страйком...

– С этим уродом, из-за которого у него мозги...

– Ты знаешь, почему Корморан пришел его арестовать?

– Потому что его гадина-жена накатала...

– Ничего подобного! Он изнасиловал Бриттани, и его отовсюду выгоняют, потому что он развращает маленьких девочек! Он сделал это со своей сестрой! Я с ней знакома.

– Врешь! – заорала Алисса, пытаясь подняться.

– НЕ ВРУ! – крикнула Робин в ответ, пихая Алиссу обратно на диванные подушки.

– Чокнутая, – прошипела Алисса, – убирайся из моего дома!

– Спроси свою дочь, что он с ней... Спроси! Эйнджел!

– Не смей заговаривать с моими детьми, сука!

– Эйнджел, скажи маме, он...

– Что происходит, черт побери?

Захара так верещала, что никто не услышал, как в замке повернулся ключ.

Вошедший был огромным, с темными волосами и бородой, в черном

спортивном костюме. Одна глазница ввалилась, образуя впадину до самого носа, отчего взгляд делался сверлящим, невыносимым. Не сводя с Робин своих черных глаз, он медленно нагнулся и поднял на руки Захару, которая тут же просияла и прижалась к нему всем тельцем. В тот же миг Эйнджел вжалась в стену. Очень медленно, неотрывно глядя на Робин, Брокбэнк опустил малышку на колени матери.

– Вот и свиделись, – сказал он с ухмылкой, предвещающей зло.

Вся похолодев, Робин попыталась тайно достать из кармана тревожный брелок, но Брокбэнк ее опередил, схватив за руку и сдавливая швы.

– Никому ты, тварь, звонить не будешь. Думала, я тебя не знаю?

Она попыталась вырваться из его хватки, почувствовала, как на руке расходятся швы, и закричала:

– ШТЫРЬ!

– Жаль, не прикончил тебя сразу, гадина!

Тут раздался ужасающий треск: это вынесли входную дверь. Брокбэнк отпустил Робин и, развернувшись, увидел, как в комнату ворвался Штырь с ножом в руке.

– Не убивай его! – выдохнула Робин, здоровой рукой зажимая свою рану.

Все шестеро, втиснувшиеся в маленькую комнатушку, на мгновение застыли, и даже малышка только крепче прильнула к матери. Затем раздался тонкий голосок, дрожащий, но осмелевший от присутствия вооруженного ножом незнакомца со шрамом, золотым зубом и татуированными пальцами.

– Он делал это со мной! Мама, он делал это со мной! Делал!

– Что? – переспросила Алисса, глядя на Эйнджел, и лицо ее как-то неожиданно обмякло от потрясения.

– Он делал это со мной! То, о чем говорила эта тетя. Он делал это!

Брокбэнк порывисто замахнулся, но Штырь занес нож, целясь прямо ему в грудь.

– Все ништяк, малышка, – сказал Штырь, загоразивая Эйнджел свободной рукой и сверкая золотым зубом в лучах заходящего за соседние дома солнца. – Только пальцем их тронь. Ты, пидор гнойный. – Штырь дышал Брокбэнку в лицо. – Я с тебя кожу сдеру.

– Что ты такое говоришь, Эйнджел? – спросила Алисса, все еще сжимая в объятиях Захару. – Он же никогда...

Внезапно Брокбэнк нагнул голову и бросился на Штыря, как регбист, – да он когда-то и вправду играл в регби. Штырь, который был раза в два

легче его, отлетел, словно тряпичная кукла. Брокбэнк шумно протиснулся через выломанную дверь, и Штырь, неистово ругаясь, бросился вдогонку.

– Оставь его, оставь! – крикнула Робин, увидев в окно обоих мужчин. – О боже, Штырь! Полиция будет... Где Эйнджел?

Алисса уже успела выбежать из комнаты в поисках дочери, оставив измученную малышку рыдать на диване. Робин, зная, что ей не остановить Штыря и Брокбэнка, вдруг ощутила сильный озноб и упала на колени, сжимая голову; накатила тошнота.

Она добилась того, зачем пришла, и все это время знала, что малой кровью будет не отделаться. То, что Брокбэнк сбежит или пострадает от ножа Штыря, она предвидела и была уверена, что не смогла бы предотвратить ни то ни другое. Сделав несколько глубоких вдохов, Робин снова поднялась на ноги и подошла к дивану, пытаясь успокоить испуганную малышку, однако – что было неудивительно, если учесть, что Робин у девочки теперь ассоциировалась со сценами жестокости и истерии, – Захара завопила еще громче и замахнулась на Робин своей крошечной ножкой.

– Я же ничего не знала, – говорила Алисса. – О боже, боже. Почему ты не сказала мне, Эйнджел? Почему?

Стемнело. Робин зажгла лампу, которая теперь отбрасывала бледно-серые тени на стены цвета магнолии. Казалось, что три плоских сторбленных призрака притаились за диваном, передразнивая каждое движение Алиссы. Эйнджел всхлипывала, свернувшись у матери на коленях. Робин, уже успевшая дважды заварить чай и приготовить спагетти для Захары, сидела на полу у окна. Она чувствовала, что должна остаться, пока не придет мастер и не отремонтирует выломанную Штырем дверь. Никто так и не вызвал полицию. Мать и дочь по-прежнему были заняты друг другом, но Робин, хотя и была здесь чужой, не могла уйти, не убедившись, что у семьи есть надежная дверь и новый замок. Захара спала на диване за матерью и сестрой, посасывая во сне большой палец, а другой рукой все еще сжимая бутылочку.

– Он сказал, что убьет Захару, если я тебе расскажу, – призналась Эйнджел, уткнувшись матери в шею.

– О боже правый! – простонала Алисса, и из глаз у нее полились слезы. – О господи!

У Робин в груди закопошилось, будто краб с острыми клешнями, дурное предчувствие. Она отправила Мэтью и маме эсэмэску, что ей нужно отсмотреть еще несколько фотороботов, но теперь обоих уже начинало

беспокоить ее долгое отсутствие, а она не могла придумать убедительные причины, почему ее не стоит встречать. Где же Штырь?..

Наконец появился мастер. Продиктовав ему данные своей кредитной карты, чтобы возместить расходы, Робин сказала Алиссе, что уходит. Алисса оставила Эйнджел и Захару на диване и проводила Робин до темной улицы.

– Послушай... – начала Алисса.

У нее на щеках еще блестели слезы. Робин поняла, что у Алиссы нет привычки благодарить.

– Спасибо, ясно тебе? – сказала она чуть ли не со злобой.

– Не за что, – отозвалась Робин.

– Я никогда... То есть... Познакомилась с ним не где-нибудь, а в церкви. Думала, наконец-то хорошего парня нашла. Он с девочками ладил...

Она всхлипнула. Робин хотела обнять Алиссу, но передумала. Все плечи были в синяках от ее ударов, а распоротая ножом рука болела как никогда.

– Бриттани правда ему названивала? – спросила Робин.

– Он так говорил, – вытерла Алисса слезы. – Сказал, что бывшая жена его заложила, заставила Бриттани его оболгать... Сказал, чтоб я не верила, если заявится блондинистая девка и начнет всякую фигню пороть.

Робин вспомнила низкий голос, шепчущий ей в ухо: «Мы знакомы, девочка?» Он подумал, что она – Бриттани. Так вот почему он повесил трубку и не перезвонил.

– Мне лучше уйти, – сказала Робин, переживая, что не сможет быстро добраться до Уэст-Илинга.

Все тело болело. Алисса отлично дралась.

– Ты позвонишь в полицию?

– Надо бы, – ответила Алисса. Робин поняла, что эта мысль для Алиссы внове. – Позвоню, наверно.

Бредя по темной улице, крепко сжимая в кармане тревожный брелок, она размышляла, что же сказала Бриттани Брокбэнк своему отчиму, и, кажется, догадывалась: «Я все помню. Еще хоть раз что-нибудь про тебя услышу – сразу пойду в полицию». Быть может, так она успокаивала свою совесть. Боялась, что с другими он делает то же, что делал с ней, но не решалась официально заявить на него, а тем более задним числом.

Предполагаю, мисс Брокбэнк, что ваш отчим никогда вас не трогал и что эта история полностью сфабрикована вами и вашей матерью...

Робин знала, как это работает. Адвокат защиты, с которым ей

приходилось сталкиваться, беспощадный и желчный, бегал по ней лисьим взглядом.

Вы возвращались из студенческого бара, где выпивали, так, мисс Эллакотт?

Вы во всеуслышанье пошутили, что вам... э-э-э... не хватает внимания вашего бойфренда, так?

Когда вы познакомились с мистером Трюином...

Я не...

Когда вы познакомились с мистером Трюином возле общежития...

Я не знакомилась...

...вы сказали мистеру Трюину, что вам не хватает...

Мы никогда не разговаривали...

Предполагаю, мисс Эллакотт, что вам сейчас просто стыдно, коль скоро вы пригласили мистера Трюина...

Я не приглашала...

Вы пошутили, мисс Эллакотт, не так ли, в баре о том, что вам не хватает интимного внимания...

Я сказала, что мне не хватает...

Сколько вы выпили, мисс Эллакотт?

Робин слишком хорошо понимала, почему люди боятся признаваться в том, что с ними сделали другие, боятся, что им скажут, будто эта грязная, позорная, мучительная правда – лишь плод их больного воображения. Ни Холли, ни Бриттани не были готовы к открытому судебному разбирательству, и, скорее всего, Алисса и Эйнджел тоже слишком напуганы. И при этом ничто, за исключением смерти или тюрьмы, не способно заставить Брокбэнка перестать насиловать маленьких девочек. Но даже несмотря на это, Робин надеялась, что Штырь его не убил, иначе...

– Штырь! – крикнула она, увидев прошедший впереди в свете фонаря высокий силуэт.

– Сбежал, сучара! – Голос Штыря отдавался эхом. Кажется, он не понимал, что Робин в ужасе просидела два часа на жестком полу, молясь, чтобы он вернулся. – Такой жирдяй, а шустрый.

– Полиция его найдет, – ответила Робин, неожиданно ощутив слабость в коленях. – Думаю, Алисса на него заявит. Штырь, ты не мог бы... Пожалуйста, отвези меня домой.

*Came the last night of sadness
And it was clear she couldn't go on.*

Blue Öyster Cult. «(Don't Fear) The Reaper»^[95]

Ровно сутки Страйк оставался в неведении относительно действий Робин. На следующий день она не ответила на его звонок в обеденное время, но, поскольку он был занят собственными дилеммами, ему и в голову не приходило сомневаться, что она сидит дома с матерью; он не забил тревогу и даже не перезвонил. Ранение напарницы стало данностью, и Страйк, дабы не поощрять ее в мыслях, что она вот-вот вернется в строй, не собирался делиться с Робин откровениями, посетившими его возле больницы.

Но теперь тревога вышла на первое место. В конце-то концов, сейчас, в пустом, тихом офисе, никто не претендовал на его время и внимание, клиенты не приходили и не звонили. Страйк курил одну за другой свои «Бенсон энд Хеджес»; тишину нарушала только муха, жужжавшая между открытыми окнами в неярком солнечном свете.

Оглядываясь назад, детектив ясно сознавал, что за истекшее время – почти три месяца, прошедшие с момента доставки той посылки с отсеченной ногой, – совершил немало ошибок. Он должен был установить личность убийцы сразу после визита в дом Келси Платт. Если бы он тогда сделал правильный вывод, если бы не дал убийце ввести себя в заблуждение, не отвлекся на других безумцев, то Лайла Монктон не лишилась бы пальцев, а Хизер Смарт спокойно трудилась бы в своем строительном кооперативе, завязав, наверное, с выпивкой на всю оставшуюся жизнь после поездки в Лондон на день рождения родственницы.

Опыт службы в Отделе специальных расследований Королевской военной полиции научил Страйка отстраняться от эмоций, связанных с последствиями уголовных дел. Накануне вечером он лопался от злости на самого себя, но, даже обрушивая на свою голову проклятия за близорукость, не мог не поражаться наглой изощренности убийцы. Насколько же артистично тот использовал прошлое, вынуждая его,

Страйка, рассматривать другие версии, терзаться вопросами, ставить под сомнение собственные выводы.

Утешало, хотя и слабо, лишь то, что убийца с самого начала входил в число подозреваемых. Страйк не припоминал, чтобы какое-либо из предыдущих расследований давалось ему столь мучительно. Сидя в пустом агентстве, он все больше укреплялся в мысли – возможно, ошибочной, – что его выводы не убедили офицера полиции, с которым он поделился, и не были доведены до сведения Карвера, а потому любые убийства, которые могли произойти в ближайшее время, будут целиком на его совести.

Но если возобновить расследование, если вновь приступить к наблюдению и слежке за преступником, то Карвер приложит все силы к задержанию не убийцы, а Страйка – за препятствие осуществлению следственных действий. Да на месте Карвера Страйк и сам поступил бы точно так же; правда, при этом, в коротком приливе злорадства подумал Страйк, он лично прислушался бы к чьему угодно мнению, пусть даже самому ненавистному, но содержащему хотя бы крупицу достоверности. В таких сложных расследованиях недопустимо отмахиваться от свидетеля лишь потому, что он когда-то тебя посрамил.

Только когда у Страйка заурчало в животе, он вспомнил, что договорился поужинать с Элин. Все решения по ее разводу и опеке над дочерью уже были приняты, и Элин по телефону заявила, что пора бы уже для разнообразия посидеть в каком-нибудь приличном месте, а потому она заказала столик в «Le Gavroche» и сказала: «Я угощаю».

В одиночестве затягиваясь очередной сигаретой, Страйк думал о предстоящем вечере с отчуждением, какого не мог достичь в рассуждениях о Шеклуэллском Потрошителе. С одной стороны, ему светила заманчивая перспектива хорошо поесть, что было немаловажно, учитывая полное безденежье: вчера на ужин пришлось довольствоваться банкой фасоли, вывернутой на кусок подсушенного хлеба. Видимо, его ждал еще и секс в девственно-чистой белизне квартиры Элин – в преддверии ее переезда в другое жилище. С другой стороны – он впервые признался себе в этом без обиняков, – ему, как ни прискорбно, придется беседовать с Элин, но беседы эти, если называть вещи своими именами, никак не относились к его любимым видам отдыха.

Разговоры всегда требовали от него немалых усилий, даже в том, что касалось его работы. Элин, в целом неплохая собеседница, была напрочь лишена воображения. У нее не было ни врожденного интереса к другим людям, ни готовности к сопереживанию, которые отличали Робин.

Рассказы о мистере Повторном (по мнению Страйка, смешные) вызывали у нее только недоумение.

А чего стоили эти зловещие два слова: «Я угощаю»? Растущая пропасть между их доходами грозила стать неумолимо очевидной. При знакомстве с Элин Страйк был хотя бы кредитоспособен. Если Элин рассчитывала на ответный ужин, ее ожидало горькое разочарование.

Страйку довелось прожить шестнадцать лет с женщиной намного более состоятельной, чем он сам. Шарлотта то использовала свои деньги как средство давления, то понукала Страйка жить не по средствам. От воспоминаний о вспышках желчности, вызванных его отказами спонсировать каждый каприз Шарлотты, у него волосы встали дыбом, когда Элин заговорила об ужине – «для разнообразия» – в приличном месте. Обычно Страйк сам оплачивал счета в окраинных французских и индийских бистро и кафе, где им не грозило столкнуться с ее бывшим мужем. Страйка зацепило, когда насчет денег, которые он зарабатывал потом и кровью, проехали с явным уничтожением.

В восемь вечера Страйк, надев свой лучший итальянский костюм, отнюдь не в благостном расположении духа отправился в Мейфэр; в его усталую голову лезли только мысли о серийном убийце.

На Аппер-Брук-стрит стояли величественные дома восемнадцатого века, и фасад «Гавроша», с кованым чугунным козырьком и увитой плющом решеткой, с тяжелой зеркальной дверью, дышал надежностью и основательностью, что шло вразрез с тягостным настроением Страйка.

Элин приехала через несколько минут после того, как он устроился за столиком в красно-зеленом зале, настолько искусно освещенном, что лужицы света лишь в точно определенных местах проливались на белоснежные скатерти и картины в золоченых рамах. В облегающем голубом платье, выглядела она потрясающе. Поднявшись ей навстречу для поцелуя, Страйк на миг забыл о своей потаенной неловкости и досаде.

– Ну вот, приятно вокруг посмотреть, – с улыбкой проворковала Элин, усаживаясь за их круглый стол на мягкую козетку.

Они сделали заказ. Страйк, которому больше всего хотелось глотнуть «Дум-бара», по рекомендации Элин взял себе бургундское и пожалел, что нельзя прямо сейчас затянуться, хотя за день выкурил больше пачки. Его спутница, не умолкая, сыпала подробностями насчет недвижимости: она передумала приобретать пентхаус в «Страте» и теперь присматривала собственность в Камберуэлле, где предлагались вполне перспективные варианты. Она показала Страйку сделанное на телефон фото: перед его воспаленным взором предстало очередное видение георгианской белизны

с колоннами и портиком.

Пока Элин разглаговольствовала о плюсах и минусах переезда в Камберуэлл, Страйк молча пил вино. Даже этот тонкий вкус вызывал у него раздражение; он вливал изысканный напиток в горло, как самое дешевое бухло, пытаясь залить алкоголем свою острую досаду. Не помогало; отчуждение только росло. Благопристойный ресторан в Мейфэре, приглушенное освещение, пушистый ковер – все это, иллюзорное, эфемерное, отдавало какой-то театральщиной. Что он здесь забыл, зачем пришел сюда с этой роскошной, но скучной женщиной? С какой стати делал вид, что ему не чужд ее расточительный образ жизни, хотя его агентство оказалось на грани полного краха, а все мысли занимал Шеклуэллский Потрошитель, чье имя знал он один во всем Лондоне?

Им подали горячее; от восхитительного филе говядины настроение слегка улучшилось.

– А ты что подделывал? – спросила Элин, никогда не забывавшая о вежливости.

Выбор встал ребром. Честный ответ заставит его оправдываться за сокрытие событий последних дней, которые вместили в себя столько, сколько иным не приснилось бы за всю жизнь. Пришлось бы открыть, что пострадавшая от нападения маньяка девушка, чье имя не разглашалось, – его, Страйка, партнер по бизнесу. Пришлось бы рассказать, что от дела его отодвинул человек, не сумевший раскрыть громкое убийство. Если рассказывать начистоту, пришлось бы еще добавить, что теперь он точно знает имя убийцы. Но перспектива таких признаний только угнетала. За все это время он ни разу не подумал позвонить Элин, что говорило само за себя.

Чтобы выиграть время, Страйк отпил еще вина и тотчас же пришел к выводу, что этот роман пора заканчивать. Нужно придумать какую-нибудь отговорку, чтобы после ужина не ехать к Элин на Кларенс-Террас, и таким способом намекнуть ей на предстоящий разрыв: секс всю дорогу был самой лучшей частью их отношений. А уж потом, при следующей встрече, можно будет сказать, что между ними все кончено. Сейчас это было бы некстати: вдруг она решит гордо удалиться, оставив ему счет, который его банк, бесспорно, оплачивать не станет.

– Если честно – ничего особенного, – солгал он.

– А что там этот Шекл...

У Страйка зазвонил мобильный. Посмотрев на экран, он увидел, что номер не высвечивается. Шестое чувство подсказало: ответить.

– Извини, – обратился он к Элин, – мне нужно...

– Страйк. – Голос Карвера с южно-лондонским говорком, распознавался безошибочно. – Это ты подослал?

– Кого? – не понял Страйк.

– Да свою дуру. Это ты подослал ее к Брокбэнку?

Страйк вскочил так резко, что задел край стола. На плотную белую скатерть брызнул красно-бурый соус, филе соскользнуло с тарелки, бокал опрокинулся, и вино пролилось на нежно-голубое платье Элин. Официант чуть не задохнулся, равно как и расфуфыренная парочка за соседним столом.

– Где она? В чем дело? – закричал Страйк в трубку, забыв обо всем на свете.

– Я тебя предупреждал, Страйк, – яростно заскрежетал Карвер на другом конце. – Говорил тебе: не суйся, мать твою... На этот раз ты облажался капитально...

Страйк опустил телефон. Бестелесный Карвер орал едва ли не на весь ресторан, и его грязная брань доносилась до каждого, кто оказался поблизости. Повернувшись к Элин, Страйк увидел платье в бордовых пятнах и перекошенное от растерянности и гнева прекрасное лицо.

– Мне придется уйти. Извини. Я позвоню.

Он даже не успел посмотреть на ее реакцию, да и не очень хотел.

Слегка прихрамывая – он неловко подвернул колено, когда вскочил из-за стола, – Страйк заспешил из ресторана и вновь прижал к уху мобильный. В ответ на любую его попытку хоть что-то сказать Карвер изрыгал нечто маловразумительное.

– Карвер, выслушай меня! – заорал Страйк, оказавшись на тротуаре. – Мне надо... Зараза, да послушай ты!

Но полицейский только распалился еще сильнее; монолог его становился все более оглушительным и непристойным.

– Ты, хлызда вонючая, послал ее на задание... Я тебя насквозь вижу... мы сами нашли, ублюдок, мы нашли связь между церквями! Если бы ты... да заткни хлебало, кому сказано, сейчас я говорю! Если ты, сука, еще хоть раз сунешься...

Страйк тащился сквозь теплый вечер, колено ныло, отчаяние и ярость нарастали с каждым шагом.

Целый час он добирался до квартиры Робин на Гастингс-роуд. За это время Карвер, сам того не желая, полностью ввел его в курс дела. В этот вечер полиция нагрянула к Робин домой; видимо, допрос продолжался и сейчас: ее расспрашивали о вторжении в дом Брокбэнка, результатом которого стало поступившее заявление о растлении малолетних и бегство

подозреваемого. С фотографией Брокбэнка ознакомили всех сотрудников правоохранительных органов, но, судя по всему, задержать его пока не удалось.

Страйк не предупредил Робин о своем приходе. Свернув на Гастингс-роуд с такой скоростью, на какую только был способен, он сразу заметил, что в окнах ее квартиры горит свет. Из подъезда вышли двое полицейских, безошибочно узнаваемых даже в штатском. Стук захлопнувшейся двери эхом разнесся по всей тихой улице. Страйк метнулся в темноту; полицейские, негромко переговариваясь, шли к машине. Когда они отъехали на безопасное расстояние, он поспешил к белой двери и нажал на кнопку звонка.

– Я считал, мы обо всем договорились, – раздался из прихожей голос раздосадованного Мэтью. Видимо, жених Робин думал, что его не слышно, поскольку, заведя посетителя, тут же стер с лица заискивающую улыбку.

– Что надо?

– Я должен поговорить с Робин, – ответил Страйк.

Мэтью замешкался, намереваясь преградить путь незваному гостю, но тут из-за спины будущего зятя появилась Линда.

– Ой! – вырвалось у нее при виде Страйка.

Ему показалось, она осунулась и постарела оттого, что ее дочь оказалась на волосок от гибели, добровольно придя в дом зверя-насилльника и вновь подвергшись нападению. Страйк чувствовал, как в нем нарастает ярость. Он уже готов был выкрикнуть имя Робин, чтобы она вышла на порог, но тут она сама вслед за матерью возникла из-за спины Мэтью. Она тоже изменилась: стала непривычно бледной и худой. Как всегда, лицом к лицу она показалась Страйку более миловидной, чем в мыслях. Но от этого он ничуть не смягчился.

– Ой! – вырвалось у нее по-матерински бесцветно.

– Надо поговорить, – сказал Страйк.

– Давай. – Робин с легким вызовом вздернула голову, и золотисторыжие кудри заплясали по плечам; она перевела взгляд с матери на Мэтью, потом на Страйка. – Проходи на кухню, что ли.

Он последовал за ней по коридору в тесную кухню, где в угол был втиснут маленький столик для двоих. Робин плотно затворила дверь. Они не сели. У раковины громоздилась немытая посуда: очевидно, полицейские прервали семейный ужин. Почему-то Страйка доконало это наглядное свидетельство спокойствия Робин после того хаоса, который она посеяла своими действиями.

– Тебе было ясно сказано, – начал он, – не приближаться к Брокбэнку.

– Да. – Бесстрастный голос Робин разозлил его до предела. – Я помню.

Страйку подумалось, что Мэтью с Линдой, наверное, подслушивают за дверью. В кухне пахло чесноком и помидорами. За спиной Робин на стене висел календарь с регбийной символикой. Тридцатое июня было обведено жирным кружком, а под этой датой читалось: «Домой. К свадьбе».

– Но ты все равно туда поперлась! – возмутился Страйк.

Ему уже виделось, как он сейчас схватит педальное мусорное ведро и швырнет в запотевшее окно. Он замер, широко расставив ноги на потертом линолеуме, и уставился в ее бледное, упрямое лицо.

– И правильно сделала, – заявила Робин. – Он насиловал...

– Карвер убежден, что тебя подослал я. Брокбэнк в бегах. Ты загнала его в подполье. И каково тебе будет, если теперь он порежет на куски следующую, которая и пикнуть не успеет?

– Не смей делать из меня виноватую! – У Робин зазвенел голос. – Не смей! Это ты избил его при задержании! А иначе он, скорее всего, оставил бы в покое Бриттани!

– То есть ты все сделала правильно? – Он не сорвался на крик только потому, что слышал, как за дверью топчется Мэтью.

– Я пресекла издевательства над Эйнджел, и если ты это осуждаешь...

– Из-за тебя, черт побери, рушится мой бизнес, – прошипел Страйк, и Робин замерла. – Нам запретили приближаться к подозреваемым, но ты сунулась не в свое дело, и теперь Брокбэнк залег на дно. Пресса раздерет меня на куски. Карвер скажет, что я сорвал операцию. Меня уруют. Даже если тебе на это плевать, – лицо Страйка застыло от гнева, – задумайся о находке полицейских: они установили, что связывало церковь, которую посещала Келси, и приход в Брикстоне, к которому принадлежал Брокбэнк. Это тебе известно?

Робин опешила:

– Нет... я не знала...

– Так чего же ты ждешь – фактов? – Под резким верхним светом глаза Страйка потемнели. – Зачем? Беги, доложи ему, что полиция у него на хвосте.

Робин в ужасе замолчала. Страйк уставился на нее, как будто с извечной неприязнью, как будто ничто и никогда их не объединяло, не связывало друг с другом. Она бы уже не удивилась, начни он сейчас в ярости стучать кулаком по стенам и шкафам, а то и...

– На этом все, – объявил Страйк.

С некоторым удовлетворением он заметил, как она вдруг сжалась

и стала белой как полотно.

– Ты ведь не...

– Не всерьез? Неужели ты думаешь, что мне нужен партнер, который нарушает приказы, делает то, что я категорически запретил, выставляет меня, нахер, перед полицией себялюбивым идиотом, затычкой в каждой бочке и в довершение всего прямо под носом у полицейских подстрекает к бегству подозреваемого в убийстве?

Он выплеснул это на одном дыхании, и Робин, попятившись, сшибла со стены календарь, который упал на пол с неслышным ей шорохом и стуком – так сильно стучала у нее в ушах кровь. Робин боялась потерять сознание. Она не раз представляла, как он взревет: «Я должен тебя уволить!», но ей никогда не приходило в голову, что это произойдет на самом деле, невзирая на ее вклад в общее дело, на опасности, раны, предвидения и озарения, бесконечные часы неудобств и тягот: что все это будет отмечено, все будет сведено на нет одним лишь актом неповиновения, хотя и продиктованного благими намерениями. Она не могла даже набрать в легкие воздуха, чтобы возразить, потому что ответом на любые ее слова заранее стало написанное у него на лице ледяное презрение к ее никчемности.

Воспоминания об Алиссе и Эйнджел, крепко обнявшихся на диване, мысли о том, что мучения девочки окончены и мать ее не оставит, утешали Робин на протяжении всех долгих часов, когда она ожидала этой развязки. Сама она не посмела признаться Страйку в своем поступке, но теперь раскаивалась.

– Что? – тупо спросила она, потом что он задал какой-то вопрос. Все шумы так и остались незамеченными, бессмысленными.

– Что за мужика ты притащила с собой?!

– Не твое дело, – прошептала она после короткого замешательства.

– Мне сказали, он угрожал Брокбэнку нож... Штырь! – Только сейчас до него дошло, и за маской ярости Робин вдруг увидела прежнего Страйка. – Как ты откопала его телефон?

Но у нее отнялся язык. Все потеряло смысл, кроме одного факта: она уволена. Робин знала, что Страйк никогда не идет на попятную. Своей подруге, с которой они были вместе шестнадцать лет, он ни разу не позвонил после разрыва, хотя Шарлотта неоднократно пыталась установить контакт.

Он шел к выходу. На негнущихся ногах Робин плелась за ним по коридору, как побитая собачонка, которая все еще надеется на прощение хозяина.

– Доброй ночи, – бросил Страйк Линде и Мэтью, которые успели шмыгнуть в гостиную.

– Корморан... – прошептала Робин.

– Зарплату за истекший месяц скоро получишь, – сказал он, отводя глаза. – Контракт разорван. Грубое служебное нарушение.

За ним захлопнулась дверь. Робин слышала, как по дорожке топают огромные ботинки. Ее душили слезы. Линда и Мэтью выскочили в прихожую, но опоздали: Робин скрылась в спальне, не в силах видеть, как они радуются крушению ее мечты о следственной работе.

*When life's scorned and damage done
To avenge, this is the pact.*

Blue Öyster Cult. «Vengeance (The Pact)»^[96]

В половине пятого утра Страйк открыл глаза после практически бессонной ночи. Язык саднило от того, сколько он выкурил накануне, сидя за пластмассовым кухонным столом, размышляя о крахе бизнеса и о своих перспективах. Мысли о Робин он пресекал. Его неутолимая злость дала тонкую трещину, какая появляется во льду с наступлением оттепели, но холод не отступал. Понятно, что Робин хотела спасти ребенка, – кто же против? Разве не правда, что он, как указала Робин, избил Брокбэнка, посмотрев запись с показаниями Бриттани? Но одно то, что его напарница наплевала на предупреждения Карвера, молчком сунулась куда не следует, да еще приволокла с собой Штыря, в очередной раз повергло Страйка в бешенство. Рука потянулась за сигаретами, но в пачке оказалось пусто.

С трудом встав с кровати, он взял ключи и вышел из квартиры – все в том же итальянском костюме, в котором и прикорнул. Над Черинг-Кросс-роуд занимался рассвет; в его серых лучах и бледных тенях все казалось пыльным и хрупким. На углу Ковент-Гарден он купил сигареты и побрел дальше, затягиваясь и думая о своем.

Битых два часа бесцельно прогуляв по улицам, Страйк определился с дальнейшими действиями. Он направился обратно в агентство, но на Черинг-Кросс-роуд заметил, как официантка в черном платье отпирает двери «Каффе Верньяно 1882», и понял, что смертельно голоден.

В маленькой кофейне пахло теплым деревом и молотым кофе. Страйк с благодарностью присел на жесткий дубовый стул и поймал себя на том, что за истекшие тринадцать часов курил сигареты одну за другой, спал в одежде и не почистил зубы после мяса и вина. Из оконного стекла на него смотрело отражение помятого, неопрятного субъекта. Стараясь не дышать в лицо молоденькой официантке, он заказал панини с ветчиной и сыром, бутылку воды и двойной эспresso.

На прилавке ожила и зашипела огромная кофемашина с медным куполом. Страйк погрузился в задумчивость и стал прочесывать свою

совесть в поисках правдивого вопроса на неудобный ответ.

Чем он лучше Карвера? Почему выбирает рискованный и опасный курс – неужели только потому, что это единственный способ остановить убийцу? Или же он пускается во все тяжкие, чтобы за счет поимки убийцы склонить чашу весов в свою сторону, возместить ущерб, причиненный его бизнесу, и вернуть себе репутацию сыщика, который преуспевает там, где бессильна полиция Большого Лондона? Если коротко: что им движет – необходимость или собственное «я»? Что толкает на поступки, в которых многим видятся безрассудство и глупость?

Официантка подала сэндвич и кофе; Страйк жевал с остекленевшим взглядом, будто не обращая внимания на еду.

Нынешняя серия преступлений получила на его памяти самую широкую огласку: полиция наверняка задыхалась под грузом присылаемых сведений и наводок, которые, как положено, проверяются, но никогда – Страйк мог поспорить на что угодно – не помогают задержать хитрого, изворотливого убийцу.

Оставалась еще возможность законтачить с кем-нибудь из начальников Карвера, хотя с такой репутацией, как понимал Страйк, его вряд ли допустят к высшему руководству, которое в любом случае начнет выгораживать своих. Если действовать в обход Карвера, это все равно будет выглядеть как желание подставить главу следственной бригады.

Что еще хуже, у Страйка даже не было доказательств: была только версия насчет того, где можно получить доказательства. Допустим, какой-нибудь чин из столичной полиции воспримет заявление Страйка всерьез – хотя бы настолько, чтобы посмотреть в указанную сторону, но любое промедление могло стоить жизни еще одной девушке.

Он с удивлением заметил, что подчистую умял панини. Ничуть не утолив голода, Страйк тут же заказал повторить.

Нет, сказал он себе с внезапной решимостью. Будет так.

Этого зверя требуется остановить как можно быстрее. Хотя бы сейчас нужно его опередить. Однако для очистки совести, дабы доказать самому себе, что им движет не честолюбие, а прежде всего желание поймать убийцу, Страйк опять взялся за телефон и позвонил инспектору уголовной полиции Ричарду Энстису, самому давнему своему знакомцу в этих структурах. В последнее время отношения у них не складывались, но Страйк – просто для себя – хотел удостовериться, что предоставил возможность полиции сделать его работу.

После затяжной паузы в трубке зазвучали непривычные сигналы вызова. На звонок никто не отвечал. Энстис явно уехал в отпуск. Вначале

Страйк хотел оставить голосовое сообщение, но передумал. Зачем портить человеку отдых – все равно он ничего не сможет сделать, а отдохнуть, имея жену и троих детей, ему необходимо.

Страйк рассеянно просмотрел свои последние вызовы. Номер Карвера был защищен и не определялся. Несколькими строчками ниже – номер Робин. Измотанного, близкого к отчаянию Страйка кольнуло в самое сердце: он все еще бесился, но, кроме как с ней, поговорить-то было не с кем. Он решительно положил мобильный на стол и достал из внутреннего кармана пиджака блокнот и ручку. Уминая второй сэндвич с такой же скоростью, как и первый, Страйк взялся составлять список.

1) Написать Карверу.

Для очистки совести – и отчасти чтобы прикрыть собственную задницу. Не было никакой гарантии, что при нынешней лавине сообщений, которая обрушилась на Скотленд-Ярд, Карверу переправляют всю электронную почту, а его прямого адреса Страйк не знал. Люди по традиции еще всерьез воспринимали письма, написанные ручкой на бумаге, особенно присланные с уведомлением: старомодный конверт, за который Карверу придется расписаться в квитанции, уж точно никуда не денется. Тогда Страйк оставит за собой след, как это делал убийца, и покажет, что все другие способы вывести Карвера на преступника не увенчались успехом. Такой ход мог оказаться полезным в суде, которого, по мнению Страйка, было не избежать, вне зависимости от того, сработает ли план, задуманный им на рассвете в сонном Ковент-Гардене.

2) Баллон с газом (пропан?).

3) Неоновый жилет.

4) Женщина – кто?

Он помедлил, поспорил сам с собой, нахмурился и после долгих раздумий неохотно черкнул:

5) Штырь.

Это автоматически повлекло за собой следующую строчку:

6) 500 ф. (где взять?)

И наконец, после еще одного минутного раздумья:

7) Дать объявление о замене Робин.

*Sole survivor, cursed with second sight,
Haunted savior, cried into the night.*

Blue Öyster Cult. «Sole Survivor»^[97]

Минуло четверо суток. Онемевшая от потрясения и боли, Робин вначале надеялась, даже верила, что Страйк ей позвонит, что возьмет назад свои слова, что осознает сделанную ошибку. Линда уехала; она до последней минуты согревала дочку добротой и поддержкой, но Робин подозревала, что мать втайне радуется ее окончательному разрыву со Страйком.

Мэтью проявил бесконечное сочувствие к невзгодам Робин. Он сказал, что Страйк никогда не понимал своего везения. Он перечислил все, что она сделала для босса, невзирая на смехотворную зарплату и ненормированный рабочий день. Он напомнил, что партнерский статус Робин в агентстве – чистой воды иллюзия, а в довершение суммировал все доказательства неуважения со стороны Страйка: отсутствие партнерского соглашения, неадекватная оплата сверхурочных, низведение Робин до положения прислуги, которая заваривает чай и бежит за сэндвичами.

Еще неделю назад Робин встала бы за Страйка горой. Возразила бы, что сверхурочные часы обусловлены профессиональной спецификой, что нельзя требовать прибавки, когда агентство вынуждено бороться за свое выживание, что Страйк ничуть не реже, чем она, заваривает чай для них обоих. А еще могла бы добавить, что Страйк, едва сводящий концы с концами, изыскал возможность отправить ее на курсы наружного наблюдения и контрнаблюдения и что неразумно ожидать, чтобы он, как старший партнер, единственный инвестор и основатель агентства, поставил ее на одну доску с собой.

Но ничего этого она не озвучила по той причине, что последние три слова, сказанные в ее адрес Страйком, изо дня в день преследовали ее, будто стук собственного пульса: «грубое служебное нарушение». И при этом выражение его лица заставило Робин сделать вид, что полностью солидарна с Мэтью, что ее захлестывает гнев, что на этой работе свет клином не сошелся и что Страйк не обладает ни цельностью

натуры, ни нравственным чувством, если отказывается ставить безопасность Эйнджел выше всех других соображений. У Робин не осталось ни сил, ни желания указывать Мэтью, что в последнем вопросе у него наблюдается поворот на сто восемьдесят градусов: ведь первоначально он пришел в ярость, когда узнал, что ее понесло в дом к Брокбэнку.

Шли дни; Страйк не давал о себе знать; под молчаливым давлением жениха Робин делала вид, что назначенная на субботу свадьба не только вытеснила у нее из головы недавнее увольнение, но и вообще занимает все ее мысли. Вынужденная изображать в его присутствии душевный подъем, Робин вздыхала с облегчением, оставаясь в одиночестве после его ухода на работу.

Вечерами, перед его возвращением, она стирала из ноутбука историю поиска, чтобы он не узнал, что она внимательно отслеживает в Сети всю новую информацию по Шеклуэллскому Потрошителю и столь же методично гуглит Страйка.

Накануне их отъезда в Йоркшир Мэтью принес домой газету «Сан», которую всегда презирал.

– Зачем ты это купил?

Мэтью стал подбирать слова, и у Робин внутри все перевернулось.

– Неужели опять?..

На самом деле она, просидев весь день в интернете, знала, что нового убийства не произошло.

Мэтью развернул газету, открыл ее примерно на десятой странице и с непроницаемым лицом протянул Робин. С газетной полосы смотрела ее собственная фотография, на которой она, одетая в свой обычный тренч, понуро выходила из здания суда после выступления в качестве свидетеля на громком процессе по делу об убийстве Оуэна Куайна.

На двух небольших врезках были изображены Страйк, вроде как с похмелья, и ослепительная фотомоделка, убийцу которой изобличили они вместе. Под фотоколлажем шел текст:

***ДЕТЕКТИВ, РАСКРЫВШИЙ ДЕЛО ЛЭНДРИ, ИЩЕТ
НОВУЮ ПОМОЩНИЦУ***

Корморан Страйк, раскрывший убийства супермодели Лулы Лэндри и писателя Оуэна Куайна, расстался с эффектной 26-летней помощницей Робин Эллакотт.

Детектив разместил в интернете следующее объявление о вакансии: «Если вы имеете опыт полицейской или военной следственной работы и готовы посвятить себя...»

Дальше шло еще несколько абзацев, но у Робин не хватило духу дочитать до конца. Она только посмотрела на имя автора: им оказался Доминик Калпеппер, знакомый Страйка. Возможно, Страйк сам позвонил журналисту, который нередко выпрашивал у него темы для новых материалов, и обеспечил своему объявлению самую широкую огласку.

Робин думала, что чувствует себя хуже некуда, но сегодня она поняла, что сильно заблуждалась. Ее и в самом деле выставили на улицу после всего, что она сделала для своего босса. Значит, она была одноразовой «помощницей», «ассистенткой», но никак не партнером, не ровней; и вот он уже подыскивает ей замену с опытом полицейской или военной службы – из числа дисциплинированных, беспрекословно выполняющих приказы.

Ее душила злость, перед глазами все расплывалось: прихожая, газета, изображающий сочувствие Мэтью... Ей стоило больших усилий не броситься в гостиную, где заряжался мобильный, и не позвонить Страйку. За минувшие четверо суток у нее не раз возникало желание это сделать, но лишь для того, чтобы просить... умолять его отменить свое решение.

Довольно. Теперь ей хотелось кричать, принижать, обвинять его в черной неблагодарности, лицемерии, отсутствии представления о чести... Мэтью перехватил ее горящий взгляд, и прежде чем он успел изобразить сочувствие, она заметила, что он в восторге от того, как неприглядно проявил себя Страйк. Мэтью, как она теперь поняла, неся во весь опор, чтобы показать ей эту газетенку. Его радость оказалась куда весомей ее душевных мук.

Отвернувшись, Робин пошла на кухню и дала себе слово не повышать голоса на Мэтью. Их ссора вылилась бы в торжество Страйка. Нельзя позволять бывшему начальнику омрачать ее отношения с человеком, с которым она должна... с которым она *хочет* обвенчаться через три дня.

Неуклюже откидывая спагетти из кастрюли на дуршлаг, Робин брызнула на себя кипятком и чертыхнулась.

– Опять паста? – спросил Мэтью.

– Да, – холодно ответила Робин. – Какие-то возражения?

– Нет, что ты! – Мэтью подошел к ней сзади и обнял. – Я тебя люблю, – прошептал он ей в волосы.

– Я тебя тоже, – машинально ответила Робин.

«Лендровер» был набит под завязку: туда загрузили все, что могло понадобиться для поездки на север страны, для свадебного банкета в отеле «Суинтон-Парк» и для медового месяца «в жарких краях» – подробности держались от нее в тайне.

Наутро они встали в десять, когда ярко светило солнце, оба надели футболки с коротким рукавом, и Робин, садясь в машину, вспомнила, как туманным апрельским утром отъезжала от дома одна, а Мэтью в отчаянии бросился следом, но она без оглядки умчалась к Страйку.

Робин водила машину куда увереннее, чем Мэтью, но в совместных поездках за руль всегда садился он. Сворачивая на трассу M1, Мэтью запел «Never Gonna Leave Your Side». Старая песня – они тогда учились на первом курсе. Как же этого красавчика звали... *Daniel Bedingfield*, вот как^[98].

– Ты не мог бы сменить пластинку? – внезапно сказала Робин, не в силах больше это слушать.

– Прости. – В его голосе звучало удивление. – Мне казалось, как раз подходит к случаю.

– Возможно, для тебя эта песня связана со счастливыми воспоминаниями, – Робин отвернулась и стала смотреть в окно, – но для меня – нет.

Краем глаза она заметила, что Мэтью покосился на нее, но тут же продолжил следить за дорогой. Через милую-другую Робин пожалела, что вообще раскрыла рот.

– Спой что-нибудь другое.

– Да ладно, чего там, – сказал он.

Когда в Доннинг-парке они свернули на бензоколонку, чтобы выпить кофе, в воздухе похолодало. Оставив жакет на спинке стула, Робин вышла в туалет. Оставшись один, Мэтью потянулся, и футболка вылезла из джинсов, обнажив несколько дюймов плоского живота. Это привлекло внимание буфетчицы за стойкой «Коста-кофе». Довольный собой и жизнью, Мэтью расплылся в улыбке и подмигнул девушке. Та зарделась, хихикнула и повернулась к парню, который тоже стоял за стойкой и все видел.

В кармане жакета зазвонил телефон. В полной уверенности, что Линда хочет справиться, скоро ли они приедут, Мэтью под взглядом девушки-буфетчицы лениво протянул руку и вытащил из кармана Робин мобильный.

Звонил Страйк.

Мэтью смотрел на вибрирующий гаджет как на тарантула. Телефон продолжал звонить и вибрировать у него в руке. Он оглянулся: Робин еще не появилась. Ответив на вызов, он тут же дал отбой. Теперь на экране значилось: «Пропущенный: Корм».

Этот урод хочет зазвать Робин обратно, решил Мэтью. Страйку потребовалось пять дней, чтобы понять: никого лучше Робин ему не найти. Может, он начал проводить собеседования с кандидатами, но никто ему не подошел, а может, все смеялись ему в лицо, когда он озвучивал размер жалкой заработной платы.

Телефон зазвонил вновь: Страйк хотел проверить, намеренно был сброшен его звонок или случайно. От нерешительности Мэтью впал в ступор. Он не посмел ни ответить за Робин, ни послать Страйка куда подальше. Зная повадки этого барана, Мэтью понимал: тот будет жать на повтор до умертвия, пока не услышит голос Робин. Звонок был перенаправлен в голосовую почту. Теперь до Мэтью дошло, что записанное извинение – это самое гнусное: Робин будет прослушивать его снова и снова, пока не устанет и не смягчится...

Он поднял голову: Робин возвращалась. Прижав к уху ее телефон, Мэтью поднялся из-за стола и изобразил разговор.

– Это папа, – соврал он, прикрывая трубку ладонью и заклиная судьбу, чтобы Страйк не позвонил снова, пока разыгрывается этот спектакль. – Мой разрядился... Слушай, какой у тебя пароль? Мне нужно кое-какие рейсы проверить... чтобы папе сказать...

Она назвала пароль.

– Дай мне минутку, я хочу, чтобы это был сюрприз, – сказал Мэтью и отошел в сторону, соображая на ходу и разрываясь между гордыней и стыдом.

Укрывшись в мужском туалете, он открыл ее мобильный.

Чтобы стереть всякую информацию о звонке Страйка, нужно было стереть всю историю звонков. Так Мэтью и сделал. Потом он зашел в голосовую почту, прослушал сообщение Страйка и его тоже стер. А под конец перешел в настройки, чтобы заблокировать номер.

Сделав глубокий вдох, он повернулся к своему эффектному отражению в зеркале. В голосовом сообщении Страйк сказал, что, не получив от нее ответа, сам больше звонить не будет. До венчания оставалось сорок восемь часов, и растревоженный, задиристый Мэтью понадеялся, что Страйк сдержит слово.

Он был взвинчен, весь на нервах, почти не сомневался, что где-то дал маху. У него даже побелели костяшки пальцев – с такой силой он вцепился в ременную петлю, когда поезд метро с грохотом мчался в южном направлении. Из-за темных очков щурились припухшие, воспаленные глаза, пробегая названия станций.

Пронзительный голос Чуда все еще буравил барабанные перепонки:

– Я тебе не верю. Если у тебя ночная работа, деньги где? Нет... Я с кем разговариваю?.. Нет... никуда ты больше не пойдешь...

Залепил ей пощечину. Понятно, этого нельзя было делать: ее искаженное ужасом лицо до сих пор не давало ему покоя: глаза расширились от потрясения, рука схватилась за щеку, на бледной коже наливались кровью отметины от пальцев.

А нечего. Сама виновата. За последние две недели она его совсем довела, вот он и не сдержался. Вернувшись домой с красными чернилами в глазах, он притворился, будто у него аллергия, но не получил от этой змеи ни капли сочувствия. Еще и бухтела: где был? И впервые потребовала деньги – он же якобы халтуру нашел и похвалялся, что зарабатывает. Раньше они с парнями подворовывали, но в последнее время он всего себя посвятил охоте.

Чудо притащило в дом какую-то газетенку со статьей о Шеклуэллском Потрошителе: дескать, у него, вероятно, теперь вокруг глаз красные чернильные пятна. Газету он сжег в саду, но кто мешает Чуду прочесть в любом другом месте. Позавчера он заметил, что Чудо как-то странно на него смотрит. На самом деле она не дура, далеко не дура; неужели начала догадываться? Эта тревога была ему совершенно некстати, тем более что неудачное покушение на Секретутку обернулось для него почти унижением.

Слежка за Секретуткой потеряла всякий смысл – та ушла от Страйка с концами. Эту новость он прочел в интернет-кафе, куда порой заходил на часок скоротать время, просто чтобы не возвращаться к Чуду. Оставалось утешаться тем, что его тесак нагнал на нее страху, что у нее на всю жизнь останется – его стараниями – длинный шрам от кисти

до локтя, но это все полумеры.

Долгие месяцы тщательной подготовки должны были привести к тому, чтобы замарать Страйка убийством, бросить на него тень подозрения. Первым делом связать его с убийством той тупой сучонки, жаждавшей ампутации, чтобы полиция встрясла из него всю душу, а публика-дура решила, что дыма без огня не бывает. Далее, убить его Секретутку. Пусть бы потом отмазывался. Пусть бы попробовал укувылять от ответственности. Пусть бы попробовал остаться после этого знаменитым сыщиком.

Но этот ублюдок выкрутился. В прессе ни словом не упоминались письма, в частности то, которое он старательно написал от имени Келси, чтобы сделать Страйка подозреваемым номер один. Так ведь нет: пресса, наоборот, спелась с этим гадом, утаила имя Секретутки, не обмолвилась, что та связана со Страйком.

По-видимому, резонно было бы на этом остановиться... да вот только остановиться он не мог. Слишком далеко зашел. Никогда прежде он не строил планы с такой тщательностью, с какой просчитывал уничтожение Страйка. Этот жирный хромой урод уже начал искать замену Секретутке, поспешил дать объявление – короче, ничем не напоминал неудачника, оставшегося не у дел.

Был только один положительный момент: легавый в штатском на Денмарк-стрит больше не появлялся. Отозвали. Решили, как видно, что необходимость отпала, раз Секретутка уехала.

По-видимому, резонно было бы не возвращаться к месту работы Страйка, но уж очень хотелось посмотреть, как перепуганная Секретутка уйдет с коробкой в руках, или хоть краем глаза увидеть Страйка опущенным, побитым, но нет: вскоре после того, как он скрытно занял место для наблюдения за улицей, этот ублюдок прошагал как ни в чем не бывало по Черинг-Кросс-роуд с обалденной телкой.

Как видно, это была временная секретарша, потому как Страйку покамест не хватило времени, чтобы найти постоянную замену, а тем более провести собеседование. Не может же Большой Человек сам открывать почту. А каблучки у мадам сделали бы честь той маленькой шлюшке. Балансировала она ловко, да еще крутила шикарнейшей задницей. Вот нравились ему черненькие, всегда к ним тянуло. Будь у него выбор, он бы, конечно, не Секретутку предпочел, а такую «шоколадку».

Курсов наружки эта, понятное дело, не кончала. Впервые ее увидав, он все утро следил за офисом Страйка: она бегала на почту и обратно, с мобильным не расставалась, дальше своего носа ничего не видела,

все время волосы свои длинные отбрасывала, которые ей обзор загоразживали, – ни с кем надолго глазами не зацеплялась, голос, когда по телефону трындеда или по мере надобности с кем-нибудь на ходу переговаривалась, не понижала. В час дня зашел он следом за ней в бутербродную и услышал, как она громко договаривается на следующий вечер в «Корсика Студиоз» пойти.

Что такое «Корсика Студиоз», он прекрасно знал. И где находится – тоже. По жилам пробежало волнение: пришлось от нее отвернуться и для виду в окно уставиться, чтобы выражением лица себя не выдать всем и каждому... Если эту оприходовать, пока она на Страйка пашет, план будет выполнен. Имя Страйка крепко-накрепко свяжется с двумя порезанными телками, и никто – ни полиция, ни публика, – никогда больше ему не поверит.

С этой фифой мороки не будет. Секретутка ей не чета: вечно настороже, тротуар под контролем держит, домой, к своему Красавчику, ходит людными, ярко освещенными улицами, а эта временная прямо на блюдечке себя предлагает. На всю бутербродную рассказала, как завтра с компашкой встречается, – и обратно в контору на своих каблучицах. Страйковы сэндвичи, кстати, по пути разок выронила.

Кстати, когда она наклонилась, чтобы их подобрать, он заметил, что на пальце у нее нет ни помолвочного, ни обручального кольца. Уходя, он с трудом сдержал ликование и продолжил разрабатывать планы.

Кабы он не влепил пощечину Чуду, вообще ходил бы в прекрасном, взволнованном, приподнятом настроении. Пощечина – не лучшее начало вечера. Неудивительно, что он разнервничался. У него не оставалось времени побыть с ней, утешить, задобрить: он просто хлопнул дверью – так не терпелось добраться до Временной – и до сих пор не успокоился... А вдруг Чудо заявит в полицию?

Нет, не заявит. Было бы о чем говорить – пощечина. Чудо его любит, все время это повторяет. А когда они тебя любят, им и до убийства дела нет.

У него защекотало в затылке; странное ощущение. Он оглянулся с безумной мыслью, что сейчас увидит Страйка, который пялится на него из угла вагона, но в той стороне не оказалось никого, кто хотя бы отдаленно напоминал этого жирного ублюдка: там лишь сгрудилась кучка каких-то сомнительных типов. Один, со шрамом на роже и золотой фиксой, действительно приглядывался к нему, но, встретившись взглядом с темными очками, прекратил глазеть и занялся своим мобильным.

По-видимому, будет резонно сразу по выходе из метро позвонить Чуду и сказать, что он ее любит, а потом уж идти в «Корсика Студиоз».

With threats of gas and rose motif.

Blue Öyster Cult. «Before the Kiss»^[100]

Стоя в тени с мобильником в руке, Страйк выжидал. Глубокий карман его поношенной куртки, слишком тяжелой для такого теплого июньского вечера, топорщился и отвисал под грузом содержимого, которое Страйк прятал от посторонних глаз. Его план требовал темноты, но солнце не спешило заходить за разномастные крыши, которые просматривались из его укрытия.

Зная, что нужно целиком и полностью сосредоточиться на рискованном деле, намеченном на грядущую ночь, он все время возвращался мыслями к Робин. Она не перезвонила. Страйк мысленно назначил крайний срок: если она не позвонит до полудня, то не позвонит уже никогда. Завтра в полдень она обвенчается с Мэтью и тем самым, как считал Страйк, воздвигнет роковой барьер. Если разговор не состоится до того момента, когда у нее на пальце заблестит обручальное кольцо, то, скорее всего, он не состоится никогда. Коль скоро судьба решила преподать ему урок и объяснить, как много он потерял, этой цели вполне отвечало недавнее появление у него в офисе воинственной, шумливой, хотя и ослепительной с виду женщины.

На западе небо над крышами вспыхнуло яркими, как оперение попугая, цветами: алым, оранжевым и даже нотками зеленого. За этим огненным шоу виднелась бледно-лиловая промоина с редкими звездами. Приближалось время выдвигаться.

Штырь будто услышал его мысли: мобильный завибрировал. На экране читалось:

Завтра по пиву?

У них был выработан условный код. Если дело дойдет до суда, а Страйк считал, что, скорее всего, так и будет, он намеревался на пушечный выстрел не подпускать Штыря к свидетельскому месту. Сегодняшние сообщения не должны были стать уликами. «Завтра по пиву?» означало «Он в клубе».

Опустив мобильный в карман, Страйк вышел из своего укрытия и пересек неосвещенную парковку, на которую выходила окнами нежилая квартира Дональда Лэйнга. Сверху на него взирал квартал «Страта», необъятный, с асимметрично расположенными окнами, в которых играли последние отблески кровавого света.

Фасад Уолластон-Клоуз был затянут мелкой сеткой, чтобы птицы не гадили на балконах и не залетали в открытые окна и двери. Страйк направился к боковому подъезду, где после ухода девичьей компании предусмотрительно подложил под дверь клиновидный брусок. Брусок никто не убрал. Жильцы полагали, что кто-то будет возвращаться домой с полными руками, и не хотели нарываться на ссору. В таком районе злобный сосед был не менее опасен, чем посторонний злоумышленник, который как пришел, так и ушел.

На полпути вверх по лестнице Страйк снял куртку и остался во флуоресцентном жилете. Держа куртку перед собой, чтобы прикрывать баллон с пропаном, он поднялся выше и оказался на внешней галерее перед квартирой Лэйнга.

Туда выходило несколько квартир; везде горел свет. В этот теплый вечер окна были открыты; во мраке плыли голоса соседей Лэйнга и звуки их телевизоров. Страйк неслышно прошел в торец, где оставалась неосвещенной пустая квартира. Перед дверью, хорошо знакомой ему после долгих часов слежки, он достал из-под куртки баллон, прижал его левым локтем и вытащил из кармана сначала пару латексных перчаток, которые тут же надел, а затем связку отмычек, частично своих, но в основном позаимствованных у Штыря. На связке имелись универсальный ключ, два набора жиглеров и всевозможные отмычки.

Как только Страйк присмотрелся к двум дверным замкам Лэйнга, из соседского окна вырвался женский голос с американским акцентом:

– Есть такое понятие, как закон, и есть такое понятие, как справедливость. Я собираюсь действовать по справедливости^[101].

– Все бы отдал, чтоб трахнуть Джессику Альбу, – произнес нетрезвый мужчина под одобрительный смех двоих других.

– Давай же ты, скотина, открывайся, – пробормотал Страйк, возившийся с нижним замком и крепко прижимавший локтем баллон с пропаном. – Давай... давай...

Замок громко щелкнул. Страйк толчком открыл дверь.

Как он и ожидал, в ноздри ударило зловоние. В запущенной комнате почти не было мебели. Перед тем как зажечь свет, требовалось задернуть занавески. Повернув налево, он споткнулся о какую-то коробку. На пол

с грохотом упало что-то тяжелое.

Черт!

– Эй! – раздалось из-за хлипкой стенки. – Ты, что ли, Донни?

Страйк поспешно вернулся к входу и возле дверной стойки ощупью нашел выключатель. Хлынувший с потолка свет обнажил старый, весь в пятнах, двуспальный матрас и оранжевую коробку, на которой, по-видимому, стояла док-станция для айпода, сейчас валявшаяся на полу.

– Донни! – Теперь тот же самый голос раздавался с внешней галереи.

Страйк открыл вентиль и пинком отправил баллон под оранжевую коробку. С галереи раздались шаги, потом стук в дверь. Страйк открыл.

На него мутными глазами смотрел прыщавый человечек с жирными волосами, с виду сильно укуренный, державший в руках банку пива «Джон Смит».

– Мать честная, – проблеял он, принюхиваясь. – Чем тут воняет?

– Газом, – ответил Страйк, который в своем неоновом жилете ничем не отличался от суровых представителей Национальной компании сетей энергоснабжения. – Вызов поступил от соседей сверху. Утечка явно здесь.

– Ну и дела. – Соседа, похоже, затошнило. – Мы на воздух-то не взлетим?

– Именно это мне и предстоит выяснить, – назидательно ответил Страйк. – У вас в квартире нет открытого огня? Никто не курит?

– Побегу проверю, – испугался сосед.

– Хорошо. Я здесь закончу, а потом к вам зайду, – пообещал Страйк. – Сейчас бригада подъедет.

Он пожалел, что с языка слетела последняя фраза, но сосед ничуть не удивился, услышав такое от газовщика.

Когда сосед уже повернулся, чтобы бежать к себе, Страйк спросил:

– Как фамилия владельца квартиры? Донни, а дальше как?

– Донни Лэйнг. – Сосед не знал, как унести ноги, чтобы спрятать свою заначку и погасить открытое пламя. – Он мне сорок фунтов задолжал.

– Ну, знаете, – сказал Страйк, – это ваши проблемы.

Сосед засеменил к себе в квартиру, а Страйк затворил дверь и поблагодарил свою счастливую звезду, что заранее придумал, как обставиться.

Теперь дело было лишь за тем, чтобы полиция не нагрязнула раньше времени, пока он не раздобыл доказательства...

Он поднял оранжевую коробку, закрутил шипящий баллон и водрузил на место док-станцию и айпод.

Уже собравшись углубиться дальше в квартиру, он кое-что вспомнил

и вернулся к айподу. Одно легкое касание затянутым в латекс пальцем – и миниатюрный экран вспыхнул. «Hot Rails to Hell»^[102] – Страйк прекрасно знал: это была песня *Blue Öyster Cult*.

Народу прибывало. Клуб был устроен в двух пролетах железнодорожного моста, точно таких, как напротив его дома, и напоминал бункер, причем впечатление усиливалось кровлей из рифленого железа. На ребрах металла играл психоделический свет проектора. Оглушительно гремела музыка.

Не очень-то там горели желанием его впускать. Охранники явно хотели до него докопаться, и в какой-то момент он даже испугался, не станут ли его обыскивать, ведь за подкладкой куртки лежали ножи.

Выглядел он – что неприятно – старше всех, кто здесь тусовался. Вот что делает с человеком псориазический артрит: испещряет оспинами, заставляет накачиваться стероидами. Мышцы заплыли жиром – разве так он выглядел в своем боксерском прошлом? На Кипре он с легкостью кадрил баб – теперь всё. Понятно, что эти подвыпившие соплишки, которые толпились под сверкающим шаром, – не для него. А как одеты – по его понятиям, для клуба совершенно неприемлемо. Приходят в джинсах, в футболках – чисто лесбиянки.

А где же временная секретарша Страйка, с роскошной задницей, восхитительно рассеянная? Высоких чернокожих девиц пришло мало, эта должна выделяться из толпы, но нет: он прочесал взглядом и бар, и танцпол, но ее так и не увидел. Поначалу это выглядело как подарок судьбы: она сама предложила клуб по соседству с его квартирой; он даже подумал, что возвращается к своему божественному статусу, коль скоро вселенная вновь перегруппировалась к его пользе, но это ощущение непобедимости оказалось быстротечным и, считай, полностью разбилось о скандал с Чудом.

Музыка глухими ударами билась у него в голове. Куда приятней сидеть у себя в квартирке и под *Blue Öyster Cult* драть над своими трофеями, но он же своими ушами слышал, что она собиралась именно сюда... какой облом: ведь в такой толкучке можно было бы притереться к ней вплотную и пырнуть ножом: это стадо ничего бы не заметило, да и крика ее не услышало... Где ж ее носит, сучку эту?

Какой-то мудила в тенниске с портретом группы *Wild Flag*^[104] толкнул

его не раз и не два – сам напрашивался, чтобы его отпинали. Но вместо этого пришлось, поработав локтями, выбраться из бара, чтобы снова осмотреть танцпол.

Мерцающие огни скользили по сплошному качающемуся ковру потных лиц и рук. Но вот блеснуло золото... ухмылка, исполосованная морда... Он ринулся в толпу зевак – плевать, что для этого пришлось отшвырнуть с дороги каких-то потаскушек.

Этот парняга в шрамах попался ему на глаза в подземке. Он обернулся. Парняга будто кого-то выискивает: приподнимается на цыпочки, озирается.

Что-то тут не то. Он нутром почуял. Подозрительно как-то. Чуть согнув колени, чтобы затеряться в толпе, он устремился к пожарному выходу.

– Извини, друг. Здесь не положено...

– Да пошел ты!

Он вылетел из клуба. Попробовал бы кто его остановить. Запер пожарную дверь на перекладину и выскочил в темноту. Пробежался вдоль наружной стены и свернул за угол, где в одиночестве смог отдышаться и просчитать свои возможности.

«Ты в полной безопасности, – твердил он себе. – Ты в полной безопасности. Предъявить тебе нечего».

Но так ли это?

Из огромного множества клубов она назвала тот, что в двух минутах от его дома. Вдруг это не подарок судьбы, а нечто совсем иное? Вдруг его хотят подставить?

Нет. Быть такого не может. Страйк подослал к нему легавых – и те нисколько не заинтересовались его персоной. Опасности нет, это точно. Ничто не связывает его ни с одной из тех...

Но ведь этот парняга в шрамах ехал в метро от Финчли. Мысли сами возвращались к этой временной секретарше. Если кто-то вздумал вести слежку не за Дональдом Лэйнгом, а за совершенно другим человеком, тогда это капец...

Он пошел вперед, время от времени двигаясь короткими перебежками. Костыли – полезная деталь маскировки – были больше не нужны, разве что требовалось разжалобить доверчивых теток, облапошить службу помощи инвалидам, обеспечить себе прикрытие как человеку слишком слабому и больному, чтобы пускаться на поиски юной Келси Платт. Артрит рассосался много лет назад, хотя до сих пор приносил пользу и позволял содержать квартирку в Уолластон-Клоуз...

Поспешно миновав парковку, он нашел глазами свою квартиру.

Занавески были задернуты. Он мог поклясться, что оставлял окна незанавешенными.

*And now the time has come at last
To crush the motif of the rose.*

Blue Öyster Cult. «Before the Kiss»^[105]

Лампочка в единственной спальне перегорела. Страйк включил принесенный с собой фонарик и медленно направился к одинокому предмету мебели – дешевому шифоньеру из сосны. Дверца скрипнула.

Внутри все было обклеено газетными вырезками на тему Шеклуэллского Потрошителя. На самом верху, прихваченный скотчем, висел отпечатанный на стандартном листе бумаги портрет обнаженной, еще юной матери Страйка, с заложенными за голову руками, в облаке длинных темных волос, под которыми виднелись гордо выпяченные груди; над треугольником лобка отчетливо просматривалась дуга татуировки с затейливо выведенной надписью: «Mistress of the Salmon Salt».

Посветив вниз, он увидел кипу журналов с жестким порно, а рядом – черный мешок для мусора. Зажав фонарик под мышкой, Страйк открыл мешок руками в латексных перчатках. Внутри оказалась небольшая коллекция женского белья, отчасти заскорузлого от бурой крови. На самом дне пальцы нащупали цепочку и серьгу-обруч. В луче света блеснула сердцевидная подвеска-арфа. На серье виднелось пятно засохшей крови. Страйк положил все это обратно в мешок, прикрыл дверцу шифоньера и перешел в тесную кухню, откуда определенно исходил трупный запах, распространившийся по всей квартире. Соседи включили телевизор. Из-за хлипкой стены донеслась гулкая канонада. До слуха Страйка донесся слабый пьяный смех.

Рядом с чайником стояли большая банка растворимого кофе и бутылка виски, здесь же лежали увеличительное зеркало и бритвенный станок. Плита заросла толстым слоем жира и пыли, – вероятно, ею давно не пользовались. На дверце холодильника остались розовато-грязные разводы от тряпки. Как только Страйк потянулся к ручке, в кармане у него завибрировал мобильный. Оказалось, Штырь. Но у них был уговор не звонить, а в случае чего присылать сообщения.

– Штырь, мать твою... – прошипел Страйк, поднося трубку к уху. –

Тебе же было ясно сказано...

Дыхание у себя за спиной он услышал за долю секунды до того, как над его шеей взметнулся тесак. Страйк увернулся, но выронил телефон и поскользнулся на грязном полу. Когда он падал, острое лезвие рассекло ему ухо. Нескладная тень вновь занесла тесак над поверженным Страйком; тот пнул нападавшего в пах, и убийца задохнулся от боли, попятился назад и опять занес нож.

С трудом поднявшись на колени, Страйк что есть силы двинул его между ног. Тесак выпал у того из рук на спину Страйку, и он вскрикнул от боли, но все равно обхватил колени Лэйнга и повалил его на пол. Хотя Лэйнг ударился головой о дверцу духовки, толстые пальцы потянулись к горлу Страйка. Сыщик попытался нанести удар, но был придавлен грузной тушей. Могучие ручищи сомкнулись у него на шее. Страйку стоило напряжения всех сил ударить Лэйнга головой, отчего тот повторно стукнулся затылком о дверцу духовки...

Они покатались по полу; Страйк оказался сверху. Он приготовился дать Лэйнгу по морде, но тот сохранил прежнюю быстроту реакции: одной рукой он отразил удар, а другую просунул Страйку под нижнюю челюсть и стал поднимать вверх... Не видя цели, Страйк выбросил вперед кулак и услышал хруст кости. А потом откуда ни возьмись взялся мощный кулак Лэйнга, который обрушился в лицо Страйка и сломал ему нос; от силы удара Страйк качнулся назад, из глаз брызнули слезы, зрение затуманилось; тяжело дыша и стеная, Лэйнг отшвырнул его от себя... ниоткуда, как фокусник, вытащил разделочный нож... Почти ослепленный, с полным ртом крови, Страйк заметил вспышку металла и выбросил вперед протезированную ногу... металл чиркнул о металл, стальной стержень лодыжки вновь поднялся...

– Порву, сука!

Подскакивший сзади Штырь стиснул шею Лэйнга стальным зажимом. Страйк опрометчиво схватился за разделочный нож, чтобы обезоружить Лэйнга, но лишь глубоко порезал ладонь. Штырь сцепился с Лэйнгом: шотландец, намного крупнее и тяжелее своего противника, одерживал верх. Страйк протезированной ногой с силой лягнул руку Лэйнга и наконец-то выбил у него нож. Теперь он смог помочь Штырю повалить Лэйнга на пол.

– Не смей, гад, зарежу! – взвыл Штырь, сжимая пальцы на шее Лэйнга, который с бессильно отвисшей челюстью извивался и матерился, стиснув тяжелые кулаки. – Не ты один пером махать умеешь, говна кусок!

Страйк достал наручники – самое дорогое, что он умыкнул из Отдела специальных расследований. Общими усилиями Страйк со Штырем

скрутили Лэйнга так, чтобы сковать его толстые запястья за спиной; тот до последнего вырывался и неумолчно сыпал бранью. Когда отпала необходимость удерживать Лэйнга, Штырь с такой силой пнул его в диафрагму, что убийца издал долгий, слабый хрип и на время утратил дар речи.

– Ты жив, Бунзен? Бунзен, где он тебя зацепил?

Страйк привалился к плите. Из рассеченной ушной раковины хлестала кровь, из пореза на ладони тоже, но больше всего его мучил стремительно распухающий нос, потому что кровь стекала в рот и затрудняла дыхание.

– Держи, Бунзен. – Наскоро обыскав тесную берлогу, Штырь вернулся с рулоном туалетной бумаги.

– Спасибо, – хрипло выговорил Страйк и принялся плотно набивать бумагой ноздри, а потом посмотрел вниз, на Лэйнга. – Я вас приветствую, Рэй.

Хрипящий Лэйнг промолчал. Его лысина слабо поблескивала в лунном свете, освещавшем нож.

– Ты ж говорил, его типа Дональд зовут? – с любопытством спросил Штырь.

Лэйнг зашевелился. Штырь еще раз пнул его в живот.

– Так и есть, – ответил Страйк. – Хорош ногами махать: покалечишь его, а меня потом по судам затаскают.

– А почему ж ты его зовешь?..

– Да потому... – начал Страйк, – эй, ничего тут не лапай, Штырь, мне твои отпечатки не нужны... да потому, что Донни живет двойной жизнью. За пределами этой берлоги... – Страйк подошел к холодильнику и положил левую руку, все еще в целехонькой латексной перчатке, на ручку дверцы, – он у нас героическая личность, бывший пожарный Рэй Уильямс, который живет в Финчли с Хейзел Ферли.

Распахнув дверцу, Страйк все той же левой рукой открыл морозильную камеру. Там лежали груди Келси Платт, уже высохшие, как плоды инжира, желтые, кожистые. Рядом – пальцы Лайлы Монктон, с пурпурными ноготками и глубокими отпечатками зубов Лэйнга. У задней стенки обнаружилась пара отсеченных ушей с небольшими пластмассовыми серьгами в виде рожков с мороженым и скукоженный кусок плоти, в отверстиях которого угадывались ноздри.

– Ё-моё! – вырвалось у Штыря, который наклонился поглядеть из-за спины Страйка. – Ё-моё, Бунзен, это ж...

Захлопнув дверцы морозильной камеры и холодильника, Страйк повернулся к своему пленнику.

Лэйнг затих. Страйк не сомневался: он уже шевелит своими хитрыми лисьими мозгами, чтобы придумать, как обернуть эту пиковую ситуацию к своей выгоде, представить дело так, что Страйк его подставил, подбросил или подтасовал улики.

– А ведь я должен был тебя узнать, правда, Донни?

Страйк оборачивал правую руку туалетной бумагой, чтобы унять кровотечение. В тусклом лунном свете, пробивавшемся сквозь грязное окно, черты Лэйнга были трудноразличимы под грузом жира, которым обросло его некогда поджарое, мускулистое тело под воздействием стероидов и малоподвижного образа жизни. Его тучность, его сухая, морщинистая кожа, эта борода, отпущенная единственно для того, чтобы скрыть оспины, чисто выбритая голова и шаркающая походка добавляли ему по меньшей мере десяток лет.

– Должен был тебя узнать в доме Хейзел, как только ты мне открыл дверь, – продолжил Страйк, – но ты закрывал морду, слезы, мать твою, утирал, помнишь? Чем ты только буркалы натер, чтоб они у тебя так распухли?

Прежде чем закурить, Страйк протянул пачку сигарет Штырю.

– Сейчас вспоминаю: ньюкаслский говорок ты явно пережимал. В Гейтсхеде нахватался, так ведь? Он всегда был классным пародистом, наш Донни, – обратился детектив к Штырю. – Слышал бы ты, как он капрала Оукли изображал. Душа любой компании наш Донни.

Штырь как замороженный переводил взгляд со Страйка на Лэйнга. Страйк курил и тоже смотрел на Лэйнга. Нос нещадно саднило и дергало, отчего глаза постоянно слезились. Ему хотелось, чтобы убийца хотя бы один раз заговорил до приезда полиции.

– Помнишь, Донни, как ты избил и ограбил слабоумную старушку в Корби? Несчастную миссис Уильямс. Стырил награду ее сына за отвагу на пожаре, да и документами его заодно разжился. Знал, что он за границей живет. Отчего ж не примерить на себя чужую личину, если для начала ксивой обзавестись? Не так уж сложно тогда одурачить одинокую женщину и пару лохов-легавых.

Лэйнг молча валялся на грязном полу, но Страйк почти физически ощущал лихорадочную работу его паскудных, прижатых к стенке извилин.

– Я нашел в доме аккутан, – сказал Страйк Штырю. – Это таблетки от угревой сыпи, но еще и от псориатического артрита. Вот тогда бы мне и догадаться. Он прятал их в комнате Келси. Рэй Уильямс не страдал артритом. Готов поспорить, у вас с ней – с Келси – было много маленьких секретов, я прав, Донни? Ты ее накручивал, направлял в мою сторону –

именно так, как тебе требовалось, да? Катал ее на мотоцикле возле моего агентства... делал вид, что отправляешь ее письма... приносил ей поддельные записки от моего имени...

– Вот ублюдок поганый! – прорвало Штыря.

Он навис над Лэйнгом, явно вознамерившись загасить сигарету о его жирную физиономию.

– Даже не думай, Штырь, еще ожогов тут не хватало. – Страйк взялся за мобильный. – И вообще, двигай отсюда, я копам звоню.

Он набрал три девятки и продиктовал адрес. Легенда уже была готова: он вел Лэйнга до клуба, потом до квартиры, между ним вспыхнула ссора, и Лэйнг на него напал. А что здесь побывал Штырь и что Страйк взломал замки – это никого не касалось. Разумеется, у подвыпившего соседа мог развязаться язык, но Страйк рассудил, что парень предпочтет не ввязываться в это дело, чтобы в суде не возникло вопросов о его вредных привычках.

– Это заберешь с собой и уничтожишь, – распорядился Страйк, снимая неоновый жилет и передавая его Штырю. – Возьми баллон с газом – и дуй вот туда.

– Сделаем, Бунзен. Ты точно здесь один с ним справишься? – добавил Штырь, разглядывая сломанный нос Страйка, кровоточащее ухо и распоротую ладонь.

– Легко, – сказал Страйк и почему-то растрогался.

Он услышал, как Штырь забрал из комнаты металлический баллон, и вскоре увидел его проходящим по внешней галерее мимо кухонного окна.

– ШТЫРЬ!

Его старинный друг стремительно ворвался в кухню: Страйк понял, что он бежал во весь опор; тяжелый баллон был занесен для удара, но Лэйнг по-прежнему молча лежал на полу в наручниках, а Страйк покуривал у плиты.

– Ну, Бунзен, ты даешь! Я думал, он тебя повалил!

– Штырь, тебе не влом будет раздобыть тачку и прямо с утра кое-куда меня подвезти? А я тебе за это...

Страйк посмотрел на голое запястье. Часы он продал вчера, чтобы авансом расплатиться со Штырем за сегодняшнюю операцию. Что бы такое ему впарить?

– Послушай, Штырь, ты же знаешь, я скоро огребу кучу бабла. Через пару месяцев ко мне очереди стоять будут.

– Ладно уж, Бунзен, – пораскинул мозгами Штырь. – Будешь должен.

– Без базара?

– Ага. – Штырь собрался идти. – Звякнешь, когда соберешься ехать. Я пошел за тачкой.

– Только чтоб нам не загореться! – крикнул ему вслед Страйк.

Штырь вторично промелькнул снаружи мимо кухонного окна, и через считанные секунды Страйк услышал вой полицейской сирены.

– Это за тобой, Донни, – сообщил он.

И тут Дональд Лэйнг заговорил со Страйком своим голосом – в первый и последний раз.

– Твоя мать, – сказал он с густым шотландским акцентом, – была грязной потаскухой.

Страйк хохотнул.

– Возможно, – истекая кровью, сказал он из темноты под нарастающий вой сирен и затянулся сигаретой, – но она меня любила, Донни. А твоей, как мне рассказывали, на тебя было насрать, на отродье недомерка-легавого.

Лэйнг задержался, безуспешно пытаясь освободиться от наручников, но только юлой завертелся на боку.

A redcap, a redcap, before the kiss...

Blue Öyster Cult. «Before the Kiss»^[106]

В тот вечер Страйк так и не увидел Карвера. Он подозревал, что Карвер скорее прострелит себе колени, чем посмотрит ему в глаза. В небольшом кабинете при отделении реанимации его допросили в промежутке между назначенными ему процедурами двое незнакомых офицеров из Скотленд-Ярда. Ухо ему пришили, разрезанную ладонь перебинтовали, на спину, глубоко процарапанную упавшим тесаком, наложили повязку и – в третий раз за его жизнь – в результате болезненных манипуляций придали относительную симметрию носу. С вынужденными перерывами Страйк отчетливо излагал полицейским ход мыслей, который привел его к Лэйнгу. Он не преминул довести до их сведения, что две недели назад сообщил всю эту информацию по телефону одному из подчиненных Карвера, а также пытался донести ее до самого Карвера при их последнем разговоре.

– Почему вы не записываете? – спросил он офицеров, молча сидевших перед ним.

Тот, что помладше, для виду черкнул что-то в блокноте.

– Кроме того, – продолжал Страйк, – я отправил инспектору уголовной полиции Карверу письмо с уведомлением о вручении. Вчера оно уже было у него.

– С уведомлением отправили? – переспросил тот, что постарше, усатый, с грустными глазами.

– Именно так, – подтвердил Страйк. – Чтобы не затерялось.

Полицейский сделал более подробную запись.

Страйк рассказал, что недоверие полиции вынудило его продолжать слежку за Лэйнгом самостоятельно. Он вел его до ночного клуба, опасаясь, как бы тот не выискал там себе очередную жертву, а затем последовал за ним до квартиры и решил действовать в открытую. Про Алиссу, которая уверенно взяла на себя роль временной секретарши, и про Штыря, чье своевременное вмешательство избавило его от дополнительных увечий, Страйк умолчал.

– Чтобы поставить точку, – говорил Страйк офицерам, – нужно

объявить в розыск Ричи, известного также как Дикки, чьим мотоциклом пользовался Лэйнг. Хейзел сможет вам рассказать о нем в подробностях. Он всю дорогу обеспечивал Лэйнгу алиби. Подозреваю, что это мелкий преступник, который считал, что всего-навсего помогает Лэйнгу обставляться перед Хейзел или проворачивать мошеннические сделки. Похоже, умом не блещет. Думаю, он быстро расколется, как только поймет, что ему могут припаять соучастие в убийстве.

К пяти часам утра и врачи, и полицейские согласились, что Страйка можно отпустить. Полицейские предлагали его подбросить до дому, но он, решив, что они хотят как можно дольше держать его под колпаком, отказался.

– Мы не хотели бы предавать это огласке, пока не побеседуем с родственниками, – сказал молодой офицер, когда они, все трое, прощались у пандуса; ветер трепал его льняные волосы.

– Я заявлений делать не собираюсь. – Страйк широко зевнул и поискал в кармане последние сигареты. – У меня сегодня дел по горло. – Он уже сделал пару шагов, но тут его осенило. – Кстати, так что там за связь между церквями? Брокбэнк... почему Карвер решил, что это он?

– Да как вам сказать... – Усатый офицер не горел желанием делиться этой информацией. – Был там некий координатор по работе с молодежью, который перешел из Финчли в Брикстон... это ничего не дало, но, – добавил он с некоторым вызовом, – мы его задержали. Брокбэнка. Только вчера получили наводку из ночлежки для бездомных.

– Это же здорово, – сказал Страйк. – Журналисты любят педофилов. Когда будете давать пресс-конференцию, я бы на вашем месте на это и упирал.

Ни один из офицеров не улыбнулся. Страйк пожелал им удачного дня и ушел, даже не зная, хватит ли у него денег на обратную дорогу. Сигарету пришлось держать в левой руке, потому что правая отходила от анестезии. На утренней прохладе пощипывало сломанный нос.

– Ты что, мозгами трахнулся: в Йоркшир? – возмутился Штырь, когда позвонил Страйку доложить, что машина у него под задницей, и услышал, куда предстоит ехать. – В Йоркшир?

– В город Мэссем, – уточнил Страйк. – Слушай, я же тебе сказал: получу бабло – и отстегну, сколько ты скажешь. Там будет свадьба, пропустить нельзя. Штырь, время поджигает. Сколько скажешь. Я за базар отвечаю. Как смогу – так сразу.

– У кого свадьба-то?

– У Робин, – ответил Страйк.

– Во как! – расплылся Штырь. – Тогда говно вопрос, Бунзен, доставлю в лучшем виде. Говорил же тебе, чтоб не...

– ...ну да, да.

– ...и Алисса тебе говорила...

– Да уж, во все горло.

Страйк подозревал, что Штырь теперь спит с Алиссой. Не зря же он подсуетился, когда Страйк объяснил, что ищет девушку, которая могла бы без особого риска сыграть очень важную роль, чтобы заманить в ловушку Дональда Лэйнга. Алисса оценила свою услугу в сотню фунтов и добавила, что делает Страйку большое одолжение, потому как глубоко обязана его напарнице.

– Штырь, давай не сейчас – по дороге это перетрем. Мне только пожрать и под душ залезть. Если успеем, это будет такая пруха...

И вот они уже мчались в северном направлении на «мерседесе», который раздобыл Штырь: где именно – Страйк предпочел не спрашивать. Первые шестьдесят миль детектив, не спавший несколько ночей, клевал носом и очнулся, всхрапнув, только от звонка мобильного в кармане костюма.

– Страйк, – сонно сказал он в трубку.

– Отличная работа, дружище.

Звонил Уордл. Его тон не вязался с этими словами. Да и то сказать: именно Уордл руководил следствием, когда с Рэя Уильямса сняли все подозрения в убийстве Келси.

– Рад слышать, – ответил Страйк. – Ты же понимаешь: сейчас ты единственный коп в Лондоне, кто готов со мной разговаривать.

– Ну что ж делать, – полушутливо сказал Уордл. – Количество переходит в качество. Я что звоню: Ричарда нашли. Поет как кенар.

– Ричард... – пробормотал Страйк.

У него было такое ощущение, что истощенные мозги очистились от всех подробностей, которые преследовали его не один месяц. Мелькавшие за пассажирским окном деревья ласково помахивали летней зеленью. Страйк мог бы отсыпаться сутками.

– Ричи... Дикки... байкер, – напомнил Уордл.

– Да, точно. – Страйк рассеянно почесал пришитое ухо и ругнулся. – Больно, етит твою... это я не тебе... стало быть, он заговорил?

– Парень дурковатый, – сказал Уордл. – У него дома склад краденого.

– А ведь я подозревал, что наш Донни этим промышляет. Он всегда был нечист на руку.

– Там целая шайка работала. Так, по мелочи, на крупные дела не замахивались. Ричи единственный знал о двойной личине Лэйнга: думал, тот с социалкой мухлюет. Лэйнг попросил троих дружков его прикрыть, а для этого инсценировать поездку на мальчишник в Шорэм-бай-Си – именно в те выходные, когда была убита Келси. Вероятно, наплел, что у него где-то есть дамочка, о которой Хейзел знать не нужно.

– Да, пел он всегда складно, – отметил Страйк, вспомнив дознавателя на Кипре, который с готовностью снял с Лэйнга обвинения в изнасиловании.

– А как ты допер, что в те выходные их там не было? – полюбопытствовал Уордл. – У них же фотки лежали наготове, одно, другое... как ты понял, что никакого мальчишника в день ее смерти они не устраивали?

– Да очень просто, – ответил Страйк. – По чертополоху.

– То есть?

– По чертополоху, – повторил Страйк. – Чертополох в апреле не цветет. Он цветет летом и осенью – я же вырос в Корнуолле. Вспомни фото Лэйнга и Ричи на берегу... там куст чертополоха. Мне надо было сразу обратить внимание... но я постоянно отвлекался.

Закончив разговор, Страйк стал смотреть на проносившиеся мимо поля и деревья, а сам перебирал в голове события последних трех месяцев. Вряд ли Лэйнг знал о Бриттани Брокбэнк, но наверняка нарыл достаточно, чтобы знать о процессе над Уиттекером, в ходе которого тот со скамьи подсудимых процитировал «*Mistress of the Salmon Salt*». Похоже, Лэйнг расставлял на него сети, даже не рассчитывая на богатый улов.

Штырь включил радио. Страйк не спорил, хотя предпочел бы еще подремать; он опустил стекло и закурил. В ярких лучах утреннего солнца стало видно, что надетый в спешке итальянский костюм задрызган соусом и красным вином. Самые заметные присохшие кляксы удалось отскоблить, но тут ему вспомнилось нечто другое.

– Тьфу, зараза!

– Чё такое?

– Забыл кое-кого бортануть.

Штырь разобрал смех. Страйк скорбно улыбнулся, что оказалось болезненно. На лице у него не было живого места.

– Хотим свадьбу сорвать, Бунзен?

– Еще чего! – Страйк вытащил очередную сигарету. – Меня же пригласили. Как друга. Я гость.

– Ты ее с работы турнул, – сказал Штырь. – В кругах, к которым я

близок, друзей так не опускают.

Страйк хотел заметить, что в кругах, к которым близок Штырь, друзья слабо представляют, что такое работа, но воздержался.

– Она на маму твою похожа, – после долгого молчания выговорил Штырь.

– Кто?

– Кто-кто... Робин твоя. Добрая. Ребенка спасти хотела.

Страйку трудно было оправдать свой отказ от спасения ребенка в присутствии человека, которого в шестнадцать лет вытащили, окровавленного, из придорожной канавы.

– Я готов звать ее обратно, понял? Но когда она тебе в другой раз позвонит... если позвонит...

– Понял, не дурак. Сразу тебе стукну, Бунзен.

Из бокового зеркала на Страйка смотрело лицо, которое могло бы принадлежать жертве автокатастрофы. Нос побагровел и распух до невероятных размеров, левое ухо почернело. При свете дня стали особенно заметны некоторые издержки бритья левой рукой. Воображая, как он будет протискиваться в церкви на заднюю скамью, Страйк понял, что привлечет всеобщее внимание, а если Робин к тому же не пожелает его видеть, то и вовсе получится форменная сцена. Ему не хотелось портить для нее такой день. При первых же признаках недовольства, молча поклялся себе Страйк, он тут же уйдет.

– БУНЗЕН! – взволнованно заорал Штырь – Страйк даже вздрогнул. Штырь прибавил звук.

«...был арестован Шеклуэллский Потрошитель. После тщательного обыска в квартире, расположенной в жилом районе Уолластон-Клоуз, лондонская полиция предъявила обвинения Дональду Лэйнгу, тридцати четырех лет, в убийстве Келси Платт, Хизер Смарт, Мартины Росси и Сейди Роуч, в покушении на убийство Лайлы Монктон, а также в жестоком нападении на шестую женщину, имя которой не разглашается...»

– А ты, можно подумать, вообще не при делах! – расстроился Штырь, прослушав сообщение.

– Время еще не пришло, – ответил Страйк, борясь с несвойственной ему нервозностью: он уже заметил первый указатель на Мэссем. – Скажут и про меня, куда они денутся. И хорошо: мне реклама не мешает, а иначе как бизнес поднимать?

Он машинально взглянул на запястье, забыв, что часов у него больше нет, и сверился с часами на приборной доске.

– Дави на газ, Штырь. К началу не успеваем.

По мере приближения к конечной точке маршрута тревога Страйка нарастала.

Когда наконец они примчались в расположенный на холме город, служба шла уже двадцать минут. Страйк проверил по мобильному местонахождение церкви.

– Нам туда. – Он отчаянно тыкал пальцем на другую сторону рыночной площади, обширнее которой не встречал. У всех продуктовых палаток толпились люди.

Штырь, не снижая скорости, пронесся по периметру ярмарки под гневными взглядами пешеходов. Один мужчина в берете погрозил кулаком лихачу со шрамом, нарушившему покой тихого городского центра.

– Паркуйся здесь, вот прямо тут! – велел Страйк, заметив два украшенных белыми бантами синих «бентли», стоявшие у края площади; водители, сняв фуражки, преспокойно трепались и грелись на солнце.

На скрежет тормозов Штыря они обернулись. Страйк отбросил пристежной ремень; за деревьями высилась церковь. Его слегка затошнило; причиной тому, вне всякого сомнения, были две выкуренные с ночи пачки сигарет, недосып и стиль вождения Штыря.

Страйк уже отошел от машины, но ринулся обратно, пока машина не сорвалась с места:

– Жди тут. Может, я сразу вернусь.

Он заспешил, нервно поправляя галстук, мимо недоумевающих водителей, а потом вспомнил, в каком состоянии у него лицо и костюм, и вообще перестал понимать, зачем так дергается.

Прихрамывая, Страйк прошел в ворота и двинулся через безлюдный двор. Внушительное здание напомнило ему церковь Святого Дионисия в Маркет-Харборо; в ту пору они с Робин были друзьями. Тишина сонного, залитого солнцем погоста казалась зловещей. Оставив по правую руку странную, почти языческую колонну, сплошь украшенную резьбой, Страйк приблизился к тяжелым дубовым дверям, взялся за дверную ручку левой рукой и помедлил.

– Ой-ё, – пробормотал он себе под нос и с осторожностью нажал на створку.

Его встретил запах роз: белые розы Йоркшира красовались в высоких вазах и гирляндами свешивались над плотной толпой собравшихся. К алтарю тянулась вереница нарядных шляпок. Появление Страйка осталось почти незамеченным, но кое-кто вытаращил глаза. Протискиваясь вдоль задней стены, он вглядывался в дальний конец прохода.

Распущенные локоны Робин украшал веночек из белых роз. Лица ее

Страйк не видел. Гипс был снят. Длинный багровый шрам от кисти до локтя виднелся даже с такого расстояния.

– Согласна ли ты, – зазвучал голос невидимого викария, – Робин Венеция Эллакотт, взять в законные мужья этого мужчину, Мэтью Джона Канлиффа, чтобы отныне быть с ним...

Ослабевший, переволновавшийся Страйк не сводил глаз с Робин. Он не заметил, как придвинулся к цветочной композиции в элегантном бронзовом вазоне в форме тюльпана.

– ...в радости и в горе, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии, пока смерть...

– О черт! – вырвалось у Страйка.

Задетая им цветочная композиция медленно накренилась, и вазон с оглушительным лязгом поскакал по полу. Все присутствующие, включая жениха и невесту, повернулись на этот грохот.

– Господи... виноват... – беспомощно выдавил Страйк.

Из середины зала раздался мужской смех. Гости вновь повернулись к алтарю, но несколько человек еще сверлили Страйка гневными взглядами, пока не опомнились.

– ...не разлучит вас, – с ангельским терпением закончил викарий.

Красавица-невеста, ни разу не улыбнувшаяся за все время службы, вдруг просияла.

– Согласна, – звонко ответила она, глядя прямо в глаза... нет, не застывшему жениху, а еле живому, израненному человеку, опрокинувшему ее цветы.

Благодарности

Не припомню, чтобы написание какого-либо романа доставило мне столько удовольствия, как работа над «На службе зла». Хотя из-за мрачного сюжета это звучит странно. К тому же последний год был на редкость загруженным – постоянно приходилось переключаться с одного проекта на другой, а мне это совсем не по душе. Тем не менее Роберт Гэлбрейт всегда был для меня своеобразной отдушиной; не подвел он меня и в этот раз.

Должна непременно поблагодарить свою постоянную рабочую группу, которая позаботилась о том, чтобы моя некогда тайная вторая натура и сегодня доставляла нам удовольствие: моего несравненного редактора Дэвида Шелли – «крестного отца» всех четырех романов, который всякий раз превращал в сказку процесс редактирования; моего замечательного агента и друга Нила Блэра, который с самого начала оказал Роберту большую поддержку; Диби и SOBE, которые позволили мне до основания вычистить их военные мозги; Back Door Man – лучше не буду говорить за что; Аманду Дональдсон, Фиону Шепкотт, Анджелу Милн, Кристин Коллингвуд, Саймона Брауна, Кайсу Тиенсу и Данни Камерон, без чьей самоотверженной работы у меня бы просто не осталось времени на мою собственную, а также команду мечты – Марк Хатчинсон, Никки Стоунхилл и Ребекка Солт, – без которой, прямо скажем, я была бы просто развалиной.

Особую благодарность хочу выразить представителю военной полиции, который организовал для меня увлекательную экскурсию в 35-е отделение Управления специальных расследований Королевской военной полиции в Эдинбургском замке. Также благодарю двух женщин-полицейских, которые не арестовали меня, когда я со всех сторон сфотографировала выпускающий атомные субмарины завод в Бэрроу-ин-Фернесс.

Всех авторов текстов, которые работали с *Blue Öyster Cult*. Спасибо за такие замечательные песни и за то, что разрешили мне использовать некоторые строчки в этом романе.

Дети мои, Декка, Дейви и Кенз, не передать словами, как я вас люблю. Спасибо, что с пониманием отнеслись к тем периодам, когда мой кровосос писательства проявлял особую активность.

Наконец, больше всего я благодарна Нилу. В том, что касается этой книги, он помог мне больше всех.

‘Career of Evil’ (ctp. 8) Words by Patti Smith. Music by Patti Smith and Albert Bouchard © 1974, Reproduced by permission of Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘This Ain’t the Summer of Love’ (ctp. 9, 77, 334) Words and Music by Albert Bouchard, Murray Krugman and Donald Waller © 1975, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD and Peermusic (UK)

‘Madness to the Method’ (ctp. 13, 216, 426) Words and Music by D Trismen and Donald Roeser © 1985, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘The Marshall Plan’ (ctp. 17) Words and Music by Albert Bouchard, Joseph Bouchard, Eric Bloom, Allen Lainer and Donald Roeser © 1980, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Mistress of the Salmon Salt (Quicklime Girl)’ (ctp. 23, 84) Words and Music by Albert Bouchard and Samuel Pearlman © 1973, Reproduced by permission of Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Astronomy’ (ctp. 26) Words and Music by Albert Bouchard, Joseph Bouchard and Samuel Pearlman © 1974, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘The Revenge of Vera Gemini’ (ctp. 36) Words by Patti Smith. Music by Albert Bouchard and Patti Smith © 1976, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Flaming Telepaths’ (ctp. 41) Words and Music by Albert Bouchard, Eric Bloom, Samuel Pearlman and Donald Roeser, © 1974, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Good to Feel Hungry’ (ctp. 50) (Eric Bloom, Danny Miranda, Donald B. Roeser, Bobby Rondinelli, John P. Shirley). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music and Triceratops Music

‘Lonely Teardrops’ (ctp. 53) Words and Music by Allen Lanier © 1980, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘One Step Ahead of the Devil’ (ctp. 60) (Eric Bloom, Danny Miranda, Donald B. Roeser, Bobby Rondinelli, John P. Shirley). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music and Triceratops Music

‘Shadow of California’ (ctp. 62) Words and Music by Samuel Pearlman

and Donald Roeser © 1983, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd/ Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘O.D.’D On Life Itself ’ (ctp. 85) Words and Music by Albert Bouchard, Eric Bloom, Samuel Pearlman and Donald Roeser © 1973, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘In the Presence of Another World’ (ctp. 94, 242) Words and Music by Joseph Bouchard and Samuel Pearlman © 1988, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Showtime’ (ctp. 108) (Eric Bloom, John P. Trivers). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music

‘Power Underneath Despair’ (ctp. 117) (Eric Bloom, Donald B. Roeser, John P. Shirley). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music and Triceratops Music

‘Before the Kiss’ (ctp. 123, 512, 520, 527) Words and Music by Donald Roeser and Samuel Pearlman © 1972, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD Words taken from

‘Here’s Tae Melrose’ (ctp. 123) by Jack Drummond (Zoo Music Ltd)

‘The Girl That Love Made Blind’ (ctp. 139) Lyrics by Albert Bouchard

‘Lips in the Hills’ (ctp. 141, 271) Words and Music by Eric Bloom, Donald Roeser and Richard Meltzer © 1980, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Workshop of the Telescopes’ (ctp. 150) (Albert Bouchard, Allen Lanier, Donald Roeser, Eric Bloom, Sandy Pearlman)

‘Debbie Denise’ (ctp. 154, 256) Words by Patti Smith. Music by Albert Bouchard and Patti Smith © 1976, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Live for Me’ (ctp. 171) (Donald B. Roeser, John P. Shirley). Reproduced by permission of Triceratops Music

‘I Just Like to Be Bad’ (ctp. 184, 267) (Eric Bloom, Brian Neumeister, John P. Shirley). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music

‘Make Rock Not War’ (ctp. 193) Words and Music by Robert Sidney Halligan Jr. © 1983, Reproduced by permission of Screen Gems-EMI Music Inc/EMI Music Publishing Ltd, London W1F 9LD

‘Hammer Back’ (ctp. 207) (Eric Bloom, Donald B. Roeser, John P. Shirley). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music and Triceratops

Music

‘Death Valley Nights’ (ctp. 232) Words and Music by Albert Bouchard and Richard Meltzer © 1977, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Outward Bound (A Song for the Grammar School, Barrow-in-Furness)’ (ctp. 240, 241) Words by Dr Thomas Wood

‘Tenderloin’ (ctp. 279) Words and Music by Allen Lainer © 1976, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd/ Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘After Dark’ (ctp. 287) Words and Music by Eric Bloom, L Myers and John Trivers © 1981, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘(Don’t Fear) The Reaper’ (ctp. 295, 486) Words and Music by Donald Roeser © 1976, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘She’s As Beautiful As A Foot’ (ctp. 300–303) (Albert Bouchard, Richard Meltzer, Allen Lanier)

‘The Vigil’ (ctp. 302) Words and Music by Donald Roeser and S Roeser © 1979, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Dominance and Submission’ (ctp. 317) (Albert Bouchard, Eric Bloom, Sandy Pearlman)

‘Black Blade’ (ctp. 321) Words and Music by Eric Bloom, John Trivers and Michael Moorcock © 1980, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC and Action Green Music Ltd/ EMI Music Publishing Ltd, London W1F 9LD

‘Dance on Stilts’ (ctp. 340, 341) (Donald B. Roeser, John P. Shirley). Reproduced by permission of Triceratops Music

‘Out of the Darkness’ (ctp. 347, 363) (Eric Bloom, Danny Miranda, Donald Roeser, John D. Shirley). Reproduced by permission of Six Pound Dog Music and Triceratops Music

‘Searchin’ for Celine’ (ctp. 359) Words and Music by Allen Lainer © 1977, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Burnin’ for You’ (ctp. 374) Words and Music by Donald Roeser and Richard Meltzer © 1981, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Still Burnin’ (ctp. 381) (Donald B. Roeser, John S. Rogers). Reproduced by permission of Triceratops Music

‘Then Came The Last Days of May’ (ctp. 395) Words and Music by Donald Roeser © 1972, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Harvester of Eyes’ (ctp. 397) Words and Music by Eric Bloom, Donald Roeser and Richard Meltzer © 1974, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Subhuman’ (ctp. 410) (Eric Bloom, Sandy Pearlman)

‘Dr. Music’ (ctp. 411) Words and Music by Joseph Bouchard, R Meltzer, Donald Roeser © 1979, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Harvest Moon’ (ctp. 412) (Donald Roeser). Reproduced by permission of Triceratops Music

‘Here Comes That Feeling’ (ctp. 421) (Donald B. Roeser, Dick Trismen). Reproduced by permission of Triceratops Music

‘Celestial the Queen’ (ctp. 438) Words and Music by Joseph Bouchard and H Robbins © 1977, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Don’t Turn Your Back’ (ctp. 444) Words and Music by Allen Lainer and Donald Roeser © 1981, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘X-Ray Eyes’ (ctp. 456) (Donald B. Roeser, John P. Shirley). Reproduced by permission of Triceratops Music

‘Veteran of the Psychic Wars’ (ctp. 467) Words and Music by Eric Bloom and Michael Moorcock © 1981, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC and Action Green Music Ltd/ EMI Music Publishing Ltd, London W1F 9LD

‘Spy in the House of the Night’ (ctp. 474) Words and Music by Richard Meltzer and Donald Roeser © 1985, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Vengeance (The Pact)’ (ctp. 497, 517) Words and Music by Albert Bouchard and Joseph Bouchard © 1981, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Sole Survivor’ (ctp. 501) Words and Music by Eric Bloom, L Myers and John Trivers © 1981, Reproduced by permission of Sony/ATV Music Publishing (UK) Ltd, Sony/ATV Tunes LLC, London W1F 9LD

‘Deadline’ (ctp. 508) (Donald Roeser)

notes

СНОСКИ

Я украду, что не спрячешь ты,
И, ты знаешь, никогда не повинюсь.
Ты моя с потрохами.
Я состою на службе зла.

(«На службе зла», слова Патти Смит) (англ.)

С альбома «Secret Treaties» (1974) группы Blue Öyster Cult. (Здесь и далее примеч. перев.)

«Это не лето любви» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Angels of Fortune» (1976).

Но с камнем в окошко поцелуй не влетит («Безумие в системе») (англ.). С альбома «Club Ninja» (1985). В названии песни – аллюзия к реплике Полония: «Хоть это и безумие, но в нем есть система» (У. Шекспир. Гамлет. Акт II, сц. 2. Перев. А. Радловой).

Жак Бургер (р. 1983) – регбист, капитан сборной Намибии; с 2009 г. играет за лондонский профессиональный клуб «Сарацины». В 2015 г. объявил об уходе из международного спорта после травмы в матче со сборной Грузии.

Полгероя в бессердечной игре («План Маршалла») (*англ.*). С альбома «Cultösaurs Erectus» (1980).

«Созрел урожай всех тела частей – и рук, и ног, и лебяжьих шей,
что ниц упадут в мольбе своей» (*англ.*).

«Госпожа лососевой соли» (англ.).

С альбома «Tyranny and Mutation» (1973).

Девчонка-Негашенка (*англ.*).

В Баре Четырех Ветров
Что ни рама – то засов
Нам открыта дверь одна,
Другая в ней отражена...

(«Астрономия») (англ.)

С альбома «Secret Treaties» (1974).

Чувство вины – ад («Местъ Веры Джемини», слова Патти Смит)
(англ.). С альбома «Agents of Fortune» (1976).

Образ действия (*лат.*).

Разве это странно, что мой мозг в огне? («Телепаты жгут») (*англ.*).
С альбома «Secret Treaties» (1974).

«Голод приятен» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Я вижу роз букет,
К ним тянусь – их уж нет.

(«Одинокие слезы») (англ.)

С альбома «Mirrors» (1979).

Spearmint Rhino – международная сеть стрип-клубов, существует с 1989 г.

«На шаг обгоним мы черта» (*англ.*) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

От быльи – без любви

(«Тень Калифорнии») (англ.).

С альбома «The Revölution by Night» (1983).

Неофициальное название небоскреба «Сент-Мэри-Экс, 30» в Лондоне.

Bell Foundry – старейшая действующая мануфактура в мире, выпускает колокола в течение почти шести веков. Именно здесь был, например, отлит в 1752 г. знаменитый Колокол свободы, возвестивший независимость США от Великобритании.

«ЛОЖЬ: Культ любви и террора» (англ.).

Как же все легко снаружи,
С изнанки все не так забавно.

(«Это не лето любви») (англ.)

С альбома «Angels of Fortune» (1976).

...в кровавых письменах

(«Передоз жизни») (англ.).

С альбома «Tyranny and Mutation» (1973).

Распахнулся настезь мир иной

(«Распахнулся настезь мир иной») (англ.).

С альбома «Imaginos» (1988).

Grand National – всемирно известные скачки, которые ежегодно проводятся на ипподроме Эйнтри в Англии.

Хопалонг Кэссиди – вымышленный ковбой, впоследствии ставший героем американского фольклора, главный персонаж серии рассказов Кларенса Малфорда, публиковавшихся с 1904 г., затем – радиопередач и кинофильмов; с 1930-х гг. образ Хопалонга ассоциируется с актером Уильямом Бойдом.

Американское ар-эн-би-трио (1990–2005), в состав которого входили Бейонсе, Келли Роулэнд и Мишель Уильямс.

«Выживший» (англ.).

Nowhere to turn (*англ.*) – некуда податься.

...ты думала, я пропаду,
Но я тебя, крошка, спорим, найду.

(«Представление начинается») (англ.)

С альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Где тот тип с золотистой тату?

(«Сила, скрытая отчаянием») (англ.).

С альбома «Heaven Forbid» (1998).

Хватай свою розу – и за лучший стол.
Я как дома: в «Конриз-бар» зашел.

(«Перед поцелуем») (англ.)

С альбома «Blue Öyster Cult» (1972).

Строго говоря, эта песня называется «Before the Kiss, a Redcap», где *redcap* – это фольклорный персонаж, злой гоблин в шапке, красной от крови его жертв. Этим же словом в Англии называют военных полицейских.

Вот наш город,
Любимый наш город,
Пусть же он цветет вовек.
Пьем за Мелроуз,
Шотландии гордость,
Где свободен человек

(англ.).

«Ослепнув от любви» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Imaginos» (1988).

Я обнажен, изоляции нет («У холмов есть губы») (*англ.*). С альбома «Cultösaurs Erectus» (1980).

«Телескопная мастерская» (*англ.*) – песня *Blue Öyster Cult* с их первого альбома «Blue Öyster Cult» (1972). Так же назывался их двойной сборник хитов, выпущенный в 1995 г.

Кто б мог подумать, что она в тоске («Дебби Дениз», слова Патти Смит) (*англ.*). С альбома «Agents of Fortune» (1976).

Титания и *Оберон* – персонажи комедии У. Шекспира «Сон в летнюю ночь».

Истина в вине (*лат.*).

«Мышеловка» – детективная пьеса Агаты Кристи; поставлена в лондонском Вест-Энде в 1952 г. и не сходит с подмостков по сей день, побивая все рекорды непрерывности показов.

Респектабельный отель-таунхаус; назван в честь классика английской эссеистики Уильяма Хэзлитта, скончавшегося в этом доме в 1830 г.

...вот черт: звонок,
Я узнал то, что знал и знать бы не хотел.

(«Живи ради меня») (англ.)

С альбома «Heaven Forbid» (1998).

Я не сдаюсь, но я не волчара,
Я без труда включаю чары.

(«Просто люблю делать гадости») (англ.)

С альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Миг наслажденья, где царит лишь боль («Рок вместо войны») (*англ.*).
С альбома «Club Ninja» (1985).

Сделай шаг в миры чужие,
В целое море иксов...

(«Курок взведен») (англ.)

С альбома «Heaven Forbid» (1998).

Стэн Лорел (Артур Стэнли Джефферсон, 1890–1965) – комедийный актер, сценарист и режиссер, ставший известным благодаря комическому дуэту «Лорел и Харди», выступавшему более тридцати лет.

Труд побеждает все (*лат.*).

Лоури, Лоуренс Стивен (1887–1976) – английский художник, известный городскими пейзажами и сценами из жизни в промышленных районах на севере Англии в начале XX в.

Holly (*англ.* падуб, остролист: традиционное рождественское украшение), а также английское мужское и женское имя; Noel (*англ.* Рождество, рождественский гимн) – английское мужское и женское имя.

Для беседы есть время, и есть время для ссор («Безумие в системе») (англ.). С альбома «Club Ninja» (1985).

Всюду пустыня,
сказочный кайф...

(«Ночи в Долине смерти») (англ.)

С альбома «Spectres» (1977).

Друзья познаются в игре и веселье,
За пеньем вечерним, за чтеньем дневным...

(англ.)

Огни на причале, широкий фарватер,
Над чайками стаяй плывут облака...

(англ.)

Приходит злая весть... («Распахнулся настуж мир иной») (*англ.*).
С альбома «Imaginos» (1988).

...о, Дебби Дениз была мне верна,
Всегда терпеливо ждала у окна.

(«Дебби Дениз», слова Патти Смит) (англ.)

С альбома «Agents of Fortune» (1976).

«Я люблю быть плохим» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Схвачен тем, что назвать не могу... («У холмов есть губы») (англ.).
С альбома «Cultösaurs Erectus» (1980).

Devotee (*англ.*) – приверженец, фанатик.

От неологизма *transvalid* и слова *hopeful* (надеющийся на что-либо; кандидат на что-либо).

Ночь цветов и сумрак розы,
Сад свои не прячет грезы.

(«Злачное место») (англ.)

С альбома «Agents of Fortune» (1976).

Онлайн-платформа для организации сбора средств на благотворительные цели.

А что в уголочке?
Не видно во тьме.

(«После темноты») (англ.)

С альбома «Fire of Unknown Origin» (1981).

Распахнулись двери – на пороге ветер («(Не) бойся Темного Жнеца»)
(англ.). С альбома «Agents of Fortune» (1976).

«Вся изящная, как стопа» (*англ.*) – название и первая строка песни с первого альбома группы («Blue Öyster Cult», 1972).

Вся ложь не в счет, а шепот прав («Бдение») *(англ.)*. С альбома «Mirrors» (1979).

«Властность и подчиненье» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Secret Treaties» (1974).

Вроде, удача отвернулась от меня... («Черный клинок») (англ.). С альбома «Cultösaurs Erectus» (1980). Песня написана совместно с Майклом Муркоком от лица Элрика – самого знаменитого персонажа этого английского фантаста.

Это не райские кущи («Это не лето любви») (*англ.*). С альбома «Agents of Fortune» (1976).

«Танец на ходулях» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

«У меня свидание, дал себе задание...» (англ.) – из вышеупомянутой песни *Blue Öyster Cult* «Dance on Stilts».

Та дверь – в две стороны («Из темноты») (*англ.*). С альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

...любовь – это ствол,
Коль попадет к такой, как ты, –
Наверно, убьет.

(«В поисках Селин») (англ.)

С альбома «Spectres» (1977).

Пугало машет тебе сквозь туман («Из темноты») (*англ.*). С альбома «Curse of the Hidden Mirror» (2001).

Живу для того, чтоб платить Сатане («Пылаю тобой») (*англ.*).
С альбома «Fire of Unknown Origin» (1981).

Фрейд, мне душу не трави («Еще горит») (*англ.*). С альбома «Blue Öyster Cult» (1972).

Ганс Слоун (тж. Ганс Слоан, 1660–1753) – английский медик, натуралист, коллекционер, президент Лондонского королевского общества (занявший этот пост после Ньютона), иностранный и почетный член Российской академии наук. Его именем названа площадь Слоун-Сквер в описываемом районе Лондона (Челси), где он и жил.

«Май приближался к концу» (*англ.*) – песня *Blue Öyster Cult* с их первого альбома, «Blue Öyster Cult» (1972).

Урожаем глаз я горд («Сборщик урожая глаз») (*англ.*). С альбома «Secret Treaties» (1974).

«Заведи меня» (*англ.*) – песня с альбома «Tattoo You» (1981).

«Электрические ли „Друзья“?» (англ.) – песня Гэри Ньюмана, сингл нью-уэйв-группы *Tubeway Army*, выпущенный в мае 1979 г. и ставший в Англии хитом номер один.

«Девочки просто хотят повеселиться» (*англ.*) – песня Роберта Хазарда, ставшая хитом в исполнении Синди Лопер (альбом «She's So Unusual», 1983).

«Путь только вверх» (*англ.*) – танцевальный хит 1988 г., исполненный британской певицей Ясмин Эванс, выступавшей под псевдонимом *Yazz*.

«Недочеловек» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Secret Treaties» (1974).

«Доктор музыка» (*англ.*) – с альбома «Mirrors» (1979).

Слух ласкает крик твой,
В нем искренности море...

(англ.)

Я чую мрак яснее («Полнолуние») (*англ.*). С альбома «Heaven Forbid» (1998).

«Грядет то чувство» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с первого альбома группы, «Blue Öyster Cult» (1972).

В эту ночь на охоту выбирается маньяк («Безумие в системе») (*англ.*).
С альбома «Club Ninja» (1985).

Культ смерти (*англ.*).

Места мне нет, лишился ума... («Королева небесная») *(англ.)*.
С альбома «Spectres» (1977).

Не подставляй ни спину, ни бок,
Не торопи напрасно свой черед.

(«Не подставляй спину») (англ.)

С альбома «Fire of Unknown Origin» (1981).

Не завидуй тому, чьи глаза – рентген («Глаза-рентген») (*англ.*).
С альбома «Heaven Forbid» (1998).

Смотри: вот я – участник сотен психотропных войн... («Ветеран психотропных войн») (*англ.*). С альбома «Fire of Unknown Origin» (1981). Песня написана совместно с Майклом Муркоком, причем слова «veteran of a thousand psychic wars» позаимствованы из композиции группы *Hawkwind* «Standing on the Edge» с альбома «Warrior on the Edge of Time» (1975), в записи которого также принимал участие Муркок.

И коль ты впрямь не будешь там,
Ну что ж, там буду я.

(«Шпион в доме ночи») (англ.)

С альбома «Club Ninja» (1985).

Наступил скорбный вечер,
И стало ясно: дальше ей не жить.

«(Не) бойся Темного Жнеца» (англ.)

С альбома «Agents of Fortune» (1976).

Жизнь поправ и месть свершив,
Мы с тобой выполним пакт.

(«Мщенье (Пакт)») (англ.)

С альбома «Fire of Unknown Origin» (1981).

Лишь спаситель, новым зреньем клят,
Выжив, плачем совершил обряд.

(«Тот, кто выжил») (англ.)

С альбома «Fire of Unknown Origin» (1981).

«Никогда не покину тебя» (*англ.*) – песня Дэниела Бедингфилда с альбома «Gotta Get Thru This» (2002), в июле 2003 г. поднявшаяся на первое место в британском чарте.

«Крайний срок» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Cultösaurs Erectus» (1980).

Опасен газ и роз мотив («Перед поцелуем») (*англ.*). С альбома «Blue Öyster Cult» (1972).

Реплика Сартаны – персонажа, сыгранного Джессикой Альбой в фильме Роберта Родригеса «Мачете» (2010).

«Горячие рельсы в ад» (*англ.*). С альбома «Tyranny and Mutation» (1973).

«Мщенье (Пакт)» (англ.) – песня *Blue Öyster Cult* с альбома «Fire of Unknown Origin» (1981).

Wild Flag – вашингтонско-портлендская супергруппа, состоявшая из участниц инди-групп *Sleater-Kinney*, *Helium*, *The Minders*, работала в 2010–2014 гг.

И наконец пришла пора
Узор из розы растоптать.

(«Перед поцелуем») (англ.)

С альбома «Blue Öyster Cult» (1972).

Вот «Красная Шапка» – и поцелуй... («Перед поцелуем») (*англ.*).
С альбома «Blue Öyster Cult» (1972). См. прим. на с. 123.